

Яков Кротов

ХРИСТИАНСТВА

136 тысяч слов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Тысяча слов о вере	3
Христианство по мере сил.....	6
Христианство в афоризмах	113
Христианство по Символу веры	165
Христианство по Евангелию от Марка	235
Христианство в анекдотах	473

ТЫСЯЧА СЛОВ О ВЕРЕ

Не верю я, грешный, что вера противоречит знанию и несовместима с наукой. С наукой пьянство несовместимо, так оно и с верой несовместимо. Не верю я, что наука доказала, будто Бога нет или что Бог есть. Учёные умные люди и не занимаются тем, что вне их компетенции.

Не верю я, что назвать верующего невротиком — доказательство небытия Божия. Невротики существуют, Бог существует, невротическая вера бывает, но цинизм не наука, а ещё один невроз.

Не верю, что если есть невротики, фанатики, учёные, изобретатели, то Бога нет. Даже существование инквизиции не доказывает несуществования Бога. Всё это доказывает, что человек способен и на творчество, и на агрессию, то есть, на свободу. Так и слава Богу!

Не верю я, что называть Бога Отцом означает всего лишь проецировать на небо своё тяжёлое или счастливое детство. Не верю я, что люди не понимают условности всякого сравнения, как не верю, что: если человек может быть отцом, то отцом не может быть Бог. Иногда сравнение это всего лишь сравнение.

Не верю я, что богов много. Желающих быть богами — да, много, идолов — выше крыши (буквально, вечно норовят на крышу поставить). Не верю я и в то, что люди, поклоняющиеся разнообразным божествам, непременно идолопоклонники. Они просто слишком внимательны к эху — отражению голоса Бога от многочисленных препятствий. Не верю я, что Бог не услышит их молитв — уж Он-то знает, где эхо, а где настоящий голос человека.

Подавно я не верю, что Бог сердится на настоящих идолопоклонников, которые вообще не молятся, потому что их боги — собственное пузо и то, что повыше и пониже, их молитвы — цинизм и отчаяние. Не верю я, что Бог даст им пропасть.

Не верю я, что мир случаен, потому что верую в Бога Творца. Подробности творения вторичны, но что Бог именно творец — это реальность, как светлость света. Творение — главное невероятное, главное чудо, все остальные чудеса вторичны. Верно шутил Златоуст о воскресении: зажечь потухшую свечу меньше чудо, чем создать свечу из ничего. Я верую, что главное чудо — что Бог не злоупотребляет чудесами, вопреки нашим молитвам.

Не верю я, что троичность Бога это такой уж бином Ньютона, как не верю в то, что эту троичность можно понять и описать. Я бы предпочёл, чтобы слово «троица», «триада» осталось в древнегреческой философии и не путалось под ногами, но я не верю в то, что понятно лишь упрощённое, тем более не верю, что любить можно только простейшее и понятное, так и до амёб можно деградировать.

Я не верю в то, что у Бога может быть сын — но ещё больше я не верю в то, что Бог не может быть и Отцом, и Сыном, и Духом. Мы должны слушать Божье «можно», а не Бог — наши «нельзя».

Я не верю в то, что бывают полубоги, что женщине возможно рожать от Бога или что человеку возможно быть Богом. Именно поэтому я не верю, что Иисус — полубог, незаконнорождённый Бог, человек, избранный Богом, сделавшийся Богом, отмеченный Богом и всякое такое.

Правда, я не верю и в то, что Иисус — великий мудрец, с которым случилось великое несчастье: не сумел ни учеников подобрать без Иуды, не сумел наладить отношения с нужными людьми, не сумел создать тайный союз мудрецов, чтобы те просвещали и направляли мир. Герои третьеразрядных сериалов про всякие мистические организации типа масонов это умеют, а Он, видите ли, выходит сплошной Чацкий с Гамлетом?!

Не верю, что Иисус не сделал того, что хотел, как не верю в то, что Он хотел не того, что хотел Бог.

В общем, не верю я в то, что Бог может стать человеком. Я верю не в «может», а в «стал». Я верю не в возможное или невозможное, а в реальное. В реальности Иисус — тот же Один Бог. Вера это и есть знание реального, хотя и невозможного. В возможное реальное и верить не надо, его просто надо знать и изучать. Н

Не верю, что Иисус Бог потому, что Он что-то умное с добрым говорил и за это пострадал. Много, к сожалению, таких страдальцев (впрочем, почему «к сожалению»? к сожалению, их всё же меньше, чем обывателей с конформистами).

Не верю, что доброта и сострадание могут сделать Богом, как не верю в то, что сострадание Иисуса — человеческое, сострадание товарища по несчастью, а не Божие, сострадание Творца счастья, меняющее всё в мире и, что важнее, во мне.

Кстати, я не верю, что Иуда сделал что-то ужасно важное. Грех ужасен, но не важен. Важно не грешить.

Не верю я, что существование тысяч лже-мессий доказывает, что Иисус мессией не был. Существование поддельных драгоценностей не означает, что драгоценностей не бывает. Не верю я и в то, что можно без веры отличить ложного мессию от настоящего. Даже антихристу нужна вера, только антихрист за нашу веру платит, а Христос за нашу веру расплачивается.

Не верю я, что Христос пришёл уничтожить религию, оставив одну религиозность, я вообще не верю, что пошлость — лучшее лекарство от насморка, ханжества и прочей дряни. Верю, что возможна бездушная религия и бездуховная духовность, но Духа Божия это не отменяет — вдохни и дыши, а не оправдывайся тем, что другие не дышат.

Не верю я и в то, что церквей много и все хороши. Хороша лишь единая Церковь, как человечно лишь единое человечество.

Не верю я, что эта единая Церковь вроде невидимого союза умных и добрых людей. Умные и добрые знают, что союзы умных и добрых не спасут мир. Не верю, что такой единой Церкви нет, хотя выдавать явки не стану, сами найдёте, кто всерьёз ищет.

Не верю я, что люди всерьёз согласны жить до смерти и ни минутой больше. Не верю я и в бессмертие благодаря прогрессу медицины. Медицина-то прогрессирует, а душа — отнюдь. Бессмертная мёртвая душа... Да лучше смерть! Мёртвые души придумали ад, а Христос ад передумал.

Не верю я, что Бог не хочет рая для всех, как не верю в то, что Бог не сделает, чего хочет, хотя не понимаю, какой может быть рай для того, кто устраивает окружающим ад. Так вера и начинается там, где кончается понимание. Ад понятен, ад практичен, на него похожа наша жизнь, и большинство притерпелось. Так ведь рай не для большинства и для всех, а для каждого. Жизнь вечная это единство одного с каждым, и не верю я, что в каждом человеке не найдёт Бог этого одного.

ХРИСТИАНСТВО ПО МЕРЕ СИЛ

БАЦ И БОГ

У каждого человека есть бац. Должен быть. Среди моих друзей, к примеру, Айме Пирсалу: хрупчайшая воздушная дама 80 лет, очень похожая на британскую королеву, многодетная мать и бабушка, учительница, православная. Эстонка, и в детстве была отправлена в Сибирь. Побывать в депортации, на каторге, это феноменально, но это не бац. «Бац» — что она чемпионка советско-российской империи по фехтованию. В юности, в юности. Многодетность не оставляет времени на фехтование, только вот титул никуда не исчезает. Дети разъезжаются, фехтовальное чемпионство остаётся.

Другая моя подруга, которую невозможно не называть Машей, хотя она Мария и Рябикова, ещё более менее телесная, чем Айме. Друзья называют её Девушкой с Доской, потому что Маша — и не юности, а во вполне зрелом возрасте — занималась воздушным серфингом. Это на доске для серфинга, да не по морям, по волнам, а по воздуху. Подняться на несколько километров и оттуда на доске, с закрытым парашютом, спускаться, выделявая всякие фигуры.

«Бац» всегда потому бац, что он противоречит всему, что вытекает из наших знаний о человеке. Историк Церкви Михаил Бабкин: архивы, архивы, архивы... Фамилия тоже... не Кротов, конечно, но тоже такая... архивистская... И вдруг бац — играет на гармошке, виртуозно играет. Этого не должно быть, в архиве нельзя играть на гармошке! Но у всякого баца есть рациональное объяснение, только редко явное. В данном случае: океанограф он! Бывший, но ходил на кораблях вокруг земного шара, а уж в океане на гармошке — святое дело.

Бывают бацы приятно-неожиданные, бывают бацы, конечно, и противоположные. Вот Джек-потрошитель. Как посмотреть? Джек, потрошитель — и вдруг бац, а он принц Уэльский, будущий король Англии. Это, между прочим, самая вероятная вероятность. Или надо смотреть иначе: наследный принц и вдруг — бац, а он Джек Потрошитель?

На первый взгляд бацы очень похожи на лошадок, то есть, на хобби, только вот хобби выбирают, а с бацами всё сложнее. Двое моих

друзей, люди в высшей степени разные — один православный политик, даже в депутатах был, другой программист — были бригадиром шабашников. Послушайте, бригадиров шабашников можно на Марс посылать, причём постройку корабля, набор команды, все исследования и т.п. человек, который побывал бригадиром шабашников в 1970-е годы возьмёт на себя, только дайте денег и спирта. Деньги для него, спирт для правоохранительных правоохранников — шабашничество есть такое беззаконное творчество, как и любое истинное творчество, только, в отличие от поэзии, оно нарушает не только законы природы и декалог Моисея, но и советское законодательство, причём всё подряд. Но зато какой результат! А ведь это исключительно от нужды, корысти ради, включая волю посланной куда подалеже жены, дочери, сына, и ещё дочери, и ещё сына. Тем не менее, этот бац — вполне полноценный бац. Тихие, мирные люди — но бац заснувший не буди. Будет, может, хуже, может, лучше, но будет непредсказуемо.

Бац похож на Бога (или Бог на баца) именно непредсказуемостью. Вот военный — и вдруг оказывается, что он верующий в Бога. Не посещающий храм (хотя и это не исключено, даже посещающие храм могут оказаться верующими), а вот прямо-таки просто верующий. У него Бог как бац — засел где-то внутри и в решающий момент, когда нужно нажать на курок, такой военный — бац! — и не нажмёт. Причём, Бог тут именно как бац, а не как у каких-нибудь христианских отказников типа меннонитов или Свидетелей Иеговы, которые живут с лозунгом «Я отказываюсь служить в армии». С теми всё просто, у них неслужение в армии не вопрос веры, а догмат вероучения — и при этом совершенно не исключён «бац», возьмёт, да и выстрелит в третьем, к примеру, акте. Ну как «выстрелит» — будет отстреливаться. А вот солдат, у которого Бог как бац, волдырь, хобби — служить служит, а в решающий момент бац — и не нажмёт...

Бац, выходит, это нечто эксцентричное, делающее поведение не просто непредсказуемым, а странно непредсказуемым, иногда непредсказуемым, а иногда очень даже предсказуемым. Эксцентриков много, эксцентричных эксцентриков мало. Дополнительный центр, вроде бы даже внешний центр, где-то с боку-припёку центр, который не даёт себя знать, не даёт, не даёт, а потом каак даст — мама-негорюй!

Бог есть Бац. Не Биг Бэнг — Большой Взрыв. Творение мира есть не бац, а результат Баца с большой буквы, следствие эксцентричности Бога. Не должен Бог творить мир, не может Бог быть Творцом, как не может хрупкая девушка бесстрашно страшно крутиться на доске в поднебесье, но вот же — Бац — и мы есть, и всё есть, а у Него суббота. Отдыхает от Баца. Тем более, там еще бац — и Вифлеем. Бац — и Голгофа. Воскресение, кстати, это вовсе не бац, это как раз естественно, когда Бог берёт в Боге верх над Бацем. Вот Вознесение — это Бац, да ещё какой — ну надо же было остаться воочию, во плоти, нашёл время и место скайсерфингом заняться!

Бог есть, Бог есть, Бог очень даже есть, и вдруг бац — Бога нет. Вознёсся. Хобби у Него такое — не быть рядом в самый ответственный момент. А рассердиться на Него — глупо. Ведь Он же такой же, как и мы. То есть, вообще-то мы такие же, как Он — некто, способный быть другим. Тварь, способная на бац. На непредсказуемость. Не на грех или добродетель, это отдельная поэму экстаза, а именно на непредсказуемость. Потребность в баце огромная — отсюда и хобби, отсюда и некоторые неприятности вроде национализма. То есть, живёт человек и вдруг — бац! — а он националист. Господи, ну с какой стати? Ты в зеркало на себя посмотри! Такой микс, что коктейль «Оргазм на пляже» может показаться гомогенизированной карамелью, а туда же... Но человеку важно, что он не только типа поэт и гражданин, муж, отец, офисный планктон, ему важно, что он — бац! — ещё немножечко Моби Дик. Арий. Гунн. Скиф. Вамп. Этруский. Только это фальшивый бац, ненастоящий и вредный, хотя в нормальных условиях безопасный. Хуже только фальшивый бац из религии, бац из Бога, когда Непредсказуемого превращают в ходячую предсказуемость и пошлость.

Искать баца надо не пижонского, а опасного как острие рапиры, как прыжок с неба на доске, как работа в стране, где работать запрещено, разрешено только править и быть правимым. Искать надо баца типа Бога, чтобы не вписывал в мир поизящнее, а чтобы дёргал и выдирал из мира, чтобы бац — и щёку подставил, бац — и не обиделся, бац, наконец — и не обидел. Хотя по всем данным должен был бы, вот — бац, бац, бац и ещё немножечко, как сказано в Библии — довольно-таки бац-сказано — вы все боги, вот и ведите себя соответствующе. Тем более, что истинного баца сильно искать не надо — он подстерегает за углом как военком пацифиста, и нужно просто чаще

— бац — поворачивать за углы, чтобы путь жизни был прямым не брюхом, а духом. Сам Бог и есть самый главный Бац вселенной и жизни.

СЛОВО МЕЖДУ БОГОМ И ЧЕЛОВЕКОМ

Права человека — противоестественны. Возьмём основную свободу — свобода слова, из которой растут права говорить, собирать информацию, собирать митинги и т.п. В природе нет слов — есть щебетанье, рычание, мычание. Слово похоже на них, но всё же оно — иное.

Тут начинается вера, как и то, что неуклюже именуется «религиозная основа прав человека». Нельзя доказать, что слово — не от природы, а от Бога. Правда, нельзя доказать и обратного. Слово — чудо. Когда человек говорит «Верую во единого Бога...» он прежде всего провозглашает не веру в Бога, а веру в слово. Верую, что возможно словами говорить о Боге, верую, что слово «верую» содержательно, верую, что «помилуй» — реальное слово к Богу. Тут пропасть между «Богом глубоко в душе» — в той глубине, идеже несть слов, фраз, формул и прочего ничего нет, а есть лишь слово о неверии в слова. Мысль, видите ли, изреченная есть ложь. А неизреченная мысль — вообще не мысль! На то и свобода слова, чтобы мышление было, а не мычание внутри собственного мозга.

«В начале было Слово». Оно и остаётся в начале — в начале человека. Именно слово преображает мир. Оно делает космос — вселенной, бездонную черноту — уютным планетарием. Звёзды называют именно для этого. Слово делает из пространства — место. Когда Авраам сооружает в пространстве пустыне горку из камней в память о Боге и даёт этому месту название — пространство становится местом. Слово превращает страсть в любовь, а любимого — в человека. Слово — недостающее звено между обезьяной и нами. Найти это звено нельзя, а выковать — каждый выковывает по десятку в минуту. Если только это слова, а не брань наворотеневисящая. Промолчи — в палачи, может, и не попадёшь, а в гориллы запросто. Но самая мудрая горилла глупее заговорившего ребёнка.

Достоинство крестьянина — в плуге, достоинство буржуа — в бухгалтерской книге, достоинство аристократа — в мече, а достоин-

ство каждого человека — в слове. Даже того, кто не может говорить — почему нельзя убивать даунов. Рыцарь, лишенный наследства, меча, коня, доспехов, — всё же рыцарь. Человек, лишённый дара слова — всё же человек. Он сам себе слово. Его, это слово, можно слушать, обдумывать, любить. Достоинства нет лишь у того человека, кто использует дар слова, чтобы сказать «убей», «прокляни», «подчинись».

ЛЮБОВЬ ЕСТЬ ЗНАНИЕ

Одно из самых распространённых секулярных суеверий современности — вера в просвещение. На классический вопрос знаменитого конкурса, где впервые отличился Руссо — способствует ли прогресс улучшению нравов — Просвещение по сей день твёрдо говорит «да».

Логика такая: невежественный человек боится, а страх порождает желание уничтожить источник страха. Знание же сила, которая не уничтожает, а преображает и созидает.

В этом смысле трагедии XX века действительно трагичны, потому что это трагедии, организованные отнюдь не плохо образованными людьми. Впрочем, и драмы современности тоже организуются людьми с превосходным образованием.

Именно в этом значение Фрейда как врача, который умел лечить истерики. Истерика — и любая фобия, вплоть до терророфобии, этого главного зла современности — порождается вовсе не дефицитом знаний. Через треть века после Фрейда это повторил Винер: неважно, какая информация засыпана в мельницу, важен мельник. Мельник-мошенник из самого отборного зерна сделает скверную муку.

Страх — не результат невежества, а причина невежества. Невежество не есть дефицит знаний, невежество есть незнание имеющихся знаний. Проблема не в том, как человек может приобретать знания, проблема в том, как освоить приобретаемые знания. Не в корня корм, не в человека знания. Не сон разума порождает чудовищ, а сон человечности. В наше время только формально, плохо образованный человек считает, что источник зла в плохом образовании.

Знание как набор фактов — сила, энергия. Без этого знания мертвы и ядовиты любые законы, нормы, идеи. Но знание как набор фактов должно быть очеловечено и может быть очеловечено. Любовь есть знание, хотя знание не есть любовь. Любовь не есть знание естественных фактов, природной наличности.

Любовь есть знание человека. Это не означает, что Петя и Маня, полюбив друг друга, знают друг друга. Это означает возможность та-

кого знания. Знание стоит между ними как учебник физики стоит на полке шкафа, но владение учебником физиком не означает знания физики.

Любовь есть познание знания — и это познание ничуть не легче, а намного труднее познания природы. Инструменты любви — толерантность, терпение, множество ограничений для себя, начиная с ограничения на ложь и убийство. В мире было пока так же мало любви, как в мире было и есть мало науки и научного знания. Утешает, что и неполная любовь — такая же полноценная любовь, как и неполное знание. Принцип голограммы — кусочек содержит в себе. Да и не может быть полноты в том, что по определению бесконечно.

ЗНАНИЕ ЕСТЬ НЕНАСИЛИЕ

Знание — сила, а подчас и насилие. Даже чаще знание — это насилие, грубое и бесчеловечное. Таково все ненаучное, донаучное знание, которое когда-то было единственным видом знания, да и сейчас количественно преобладает. Знать, что завтра взойдет солнце, — тоже, конечно, знание. Но сила вовсе не в этом знании, сила в том, чтобы знать: «восход» — это поэтический образ, на самом же деле земля вращается вокруг солнца. Конечно, есть еще и высшее знание — верить, что Бог «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми» (Мф 5, 45). И это знание — сила, но уж, конечно, не для покорения природы и укомфортабливания жизни.

Кто знает, что Бог имеет отношение к солнцу и что при этом солнце не есть Бог, тот не обязательно щеголяет этим знанием. Даже лучше делать вид, что ты этого не знаешь. Такое напускное незнание часто есть лучший способ представить Бога людям, если, конечно, одновременно человек светит и злым, и добрым. Точно так же лучше делать вид, что не знаешь ничего о завтрашнем восходе или о том, что роющий другому яму под суком, на котором сидит, сам в эту яму и упадет.

Беда ведь не в том, что мы знаем о восходе, а в том, что мы знаем и о закате. Мы знаем, что есть добро и есть зло, и это страшно мешает нам познавать мир. Слишком легко автоматически расклассифицировать все, что произошло, происходит и будет происходить на эти две категории: хорошо — плохо, добро — зло. И выходит вовсе не знание, а пошлость (или мудрость) народных поговорок, которые всегда ходят парами, на каждое утверждение есть противоположное. Вроде бы знание, а на самом деле просто настроение.

В хорошем мы настроении (или считаем себя обязанными изображать оптимистов), мы утешаем: «Юнкер Шмидт, юнкер Шмидт, лето возвратится». В плохом настроении — мы разводим руками: «Иерусалим будет разрушен!.. Все суета сует...»

Прямо библейские пророки, предвозвещающие то исход из рабства, то увод в рабство. Но в библейские времена пророков были тысячи, как оптимистически настроенных, так и пессимистов, а настоящих из них было два десятка за тысячу лет, и отличались они тем, что ничего не знали, очень четко свое незнание признавали и с некоторым отчаянием передавали — не знание, нет, а голос Божий, который потому, возможно, и говорил через них, что они признали свое незнание.

Незнание — сила, когда оно не претендует быть знанием. Но такого незнания очень мало, а намного чаще встречается незнание — слабость, даже незнание — подлость. Когда грех требует его «понять», то есть «познать», — это приглашение поучаствовать в таком незнании нравственных норм. Но ничуть не лучше, когда невежда имитирует знание. Делается это очень — на словах — просто. Пойманный на вранье или просто на ошибке человек говорит: «Я так и знал, что ты это скажешь!» Если это устное высказывание, вид у говорящего должен быть настолько пренебрежительный, насколько это возможно для пойманного с поличным человека. Если это письменное высказывание, писать следует с использованием как можно более грубых слов и выражений: «Я так и знал, что ты, ничего не добившийся в жизни неудачник, заявишь, будто...» Можно чуть вежливее: «Я предвидел, что ничего другого Вы будете возразить не в силах».

Даже непонятно, что хуже: действительно человек знал, что встретит именно такое возражение, или сию минуту выдумал это свое знание задним числом. Злость подобные заявления вызывают совершенно одинаковую: в первом случае злятся на то, что кто-то умнее тебя, в последнем на то, что кто-то нахальнее тебя. Потому что на заявление: «Я знал, что ты так скажешь!», уже не ответишь: «А я знал, что ты скажешь, что ты знал!» Слишком громоздкая конструкция получается. Редчайший случай, когда игра в крестики-нолики заканчивается со второго хода.

Поэтому самозащиту в виде утверждения: «Я так и знал!» следует признать грехопадением первой степени, она же наитяжелейшая. Библия обрывает рассказ о грехопадении на том, как Господь изгоняет Адама и Еву. Но наверняка Адам, выслушав приговор, сказал: «Боже мой, я так и знал, что Ты так все это воспримешь! Изгнание из рая — какое предсказуемое и уже поэтому пошлое решение...»

Грехопадение ведь затевалось ради того, чтобы знать — знать «добро и зло», то есть всё. А поскольку всё знать невозможно, а кста-ти, и не нужно, то остается, чтобы не потерять лицо, делать вид, что ты и так всё знаешь. Даром что ли, у евреев «знать» означало «вла-деть» (впрочем, и у нас еще не так давно бытовало выражение «вла-деть приемами счета», что означало «знать, как считать»; о «познать женщину» помолчим). В результате попытки всем овладеть человек не владеет ничем — во всяком случае, ничем стоящим.

Я не владею, прежде всего, самим собой. Остается один выход: делать вид, что владеешь, что «так-и-знаешь». Хотя, конечно, «я так и знал» отличается от «я знал», как «я так и подскочил» от «я подско-чил». То есть кто говорит «я так и знал», тот ничего не знал. Виртуо-зом в этом смысле был Гегель, который заранее включил любые возражения в свою философию как обязательный элемент своей по-беды (за что Гегеля сурово, но справедливо выпорол Карл Поппер).

Теоретически возможны люди, которые говорят: «Я предвидел твоё возражение и с ним вполне согласен». Встречаются люди, кото-рые говорят: «Я предвижу, что мне возразят то-то, и на это заранее скажу...» Так очень любил писать Николай Гаврилович Чернышев-ский, и это самая слабая сторона его творчества — в реальности все-гда возразят что-то такое, чего собеседник не предвидел. Наконец, бывают люди, которые действительно предвидят возражение и отве-чают на это возражение, потому что они выбрали себе определенную тему и подготовились к диспуту. Из этого в лучшем случае и получа-ется диспут с самим собой, то ли бесконечный тупик, то ли тупая бесконечность. Но обычно просто говорят: «Я предвидел твоё возра-жение» — и на этом останавливаются. То есть в голове, возможно, у них роятся какие-то аргументы, но они их не выкладывают. Выложат — и в лучшем случае будет бесконечный спор, в худшем от этих ар-гументов просто ничего не останется.

Кто действительно знал заранее, тот не будет этим предвидением щеголять. Кстати, еще и потому, что человек, достаточно умный, чтобы нечто знать заранее, знает, что он мог и ошибиться. Даже если мы что-то предвидели безошибочно, — например, падение джентль-мена, который пилил сук, на котором сидел, в яму — это знание ни в коем случае нельзя предъявлять пострадавшему. Ему надо предъяв-лять йод и бинт.

Предвидение, наконец, довольно часто означает, что прав все-таки не предвидевший, а другой. Вор, которого посадили в тюрьму, имеет полное право сказать: «Я так и знал!» Это его предвидение не отменяет, а лишь подтверждает ту печальную истину, что человек — вор. В интеллектуальных спорах такое бывает не реже, чем в имущественных, — собственно, спор Адама с Богом был воровством в обоих смыслах.

Знание («гнозис» по-гречески) опасно, поскольку опасен падший человек. Ум создан для рая, а используют его для ада. Так рождаются пустотелые двойники веры — гностические системы, в которых все существующее — как известное создателю системы, так еще и неизвестное — заранее имеет свое место в классификации. От Василида до Штейнера эти системы объясняют всё, объясняют заранее. Фанатик есть человек, который и истинную веру превращает в гностицизм, который заранее все знает о людях, о мире, о Боге. Титаны веры чаще говорили о том, как мало они знают о творении, о тварях, тем более о Творце. Такое незнание — не слабость, а смирение.

Заповедь «Не знай» относится к числу тех, которые охотнее прилагают к ближнему, нежели к себе (впрочем, а есть ли заповеди другого сорта?). Любому будет неприятно, когда пойманный за руку с поличным хулиган начинает нагло хамить. Но нельзя даже сказать себе: «Я так и знал!» — ведь тогда вместо одного хулигана появятся двое. Никто ничего не знал, никто ничего не предвидел, кроме одного: можно входить в положение другого, но нельзя в положение другого вламываться.

НЕ В СЧАСТЬЕ СЧАСТЬЕ!

Жизнь не дорога — дороги. Не театр — театры. Человек отыграл школьника — и вырос. Прошел дорогу родительства — идем по дороге неродительства. Конечно, в каком-то смысле ребёнок для меня всегда ребёнок, но этот смысл я должен запихнуть себе в афедрон и видеть в ребёнке обычного человека. Любимого, но обычного. Просто путь к любви к нему был вот таким хитрым.

Кому-то такой взгляд на жизнь может показаться трагичным. Прошлое стало прошлым — разве это не смерть жизни? Тянуть надо! Но зачем? Я съездил в Венецию, в Амстердам, в Париж, было очень интересно, было прямое счастье, но счастьем поездка становится и тогда, когда завершена. Пожалуй даже, она вполне становится счастьем, потому что завершилась, стала «опытом» — частью своей жизни. А живи я в Венеции, у меня не было бы опыта поездки в Венецию.

Какое счастье, что мне выпало жить при интернете! Это даже счастливее, чем поездки за границу!! Не просто кратковременное знакомство, а возможность познакомиться со всем разнообразием мира, причем знакомство можно осуществить на самом глубоком уровне. Если что заинтересует — узнавай-не-хочу!

Как ужасно было жить моим родителям и мне самому до интернета. Железный занавес, конечно, плохо, но отсутствие интернета много хуже. Страшно суженный взгляд на мир, огромные затраты на получение хотя бы небольшой и искаженной информации о том, что за пределами непосредственного опыта.

Конечно, интернет лишь часть счастья, всего лишь глобализированная книга. Интернет — матрешка, потому что это часть умения читать. Книги — вот это счастье!

Все эти пути — лишь пути. У них есть начало, середина и конец. Наличие конца кого-то может остановить — зачем идти по дороге, у которой есть конец? Помилуйте, но зачем нужна дорога, которая ве-

дет всюду? Освоено — и вперед, дальше. Всякая дорога имеет конец, бесконечно множество дорог.

Конечна даже дорога веры и её обочина — дорога религии. Страшно подумать о том, что есть люди, которые религиозны без веры... Это как идти по обочине без дороги... На английском «обочина» — «плечо». Плечи без шеи и головы...

Не получить благодати, не иметь веры, не оказаться в Боге, — какое это было бы несчастье и какое, напротив, это счастье! Конечно, и тут работает биологический механизм — привыкаешь! Привычка дана не свыше, она дана снизу, и она не замена счастью, а изрядная помеха счастью. Приехал в Венецию — и через пару часов привык к этой Венеции. Полюбил — и через пару лет привык к любимой. Уверовал в Бога — и через пару десятилетий привык если не к Богу, то к вере, не говоря уж о религии. Вот несчастье-то!

Было бы несчастье, если бы конец одной дороги не означал начала другой, если бы тупик держал и не пускал вырваться, но ведь этого же нет. В каждом тупике есть своё воскресение, даже больше, чем воскресение. Воскресение возвращает на путь, а тут — новый путь. Это уж, скорее, новое творение поверх прежнего, от которого сохраняется все — и это «все» такое маленькое, оказывается в сравнении с новым. Ох, страшное это дело и трепетное — Бог отряхивает с Себя субботу и творит нечто новое с тобой. Страшное, но сладкое. Да и «страшное» тут — фигура речи. Ну чего тут такого страшного! Сама смерть не страшна — для Бога она всего лишь материал для творения, так что можно и перетерпеть. От одного счастья — к другому, и пусть потряхивает на выбоинах и ухабах, это не так уж беспокоит, если помнишь прошлое счастье и веруешь-понимаешь, что неизбежно счастье будущее. Так что «счастье» — фикция, реальны только счастья или, как принято говорить на христианском жаргоне, «блаженства».

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕПОТРЕБНОСТЬ

Религиозная потребность, безусловно, существует — она настолько существует, что даже большевики в «свое время» закрепили право верующих на удовлетворение этой потребности. Запретили проповедь, чтение Библии, писание богословских книжек — только удовлетворять религиозную потребность разрешили, потому что иначе бы оскандалились, как оскандилились бы, если бы запретили удовлетворять потребность в еде.

Потребность в высшем, в объекте поклонения, в руководящем начале — кому она незнакома? Кто только, как только, где только и с кем только ее не удовлетворял! В ламаистской молельне, во дворце съездов, перед алтарем предков и перед эстрадой. В полном молчании, неподвижности — и под рев динамиков, в конвульсиях, под убаюкивающий речитатив докладчика. Но ведь и в христианском храме встречаются люди, всего лишь удовлетворяющие религиозную потребность. И даже — как ни избит подобный оборот, скажу — каждый из нас, обращаясь ко Христу, норовит справить свою маленькую или большую религиозную нужду.

Эта нужда появилась сразу после грехопадения и была частью грехопадения, его следствием: человек заботой об удовлетворении своей религиозной потребности заслонил одну-единственную подлинную, глубокую, заслуживающую внимания и борьбы нужду и потребность: потребность Бога в человеке. Не Господь должен удовлетворять нас (да человеку, к счастью, невозможно удовлетвориться Богом, как невозможно выпить океан). Мы должны удовлетворять Того, Кто так хочет нас, что жил с нами, стал одним из нас, принял от нас казнь, победил нашу смерть, открыл нам дорогу к Воскресению и Своему Царству. Христос требует нас, а нам нечего требовать: Христос всегда рядом. Скоро две тысячи лет, как религиозная потребность человечества удовлетворена раз и навсегда.

А сколько тысяч лет человечество не удовлетворяет потребность Бога, причем из благочестивых чувств, считая, что в Абсолютном

Совершенстве не может быть места нужде, что она унизила бы Его? Разве Иисус — Абсолютное Совершенство? Нет, точнее Его назвать — Абсолютной Нехваткой человека. Более того, Бог был бы унижен, если бы потребность в человеке была у Него одной из многих нужд (как у человека религиозная потребность есть лишь одна из многих). Она у Бога — единственная, и Он возвышен. Унижены мы, ставящие Бога наравне с заботами о калорийности пищи и телевидением.

Мы сделали Бога потребностью. Даже христианские требы все еще напоминают требования. Язычник бьет идола, не обеспечившего ему улов. Русский народ — не потому ли крушил храмы и жег иконы народ? Допустим, те, крушившие, автоматически совлекли с себя ризы православных, но мы, живущие, каковы? Мы опять ищем удовлетворения себя, а не Бога.

Пока мы печемся о своей религиозной потребности, мы всегда будем удовлетворены, хотя бы нас изгнали из катакомб — не только что из кремлевских соборов. Если же нас будут заботить потребности Христа, сделанного для Него всегда будет мало. Даже водружение креста на Святой Софии покажется тогда пустяком — тем более что пустяком, по совести, оно и явилось бы.

НЕПОТРЕБНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Молчать слишком хорошо, и поэтому молчать плохо. Всё слишком хорошее заимствуется, передразнивается, опошляется. Человек не отвечает на оскорбления, и это молчание свято, но невинного можно и оскорбить молчанием. Молчание переходит в отмалчивание, замалчивание, а отсюда уже и до мочиловки недалеко.

С течением веков христианство, на первых порах чрезвычайно говорливое, научилось молчать. Недержание речи стало признаком христианства периферийного (не по отношению к Богу, было бы слишком дерзко об этом судить, а по отношению к большинству). Молчун, может быть, молится или думает. Кто не отвечает на обвинения, тот, может быть, до такой степени невиновен, что даже не может это доказать. Горе тем, кто окажется рядом с молчуном, когда тот заговорит, — чаще всего выясняется, что ничего хорошего он сказать не может.

Никакое молчание, однако, не порочно так, как разрешение молчать или, тем более, приказание молчать. Вот один из вождей России, а кстати и чекист-контрразведчик Юрий Примаков, лично ответственный за развитие международного терроризма как орудия российского экспансионизма, писал, уже после формального «падения социализма», защищая ленинизм, отстаивая «многострадальный опыт» социализма в России, пишет: «Учение о социальной справедливости, о гармоническом обществе, о равенстве прав и возможностей не предполагает обязательным концлагеря, геноцид, господство номенклатурной плутократии».

Для ясности Примаков сравнил социализм с верой: «Нельзя путать вероучение и судьбы религии. Христианство не отвечает за религиозные войны, нетерпимость, инквизицию. Ни Христос, ни его апостолы к этому не причастны» («Московские новости», 3 августа 1997).

Это сказано было коммунистом, который много лет был гонителем христианства и после крушения коммунистической утопии христианином не стал. Говорил он это с простой целью: в обмен на снятие

ответственности с христианства объявить, что и коммунизм ни за какие свои грехи не отвечает.

Беда в том, что разрывают связь между христианством и грехами христиан часто вполне бескорыстно. И тогда кто-нибудь подымается и говорит: «Не могу молчать!».

«Не могу молчать» — замечательно, но правда в другом: «Нельзя молчать!»

Нет, Христос и апостолы причастны к инквизиции! Христианство отвечает за религиозные войны!! Религия и нетерпимость спутаны вместе, хотим мы того или нет!!!

Другой вопрос, что из этого следует для веры. Христос знал, что из Его учения сделают идеогическую базу для костров, и все же учил. Что, Он был дурак или подлец? Нет, просто Он знал, что костры будут разводить с базами и без баз, знал и то, что если Он промолчит, то костры не погаснут никогда.

Иисус знал, что религиозные войны были, когда верили в ракитовый куст и когда верили в Мардука, что всякое обретение истины побуждает человека агрессивно навязывать эту истину окружающим. И все же Он дал людям абсолютную истину, истину о Боге Распятом и Воскресшем, дал не потому, что хотел абсолютной агрессивности, а потому, что знал: абсолютная истина приведет к окончанию религиозных войн. Не сразу — но это именно так и случилось, в христианском мире религиозных войн становилось все меньше и меньше, и они все более осуждались именно с точки зрения Евангелия.

Не отвечать за зло, связанное с религией, заявить, что это всё были «извращения», «под прикрытием»... Как удобно, как часто — и как же зря. Конечно, извращения, конечно, лишь прикрывались христианством — но христианством ведь прикрывались, не чем-нибудь. Призыв спасать души — неужели нельзя было обставить его внятным и однозначным запретом убивать людей, если те неправильно думают о Боге? Повеление идти и проповедовать Евангелие среди всех народов — неужели нельзя было тут же, через запятую дополнить запретом проповедовать Евангелие насилием?

Здравый смысл, однако, подсказывает: а откуда мы знаем, что насилие в религии — плохо? что нельзя убивать людей? Может быть, это следует из того, что Бога нет? или из того, что человек произошел от обезьяны? из того, что человек такое же биологическое существо,

как таракан? Не следует. А вот из Библии, между прочим, следует, и не столько из Ветхого Завета, сколько из Нового.

Заповедь «Не убий» ещё можно истолковать как относящуюся только к соотечественникам, и только к бытовым убийствам, а не к смертной казни и не к войне. Но не перетолковать слова Христа: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; ... а кто скажет: 'безумный', подлежит геенне огненной».

Как можно убить вот этого мерзавца и подонка, если Иисус предпочел его не убивать, а умереть за него, дав ему отсрочку?

Христианин должен говорить — когда спрашивают, а иногда (иногда!) даже раньше — обо всех грехах, совершенных христианами. Христианин отвечает не самоубийством, не самороспуском, не проваливанием сквозь землю от стыда, — а просьбой подумать. Подумайте, а как можно было бы это сделать иначе?

Кто придумает, как ещё можно было внести в мир абсолютную истину любви и предотвратить кровавую кашу, которую сварили из этой истины, — скажите Богу. Он Всемогущий, Он всё переиграет по-вашему. Не верьте в Бога, но хотя бы проверьте: неужели атеизм, или любая другая религия, или пофигизм-агностицизм лучше? Нет, они ведут к еще большей крови, а главное — они ведут в тупик, в могилу и здесь, и там.

Христианство отвечает на упреки не тем, что стряхивает с себя кровь и грязь, а тем, что берет на себя еще и чужие грехи, взваливает чужую грязь, тем, что искупает их покаянием христиан, истинностью Иисуса, воскресением Христа. Как русский православный, я беру на себя ответственность за сожжение протопопа Аввакума. Как член Вселенской Церкви, я беру на себя ответственность и за сожжение Яна Гуса и Джордано Бруно. Как верующий в Единого Бога, я ответственен за резню, которую учинили три тысячи лет назад в палестинском городке Сихем двое сыновей праотца Иакова, — учинили под религиозным предлогом защиты чести своей сестры, использовав религиозный обряд, обрезание, чтобы ослабить «врага».

Только и здесь останавливаться рано: я же не только верующий, я еще и человек, и как человек я отвечаю, я должен отвечать за все зло мира. Для того и Бог стал человеком, чтобы ответить за грехи людские Своей жизнью. Разница в том, что я должен отвечать за грехи

человечества, да это у меня не получается, и ни у кого из людей не получится, а Христос не должен, а отвечает.

Ни один человек не может заплатить столько, сколько стоит весь физический и моральный ущерб, нанесенный миру людьми. Ни один человек, ни целое человечество, ни деньгами, ни жизнью. Денег столько не напечатано, да и жизнь даже целого человечества слишком ничтожна, чтобы дать счастье хоть одному плачущему. А Бог — отвечает, отвечает Своей бесконечной жизнью, Своей смертью, Своим воскресением, которое Он предлагает разделить с каждым, и это и есть христианство. Христианство отвечает безответностью, готовностью умереть, но не убить, погибнуть, но не погубить, простить другому всё, не прощая себе ничего, и что не таково, но и не христианство.

В ЗАЩИТУ КОФТОЧЕК

Мысли не ходят в одиночку. Они — столь же коллективное, сборное существо, как экипаж корабля или пулеметная лента. Мы говорим: «Пришла в голову мысль», а на самом деле одна мысль поставила в глубине головы раскладушку (например: «Зачем только жена купила эту кофточку?»), вторая вешает пальто на извилину («Веру я вижу в одной кофточке уже два года»), третья только раскланивается («И тем не менее Вера выглядит куда моложе моей супруги»), а четвертая стучится в дверь («Да так ли страшен развод?»). Все эти мысли стоят на лестнице, дыша в затылок друг другу, и стоит открыть дверь, как они устремляются внутрь.

Строго говоря, катастрофы в этом нет. Разумное существо всегда вспомнит, что Вера два года носит не одну кофточку, как жена, а двадцать, что она выглядит моложе не из-за кофточки, а из-за паспорта, который получила на пятнадцать лет позже вашей жены, что развод плох не потому, что страшен, а потому, что грешен. И, наконец, любовь к кофточкам заложена в женщине столь изначально, что, видимо, получена с мужниным ребром.

...Кстати, а зачем вы два года приглядываетесь к Вере?..

В сатане нет ничего античного, кроме ахиллесовой пятки. Его слабое место — неумение вовремя остановиться в искушении. Греховные мысли посещают нас обоями, и это резко отличает их от мыслей праведных, которые приходят с регулярностью — в лучшем случае — еженедельной газеты. Поэтому едва в нас забьет фонтан размышлений, можно быть уверенным, что источник его нечист.

Так, если следователь видит в трупке одно пулевое отверстие, он может заподозрить самоубийство, если двадцать — вряд ли. Мысль свежая и благородная пронзит душу, и долго мы не можем опомниться, тем более — принять в себя её подругу, мысль ещё светлее. Но обойма, начинающаяся с безразлично-скучных пустышек, столь быстро кончается злобными взбрыкиваниями — помыслами, домыслами, замыслами, — что мы обязаны сообразить, с кем имеем дело.

Стоит только помнить, что сатана — отец не только лжи, но и хитрости. Раз вы научились распознавать его в одной шкуре, он натянет другую и сунет вам мысль о разводе через месяц после размышлений о кофточке.

Апостол Павел, наконец, говорил, что сатана может являться и в виде ангела светлого; в патериках рассказывается даже, как князь тьмы являлся под видом Царя Славы. Этого, думаю, ни автор, ни читатель могут не ожидать — под видом ангела сатана является только тем, кто привык видеть ангелов. В любом случае, стоит научиться распознавать искушения не только по тому, как ходят эти компании из семи злейших бесов, но и по тому, что они говорят. Ведь именно так преподобные отцы и отличали ангелов от не-ангелов. Вражий голос никогда не назовёт вашу лучшую половину — лучшей, не оговорив, что кофточку ей лучше было бы не покупать. Вы должны быть готовы выступить в защиту кофточек, тем более что это вовсе не требует кровопролития. Просто пойдите и купите кипу кофточек.

Есть такая скороговорка: «Купи кипу пик». Выговорить ее быстро очень просто, надо только по другому разбить звуки и говорить «купики-пупик». Так и с покупкой кипы кофточек, и вообще со всем хорошим: произносим одно, совершаем совсем другое, что выговорить по-хорошему неловко. Что для женщины кофточка, то для мужчины не то что пика, а копье, которым ведется сражение с силами тьмы, более святое, чем любой крестовый поход. Награда будет более королевской, чем Орден Подвязки.

В ЗАЩИТУ КРЕАЦИОНИЗМА

«Креационизм» — от слова «творить», и надо быть до предела лентяем, чтобы назвать креационизмом идеологию, отрицающую творчество. Креационизм выдаёт себя за полномочного посла религии, но ведь это самозванчество и сплошное не то что недоразумение, а просто неразумие. Бог — Творец! Креатор! Креативщик! Но «творец» означает не фокусника, который из ничего извлекает кролика, а того, кто именно что творит — создаёт, вдохновенно пробует разнообразные пути, вкладывает всего себя. Творчество — и взрыв, и процесс, и вдохновение, и упорство, и мореплаватель, и плотник, а что из него делает лже-креационизм? Рраз — и сотворил, и удовлетворённо откинулся, пыхтя.

Религиозный лже-креационизм лишь подвид вполне светского, даже атеистического псевдо-креационизма, который полагает, что всё создано где-то там и что прогресс, жизнь, история вселенной это всего лишь раскручивание некоего потенциала, рост зародыша, так что наука может проследить, как всё распаковывалось. Такие горе-креационисты делятся на убеждённых, что наука может всё изучить и научиться запаковывать и распаковывать мир по своему желанию, и на хитрованов, которые говорят про кванты и вероятностность, словно портные перед голым королём — заранее предупреждают, что процесс раскрутки может быть таким стохастическим, тысячечастичным, что его и понять невозможно, и воспроизвести невозможно, но гранты давай, даже тем более давай.

В исторической науке этот псевдонаучный креационизм впервые проявил себя как пан-вавилонизм — убеждение, что всё в принципе открыто в древнем Вавилоне, после чего лишь распространялось, видоизменяясь и совершенствуясь. Система летоисчисления, архитектура, религия, налоги, прелюбодеяние, пиво и прочие няшки. Нового нет и быть не может, есть лишь вариации на тему, сотворённую вавилонянами!

В совсем уже карикатурном виде это развернулось во всякой фолк-истории, знакомой русским по фоменковщине. Ничего не было и нет, кроме России и её врагов, которые выдирают куски из истории России и дают этим кускам свои названия, будто бы был какой-то Христос две тысячи лет назад, хотя Христос был русский, жил на заре русской истории и т.п. и т.д. Враги украли и растиражировали российскую историю, но мы её вернём! Мы выявим все совпадения и тем самым очистим исходник, матрицу, оригинал.

Нету никакой матрицы! Есть творчество — творчество как способность одного Бога и одного человека, поскольку человек по образу и подобию Божию. «По образу и подобию» — в смысле, человек может не быть богом, запросто, может не творить, не любить, даже не быть. Но зачем же так с собой обращаться? Эдак можно и до креационизма опуститься, и до питья пива на диване перед телевизором. Должны же быть какие-то пределы, да? Человек не должен быть креационистом, убеждённым, что «творчество» — это кто-то Один раз и навсегда всё создал из ничего, а нам остаётся только подбирать и совать себе в рот и в другие отверстия. Человек должен быть креатором, креативщиком, творческо, творчиад, творчидник!

Только Бог, утверждают лже-креационисты, апологеты лени и эпигонства, может творить новое. Настоящее новое, ни из чего не вытекающее, абсолютно новое. А человек — помесь лотерейного барабана с калейдоскопом. Дудки! Когда человек творит — всегда это и творчество из ничего. Конечно, у человека творческий продукт использует что-то предыдущее — ну и что? То, что в этом продукте творческого, есть новое, и это новое — из ничего. Не из среды, не из условий, не из обстоятельств, не из воли, а просто — из ничего. Пока это новое не появится, никто и не подозревал, что в мире есть «ничего».

Мир казался устаканившимся, плотным, предсказуемым, исследованным, известным. Но вдруг Моцарт написал — и оказалось, что в мире была дыра, настоящее, полноценное, чёрное ничто, плавно переходящее в смертоподобное ничего, полное гнуси и гадства, но Моцарт рраз — и из этого ничего извлёк свет и сладость, радость и блаженство. Вот и нету таракана, вот и нету страшного ничего! Что же, можно спать? Да нет же! На самом деле, ничего ещё много-много, только ничего на то и ничего, что его даже во множественное число не поставить. Ничего бесконечно много, и только человек может из

этого ничто сотворить что-то человеческое, неожиданное для себя, для Бога, для мира.

Задним-то числом, конечно, всякий укажет, что это новое связано с тем-то и тем-то, вытекает из того-то и сего-то, и то из того, и так опять до древнего Вавилона. Только это чепуха. То, что вытекает-втекает — не творчество, а лишь материал для творчества, такой же материал, как и ничего, даже хуже, потому что «традиция», «опыт», «материал» мешает едва ли не больше, чем помогает. Хорошо было Богу, когда Он творил мир — Ему не мешала традиция, под Его ногами не путались креационисты, объясняя, как надо. Это уже потом, задним числом нашлись любители уверять, что и Бог ничего нового не сотворил, а что сотворил, то не из ничего, а просто у него был экземпляр Библии с рассказом о творении, такой вот временной парадокс и петля.

Лже-креационисты не верят в творческие способности не только Бога, но и человека. Они боятся бытия, боятся истории, а в поисках спасения обращаются «к истокам». Только вот после того, как творческое усилие создало нечто небывшее, уже нет «истока», кто повернётся спиной к человеку, попадёт именно в ничто, в пустоту, которую и обречён заполнять своими фантазиями. «Первоначальное христианство то, первоначальное христианство сё». Всё, не было никакого «первоначального христианство» — было, да сплыло, сегодня, сейчас — первое начало христианской жизни, твоей личной, с нуля, из ничего — давай! Креационируй же! В отличие от всего прочего в мире, что есть что и может лишь эволюционировать по воле волн, человек не пассивно эволюционирует, а активно креационирует — если, конечно, не разменивается по мелочам.

Креационизм — даже не вера, а дело, то дело, без которого вера мертва. Настоящий, креационистский, креативный креационизм. Креационизм, без которого не было бы ни древнего Вавилона, ни Афин, ни Рима, ни даже, прости господи, Москвы. Креационизм, который побеждает механичность разворачивания всего «заложенного», «запрограммированного». Побеждает, не разрушая, не уничтожая, а побеждает, используя — используя в своих креативных целях, докладывая из пустоты, из ниоткуда нечто, что всё меняет и на свет появляется то, чего никогда не было и даже не планировалось — к радости Бога, потому что уж Творец-то точно радуется творчеству, точно не утверждает Свою монополию на творчество, а каждого пи-

хает в бок и хлопает по плечу: креативь! Ему интересно, что у нас выйдет!! Он всеведущий, но то, что человек сотворит — не входит во «всё», а прибавочная стоимость, приятная неожиданность, иногда вишенка на торте, иногда бантик на чёртике, но всегда — радость Богу и сюрприз лже-креационистам от креационизма подлинного религиозного, единственно набожного и верного, креационизма творчества, творения и претворения.

В ЗАЩИТУ ФАНАТИЗМА

Мне бывает пакостно, поэтому я существую. Пакостно бывает на душе, следовательно, у меня есть душа. Мне бывает пакостно от того, как ведут себя люди, следовательно, я человек, а не скотина.

Конечно, мизантропия редко бывает действительно мизантропией — человеконенавистничеством как таковым. Это любить все человечество легко, а ненавидеть сподручней мелким оптом — потому что любовь ко всем это выдумка и самообман, а ненавидится всегда от всей души, в этом деле заниматься самообманом смешно.

Вот и ненавидишь: близких — за то, что они ведут себя как дальние, дальних — за то, что лезут в душу как близкие. Собратьев по профессии ненавидишь, если они халтурят, потому что как можно халтурить, а если они работают лучше тебя — ненавидишь, потому что как они смели. Глупая штука человеконенавистничество — намного глупее человечества в целом и его худших представителей, из которых наугад перечислю верующих и филателистов.

На душе пакостно не потому, что церковные верхи ведут себя как парткомовские, а потому, что церковные низы ведут себя как филателисты. Во власть не лезут, зато подменяют веру изучением веры, даже не веры, а изучением изображений веры. Филателисту все равно, жив Ленин или нет, а важно, что вот марка с изображением Ленина с зубчиками, а вот — Ленин без зубчиков. Помещающие в свои альбомы только негашеные марки презирают собирающих и гашеные. Православные, считающие истинным лишь православие, отстающее от мира хотя бы на тринадцать дней, презирают православных, живущих по более-менее приближенному к астрономической реальности календарю.

Что филателисту кляссер, то обрядоверу оклад. Что коллекционеру марок коллекционер винных этикеток, то коллекционеру особенностей одной религиозной группы — другая. Какие-то бесчисленные дробления на кружки, маловразумительные и совершенно неинтересные для нормальных людей склоки. Проектируют Новый Иерусалим,

а выходят Нью-Васюки. Непонятно, что противнее в «коллекционерах»: ненависть к тому, кто коллекционирует не так и не то, или ледяное безразличие к реальности, которая не укладывается в альбом, — а что же это за реальность, которая укладывается в альбом или в споры о догматах?

Горько мне, горько от всего этого...

А впрочем, почему? Наоборот, весело. Нет, то есть кричать «горько!» надо — авось в конце концов все эти «филателисты» помирятся, приемлющие Христа с зубчиками обымут христиан без зубчиков. Насколько, однако, легче жить, когда поймешь истинный размер церковных склок. Они не страшнее прочих человеческих склок, как это кажется с первого взгляда — еще бы, вроде бы ведь Самого Христа делят, даже не Христовы ризы.

Раз не Христа делят филателисты от религии, а марки с изображениями Христа, то что бы они ни писали, на веру, на жизнь в Церкви, на мои отношения с Богом влияет не больше, чем выставка марок с паровозами на расписание пригородных электричек. И хотя выставка выглядит внушительнее перрона, все-таки первична электричка, а не марка с ее изображением и уж тем более не споры о том, можно ли наклеивать марки в альбом или только вставлять.

Филателисты — печальное, но закономерное следствие существования марок, фанатики — след за кормой веры. Но, в конце концов, даже фанатики-филателисты пишут письма, наклеивая на них марки, и даже фанатики-религиозники посылают какие-то сигналы Богу и людям, пускай неуклюже и болезненно для Первого и для последних. Агрессивность фанатизма все-таки плодотворнее пофигизма, хотя несравненно болезненнее для окружающих. Всё лучше, чем отсутствие всего, и даже зло лучше, чем ничего, если только это не одно и то же.

ДЕКАЛОГ БРОДСКОГО

В 1988 году — год тысячелетнего юбилея крещения Руси, между прочим — Иосиф Бродский с ностальгией вспоминал 1978 год, когда, по его оценкам, много больше американских студентов имели представление о десяти заповедях и семи смертных грехах.

Крещение Руси помянуто как идеальный пример события, абсолютно не связанного ни с Бродским — еврейским русским американцем, орбита которого всегда была далеко от Киева и Днепра — ни с Америкой.

Впрочем, было ли крещение Руси связано с заповедями?

В своей речи перед студентами 1988 года Бродский предпринял дерзкую попытку переложить Библию на язык среднего американца. Дерзость была проявлена не по отношению к Богу, а по отношению к Американцу, который уже тогда предпочитал (особенно в таком университете как Мичиганский) иметь Бога отдельно от щей.

Первая заповедь (о почитании Бога и о непочитании ложных богов) сформулирована Бродским как *«Сосредоточьтесь на точности вашего языка»*. Слова — деньги! Не высказано, но подразумевается «Бог — банк!» Не все банки одинаково надежны.

Однако, это Америка — страна, где банки так же вездесущи, велики и двусмысленны как религия. Каждый американец имеет дело с банками, но при этом в глубине души идеалом считает полновесный доллар в джинсах, аналог нью-эйджевского «бога в душе».

Бродский точно объясняет, зачем нужен Бог-не-в-душе:

«Цель в том, чтобы дать вам возможность выразить себя как можно полнее и точнее; одним словом, цель — ваше равновесие. Ибо накопление невыговоренного, невысказанного должным образом может привести к неврозу».

Поклоняясь Богу истинному и единственному (это масло масляное, но что уж поделать — точность часто требует маслянности), человек обретает не Бога, остающегося вполне Богом непостижимым и недостижимым. Человек себя обретает, да и других людей тоже.

Конечно, «слово» у Бродского есть логос, Бог предвечный. Поэтому слово необходимо не хранить, а приумножать как деньги. Слово

обесценивается, если отстает от жизни, а оно обязательно отстает. Слово норовит остаться младенцем Иисусом на соломе, а жизнь уже так изменилось, что пора идти по воде, где солома будет сильно мешать.

Бродский вновь пугает неврозом — этим секулярным вариантом ада, вечных мук и гибелей:

«Способность изъясняться отстаёт от опыта. Это пагубно влияет на психику. Чувства, оттенки, мысли, восприятия, которые остаются неназванными, произнесёнными и не довольствуются приблизительностью формулировок, скапливаются внутри индивидуума и могут привести к психологическому взрыву или срыву».

Второй заповедью неожиданно оказывается самая непопулярная в современном мире вообще и в Америке в особенности. Нет, вовсе не та, что вы подумали, а заповедь о почитании к родителям. Дело происходит в либеральном университете, Бродский бьет в самое больное место — страхе оказаться «буржуазным»:

«Бунт против родителей со всеми его я-не-возьму-у-вас-ни-гроша, по существу, чрезвычайно буржуазное дело».

«Буржуазное» тут противостоит «капиталистическому» как удовлетворенность сколоченным капиталцем, желание его сохранить противостоит акульему желанию вечно рисковать, но наращивать капитал до бесконечности. Доброта к родителям парадоксальным образом обязательна для подъема над родителями. Не просто «я и без вас добьюсь того, чего вы добились» — мелкое и пошлое тиражирование пройденного, а «давайте ваши денежки, увидите, как две тысячи и пять сотен превращаются в миллиард».

Заповедь «не сотвори себе кумира» оказывается оттесненной на третье место:

«Старайтесь не слишком полагаться на политиков».

Презумпция виновности власти. Персонализм в чистом виде — то есть, не готтентотский подсчет своей и чужих персон, получающих выгоду от политики, а христианский подсчет Лазарей, которые не получают ничего:

«Они могут в лучшем случае несколько уменьшить социальное зло, но не искоренить его. Каким бы существенным ни было улучшение, с этической точки зрения оно всегда будет пренебрежимо мало, потому что всегда будут те — хотя бы один человек, — кто не получит выгоды от этого улучшения».

«Не верь политику» не означает «будь циником», ведь Бродский предлагает каждому быть политиком, «управлять миром самостоятельно — по крайней мере той его частью, которая вам доступна».

Что и означает — в переводе не на русский язык, а на русские реалии — «быть интеллигентным человеком». Да, говорит Бродский, своего пирога может оказаться недостаточно, но тем более:

«Начните уже сейчас настаивать на том, чтобы все эти корпорации, банки, школы, лаборатории, или где вы там будете работать и чьи помещения отапливаются и охраняются полицией круглые сутки, впустили бездомных на ночь, сейчас, когда зима».

Достаточно сравнить это с высшим достижением российских интеллектуалов — призывом к власти «быть честной», чтобы понять различие интеллигента от интеллектуала, верующего от язычника, декаложника от полиложника. Кормить голодного — это не честно и, более того, обычно это и нечестно. Это поощрение паразитизма, это кража у богатых и прочие кошмары консерватизма-республиканизма-либертарианства. Ну и пусть — а все же корми голодного, а не твори себе кумира из всего перечисленного.

Тем не менее, заповедь «не укради» Бродский знает, но формулирует ее как «старайтесь быть скромными»:

«Карабканье на место под солнцем обязательно происходит за счёт других, которые не станут карабкаться. ... Всегда есть что-то неприятное в том, чтобы быть благополучнее тебе подобных. ... Жажда чего-то, что имеет кто-то другой, означает утрату собственной уникальности».

Кража есть потеря себя, — с чисто шолом-алейхемовским юмором Бродский добавляет:

«Это, конечно, стимулирует массовое производство. Но, поскольку вы проживаете жизнь единожды, было бы разумно избегать наиболее очевидных клише, включая подарочные издания».

Самая горячая заповедь остроумно упакована в призыв не любить ближнего (с рассчитанным на мгновенное опровержение враньем «никто не просит вас любить его»), но уважать его:

«Старайтесь не слишком его беспокоить и не делать ему больно; старайтесь наступать ему на ноги осторожно; и, если случится, что вы пожелаете его жену, помните по крайней мере, что это свидетельствует о недостатке вашего воображения, вашем неверии в безграничные возможности жизни или незнании их».

Бродский явно невысокого мнения если не о человечестве, то об американских студентах, потому что, заявив, что никто не просит любить ближнего, через абзац напоминает, что призыв любить ближнего и не любить его жену пришел «с противоположного конца Вселенной». И чего стоят ханжеско-местечковое опускание «о» из слова «Бог» в сравнении с присвоением Богу псевдонима «ПКВ» — «Противополож-

ный Конец Вселенной». Тем самым Бродский дает наглядный пример соблюдения заповеди «Не поминай имени Божьего всуе».

Понятно и правильно есть, что Бродский не выделяет особо зависти, воровства и лжи, потому что это все лишь разные формы прелюбодеяния («разные» не означает «ослабленные», часто, напротив, куда злейшие; женщина и сама за себя постоит, в отличие от правд, ослов и домов). Но ведь у него — формально — заповеди о субботе, а вместо этого пятый и шестой пункты, которые, на самом деле об одном (у православных тоже есть такое странное явление — «пятошестый собор»).

Слова «суббота» нет, а суть субботы есть. Суббота есть день остолбенения от мира — эх куда меня занесло! Обалдеть! Я млею и тащусь. Духом тащусь, телом же не, напротив, не тащусь, подайте мне лифт на фотоэлементах. Восторг от мироздания Бродский выражает, как и подобает интеллигентному еврею (который есть антипод иудея-интеллектуала) — сухо и парадоксально, скорее от противного:

«Это не милое местечко, как вы вскоре обнаружите, и я сомневаюсь, что оно станет намного приятнее к тому времени, когда вы его покинете. Однако это единственный мир, имеющийся в наличии: альтернативы не существует, а если бы она и существовала, то нет гарантии, что она была бы намного лучше этой».

И слава Противоположному Концу Вселенной ныне и присно и во веки веков аминь!

Настоящая еврейская суббота, окончательная суббота, субботняя суббота — это не «мерси, Б-же», а: «Вы посмотрите на эти брюки и вы посмотрите на этот мир... Простите меня, но я прощаю Творца этого мира и благодарю Его!»

Заповедь о прощении Бродский, естественно, цитирует не по Евангелию, а по американскому поэту: *«Жить в обществе значит прощать»*. Жить в обществе Бога — что и есть «справлять субботу» — означает прощать Бога. Привет Иову!

Впрочем, поскольку «Фрост» — это на русском «Мороз», то Роберт Фрост этот Мороз, Дед Мороз, явный тайный шафер Творца.

Поскольку же Бродский есть еще и христианский еврей (а куда ж деться!), то прощение Бога он раскрывает своеобразно: не будь жертвой и не делай жертвами других. Не жалуйся на обстоятельства, не будь никому обстоятельством неблагоприятным. Бродский не предлагает любить врагом, он предлагает их забыть:

«То, что делают ваши неприятели, приобретает своё значение или важность от того, как вы на это реагируете. Поэтому промчитесь сквозь или мимо них, как если бы они были жёлтым, а не красным светом. Не задерживайтесь на них мысленно или вербально; не горди-

тесь тем, что вы простили или забыли их, — на худой конец, первым делом забудьте. ... Переключите канал: вы не можете прекратить вещание этой сети, но в ваших силах, по крайней мере, уменьшить её рейтинг. Это решение вряд ли понравится ангелам, но оно непременно нанесёт удар по демонам, а в данный момент это самое важное».

Надо ли говорить, какое Решение с большой буквы явно не понравилось ангелам, но нанесло удар по демонам? Распятие, конечно, с эпилогом Рождеством и постскриптумом Воскресения. Ну да, ангелы пели, конечно, всякие протестантские гимны типа «на земле мир, в человецех благоволение», но неужели кто-то думал, что они это делали с легким сердцем, зная о грядущей Голгофе?

ПРИПОМНИТЕ!

Есть популярный жанр: герой ищет самого себя. Квест, в котором награда — осознание того, кто ты есть. Живёт серый бухгалтер, и вдруг он переносится на другую планету, он умеет жонглировать планетами, он принц галактики, просто враги лишили его памяти, и вот он в течение девяноста томов постепенно вспоминает, что у него есть дракон, злая тётка Бастинда, способность к нуль-транспортировке и прочая, и прочая...

Царство Христово — это когда бухгалтер, офисный планктон, макраб вдруг обнаруживает, что мир-то не колупание аминокислот от зарплаты до зарплаты, что он — принц, принцесса, король, королевич, что у него куча совершенно неожиданных и коварных врагов, что всё видимое нами только тени от настоящей жизни, которая сколь опасна, столь и хороша — неубиваемая, добрая, светлая, а к тому же ещё немножечко вечная.

Припомните! Нету никакой особой отдельной двери в стене, ведущей в чудесный сад. Есть жизнь, реальность, весомая и неотменяемая, чудесная и любимая, где всё обретает смысл и достойно любви. Припомните — и будем жить по этому припоминанию, чтобы не сдохнуть от того, что выдаёт себя за единственную реальность, и, особенно, не убить ненароком никого в этой реальности. Припомните: нельзя убить душу, мы все бессмертные обитатели бессмертия, и именно поэтому нельзя даже помыслить о том, чтобы кого-либо убить хоть словом, хоть делом, хоть помышлением.

БЫТЬ ОБЪЕКТИВОМ!

«Мировоззрение», «образ мира», — эти выражения не встретишь в Библии или Коране. Тысячелетия люди взирали на мир без мировоззрения. Открытие того, что существуют не только идеи, государства, семья, собственность, грехи, но что существует образ мира, образы мира, мировоззрения, более великое, чем прибытие трех европейских кораблей в Америку с целью нелегальной иммиграции. Открытие состоялось в том же XV веке, совершил его Ренессанс, а выразили прежде всего живописцы.

Парадоксальным образом, в русском языке утвердилось «образ мира», хотя вся суть переворота в том, что «образ» — «икону мира» — заменили на «картину мира». Образ — двумерен, символичен, условен. Он вообще не мир показывает, а надмирье. Образ часто с «обратной перспективой» — то есть, не с позиции смотрящего, а с позиции того, кто на смотрящего смотрит. Более того, как на детских картинках или на древнеегипетских барельефах часто в «иконе мира» — множество точек зрения на меня, причем все чужие.

Преодолеть это трудно. Вот почему живописцам Ренессанса пришлось прибегнуть к механике: изобрели камеру обскура, рисовали мир через сетку из веревочек, наслаждались, подчеркивая перспективу черно-белой плиткой на полу, словно мир это кухня недавно разбогатевшего русского. Человек стягивал на себя мир. С трудом стягивал, хотя глаза человека, хоть до Ренессанса, хоть после видят мир именно так, и тут нельзя как с вращением Солнца вокруг Земли сказать, что дело это условное и относительное. (Полезно помнить, что сказать про относительность вращения можно, но все же что вокруг чего вращается, с точки зрения физика вовсе не относительно, Эйнштейн совсем о другом). За современным «образом мира» физиологическая реальность, — почему даже те, кто заигрывается в средневековье, все же глядят на мир как Рафаэль, даже если они его ненавидят.

В одном отношении наш «образ мира» схож с тем представлением о мире, которому пришел на смену. Тут и там есть разрыв. До Ренессанса человек знал, что Бог — невидим, что есть пропасть между творением и Творцом. В нашей картине мира невидим мир. Есть «образ

мира», «мир-для меня», но мир «объективный» — недоступен. Точнее, то, что видит объектив, человеку увидеть не дано. Владелец фотоаппарата видит не то, что показывает фотография. Этим и наслаждаемся! Ученый открывает объективный мир, но увидеть его не в силах — он все равно видит лишь свое открытие.

Видеть объективное и быть не в силах быть объективным, быть объективом самому бесконечно лучше, чем видеть вздор, чем жить в мире своих предрассудков и иллюзий, но все же зазор между объективным знанием и объективным миром немножко раздражает, как криво висящая картина. Чем крупнее картина, тем заметнее, что она криво висит. Если криво висит миниатюра в пару сантиметров шириной, отклонение в миллиметр почти незаметно. Если на миллиметр скривится «Явление Христа народу», это будет как удар по глазам.

«Образ мира» и есть именно «образ человека». Яркий пример того, что человек предпочитает нерешаемые задачи. Увидеть мир — задача трудная, но решаемая. Увидеть себя — задача невозможная. Образом мира занимается наука, образом себя — знание. В России говорят «точные науки» и «гуманитарные науки», но все же «гуманитарная наука» это «ледяной жар». Наука — епископ Николай Коперник, знание — Эразм Роттердамский. Наука — фотограф, через объектив взирающий на мир, гуманитарное знание — фотограф, фотографирующий себя. В зеркало, конечно. Образ мира есть зеркало человека.

Конечно, человек есть часть мира, поэтому есть и науки, изучающие человека — психология, антропология. История и социология, заметим, не человека изучают, а человеческое общество, — принципиальная разница. Дело в том, что любая система больше суммы своих составных частей. Автомобиль может больше, чем куча автомобильных деталей, не собранных вместе. Любая система, кроме общества. Человечество меньше одного-единственного человека, хоть аутиста, хоть психопата. Поэтому «науки о человеке» и «знание человека» не встречались друг с другом, как не встречались друг с другом Коперник и Эразм.

СДАВАЙ, НО НЕ СДАВАЙСЯ!

Побочным результатом передела номенклатурной собственности при Горбачёве-Ельцине стало появление новых рантье: человек живёт за счёт дохода от сдачи квадратных метров. В условиях антиправового государства именно квадратные метры вырвались вперёд и по доходности, и по надёжности. Даже у номенклатуры, которая живёт в мире настоящих денег, действует рефлекс нищеты: обустроить себе побольше квадратных метров, поместье, и чтобы непременно своё, с аэродромом, с морской бухтой и т.п. Конечно, миллиард в заграничном банке само собой, пара поместий в Британии само собой, но и на исторической родине. А уж квартир!

Началось это всё сразу же 26 октября 1917 года. Люди рациональные существа, они сразу всё поняли, и одни стали бросать квартиры и уезжать туда, где не было 25 октября, а другие стали коллекционировать квадратные метры. Вот что имел в виду Булгаков с «квартирный вопрос испортил их». Классы-сословия стали определяться в квадратах. У одного — дециметр у параша, у другого «квартир как грязи», по выражению одной дамы из газеты «Правда». Даже не журналистки, а редактора — но редактора после 26 октября стали хозяевами журналистов, мир перевернулся и тут, и количество квадратных метров стало прямо пропорционально количеству квадратных сантиметров на газетной полосе, которую получил в кормление тот или иной редактор.

В итоге, один москвич живёт с тремя детьми и женой на кухне, а в комнате живёт его бывшая тёща, бывшая жена и бывшие дети, а в другой комнате мать бывшей тёщи и мать настоящей тёщи, и корячится на трёх работах, но на квартплату не хватает, а другой москвич живёт один в такой же квартире, но у него две квартиры, унаследованные от редакторов газеты «Правда», и он их сдаёт.

Это рантье, рантье ленинизма. Однако, есть и анти-рантье. Люди могли бы сдавать избыточные квартиры или даже пустующие комнаты (многие сдают именно комнаты), но — не сдают. Такие анти-рантье распадаются на две полярных группы.

Одни не сдают, потому что деньги не нужны. У человека пара миллиардов на Западе, три поместья в Британии, на Кипре и в Кали-

форнии, а в Москве всего лишь десяток квартир по миллиону долларов каждая — зачем ему их сдавать? Он их держит на чёрный день, для престижа, из ностальгии. При его доходах на квартплату он тратит незаметные для себя суммы.

Другие не сдают по совершенно непонятным причинам. Человек в долгу как в шелку, человек на еду не хватает, не говоря уже о лекарствах, но человек не доест, но не сдаст. Не продаст сгнившую под корень дачку в 200 километрах от Москвы, полученную прадедушкой в поощрение за раскулачивание кулаков или за фельетоны в «Красном расстрельщике». Не сдаст комнату в своей трёхкомнатной, хотя снимут за сумму, которой ему аккуратно на лекарства хватит.

Почему не сдаст? Не из-за интеллигентности. Такой фактор возможен, и бывал актуален на переходе от первого Совка ко второму, в начале 1990-х, но интеллигентность внутри интеллигента есть, интеллигентность и у параша интеллигентность, научились сдавать как миленькие, а Чехова опять стали читать под одеялом с фонариком. Не сдают из антипода интеллигентности — из гонора, самолюбия, эгоцентризма. Как это так — пустить другого в свою жизнь? Жизнь-то редуцирована к квартире.

Человек не помирает, конечно, спасибо Совку, который продолжает оставаться «военным коммунизмом», когда — при Ленине 1918 года — и проезд в транспорте был бесплатный, и квартплаты не было, и селёдка была бесплатной, и дрова. Никакие нэпы и приватизации не затронули этого позвоночника системы. Тот же долларовый миллиардер — глядишь, а у него сохраняется какая-то «льгота» ничтожная. Собственно, Москва втягивает в себя Россию именно потому, что в Москве этот военный коммунизм лучше сохранился. Надбавки, льготы, скидки. Конечно, ленинизм только заострил черты, которые были в российском феодализме много раньше. Плачется такой сын боярский, что «животишко волочу меж двор», а проверишь по писцовым книгам — ого! Пятьсот крепостных душ! Но поплакался — и выбил отмену стрелецких денег, налоговую послабку.

Это была присказка, протоприятка, полуагада, а сказка вот. В душе каждого из нас есть необозримые пространства, а есть обозримые. Необозримые нам неподвластны, слава Богу, а обозримые подвластны, слава Ему же. Так вот — чтобы не сдаться эгоизму со всеми вытекающими типа ожесточённости, поглуплению, дурости, тупости — сдадим часть души другому. С большой буквы или с маленькой, это уж как доведётся. Но — другому. Нуждающемуся. Начиная с Того же, с Бога, Который стучится в нашу душу куда настойчивее, чем мы в Его, и заканчивая тещей бывшей жены или женой мужа бывшей тёщи, а в про-

межутке — ой, только дай объявление «Сдаю!» — и появится, кому сдать. Ещё и выбирать придётся, чего доброго. Так ведь «чего доброго»! Всего доброго!

СНЁС ИЕРУСАЛИМ — ПОСТРОЙ ИЕРУСАЛИМ!

Каждому епископу, каждому священнику, да просто любому христианину случалось минуту «слабости», когда он всерьёз подумывал не ходить более в церковь, ни в какую, забыть про свой сан, а молиться дома и ждать, пока найдётся храм, куда можно ходить без боязни быть обманутым.

Ничего стыдного и нехристианского в этом нет. Люди, которые не ходят в церковь, потому что «вера в сердце», «церковь не в брёвнах, а в рёбрах» (пословица зафиксирована уже в XVII веке), совершенно правы.

Только есть две маленьких подробности.

Во-первых, не ходить в церковь означает взять на себя огромный дополнительный груз. Человек, который не ходит в фитнес-центр, должен больше делать упражнений дома. Намного больше — ведь снаряды в фитнес-центре продуманы так, что можно за единицу времени добиться большего, чем в квартире.

На практике, не ходить в церковь — верный путь к потере сперва навыков молитвы, а потом и веры. Ожесточится ли сердце? Станет ли человек хуже морально? Это совершенно другой вопрос. Однако, думать, что церковь мешает, а не помогает сохранить веру, просто неверно. В 1918-1990 годах многие люди вынуждены были не ходить в церковь, просто потому, что церкви уничтожались, а за хождение в храм наказывали. Большинство теряли веру, лишь единицы, невероятным усилием её сохраняли в одиночестве. Обычно, однако, этому способствовали те навыки, которые были приобретены до ухода в «катакомбы». В наши же дни не в «катакомбы» уходят, а просто расслабляются.

Во-вторых. «Не ходить в церковь» обычно говорят люди, не задумывающиеся над тем, откуда берётся церковь. Им кажется, как детям, что церковь как магазины, хлеб, папа с мамой, есть всегда. Она часть природы. Можно звонить родителям, можно не звонить, они от этого не исчезнут. Можно ходить в лес, можно не ходить, он не исчезнет, не кот Беркли.

Неправда. Даже лес как место отдыха исчезнет, если о нём не заботиться. Огорчённые родители умрут немного пораньше — каждый незвонок отнимает 5-10 минут минимум. Исчезают и церкви. Брёвна отреставрировать — не проблема. Сгорит или сгниёт — восстановим. Если красивая. Памятник. Но богослужение — не восстановимо. Общинная жизнь — не восстановима. Их просто не станет. Исчезнет то, без чего и твоей веры не было бы. Если в одном поколении все будут молча Богу молиться, то в следующем поколении никто не будет подозревать, что можно молиться, что Бог, возможно, есть. Бог, конечно, тоже не дремлет, но начинать заново, с нуля, в каждом поколении роман с человечеством даже Богу может надоесть. Но Бог напряжётся. Вот напрягутся ли люди?

Благоразумие и благодарность требуют, с одной стороны, требовать уничтожения любой государственной поддержки церкви и религии — даже если ты верующий, особенно, если ты верующий — а с другой, усиливать свою собственную поддержку церкви. К культуре, искусству, свободе это, между прочим, тоже относится, это одна и та же история. Убил Будду — роди Будду обратно. Разрушил государственную церковь — построй негосударственную церковь. Так ведь нет — уходят из государства как на пенсию, на пляж, но оказываются не на пляже, в духе нет пляжей, а в духовной и культурной коме.

НЕ ОБОБЩАТЬ!

С заповедями та беда, что их десять. Если заповеди — дело хорошее, то их должно быть больше, — и, действительно, есть религии, в которых заповедей несколько сотен, и всё (почти всё) ясно. Если много заповедей плохо для усвоения — а наука установила, что больше трех уже нужно напрягаться, и кто пытался выучить десять заповедей, тот знает, как это верно, — итак, если много заповедей плохо, то пускай будет какая-нибудь одна. Действительно, были богословы, которые показывали, что и «блаженны плачущие», и «не прелюбодействуй», и еженедельное посещение церкви — всё следует из заповеди о любви к Богу.

Христос хитрый. На вопрос о том, какая заповедь главная — то есть как бы всё это благочестие взять да обобщить, — ответил: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон» (Мф. 22, 37 — 40). То есть, что главная заповедь одна, но есть парная, и она точно такая же. Вроде как два подсвечника из одной формы, но разные. Здесь уже заложены все затруднения с пониманием богочеловечества самого Христа. Понять, как это один — и в то же время два, не легче понимания того, как может единица равняться троице.

Отказаться от понимания Троицы или богочеловечества легко, и большинство, как известно, отказывается, не задумываясь. Обобщить все это дело, и с концом. Обобществление это: извращенное единобожие (един Бог, а что там этот единый Бог со своим Сыном и Духом делает и говорит, нас не касается); расизм (все евреи — жида, все русские — свиньи, все немцы — фашисты); коммунизм (этому удалось обобществить землю, и он всё норовил стереть границы между городом и деревней, головой и кулаком, мужчиной и женщиной). И прочие не менее неприятные вещи, которые можно объединить академическим названием «неаналитическое мышление» либо грубым «вселенская смазь». Смазь, впрочем, все-таки точнее: взяли и смазали все разнообраз-

разие мира пятерней и ржут при виде получившегося пятна — вот, мол, вы это называете красотой мироздания?

Можно ли сказать, что вселенская смазь производится мышлением? Ведь не ладонью же в буквальном смысле — но и мыслью нельзя назвать утверждение вроде того, что не надо сносить памятник Ленину, потому что так мы в конце концов все памятники посносим и останемся вообще без исторической памяти. Это совершенно неправомерное обобщение, противоречащее наблюдаемым фактам. Люди очень даже умеют вовремя останавливаться, и за всю историю человечества еще никто ни разу не выплеснул вместе с грязной водой ребенка, вопреки заявлениям некоторых философов, которые, очевидно, выдумали это изречение, глядя на помывку со стороны.

Мышление по определению есть борьба с обобщением, анализ, расчленение, всматривание в детали. Дедукция и индукция равно вторичны по отношению к этому вглядыванию, они оперируют с уже увиденными частностями. И бороться приходится именно с обобщением, потому что вселенской смази больше — не в мире, в человеке. Коммунизм действительно молодость мира — не детство, то был рай, а молодость, с укоммуниженным яблоком в руках.

Если говорить о том начале, которое у каждого в душе, весомое, как ржавая гиря, а не о том, которое кажется мифом и бабушкиными сказками, — мы все обобщатели. Чтобы быть расистом, коммунистом, циником или балдой, не нужно прилагать никаких усилий. Плёвое дело — объявить всех интеллигентов известно чем, всех верующих известно кем, всех людей известно какими — критиканствующими расчленителями того, что должно составлять сверкающее блистательное целое во главе со мной, любимым.

Не обобщай ближнего твоего, жену его, осла его и дом его. Не обобщай даже заповеди о необобщении. Все-таки Иисус потому и Спаситель, а не идеолог, что не обобщил все многочисленные ветхозаветные заповеди до одной, а притормозил в миллиметре — на двух. Обобщи любовь до любви к Богу — выйдет религиозное ханжество. Обобщи любовь до любви к ближнему — выйдет безрелигиозное ханжество. Так что не обобщай — люби.

НЕ ОБОЖЕСТВЛЯТЬ БОЖЕСТВЕННОЕ!

Человек склонен демонизировать демонов и обожествлять божественное.

Демоны любят, когда их демонизируют. Зло великое и ужасное, пасть ада и адовы напасти, великие преступники, невозможно жить после Освенцима, изнасилования, обкрадывания, супружеской измены, нужное подчеркнуть.

Если бы не Гитлер! Если бы можно было задушить Ленина в колыбели!! Если бы Авель задушил Каина в колыбели!!!

В каждом Авеле достаточно демонического, чтобы стать Каином. Зло — не чудовищное уродство, а обыденность, незаметная именно за привычности. На вопрос, как возможно жить после Освенцима, следует отвечать как на вопрос, когда лучше заниматься сексом, чтобы похудеть — до или после еды. Вместо! Жить — вместо Освенцима, вместо того безвкусного прозябания, которое порождает каинов, лениных, гитлеров.

Кошмар Освенцима начался задолго до Гитлера, когда построили мощный железнодорожный узел, чтобы оперативнее перебрасывать вооружения и солдат, куда надо. Эсесовцы просто вместо того, чтобы вывозить из Освенцима оружие стали завозить в Освенцим евреев; сделали пути сообщения путями уничтожения. Так ведь солдаты и оружие — тоже к уничтожению, не научную же литературу перевозили...

Зло — банально, Освенцим — апофеоз обыденности. Бойся данайцев, которые рано ложатся и рано встают, аккуратно выполняют любые распоряжения начальства, боятся мужа своего и бьют, кого любят, а любят только тех, кого бьют. Иисус сказал, что лежит во зле? Ай, бросьте! Это зло лежит в мире как гусеница в муравейнике, и муравьи с удовольствием растаскивают его по кусочками, чтобы потом поучать попрыгуней, как им умирать.

Найдется, однако, на банальность зла бан добра, на обыденность серости — обыденность сияния. Когда Бог впервые появляется на горизонте, Он кажется таким же невероятным, какой показалась Америка Колумбу. Далеко за спиной привычный надоедливый Старый Свет — но ведь если свет старый, то это уже просто тьма. Хоть бы раз в неде-

лечку вырваться и позолотить этот новый свет, и говорить там не будничным клёклым говорением, а словесы неслыханными.

Добро необыкновенно, Царство Божие не от мира сего, любовь гость случайный, священники не испражняются, да и не едят, проповедники суть ангелоподобные ангелы, а самое страшное — встретить в храме сослуживца. Словно будничная муха в праздничном бокале шампанского. Как, неужели и он внутри себя несёт это же сияние, сокровенное знание? А почему же вчера... да и позавчера... да, откровенно говоря, сослуживец приятный и милый человек, но ведь мещанин.

Обожествление Бога неопитом — такая же банальность, как идеализация любимой девушки. Чем это заканчивается, известно — много чем. Может обернуться разочарованием после свадьбы, когда выяснится, что любимый мужчина не считает нужным сдерживать метеоризмы, а любимая женщина разбрасывает прокладки, где ни попадя. У Бога не метеоризмы, а метеоры, и разбрасывает Он не прокладки, а озарения, идеи, да просто эволюцию с мутациями. Никакой безопасности, справедливости и порядка. Можно называть это рабочим беспорядком, но вообще-то это запущенная, грязная квартира, где всё не на своём месте, причём место — вот оно, очевидно, а вот не на своём! Риэлтеры называют такие квартиры «убитые».

Правда,отремонтированные квартирыне называют воскресшими. Стерильность и аккуратность — не ответ на проблему зла, а хорошо выбритое и выкрашенное зло. Но ежедневно начисто подбриваемый лобок не становится лбом, и слава Богу!

Открывает человек Америку, Бога или семейную жизнь, он одинаково сперва идеализирует, а потом разочаровывается. Идеал внушает трепет, а реальность — страх. Обыденность обыденности страшнее смертного греха. Даже красота не спасает мир, который к тому же совершенно не просит о спасении. Красоте вообще не до мира, ей нужно всюду успеть — и на работу, и в магазин, и просто отдохнуть. Всё страшно предсказуемо, и это страшно.

Вот на этой стадии обычно и совершаются разводы, самоубийства, предложение своих услуг кровавым хунтам. А кровавые хунты ещё и переборчивы, потому что на рынке предательства и уныния спрос всегда меньше предложения. Большинство предательств приходится совершать бесплатно, в порядке хобби.

Так что по второму кругу, по двести двадцать второму выходит полный еkkлесиаст. Обыденность зла оказывается в квадрате и в кубе, потому что зло не только в зле как таковом, а в добре. Хорошие люди совершают дурные поступки, — это не так страшно, как хорошие по-

ступки хороших людей. Дурные поступки царапают, мучают, убивают, но хотя бы не разрушают недостижимых идеалов, сияющих в высоте, даже составляют фон, на котором эти идеалы особенно хорошо сияют, как на чёрном бархате. Хорошие поступки являют идеалы во всей их неприглядной пошлости. Одно и то же, одно и то же. Душа жаждет иного.

Человек, как и всё живое, ориентирован на предсказуемость. Чем выше по эволюционной лестнице, тем больше потребность и способность предвидеть будущее, приспособливаться к нему и приспособливать будущее под себя. Способность человека предсказывать и адаптироваться настолько превосходит аналогичную способность у всего остального, что, видимо, он имеет право называться венцом творения. Право имеет, а хочется совершенно другого — не права, а жизни, причём главным признаком жизни для человека является как раз непредсказуемость. Как если бы чемпион мира по фигурному катанию мечтал, чтобы ледовая арена была бушующим океанским прибоем, и он эдак на гребне, на гребне...

Больше всего человек боится того, чего более всего жаждет. Самый глубинный страх — не перед тем, что нас не любит, не перед тем, что нас любят банально, механически, а перед любовью настоящей, взрывчатой, творящей новое. Мы этого и в других боимся, и в себе боимся. Только наладишь жизнь, и вдруг отколешь что-нибудь эдакое — невероятное, чудесное, великое, но совершенно невмещающееся в быт. То ли теперь монашество принимать, то ли революцию делать, то ли за нобелевкой бежать. Так ведь и с другими точно так же — пока они обыденно предсказуемы, с ними скучно, и неважно, предсказуемы они в плохом или в хорошем, а когда они выдают на гора что-то из серии айдапушкин-айдасукинсын, с ними жутко.

Мы живём лицом к лицу с Ликом. Мы обнаруживаем, что вокруг роится невероятное. Проза жизни оказывается постоянно включённой в исключительное. То мощное и ровное гудение, которое делает жизнь живой, оказывается гудением мощного трансформатора. К нему и приближаться нельзя, а мы на нём, оказывается, живём!

Кто этого не боится, тот идиот, кто этого не замечает — подлец, кто от этого убегает — покойник.

Даже те, кто не слыхал о Гегеле, склонны думать по Гегелю о жизни как о тезисе, антитезисе, синтезе. Проще говоря, товар — деньги — обед. Обыденное — исключительное — счастье. Неверие — вера — Бог. Мужчина — женщина — дети. Кобыла — щелчок — взмахивание хвоста.

Дудки! Накуси-выкуси! То есть, всё, конечно, именно так, и все наши святыни и ценности это всего лишь подрагивание хвоста какой-то вселенской кобылы, которая жуёт мироздание и от этого разбегаются галактики. Можно это обожествлять, можно это проклинать, неважно. Главное, не забывать щёлкать вселенную по носу, чтобы оставаться в живых. Но! Оставаться в живых не означает жить. Жизнь и без нашего участия — жизнь. Нас не было, нас не будет, а то, что нам казалось обыденностью — не просто неизменно, а насыщено, живо, пропитано необыкновенным, необыденным, ежесекундно взрывается творческими сверхновыми. Это мы, грешники, превращаем необыденное в обыденное, чтобы не мешало жить, а оно-то и есть настоящая жизнь, и обиден день, когда никто ничего не сотворил. Да и нету нетворческих дней — есть дни, когда мы не заметили Творчества, когда мы гневались и сердились, унывали и плакали, заливали необыденное слезами, чтобы было царство нашей обыденности, квёлой и пресной. Но есть, есть необыденная обыденность, наперсники разврата, и обыденная необыденность тоже есть, и не бояться её надо, а вступать с ней в интимные отношения, и будь то, чего ещё не было, чего не должно и не может быть.

НЕ ФИНТИТЬ!

Среди утраченных и ненаписанных заповедей наверное была одна для тех, кто горазд искать утраченные заповеди: «не финти». Или «не выпендривайся», а на языке иероглифов — изображение правой ноги, соединенное с изображением левого уха. В общем, в этом веселом мире не всегда кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая, не всегда самый узкий путь — самый верный, но всегда сломаешь себе шею, если будешь думать о том, как ты выглядишь со стороны.

Кто хорошо играет в мяч, тот может позволить себе финт. Но кто хорошо играет, тот финтит реже, чем играющий плохо.

Правда, «финт» пришел не из игры в мяч, как легко было бы решить. Финт, винт... закрутить мяч винтом — не обязательно это баскетбольный мяч, это может быть и бильярдный шар, который, в конце концов, тоже мяч — вернее, скелет мяча.

На самом деле, «брат, не финти!» — впервые сформулировано Грибоедовым. Слово пришло из карточных игр. И вовсе финт не от винта. Немецкое «финте», итальянская «финта», французское «фент», наш финт — все от латинского «фингере», «касаться».

Против финтов есть у шахматистов заповедь: «Тронул — ходи!». Если человек коснулся одной фигуры, другой, третьей, то он финтит, он уже не столько играет с противником, сколько играется противником.

Конечно, бывают и любящие прикосновения, ну так ведь не о любви же речь, а о сражениях, настоящих и ненастоящих.

В сражениях шуточных финт — удар кручёный («крутить», «юлить» — значит «лукавить», а уж такое лукавство, объяснять не надо, сатанизм это). Финт есть притворство, расслоение реальности, симуляция, когда человек прикидывается, делает вид, что ударит правой, а бьет левой.

Финтить означает уметь сочувствовать другому человеку: представлять его мысли, ощущения, реакции.

Финтить означает знать окружающий мир хоть немного, а лучше, чем знает его другой. Как полетит мяч, если ударить его не по центру, а в краешек? Кто финтит, тот знает.

Финтить означает знать себя лучше, чем знает себя средний человек. В конце концов, кто финтит, должен быть готов к неудаче, к поражению, к тому, что финт сорвется. Кто готов на финт, тому неважен выигрыш, тому даже безразлично, выигрыш или проигрыш, тому интереснее процесс.

Потому и «не финти!». Одно дело быть готовым к поражению, отказываться от сражения, идти на Голгофу, «но поражения от победы ты сам не должен отличать» и прочая, и прочая... И совсем другое дело — делать вид, что идешь на Голгофу, тогда как ты идешь в пивную.

Впрочем, наоборот — ничуть не лучше. Христос, разумеется, мог бы нести крест с приплясом. Мог бы Пилату устроить превращение воды в отличное вино, чтобы тому нечем было руки помыть. Мог бы Иуде посочувствовать, а не хамить: «Что делаешь, делай».

Человеку свойственно думать, что все вокруг финтят — даже Бог. Именно Бога в первую очередь подозревают, и поэтому в Него не верят — такой вот замечательный финт. Всё кажется, что Бог сотворил нас такими, какие мы есть, не просто так, а с какой-то скрытой целью. То ли Ему захотелось, чтобы появилась в мире Сикстинская капелла с дивными росписями или Сороковая симфония Моцарта, то ли Ему скучно стало, то ли Ему... В общем, главное — что Бог рассчитывал на наше богоотступничество. Как бьющий по мячу внутренней стороной стопы футболист рассчитывает, что мяч полетит не как обычно, а совсем иначе, но при этом делает вид, что это мяч сам так полетел.

В результате человек, пытаюсь быть Богом, начинает финтить направо и налево. Кончается это все печально, и не потому, что нужно быть Богом, чтобы удачно финтить, а потому, что какие уж там финты! Как будто лишь самый умный и любящий ученик может предать, а без этого ни распятия не будет, ни воскресения. Любой предатель думает, что он не предает, а финтит.

Победить зло невозможно, но отказываться от сражения со злом стыдно, а сражаться со злом его же оружием — означает сдаваться еще до победы. Финт и есть попытка использовать слабые места зла для победы над ним, ложью ложь поправить. Поэтому финты так не

любят — ведь всякому неприятно чувствовать себя злом, ходячим сатаной. Человек, причем всякий человек, достаточно человечен, чтобы сражаться даже с самым отъявленным злодеем, не прибегая к обманам и, тем более, к полуобманам.

Разведчики не выигрывают войн, хотя по фильмам о разведчиках этого не скажешь. Враг всегда кажется лживым и подлым существом, но опасно и бесполезно отражать эти его качества, надо отражать нападение врага.

Финтить можно — каждый может усовершенствоваться до того, что в какой-нибудь одной хотя бы сфере будет что-то знать лучше, чем возможный соперник, будет знать назубок все возможные ходы-выходы, превозможет стремление всех подавить и потому освободит себя для лишних движений, для обманных ходов, для развлечения вместо сражения.

Именно потому, что финтить можно, финтить нельзя: слишком трудно остановиться. Научиться обманывать и симулировать нетрудно, трудно обманывать и симулировать лишь тогда, когда это нужно. Более того: финт отравляет саму игру. «Майн кампф», «моя борьба» — агрессивно, занудно, опасно. Но «Мои финты» было бы еще хуже — не для окружающих, с финтами до фюреров не доходят (с нимбами, кстати, тоже, отметим на всякий случай), а для того, кто финтит. И сколько людей погибло, превратив жизнь в вереницу механически затверженных, бесконечно повторяемых к месту и не к месту уловок и уверток, кручения и верчения... Больше только людей, которые еще не погибли, а которые финтят и юлят вот сейчас, в надежде выиграть там, где можно лишь спастись.

НЕ ПОБЕЖДАТЬ!

Летописец в Средние века написал: «Не в силе Бог, а в правде», а Дмитрий Лихачев в советское время пояснил: «На современном языке это означает: побеждает правый». Что вызывает в памяти цитату из школьного сочинения:

«Девушка сидела на берегу озера и доила корову. В воде же всё отражалось наоборот».

Насколько причудливо было бы зрелище коровы, которая доит девицу, настолько же причудлива душа, для которой слова «не в силе, а в правде» точно отражены словами «сила за правдой». Дух рябит, как озеро в ветреный день. Старинная пословица — заурядный христианский парадокс, как «свет во тьме светит». «Перевод» же его на современный язык оказался гранитной банальностью и похоронил под собой христианство вообще и древнерусское благочестие в частности.

Конечно, средневековые братья по вере предпочитали, чтобы сила и правда пребывали вместе. В душе русского православного в 1970-е годы, когда Лихачев переводил христианство, было нетрудно найти мечту о принудительном переводе советских издательств на печатание православных трудов и чаяние увидеть выход государя императора из Успенского собора.

Через четверть века все эти мечты сбылись. Как и всегда, большой радости это не принесло. Глава государства, выйдя из Успенского собора на Пасху, поздравил всю страну в прямом телевизионном эфире с днем рождения Христа. Потом пришел другой, который ничего не путал. При обоих денег из казны капало немало. Но даже те православные, которых замочило, не повеселели, а иногда стали даже более печальны и тревожны, чем во времена подполья. И дело не только в том, что чем больше дают, тем больше хочется. Совесть мучает.

Христианин не может не чувствовать разницы между крестом нательным и крестом на шапке Мономаха. В Евангелии говорится о том, что христианин получит венец, но все-таки имеется в виду от-

нюдь не царская корона, а, как ни странно, спортивная награда. По сравнению с вечностью то, чем в основном занята голова здесь, — в лучшем случае спорт. Так, Москва по сравнению с Небесным Иерусалимом — в лучшем случае Вавилоновка (а в худшем — Вавилонская башня).

«Побеждает правый» означает: «Кто победил, тот и прав». А дальше все зависит от нашего горизонта. Если ограничиваться миром сим, то побеждают часто неправые — и даже чаще побеждают неправые, как бутерброд чаще падает маслом вниз. А если не ограничиваться миром сим... Но там уже нет ни боя, ни соревнования, там просто правит Правда, никого не удосуживаясь побеждать, не поражая и не поражаясь.

Летописец заглядывал за горизонт. Переводчик летописца писал о земном и потому, объясняя, как это правый всегда побеждает, когда на самом деле вовсе не так, пояснял:

«Победа его [правого!] не всегда внешняя, но всегда моральная».

Увы! «моральная победа» — это слишком много. Разумный человек в здравом уме и, главное, в здравой памяти не заявит, что он кого-либо морально превозмог и все искушения отразил.

Мораль — всегда отвес. Проверить им прямизну стены можно, но нельзя построить из отвесов дом и в нем жить. Нравственный человек всегда — ванька-встанька, снова и снова падает и восстает с надеждой на прощение. Впрочем, нет безнравственных — есть падшие и есть падшие, пытающиеся подняться. Ваньки-встаньки и ваньки-лежаньки.

Хорошо, когда есть вера. Христианство как спасительный груз в «ваньке» не дает окончательно свалиться самым пассивным верующим. Какая уж там «моральная победа», когда в любой момент тебя могут ткнуть носом не только в собственные грехи, но и во все грехи всех христиан, вплоть до Торквемады. И не отвертись — соборность включает в себя коллективную ответственность, как голова включает в себя шею.

«Моральная победа», однако, — и слишком мало. Что это за победа, о которой знаешь ты один, которой один упиваешься? «Внутренняя победа» может стать очень подлой штукой, когда уверенный в своей внутренней победе человек внешне подличает, лебезит и склоняется перед теми, кто победил его морально. Если такой человек —

христианин, он спокойно принесет жертву хоть Зевсу, хоть Афродите; ведь внутренне он все равно победил грех.

Нет уж, увольте! Волк в овечьей шкуре или без нее — благороднее овцы, в глубине души жаждущей крови. Морально, возможно, такая овца и победительница, но уж очень она противна.

За Христом идут не потому, что Он морально победил Своих палачей — Он с ними и не сражался, — а потому, что Он победил смерть, и с тех пор бессильны все палачи мира. Вот такая победа — это христианство!

Моральная победа — зачем она нужна? Морально, может быть, казнившие Иисуса были победителями: перед ними был диссидент и богохульник. Но победа над смертью, победа над грехом и злом в мировом масштабе — вот это для нас!

Конечно, не отражать — трудно. Строго говоря, даже невозможно. Бывают неотразимые люди, не бывает людей, которые никогда не отражают. Это ведь животный фундамент человека сам, без нашего вмешательства, отражает любое нападение.

Правда, животное знает, когда нужно не сопротивляться, а упасть и лапы кверху, а дальше уж как повезет. Человек — более жесток, он может сформулировать принцип «лежащего не бьют», может и нарушить этот принцип. Вот почему даже слабые, ничтожные люди все-таки предпочитают отражать нападение. А вдруг победим?

Тем не менее христиане, с одной стороны, просто разумные люди, с другой стороны (не говоря уже о том, что среди христиан встречаются разумные люди, а среди разумных людей встречаются христиане, причем это четыре совершенно разных человеческих типа), все-таки предпочитают не отражать.

Возможный проигрыш в случае победы больше возможного выигрыша. Понятно, что можно выиграть, победив: жизнь, квартиру, богатство, славу, Курильские острова, свободу. А проиграть можно собственную жизнь, превратившись из субъекта в надутый, светящийся от самодовольства объект. И неважно, моральная победа, военная победа — любая победа развращает, абсолютная победа развращает абсолютно. И лучше не отражать, чтобы никогда не кичиться собственным отражением.

НЕ ПОНИМАТЬ!

Человек есть существо понимающее. Как я понимаю людей, которые не желают ходить в церковь! Публично молиться — всё равно, что публично заниматься сексом. Все на тебя глазают, все думают: «Ишь, какой (какая), хочет веру свою показать, не может дома с Богом поговорить». Беда в том, что я понимаю и людей, которые в церковь ходят. Все-таки молиться — не совсем то же, что заниматься сексом. Молитва — разговор, и странно было бы пользоваться даром речи только с глазу на глаз.

Конечно, если определить молитву как разговор человека с Богом, то молиться хором нельзя. Тогда, может быть, стоит определить молитву как человеческий разговор с Богом? Тогда время от времени просто необходимо молиться хором, чтобы победить то нечеловеческое, что часто рождается во время молитвы наедине: самодовольство, сомнения, бесчувственность. В конце концов, надо же попытаться понять и Бога. Если бы Он хотел, чтобы с Ним общались только поодиночке, Он бы как-то иначе организовал человечество. Но неужели Он настолько отличается от нас, что Ему неинтересно бывать и с каждым наедине и сразу со многими?

Как я понимаю людей, которые терпеть не могут архиереев, священников и вообще всех, кто получает зарплату по церковной линии, а ещё больше тех, кто совершенно бескорыстно подчёркивает свою религиозность и проповедует, проповедует, проповедует!..

Ну почему, в силу какого идиотского закона в религии засилье полнейших идиотов, развратников, карьеристов, сволочей? Ну почему же, почему даже порядочные люди вступают в Церковь как в партию — начинают о чем-то умалчивать, что-то приукрашивать, изворачиваться? Почему именно в Церкви умные люди начинают глупить и глупеть, честные втягиваются в воровство, софистику и ложь? Почему именно там, где говорят про белые одежды, так черно от подлости и наглости, что мало-мальски живая душа, в обычной

жизни просто незаметная, в Церкви кажется бриллиантом на черном бархате?

Ведь именно верующие виноваты в том, что верующих так мало. Какой нормальный человек захочет пойти туда, где, прикрываясь Богом, над ним будут измываться, ездить на нем, отыгрывать на нем свое самолюбие и вонючее тщеславие?

А как не понять тех, кто не верит во всемогущество Божие! Противно слушать, как объясняют, что Бог терпит всевозможные гадости для блага человека, чтобы не порушить мою драгоценную свободу воли. И ведь добро бы верующие только этим софизмом ограничивались: мол, всемогущество Божие есть, да не про вашу честь. Но вдвойне противно, став верующим, узнать, что, оказывается, всемогущество Божие вовсе не спрятано где-то в яйце, а оно тут, рядышком. Оно, оказывается, действует! Это оно, оказывается, мне всю жизнь изгадило, для моего же блага.

Проповедники словно вор, укравший кошелек и объясняющий, что это так и надо, чтобы у меня не было денег. Их послушать, так в мире вообще нет несправедливости и зла, и не Бог виноват, а я, если мне кажется, что меня оплевывают, обкрадывают, топчут ногами. Куда ни ткни, всюду Промысел, стоит на стрёме и готов оправдать любой грех — любой, кроме моего.

Очевидно, что умение понимать означает ещё и умение не понимать. Истинный профессионал не тот, кто может что-то делать, а тот, кто может не делать того, что может. Плохой профессионал будет служить и подлости, оправдывая это тем, что служение — его профессия. Хороший профессионал скорее удавится, чем удавит.

Полной симметрии между пониманием и непониманием нет. Заповеди «Понимай!» не нужны: всякий и так умеет понимать. А вот заповедь «Не понимай!» нужна. Она есть частный случай заповеди «Не сотвори себе кумира!». Ну как не понять, что очередной Александр Македонский — Дионис, спустившийся на нашу грешную землю, чтобы объединить национальные кварталы в эллинистическом синтезе, и потому надо топтать в его когорте вплоть до помывки в Индийском океане? Ну как не понять, что в певце таком-то воплотилась вся гармония мира и потому надо ездить за ним, не пропуская ни одного его концерта? Ну как не понять, что природа — мать, и потому стоит младенчика зарезать перед изображением этой матери? Кушать хочешь, а что без жертвоприношения засуха будет, не понимаешь?

Нетворение кумира, однако, есть процесс отрицательный, даже нигилистический и атеистический. Можно даже сказать, что и вторая заповедь лишняя, она вполне следует из первой: если есть один Бог, то больше никаких богов нет. Какие уж тут кумиры и концерты — верующий должен быть атеистом и скептиком о всех и о вся, кроме Бога. Собственно, только верующий и может быть действительно вольтерьянцем, и Вольтер-таки действительно был верующим — если, конечно, доверять самому Вольтеру.

Непонимание есть интеллектуальное измерение того, что библейский псалом поэтически называет «нехождением»: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Вообще ведь, это совершенно поэтическое, чтобы не сказать бредовое, утверждение. Если я не пошел на какой-то совет, откуда я знаю, что совет — нечестивый?

Нечестивым является совет, на который нельзя не ходить. Вот в церковь можно не ходить, я сам не ходил много лет, да и сейчас пять дней в неделю не хожу, а захочу — вообще не буду ходить. Сколько великих святых не ходило в церковь — Мария Египетская, которая предпочла поселиться в пустыне, к примеру, или Амвросий Оптинский, который просто так болел, что влѣжку лежал. И — ничего, канонизировали. А совет нечестивых не терпит, чтобы им манкировали. Он требует понять, что ты должен на него прийти, — а Церковь понимания не требует, что часто, но совершенно не по делу, ставится нам в упрек. Ну не надо всегда всё понимать, а иногда даже нужно не понимать!

Непонимание может быть и даже должно быть очень творчеством. На понимании стояла советская власть, и даже не на понимании марксизма-ленинизма, который пониманию недоступен, а на понимании подлости. «Старик, ну ты же понимаешь, что это невозможно...», — вот самая большая военная тайна, которую берегут герои Гайдара, да и сами Гайдары.

Когда бьют и пытаются — это от бессилия идеологии, а сила совка именно в уверенности, что и без всяких пыток надо идти на тысячи маленьких безнравственных сделок, потому что уши выше лба не растут и плетью обуха не перешибёшь. Как один иеромонах, провозгласивший себя на заре перестройки самым большим другом убитого отца Александра Меня, ставший игуменом и митрополичьим секретарём, ответил мне на просьбу посмотреть личное дело Меня в кон-

систорском архиве: «Старик, ну ты же понимаешь, что это невозможно!».

Нет! Не понимаю!! Обязан не понимать!!! И я, и он обязаны были не понимать, а верить, что посмотреть бумажки эти ничтожные возможно, разве что надо было чуть напрячься и рискнуть, чтобы эту возможность реализовать, — а он понял, что напрягаться невозможно. А другие поняли, что нельзя закрыть Лубянку, а третьи поняли, что нельзя охотиться на ведьм. И вот результат: монах тот уже давно перебрался в Германию, стал католиком, да еще ругает Меня, что тот ему помешал стать католиком сразу. А другие давно уже ведут охоту на безоружных людей — с применением бомбардировщиков, танков, омовцев, милиции (произнося при этом заклинания о необходимости понимания борьбы с терроризмом). Но мы поняли, мы вошли в положение этих бомбометателей. Мы потому и не можем выйти из своего положения, что вечно входим в чужое.

Когда я прошу объяснить, из каких таких шишей нищие служители нищего Христа ездят за границу десять раз в год, катаются на иномарках и покупают в Москве квартиры под православные университеты и библейские школы, я слышу в ответ: «Старик, ну ты же понимаешь, что в наших условиях невозможно вести нормальную открытую отчетность!». Нет! Не понимаю!!

Моя обязана твоя не понимать, потому что честность с поправкой на местные условия — это и есть коррупция. Предательство — это верность с пониманием, смертная казнь — это милосердие с пониманием, и так можно до бесконечности, но не нужно. Моя обязана держаться подальше от тех, кто не даёт отчёта в расходе денег, пусть даже жертвователи отчёта не требуют. Моя не объяснения нужны, а отчёт. Понять я могу всё без объяснений, мне нужно проверить как цифирки складываются. И ведь не радуйтесь, атеисты, в Церкви как раз меньше таких ходячих чёрных дыр, которые всё засасывают в себя и ничего не выдают наружу.

Я могу понять, почему «демократ» требует убивать «потенциальных террористов» (это даже полезно понимать, потому что кто не потенциальный террорист, хотя бы иногда). Конечно, можно понять и предательство, и сделки. Это понимание и есть тот самый жёрнов, который тянет человека на дно. Это не означает, что всякое понимание таково, надо рассматривать каждый случай в отдельности, но ведь сатанинская придумка в том и состоит, чтобы высмеять рассмотрение,

чтобы смешать всё в одну кучу — и настоящее понимание, и мышление над тем, какое из двух мохнатых плечиков поцеловать, какую из семи голов дракона оставить.

Древние римляне смеялись над древними иудеями: у тех в Святая Святых было пусто. А ведь какой был богатый выбор: и Юпитер громовержущий, и Астарта многогрудая, и козлоногий Пан, и мрачная Гекуба. Римляне всё понимали и, как и подобает людям с понятиями, разграбили и сожгли Иерусалим, и Христа распяли всё-таки римляне и именно по своим понятиям. И если от врагов Рим спасли гуси, то от римских понятий Рим спасло непонимание, отказ понимать собственных богов, верить в ценности империи, в могущество римского меча. В нынешних римских храмах алтари пусты, и пуст Пантеон. Крест перечёркивает возможность понять то, что слишком хорошо понимали те, кто наполнял Пантеон божествами. И блаженны непонимающие греха, ибо их понимает Тот, Кого поняли слишком хорошо — и распяли.

НЕ БЕЙ СТАКАН СО СВЯТОЙ ВОДОЙ!

Кто веровал и мыслил, тот не может слегка не презирать религию. Кто просто жил и мыслил, тот презирает религию не слегка. Кто веровал и не мыслил, тот любит религию, — грех простительный, хотя, разумеется, всё-таки грех, ибо вера есть любовь к Богу, а не любовь к религии.

Религия есть необходимое добро — а необходимость так же к лицу добру, как корове седло. Необходимость есть черта зла, поэтому многие люди считают религию злом. Но что ж делать: опыт показывает, что необходимо выражать самые свои интимные переживания во внешних формах. Это так же глупо, как регистрировать брак в государственном заведении, но это похвальная глупость.

Любовь с паспортом комична как голый мужчина в носках. Однако, голый мужчина в носках есть живое белковое тело, много на что интересное способное. А носки без мужчины, как бы они ни были красиво упакованы и разложены на магазинной полке — недоноски в самом буквальном смысле. И жизнь многих мудрецов — всего лишь витрина с носками.

Религия, конечно, имеет к духовной жизни такое же отношение как стакан к воде. Но уж такое-то отношение она к духу точно имеет. Разумеется, было бы лучше жить где-нибудь у родника (но только чтобы на вилле был тёплый туалет и кульный интернет) и пить лишь хрустальную и холодную воду. В жизни вечной, надеется религиозный человек, так оно и будет (в смысле воды). Вряд ли вполне разумны те, кто под предлогом, что одну и ту же воду можно разлить в стаканы разного цвета и различной формы, обходятся вообще без стаканов, да и без воды. Так, на спирту духовном всю жизнь и живут.

В конце концов, не так важно, откуда человек пьёт, как важно, способен он после этого напоить страждущего или нет. Иисус, во всяком случае, чаще говорил не о том, что верующие в Него радуются, словно пьют родниковую воду, а о том, что верующий в Него — тот, кто даст напиться, из кого любовь струится словно из родника.

Пить ради питья — алкоголизм, в том числе духовный. Человек создан брать, чтобы отдавать и отдавать с прибытком.

Стакан веры всегда полон наполовину. Это если человек с кем-то своей верой поделился. Иногда стакан веры наполовину пуст — это если человек ни с кем ничем не делился, даже спичками. Спичкам-то не страшно, а вера от скупердяйства испаряется.

Определить, полон стакан веры наполовину или наполовину пуст, невозможно не только стороннему наблюдателю, но и хозяину стакана. Это специально так отлит стакан — для смирения. Зато можно другое: наблюдать за тем, как ведёт себя вода в стакане.

Религию всё время лихорадит. Справедливо, что религия более стабильна, чем политика или культура, тут всё измеряется тысячами, а не годами. Но это если речь идёт о больших изменений, системных. На личном уровне всё прямо наоборот: человек религиозный больше дёргается, чем человек политический. Один и тот же человек острее откликается на происходящее как верующий, а не как гражданин.

Вот в России 1990-х годов тяга к свободе оказалась кратковременной, поверхностной, и к 2000-му году уже самым безразличным или пристрастным наблюдателям было ясно, что свободу променяли на похлёбку. Чечевичную, зато даровую. Это если в масштабе всей страны. Но было нетрудно предсказать, чем кончится дело, если приглядеться к религиозной сфере. А тут: уже через три месяца после августа 1991 года, который многими рассматривался как прорыв к свободе, демократичнейший патриарх обратился к демократичнейшему президенту с секретнейшим письмом, в котором просил ограничить свободу проповеди для всех, кто ему, патриарху, кажется конкурентом.

Просьба эта была удовлетворена лишь семь лет спустя, но идея была подхвачена — безо всякого приказа сверху, даже теми, кто не любил патриарха и Церковь вообще. Идея не в письме была, а в воздухе. Люди, которые про религию вообще знали только то, что на Пасху надо выпивать больше обычного, с жаром клеймили иноверцев за посягательство на основы, за импорт чуждой идеологии, за зомбирование несовершеннолетних.

Спустя десять лет все те же самые обвинения стали выдвигаться в массовом порядке против чеченцев, мусульман, демократов, журналистов, бизнесменов, в том числе, и против тех, кто когда-то выпу-

стил из бутылки джинна нетерпимости («джинн» по-арабски — «дурак»). Но первым был стакан со святой водой.

Потому что если на капот даже самого лучшего автомобиля, который и при работающем моторе кажется абсолютно неподвижным, поставить стакан с водой — вода будет подрагивать. Человек, который пропустит мимо ушей оскорбление в адрес живого президента, дёрнется, если что-нибудь не так скажут про давно умершего монаха. Он проявит интимнейшие чувства — кстати, не обязательно агрессивные. Это могут быть и добрые чувства, и реакция может быть вполне разумной. Отмены рабства тоже, между прочим, стали первыми добиваться верующие люди. Не все, к сожалению, даже, прямо скажем, единицы — но неверующим на рабство и вовсе было наплевать.

Вера делает человека похожим на канарейку: ему требуется совсем мало воздуха, но уж этот воздух должен быть очень чистым. Шахтёры в восемнадцатом веке брали канареек с собою в шахты — от появления метана птички падали в обморок раньше человека. Религия — индикатор опасности или, во всяком случае, того, что кажется опасностью.

Так что даже неверующим историкам, политологам, журналистам, да и просто обывателям стоит приглядываться к стакану с водой вечной жизни не только, когда наступает какой-то большой церковный праздник. Не стоит плевать в этот стакан — им пользуются и такие персонажи, которые могут в ответ отхаркнуться отнюдь не святой водой.

Бить этот стакан тоже не следует. Конечно, не всегда перед смертью хочется пить. Если постараться, к старости мотор так заглохнет, что и на пороге смерти человек будет убеждён: всё в порядке, он едет на полной скорости. Просто пейзаж стал однообразным, всюду одна пустота, неподвижность и серость. А всё-таки, поплеывая на святую воду, гляди на круги, ею образуемые: а не как это не тот круг, который символ вечной жизни, а тот, который круг ада.

ЗА НЕВЕРИЕ В СИЛУ ВЕРЫ!

«Сила веры» — одно из самых распространённых выражений, одно из самых ошибочных. «Вера горами движет» — так понимают слова Спасителя, а ведь при внимательном прочтении нет в Его словах ничего о том, что горы движутся верой. Если будете иметь хотя бы маленькую веру, то скажете — и гора переместится. Но из этого не следует, что гору сдвигает вера. Гору сдвигает Бог.

В лучшем случае, «сила веры» — это перенос значения с предмета на признак предмета. Как «сила гнева» — ведь не гнев разрушает, человек разрушает. В худшем случае — и, увы, очень распространённом — «сила веры» это как антропоцентризм против гелиоцентризма. Если важна сила веры, то важен носитель веры. Человек в центре. Это обычное идолопоклонство.

На практике, человек, обретший веру, обретает чувство силы. Но всё-таки вера это не звёздные войны и «да пребудет с тобою сила», вера это мир на земле и «благословение Господне на вас». Не моё, благословляющего, благословение, а Божие благословение.

Верующий не сильнее неверующего как физик не сильнее землекопа. Верующий знает больше, но это знание — не сила, это знание — о силе. Интуитивно человек склонен думать, что вера укрепляет — и при этом мы проглатываем то самое звено, которое, собственно, и укрепляет — Бога. А Бог, в отличие от веры, абсолютно самостоятельное живое существо. Захочет — укрепит физически, эмоционально, финансово. Не захочет — не укрепит. Мало ли какие у Него соображения на наш счёт!

В конце концов, вера — сила не потому, что подбадривает, а лишь потому, что вера — в Бога. Бог есть — вот вся наша «сила». В каком-то смысле — да, сознавать присутствие Божие это как понимать, что ты стоишь не просто на улице или на лужайке, а что под этой лужайкой замаскирована, к примеру, пусковая шахта ракеты с атомной бомбой. Это не твоя ракета, и ты не ракета, но всё же чувство-то будет ого-го! Как стоять рядом с электрическим распределительным

щитком — гудит, прямо-таки чувствуешь, как что-то тебя пронизывает... А ничего особенно не пронизывает, и ты вовсе не терминатор.

Сила веры, в конце концов, это всего лишь слабость человека. Рядом с Богом человек-то и понимает вполне свою слабость. Лягушки мы все на бегемоте. Не более того. Но — и не менее. Всё-таки Бог не трансформаторная будка, Бог — как жена или как муж, в общем, это кто-то за тобою, кто, может, и не рядом сейчас, но ты знаешь, что защищён. Тоскливо, отчаянно, а всё же Он-то есть — и уверенность в том, что Бог увереннее тебя (в отличие, кстати, от жены или мужа, которые, в общем-то, и есть ты), это и есть вера. Оставим веру в силу веры неверующим, а сами поживём, как говорил апостол Павел, своей слабостью, веруя в то, что Богу виднее, как распределять силы, престолы и прочие цацки духовные. Уставшие, на обочине — зато в вере, не более и не менее.

ЗА ЗДОРОВОЕ МЫТАРСТВО!

«Никто не может служить двум господам : ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24).

Не знаю, приходилось ли аргентинскому писателю Кортасару собирать налоги, но у него есть общие черты с евангельским мытарем. У обоих неизвестно где находится ударение: на последнем ли слоге или на предпоследнем. Оба знамениты. И у обоих, при избытке почитателей, очень мало подражателей.

Ладно, что у Кортасара мало подражателей. Хорошо ли, что их мало у мытаря? Впрочем, вряд ли мытарь очень радуется, глядя и на тех своих последователей, которые имеются в Церкви. Нас даже слишком много — переодетых фарисеев, с чувством глубокого удовлетворения восклицающих: «Боже, милостив буди мне, грешному!», а в глубине сердца шепчущих: «Благодарю Тебя, Господи, что я не таков, как эти фарисеи...»

Иногда кажется, что не быть фарисеем просто невозможно: стоит смириться, как начинаешь гордиться смирением. Как порочному человеку вырваться из этого порочного круга? Может быть, поняв, что праведность мытаря — это еще не вершина добродетели?

У мытаря, каким он запечатлён евангельской притчей, тоже, возможно, есть отрицательные стороны. Иисус хвалит его только за отсутствие гордыни — это для нас урок. Но мытарю и не было, чем гордиться, дела его были неприглядны, ибо он был правительственный агент, что когда-то считалось пороком (к тому же он был агент оккупационного правительства, что считалось пороком всегда). Но не хотел же Христос сказать, будто надо жить, не имея предлогов для гордыни, будто надо быть не только смиреннее, но и грешнее фарисея. Мы должны превзойти фарисея праведностью, а мытаря — смирением.

Церковь недаром из года в год посвящает неделю не одному мытарю, но и фарисею. Оба хороши: один приносит Богу вершки — все

видимые добродетели, оставляя сатане корешки своего характера; другой, вкореняя сердце в добродетели, лукавому оставляет вершки — ведь нам ничего неизвестно о добрых делах мытаря. В целом, оба они — двоеверы.

Мы недаром поминаем этих двоеверов: они покровители нам, двоеверам же. На слова Христа: «Не можете работать и Богу и маммоне» (а «работать» для Бога и есть «веровать»), — мы вправе ответить: «Можем! Господи, можем!».

Конечно, Господь знает наши способности. Когда Он утверждает, что никто не может служить двум господам, Он не отрицает фактов работы по совместительству. Он только объясняет, что совместительство может быть лишь временным. Рано или поздно одного господина начинаешь любить, а другого — ненавидеть. Уходишь, естественно, к любимому. Здесь различие между мытарем и фарисеем! Пройдёт несколько лет. Мытарь, наверное, швырнёт о землю кошель и двинется за Иисусом. Фарисей проголосует за осуждение Христа и двинется прочь от Бога — все глубже и глубже в фарисейство. Оба они двоеверы, но идут в разные стороны: один — к Царю, другой — к Князю.

Служение двум господам занимает христиан в течение веков. Собственно, нельзя огулом назвать такое развлечение дурным или хорошим: все зависит от направления, в котором движется двоевер. Наш пращур восемь веков назад обвешивал себя крестами вперемешку с языческими оберегами — и это было двоеверие и служение двум господам, но дорога вела от Дажьбога ко Христу, и не так далеко было до Сергия Радонежского. Архиерей XVIII века носил крест на одной рясе с государственными орденами — и это было двоеверие, движущееся к антихристианству, к поклонению всему, что «на благо государства».

Куда ведёт сегодняшнее двоеверие? Пока мы превзошли и мытаря, и фарисея — к сожалению, не в праведности и не в смирении. Как фарисей, мы даже в храме позволяем себе выпускать пар из адского котла, который шипит в душе, — да и как стерпеть оскорбляющие святыню дамские брюки, мужской высокий рост и детскую резвую натуру. Что ж говорить о настоящих грехах, которыми мы служим лукавому в свободное от божественной службы время. Как мытарь, мы не считаем нужным соблюдать хотя бы минимум приличий, и

Господь имеет удовольствие видеть Своих слуг за самыми дикими занятиями.

В каком бы возрасте и в каком бы помещении нас ни крестили, мы остаёмся верны не только Христу, но и божкам нашего времени: мы верим в славу (земную) и успехи (космические), в интеллектуальный восторг и сексуальное наслаждение. Мы несём двоеверие в себе как порок сердца, и один лишь Врач ведает, отступает болезнь или развивается. Один Бог знает, что мы можем, наконец, оставить себе Его Одного не только Господом, но и Господином, не только Упованием, но и стремлением, не только Царём царствующих, но и Хозяином нашей жизни.

ЗА ЛЁГКОСТЬ В ЧЛЕНАХ!

Охотники за ведьмами полагали, что общение с нечистой силой иссушает человека. Поэтому подозреваемых в колдовстве взвешивали, и недобор массы тела был подозрителен. В Голландии сохранились такие весы — не средневековые, а как раз поближе к нашему времени, как и вся охота на ведьм. Считалось, что метла может поднять лишь три пуда — полсотни кило. Собственно, взвешивали не только в Голландии (где городок Oudewater прославился только тем, что здесь взвешивали публично, честно). Тут и весы сохранились, и взвешивают, выдавая бумажку, что, мол, предьявительница сего весит меньше пятидесяти четырех килограммов... Это же мечта нынешней женщины — быть достойной такого «certificaet van Weginghe».

Есть какая-то связь между духом современности и её же телом, между научно-техническим прогрессом и телесным регрессом. Надо было пройти путь от рубенсовских и рембрандтовских красавиц до манекенщиц.

Последние времена настали! Ведь пророк Даниил объяснял Валтасару, что в знаменитом «мене, текел, фарес» (что в переводе на русский означает «исчислен, взвешен, разделен», главное: «Текел — ты взвешен на весах и найден очень легким» (Дан. 5, 27). Толстые коровы — хорошо, тощие коровы — плохо, нужно еврея в премьер-министры. Хороший человек — толстый человек. «Пока толстый сохнет, тощий сдохнет». «Была хорошая русская девушка, а похудела — стала обычная европейская стервоза...»

И почему это с Востока, где бог счастья — толстый бог, всеми правдами и неправдами стремятся перебраться туда, где идеализируют тощих? А почему на Востоке, где толстые боги, население все больше худенькое, а в США тощие в основном на подиумах, а так все больше страдают от ожирения? Страдают, но от ожирения!

Жир выполняет у человека ту же функцию, что одежда: он скрывает тело. На Востоке одежды пышные — на крайнем Востоке крайне

пышные, на Западе всё проще, проще, и в конце концов обтягивающее трико (и обтягивают иногда такие тела, что, кажется, лопнет и трико, и тело). Известно, почему человек прикрывается, — стыдно. Похудание в этом смысле подобно разоблачению — сразу обнажается, каков человек на самом деле. Был толстый, добрый, улыбчивый, а похудел... Лучше бы оставался толстым!

Вот православное духовенство — оно всё больше толстое. А кто видел толстого иезуита? И православное духовенство иногда оправдывается: мол, это от постной пищи. Увы, есть некоторые шрейкбрехеры, которые тоже не жируют, а при этом настолько худы, что могут пролезть в игольное ушко вместе с верблюдом. При этом деление на консервативное и либеральное духовенство не совпадает с делением на тощее и толстое. Есть тощие — презлые, есть тощие — добрые (консерватизм и либерализм, что уж там греха таить, обозначают это, самое простое и понятное деление).

Важна динамика. Хочешь спросить себя, кто ты есть, — похудей. Потом можно вернуться в прежнее состояние (без малейшего труда), зато будешь знать, каков ты на самом деле. А с другой стороны, зачем возвращаться? Кого может выдержать помело, тому для полёта никакого помела не нужно.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ХОДЯТ В ЦЕРКОВЬ

Чаще всего в церковь не ходят люди, которые не веруют в Бога, воскресение Христа и прочую «мистику». Честь им и слава! Люди, которые ходят в церковь, не ходят ведь на собрания атеистов, в мечети и прочие места, где собираются люди иных воззрений.

По-настоящему не ходят в церковь те, кто в Бога верует, и для кого Христос — Сын Божий воскресший, но при этом они не верят, что хождение в церковь как-то связано с верой. Не ходящие в церковь делятся на когда-то ходивших в церковь и не ходивших никогда. У первых обычно налицо рвотный рефлекс, у вторых просто формофобия.

Выше их только люди, которые считают, что хождение в церковь противоречит вере в Бога. Эти не только не ходят в церковь, эти проповедуют нехождение в церковь как путь истинной веры.

Не ходят в церковь с похмелья или, напротив, нуждающиеся в том, чтобы немедленно выпить. Как говорили в XVII веке, «Церковь близко, ан ходить склизко, кабак далеконько, ан доползу потихоньку».

Не ходят в церковь те, кто ходит в церковь просто, чтобы не оставаться в одиночестве. Не ходят в церковь ходящие в церковь по привычке или за кампанию, бездумно или из суерного желания исполнить обряд. Они не ходят в церковь душой и духом, а из-за них не ходят в церковь нормальные люди, которые решают, что ходить в церковь означает ходить в церковь. Как будто больной или даже умирающий верующий человек, который не ходит в церковь, потому что не ходит вообще, не ходит в церковь! Ходит он в церковь, ходит. Он есть и есть церковь. Но ложиться надо сегодня!

Из верующих душой и духом регулярнее всего в церковь не ходят те, кто каждую субботу предупреждает знакомого священника, что придёт на службу, но всё-таки не приходит. Эта категория делится на тех, кто, не придя, звонит и приносит многословные извинения, и на тех, кто, не придя, извинений не приносит, а просто в следующую субботу опять предупреждает.

В церковь не ходят те, у кого много котов, которых нельзя оставить без присмотра («много» есть обозначение ненулевого числа) и те, у кого есть хотя бы одна собака, нуждающаяся в выгуле и внимании именно во время богослужения. В крайнем случае, причиной нехождения является необходимость выгула самого себя — например, посещения тренажёрного зала именно во время службы, поскольку тренер назначил именно это время как наиболее продуктивное.

Чаще всего не ходят в церковь те, кто на панихиде или венчании приходит в восторг от проповеди, падает на грудь священнику, долго записывает адрес и как проехать. Таковые никогда не проедут.

Почти не ходят в церковь верующие в себя как в сов. Если же человек ложится в три часа ночи и всё-таки приходит в церковь к десяти утра, то молитва его возносится к Богу как паникадило, тогда как обычная — как кадило.

Решительнее всего в церковь не ходят священники-пенсионеры. Им кажется странно быть в церкви и не возглавлять. Трудно на старости лет менять привычки. Они своё отходили.

Довольно регулярно не ходят в церковь те, кто противопоставляет веру религии. Если верующий, то в церковь ни-ни. Если любящий, то в ЗАГС ни-ни. Если думающий, то говорить ни-ни. Разговоры для недумствующих, секс для нелюбящих, религия для неверующих.

Разумнее всего не ходят в церковь те, кого обидел какой-нибудь священник (из тех, которые, уйдя на пенсию, тоже не ходят в церковь). Таким образом, обиженный демонстрирует высокую способность к дедукции: если молоко обжигает, надо держаться подальше и от воды.

Зато в церковь по разным причинам и поводам ходят атеисты — разумеется, не нормальные атеисты, а ненормальные, коли пришли в церковь. Ходят в церковь агностики, алкоголики, распутники, истерики, тихопомешанные и буйнопомешанные, шизофреники и параноики, мачисты и мазохисты, эксгибиционисты и интроверты. Что в значительной степени извиняет тех, кто не ходит в церковь. Значительность степени каждый определяет сам.

Не ходят в церковь те, кто не умеет говорить людям нет. Как сказать «нет» человеку, у которого в воскресенье утром свадьба? Как сказать «нет» человеку, который просит встретить его на вокзале, по-

тому что боится один в незнакомом городе? Проще сказать «нет» Богу.

Не ходить в церковь — для верующего — это трагедия. Такое бывает. Вот при Сталине — ведь абсолютное большинство верующих не имело, куда пойти. Хорошо, если раз в несколько месяцев могли доехать куда-нибудь. Теперь, конечно, не намного лучше, но всё-таки лучше. В провинции, конечно, очень ненамного... Но всё же одно дело не ходить в церковь ввиду её отсутствия, а другое — из принципа не ходить в церковь, поскольку, мол, Бог всюду, кроме церкви.

Не ходить в церковь — трагедия даже для отшельника. Собственно, отшельник потому и стал отшельником, что хотел бы не быть отшельником, хотел бы ходить в церковь с другими, но — Бог послал мучиться в пустыню. А мы сами себя мучаем и даже не мучаемся...

ОТКРЫТИЕ ОТКРЫТИЯ

На одной из станций московского метро двери поезда открываются с необычной, правой стороны. На следующей станции опять с левой. Почти всегда на этой станции в поезд входит какой-нибудь приезжий, не знающий ничего о московском метро. Он думает, что и на следующей остановке выход будет справа и поворачивается к той двери, через которую вошёл. Стоит весь перегон, как всякий провинциал стоит в столичном транспорте, с видом если не гордым, то уверенным в себе, как человек, которого ничем удивить нельзя, которые все порядки знает. Каково же ему, когда на следующей станции приходится крутить головой в разные стороны, соображая, что происходит, крутиться и бегом устремляться в уже закрывающиеся противоположные двери. Чем больше было напускной самоуверенности, тем больше конфузится человек.

Так и всякая гордыня. Она смело проводит прямую через одну точку. Смирение, конечно, не в том, чтобы искать вторую точку. По возможности это надо делать, но возможность есть далеко не всегда. Смирение в том, чтобы понимать, что поездом правит не Эвклид и не Лобачевский, что прямых линий в жизни очень мало, да и точки — лишь видимость, и что самое очевидное и проверенное веками может быть всего лишь многоточием. Просто если на многоточие смотреть не с боку, а спереди или сзади, находясь в той же строке, то оно кажется точкой.

Полезно помнить, что в духовной жизни вообще нет «обычного». Алгоритм непредсказуем. Потому и говорится «вера». Верует человек, что откроется именно эта дверь и стоит перед нею, хотя все уже давно вышли в противоположную. Так ведь в духовной жизни не всякий выход — выход. Машинист метро не будет раскрывать двери в туннеле, а Бог — пожалуйста, если попросите, выпустит в любой точке маршрута, где и идти-то некуда. Надо было оставаться, не ломиться за толпой, а спокойно стоять перед той дверью, за которой —

настоящая будущая жизнь. Что ж, вера неотделима от агностицизма, и только тот, кто в принципе знает невозможность точно знать, способен глубоко верить — что Христос придёт через эту дверь, а не противоположную, или что и дверей-то никаких нет, и поезда нет, а уже давно «Царство Божие приблизилось» — выгрузили всех на перрон и нужно обустраиваться. Осторожно, двери закрываются, а разум, глаза и сердце закрываться не должны. Жизнь по инерции есть смерть. Самое важное открытие есть открытие возможности и необходимости совершать открытия.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ОКНА

Окно само по себе малопривлекательное явление, напоминающее человеку, что он существо нуждающееся, не самодостаточное. Уподобление компьютерных программ окнам обнаружило ещё и загадочность окна как явления.

Окно загадочнее дверей или ворот, а уж те во все века почитались и освящались как место перехода из одного состояния в другое. Окно древнее двери, хотя кажется наоборот: в пещере или в землянке дверь есть, а окна нет. Но в том-то и дело, что и пещера, и землянка существуют под небом, которое есть одно большое окно. Библия утверждает, что потоп начался, ибо «окна небесные отворились» (Быт. 7, 11), и закончился, натурально, когда «Ной открыл сделанное им окно ковчега» (Быт. 8,6) и выпустил голубя. Из небесных виндоуз льется вниз вода, и ее чересчур много, из рукотворных виндоуз вылетает птичка и взлетает на Арарат. Отсюда еврейская поговорка, аналогичная русской «когда рак на горе свистнет»: «Если бы Господь и открыл окна на небе, и тогда может ли это быть?» (4 Цар 7, 19).

Дверь, согласно анекдоту, есть простое устройство для прохождения сквозь стену, но об окне этого не скажешь. Окно даже можно определить как дверь, через которую ходить преступно («французское окно», являющееся одновременно и дверью в сад, не случайно ассоциируется со страной фривольного обращения с нормой), но преступление это может быть свято. Если ограничиться, извините за неуместный оборот, той же Библией, то Святая Земля была завоевана в том числе благодаря тому, что иерихонская блудница Раав через собственное окно помогла израильским шпионам спастись вместе с накопленной информацией. «Спустила Мелхола Давида из окна, и он пошел, и убежал и спасся» (1 Цар. 9, 12). Справедливо и обратное: если природу гонят в дверь, она возвращается в окно.

Окна программные изначально ассоциировались у создателей именно с небесными окнами, и самая популярная заставка для экрана - который и есть главное окно в виртуальный мир - была с облаками и

голубизной, хотя без голубя. Но у окна есть тайна: не совсем ясно, для кого оно. С дверью ясно: оно для человека, который проходит через дверь. Но через окно проходит свет, и было бы как минимум нескромно утверждать, что свет делает это ради человека. Свету совершенно все равно, есть перед ним окно или нет, это человек прорубает окно, чтобы залучить свет в гости.

Окно не мышеловка для света, окно — ловушка для человека, человека тянет к окну, чтобы посмотреть наружу. Там — мир, просторнее и примечательнее самой раздворцовой залы. По сравнению с этим миром человеческое жилище — ловушка, в которую попался бедный человек, слишком слабый, чтобы долго жить под открытым небом.

Человек по мере сил борется с окном. С развитием цивилизации ставни отошли в прошлое, но и сегодня в России больше людей сидят за решеткой в обычных, в том числе очень неплохих, квартирах, нежели в тюрьмах. Насчет воров — это все отговорки, боятся не вора, а мира. Окна боятся, потому что в окно может заглянуть Творец, и не случайно в отчаянии именно перед окном молилась Сарра, дочь Рагуилова: «Благословен Ты, Господи, Боже мой, и благословенно имя Твое святое и славное во веки: да благословляют Тебя все творения Твои вовек!» (Тов 3, 11). Молитва появляется, когда в нашей жизни появляется окно, через которое видно невидимое.

Компьютерные окна вызывают ощущение неловкости, которое тем больше, чем менее человек понимает его причину. Я гляжу в компьютер или компьютер глядит на меня? Кто из нас главный? Кто на кого глядит? Кто для кого свет в окошке? Где настоящий мир — по эту сторону или, как в ситуации с обычным окном, по ту? Все эти окна, разворачивающиеся с легкостью необычайной, — уж не начало ли это предсказанного пророком Исайей: «Окна с небесной высоты растворятся, и основания земли потрясутся» (Ис. 24, 18). И какие окна! Тридцать метров на пятнадцать! То, что мы называем концом света — это просто открытие окон. Только окна открываются не с нашей стороны.

Забавный философский вопрос: шумит ли падающее дерево, если рядом нет человека, способного услышать этот шум. Ну как же, мужик не перекрестился, значит, гром не грянул! Настоящий вопрос, какой шум издаёт человек, рядом с которым упало дерево. Мы всё кажемся себе точкой отсчёта, из которой координаты растут. На двори пишем: "Тяни", "толкай". Если хорошо воспитанные, то "к себе",

"от себя". Хорошо, на окнах такого не пишут. Предполагается, что все окна открываются наружу. Только что-то неуютно - открываем окно, открываем, а там никакой наружи. Там пустота. Суета сует, констатировал Екклесиаст. Окно в смерть.

Всё безнадежно ровно до момента, когда мы вдруг понимаем, что вся наша жизнь - снаружи, что Кто-то смотрит на нас из Своего Окна, и готов в любой момент его распахнуть и протянуть нам руку, чтобы наконец-то исчезло "снаружи" и "внутри", "внешнее" и "внутреннее", "небесное" и "земное". Чтобы то, что кажется нам нереальным или "высшей реальностью" ("высшая реальность" - это ведь лишь вежливое название того, в реальность чего верится с трудом, то есть, вообще-то, не верится) оказалась просто реальностью, и наша виртуальность - которую мы в отчаянии называем реальностью - стала, наконец, реальностью реальной.

ВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ КАК ФУНКЦИЯ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ

Чтобы купить что-то ненужное, нужно продать что-то ненужное. Чтобы купить что-то нужное, нужно продать что-то ненужное, а иногда и что-то нужное. Можно даже определить как «нужное» то, ради чего можно продать что-то нужное, но менее нужное. Вход в Святую Землю подразумевает Исход из земли совершенно не святой, введение в свободу есть выведение из рабства.

На первый взгляд, с вечной жизнью точно так же. Перед крещением человек совершает обряд отречения от сатаны, словно перед вдохом — выдох. Сперва повернуться на запад и выдохнуть (в архаичном переводе — «дунуть»), потом на восток и вдохнуть.

Только вдохи и выдохи это физиология, а человек это человекология. Введение в вечную жизнь вовсе не означает исхода из жизни временной. Более того: не должна означать. Хотя очень часто человек, которого открыла для себя вечность, так потрясён, что считает своим долгом всё бросить и переключиться на монашество, необитаемый остров, обеты какие-нибудь принести, на худой конец — прочесть все молитвы, какие есть на свете. Главное — не жить, а жить вечно.

Это называется неофитство. Совершенно не духовное явление, нормальная реакция организма на что-то приятно-новое.

Конечно, бывает новое, которое несовместимо со старым. «Не наливают нового вина в старые мехи», — сказал ни много, ни мало Сам Творец Вечности. Но чтобы сказать это, Он же родился — а что такое Рождество как не Праздник Наливания Нового Вина в Старые Мехи? Бог всегда Новый, люди всегда старички, даже новорожденные. Бывает и попроще — новая любовь совершенно несовместима не только с предыдущими любвями, но даже и с предыдущими влюблённостями, привязанностями, привычками, даже со старыми друзьями.

Наконец, бывает такое новое, которое хорошо только при условии сохранения старого. Новая квартира хорошо только при условии переезда в неё жильцов из старой. Ну не топить же их!

Вечная жизнь не топит старую, а вытаскивает старую жизнь из топи, а если понадобится, то и из блата. «Царство Божие приблизилось» — и вот уже «трудно богатому войти в Игольное Ушко». Значит, Нецарство Небожие — это вроде нитки, которую надо продеть в Царство Божие, а вовсе не трэш какой-то, которому место в геенне огненной.

* * *

Хорошо было вводить в жизнь вечную, когда на дворе бушевал палеолит, неолит, да и в XX веке тоже ещё местами неплохо было! Даже в России. Ну, гонения, ну, дискриминация. Зато всё предельно ясно: уверовал — в Церковь. В храм. Если храм далеко — а тогда их было так мало, что почти отовсюду было далеко — ну что делать, сиди и соси лапу. Почти наверное потеряешь веру, потому что в гордом одиночестве какая уж вера, но что ж поделать! Если храм рядом, тогда всё нормально.

Чёткий алгоритм: почитай про храм, почитай про Бога, начни читать молитвы, добавь ещё импровизации от себя, исповедоваться, причащаться, может, какой-нибудь кружок, дела милосердия... Впрочем, когда была репрессия и дискриминацией, милосердие тоже было совершенно официально (как и религиозное образование детей) запрещено. Зачем милосердие, есть самое милосердное государство рабочих и крестьян! Ну, конечно, чем-то кому-то всегда можно помочь. По телефону позвонить и с Новым Годом поздравить. И молитвы, молитвы, молитвы... А в оставшееся время книжники!

В наши дни всё резко усложнилось. Конечно, желающие легко — легче, чем в годы репрессии и дискриминации — могут найти себе и церковь, и наставника, и молитвы с книжками, а для полного кайфа ещё и дела милосердия, благо у государства рабочих и крестьян кончились деньги. Во всяком случае, оно так говорит, а с ним трудно спорить. Оно ж всё-таки царство кесаря! Самого Христа распяло, а с разными колобками и без распятия разберётся.

Это я написал «политику», которая должна быть отдельно от «религии»? Вот и первая же проблема нашего времени. Можно войти в вечную жизнь без политики, только хорошо ли, порядочно ли это будет. Да и где она — аполитичная вечность? Кто называет себя аполи-

тичным, на самом деле — как и встарь, как и в палеолит — просто исповедует самую простую политику, политику конформизма. И — ничего, это не грех. Так к этому и относиться, а про себя самому решать.

Кроме «первой проблемы» есть ведь и «нулевая». Это раньше в вечную жизнь «вводили». Были «катехизаторы», «старцы», «наставники», «духовные директора» (это французский-католический так калькировали, «духовные учителя» имелось в виду). Всё это есть и сегодня. Теперь это вовсе не обязательно. Конечно, нормально, если люди Церкви настаивают: а ты не ломись в открытую дверь как лось, ошалевший от радости, что вырвался из леса в город. Присядь, успокойся, послушай,. Мы же стиральную машину включаем только после того, как прочтём инструкцию, о компьютере и говорить нечего, как же в Церковь без подготовки!

Только теперь все понимают, что Бог не стиральная машина, хоть и очищает. Умный учитель веры может и крестить сперва, а учить потом. Может и вовсе не учить — бывает, что Дух Божий сам человеку всё объяснит. Бывает, что человек такой грамотный, что всё может сам прочесть или уже прочёл. Учёного учить только портить. Это и к покаянию относится — бывает, человек уже так покался, так покался... Правда, как раз такой, скорее всего, будет каяться и дальше. В общем, введение в вечную жизнь всё менее введение и всё более вхождение, хотя одно другое совершенно не исключает.

Кроме проблем «как» и «кто» есть и проблемы вообще совершенно новые — пространства, времени, генетики. Конечно, эти проблемы были всегда, но в наше время они разрослись — и это большое человеческое счастье, потому что это всё разные измерения свободы. Ушли в прошлое (почти) времена, когда «где родился, там и пригодился». Родился в Польше, значит, католик. Ну, если только не родился в православном селе. В случае сомнений — генетика решала всё: человек либо в папу, либо в маму. Если отец и мать разных религий, то заранее иногда договаривались, в чьей вере воспитывать ребёнка. Мать православная, отец католик — дочери будут православные, мальчики католики.

Ещё до открытия ДНК и расшифровки генома эта замечательная простота стала хуже воровства. Можно своровать вещь, но нельзя своровать свободу. Попробовать своровать можно, но свобода обладает пакостным свойством исчезать из кошелька и даже из сейфа, ку-

да её кладёт укравший, и самовозрождаться в том, у кого украдено. Особенно смешно бывает в современной России, когда православный энтузиаст говорить о своих православных отцах и дедах — а отцы и деды были чистые безбожники. Хуже того, в информационный век мы значительно больше знаем о своих предках — в старину быстро забывали, что дедушка был вообще-то проезжий баскак, а теперь нетрудно выяснить, что 8 прадедушек с прабабушками или 16 прапрадедушек с прапрабабушками были самых разных национальностей и религий. Даже не 8 или 16, а 10 или 40 — потому что свобода привела к тому, что один и тот же дедушка мог родиться в иудейской семье, стать атеистом, перейти в православие, а окончить дни буддистом.

Само время стало проблемой. Жизнь вечная всегда воспринималась как пожизненное пребывание в одной и той же религии. С браком сравнивали! Ну и вот — единобрачие из правила, защищаемого законом, превратилось, скорее, в редкость, вызывающую удивление, иногда прямо указывающую на принадлежность к Церкви. Монашеские обеты — и те перестали быть пожизненными. То есть, они формально пожизненные, но никого не накажут, если человек уйдёт из монастыря. Даже единоверцы презирать не будут — мало ли что, ну вот так Господь ведёт человека...

Вот это и будут золотые слова! Вечная жизнь — это не бесконечно длительная жизнь с людьми, это жизнь с Богом, Который создал и время, и вечность, и пространство, и всё-всё-всё. Он создал, Он и распоряжается, не мы. Вечная жизнь, оказывается, есть прежде всего сознание того, что ничто не вечно, во всяком случае — само по себе. Всё суета сует — даже вера, религия, Церковь — само по себе. Только с Богом всё обретает плотность, вечность, длительность во времени и протяжённость в пространстве, но только Бог определяет что, где и когда обретается.

В повседневной жизни человек ищет стабильности, ясности, предсказуемости. То же самое по умолчанию ищет человек и в жизни вечной, когда соприкасается с нею. Но вечная жизнь — не вечная временная жизнь, не вечная стабильность и ясность, ударение не на «вечное», а на «жизнь». Не на неизменности, а на отзывчивости, на творчестве, на диалоге, на свободе, — на всём том, что составляет самое вкусное в обычной жизни, самое вкусное и самое редкое, самое эфемерное, самое не вечное. В отличие от смерти и налогов.

Две крайности возможны, даже неизбежны для человека вечной жизни в современном мире. Одна крайность — когда рядом вообще не будет не то что единоверцев, а просто верующих. Безо всяких репрессий, а просто — ну нет и нет. И жить человеку как Аврааму в стране чужой. Это очень трудно, потому что вера по определению есть открытие через Бога — единства с людьми, и отчаянно хочется это единство пощупать, выявить, хотя бы по воскресеньям на пару часов.

В одиночестве очень легко утратить навыки веры, которая есть принципиально диалогическое явление, общение, как в одиночестве легко разучиться пилить двуручной пилой. Это ужас, но не ужас-ужас-ужас. В конце концов, монашество — именно об этом, только в монахи уходили добровольно и в зрелом (обычно) возрасте, а сегодня по-разному человек оказывается в духовном одиночестве. Правда, появилось виртуальное общение, но социальными сетями всё-таки ничего на ужин не выловишь, виртуальное общение, а кушать-то хочется реально.

Другая крайность — когда человек оказывается в гуще религии, имеет ежедневно столько религии, сколько в античность или в Средние века не имели за всю жизнь. Утром в Москве среди православных, днём в Риме среди католиков, вечером в Нью-Йорке среди протестантов. И все грамотные, все говорящие, каждый написал за свою жизнь в три раза больше Фомы Аквината, Лютера и Златоуста вместе взятых. Голова может закружиться — и кружится у некоторых. На Бога уже не остаётся ни сил, ни времени, ни понимания, отоспать бы.

Это — крайности, на практике всё не так уж плохо. Бога бояться — в церковь не ходить, людей бояться — в гроб ложиться. Возможности не только человеческого мозга, но и человеческого сердца намного больше, чем кажется, а если уж наотмашь — вообще-то бесконечны, ведь человек образ и подобие Божие, хоть и с трещинкой. Вот почему глубоко неправа всякая боязнь «сект», «зомбирования», «неправильной религии». Во всяком случае, для верующего человека вера — одновременно и о Цели, и о средствах, о Том, к Кому идёшь, но и о Том, с Кем идёшь. Можно потерять веру среди верующих, можно сохранить веру среди неверующих. Статистика обобщает, а не определяет, определяет Бог. Не среда порождает веру, не на среду и за потерю веры понять, — тут вера и проявляется, перестаёт быть

пассивным свойством, становится активным действием. Когда и откуда уходить, как и куда приходить, — всё это перестаёт быть предсказуемым, как в Средние века. Так и слава Богу! Жизнь верующего становится полнокровной в своей непредсказуемости — при условии, что каждый поворот жизни верующий встречает с молитвой, надеждой и благодарностью как тем, среди кого был, там и Тому, с Кем и был, и есть и будет вечно.

В ОЧЕРЕДЬ!

Считать жизнь очередью за смертью или за бессмертием — это вера. Считать, что поведение в этой очереди зависит от веры — суеверие. Смертную казнь воспевали верующие и атеисты, со смертной казнью боролись атеисты и верующие.

Все логически (хотя не все — логично) выводят своё пение или борьбу из своих убеждений. Напрасно: свобода стоит перед любовью, и нельзя меняться им местами в очереди жизни. Если бы хорошо жили только люди с определёнными убеждениями, то лишь эти убеждения остались бы на земле. Убеждения бы остались, а человеческое бы исчезло из этой хорошей и праведной жизни, осталось бы только корыстное и механическое. Сперва свобода, пускай даже сугубо отрицательная, убийственная и самоубийственная, а уже потом любовь-мубовь.

Свобода, безусловно, ниже любви, всего лишь свойство любви (и не только её), — а вот ведь, поди ж ты, утром свобода — вечером любовь, и категорически нельзя разрешать им меняться местами, даже если все будут согласны.

Очередность соблюдать не так трудно, а иногда даже приятно. Спору нет, скушать перед обедом торт-другой — удовольствие; беда, что обед после этого удовольствия не доставит. Чудо очередности в том, что, если потерпеть и восходить к тарту через обед, но удовольствие будет расти не в арифметической, а в геометрической прогрессии.

В этой земной юдоли, однако, очередность далеко не всегда заключается в восхождении от хорошего к лучшему или от плохого к хорошему. Вот брак в Кане Галилейской: когда Иисус, уступая матери, превращает воду в вино, гости удивляются не тому, что вино, а тому, что вино хорошее. Оно слишком хорошее — такое нужно пить в начале. Когда первая поллитра выпита, вкус второй уже почти неразличим. Гости поняли, что им налили какого-то отменного вина, но расстроились, что не могут вполне насладиться этим вкусом.

Мария хотела как лучше, а вышло как в России, где даже за Христом идут не по воде, а по вину и при этом все друг друга, естественно, отпихивают. Кто-то просто и нагло утверждает, что он тут стоял с самого начала, только тайно, кто-то напирает на своё ветеранство, кто-то на болезнь ребёнка, но все — больные и здоровые, умные и глупые — норовят пролезть вне очереди, словно вечной жизни может на всех не хватить. И если про апостолов во время сошествия Святого Духа говорили, что они «упились сладкого вина», то здесь речь должна идти о «горькой».

Лезущий вне очереди уже убил очередников в сердце своём. Насколько смертоубийство хуже прелюбодеяния (и неприятнее), настолько пролезание вне очереди хуже стояния в очереди (но приятнее). Теоретически человек смиренно считает себя последним: он убеждён, что никто за ним уже не полезет, что ему хуже всего, что он — единственный. Практически это и есть убийство: занять свободное место — но свобода этого места не твоя свобода, а чужая. Ты получил квартиру в обход очереди — а кто-то умер от астмы в своей крохотной норе.

К счастью, это крайний случай. Бывают сравнительно безобидные, но более яркие: когда в церкви, например, народ жмётся к стенке, чтобы освободить место для прохода священников, всегда найдётся какой-нибудь (какая-нибудь) друг (подруга), которая, впервые в жизни зайдя в храм, решит, что это просто свободное место, самым Промыслом сбережённое лично для него (неё). И встанет, огрызаясь на все уговоры: «Вы что, не видите, что тут свободно!».

Нарушает очередь, а следовательно, гармонию мироздания, не только тот, кто, оставив своё место, занимает чужое. Гораздо чаще гордыня и наглость действуют как дрожжи, брошенные в выгребную яму: начинают выпирать, напирать и благоухать так, что рядом невозможно находиться и очередь попросту бросается врассыпную. Господин, который садится в метро (а в вагоне метро — тоже очередь, только организованная чуть иначе, нежели в коридоре поликлиники или в магазине) — садится в метро, расставив ноги под таким тупым углом, что тупее быть невозможно, и величественно потягивает пиво, отводя при этом руку в сторону элегантным жестом... Он занимает три места самое меньшее.

Если господин ещё и не имеет места, где помыться, то ему удастся занять и половину вагона. Разум подсказывает, что можно и потер-

петь, и сесть рядом, а нос бежит, словно из Казанского собора, от этой вонищи, и тянет за собой. Кто-нибудь скажет, что это пассионарность отвоевала себе жизненное пространство, а всё-таки это просто вонища, и прибудет господин туда же, откуда прибыл — в никуда.

Понять, в чём заключается очередность, нетрудно. Трудно понять, в какой ты очереди. Жизнь есть стояние в нескольких очередях одновременно (а также отказ, сознательный или бессознательный, от многих и многих очередей). Есть очередь родительской власти: в ней надо сперва, к примеру, получить разрешение на брак, а потом уже жениться.

Многие ли стоят сегодня в этой очереди? А ведь двести лет назад в ней стояло всё человечество. Теперь все дружно стоят в другой очереди — власти любви: сперва жениться, а потом уже доказывать родителям, что это не гормональное бешенство, а любовь.

В бизнесе и в религии происходит ровно то же самое: рассасываются очереди за внешним авторитетом, выстраиваются за внутренним. Сколько ворчат начальники, а сами виноваты. Иисус не верил, что есть подонки, способные вместо хлеба протянуть камень — так теперь Он может видеть, что Его собственные последователи способны вместо хлеба протянуть письмо с предложением подождать, когда подойдёт очередь решения продовольственной проблемы.

Конечно, это аллегория. Хлеб, слава Богу, нынче не императоры и не епископы раздают. Может, поэтому номенклатура так спокойна? Если на Страшном суде её спросят, почему такая была волокита, почему такая была длинная очередь в их кабинеты, ответят, что, конечно, очень каются, но всё-таки речь шла не о жизни и смерти, могли и потерпеть. Или, наоборот: поскольку речь шла о вечной жизни и вечной гибели, могли и потерпеть. У номенклатуры куда ни кинь, все чижик виноват.

Но ведь именно потому, что не хлебом единым жив человек, некоторые сложные юридические и философские вопросы надо решать за время, достаточное для выпечки одной буханки. Не можешь? Терпи, что человек ушёл из очереди к тебе в другую. Бог же не кричит: «Вас много, а Я — один! В очередь, и не базарьте!!!». Он тихо становится в общую очередь. В любой, даже самой вздорной очереди (кроме очереди за грехом — впрочем, зло заботится о том, чтобы не создавать очереди к себе) есть Его место — это в самом конце. Поэтому

Он и советует пропускать вперёд себя всякого желающего. А что ещё могут означать слова «будут первые последними»? Чудо жизни в том, что, как и очередь, она может в любой момент развернуться в противоположном направлении — не к могиле, а к к истоку. И к чему тогда ближе окажемся мы?

С КОГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

Все коллективистские понятия абсурдны, но понятие «родины» абсурдно абсолютно. Реально у человека одна-единственная родина — матка его матери. Но почему-то именно об этой родине никто не говорит.

Место матки обычно занимает «род». Авраам роди Исаака, Исаак роди... Романов роди Ленина, Ленин роди Сталина, Сталин роди Путина... Это твоя родная родня-родина! У тебя с нею общий язык, общие ценности, привычки, контекст, шмонтекст!

Накуся-выкуся! Нету у меня с путинскими и павловскими ничего общего!! И язык у меня с ними абсолютно разный!!! А с Чомски — общий. У «них» родина начинается с «чего», а у меня с Чомски родина начинается с «кого»...

Как у человека, а не обезьяны, у каждого одна-единственная родина, зато какая: Бог. Рождает не матка, рождает не самка, рождает человецица, «иша» на иврите — образ и подобие Божие. Акушер на выходе, а на входе-то — Создатель мира.

Особенно комично с родиной у Иисуса, этой ходячей бутылки Кляйна. Причём, евангелисты этот комизм чувствовали и обыгрывали. Родился в Вифлееме — среди врагов, это как если бы Авраам Линкольн родился не в Кентукки, а в Техасе. По тогдашним временам от Назарета до Вифлеема было дольше добираться, чем нынче от Нью-Йорка до Москвы. И отношение к Назарету в Вифлееме было такое же, как у жителей Москвы к Нью-Йорку. Нехорошее отношение. Так что «не нашлось места» — это гнилая отмазка. Не-хотели. И чуть не прирезали, так что настоящая родина — место, где играл с ровесниками, где терял молочные зубы, где корябал колени — это был Египет. Ничего так, да? Впрочем, и у Моисея родина — Египет, а у Авраама родина вообще Турция. Намёк понятен, господа патриоты?

Так что, когда Иисус плакал, глядя на Иерусалим — Он плакал не потому, что считал Иерусалим столицей Своей родины. Он же плакал, а сказал что?

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями поби-
вающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих,
как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»
(Мф. 23, 27).

Не Иерусалим — наседка, высидевшая Иисуса, кровиночку свою.
Иисус — наседка, а иерусалимцы, израильцы, россияне, украинцы,
китайцы — всего лишь цыплята из Божьего инкубатора, и спасение в
том, что от родины можно и нужно спастись в Боге.

ДЕРЖАТЬСЯ ЛЕВОЙ СТОРОНЫ

Есть многое, чего нет в православном храме. Возьмём, к примеру, песни современных бардов. Устав богослужения не запрещает исполнять их в церкви, хотя бы потому, что таких песен не было, когда писался устав. Между тем, среди этих песен есть вполне православные сочинения, например — творение классика жанра, которое по размеру и высокой метафоричности можно уподобить кондаку:

*Порядок вечен, порядок свят.
Те, что справа стоят, — стоят,
Но те, кто идут, всегда должны
Держаться левой стороны.*

Я слово «свят» считаю здесь вполне уместным. Сравнение эскалатора с жизнью — это не просто сравнение, а символ, символ верный и потому вполне достойный воцерковления.

Прежде всего, этот символ верен тем, что у эскалатора есть начало, есть конец, — и конец его не финиш, а лишь начало настоящего пути. Это уже дорого в любое время, когда жизнь расценивают как тупик, куда человека завлекли без всякого его желания и откуда выхода нет и быть не может.

Во-вторых, вспомните заповедь эскалатора: «Запрещается ставить вещи на ступени». Ведь это же первая евангельская заповедь блаженства: «Блаженны нищие духом», только выраженная на вполне современном, техническом языке. Надо иметь с собой столько, сколько можно без труда нести в руке. Если на эскалаторе жизни вы вдруг окажетесь с крупным, а то и с недвижимым имуществом — берегитесь, как бы не упасть. И уж совсем печально, если из-за накопленного барахла начнется свалка при спуске с эскалатора: вы-то сошли, а следующие за вами ломают ноги и шеи о брошенные вами (а на тот свет не возьмешь) вещи. Надо ли сплетничать и рассказывать о том, как родительские накопления сбивают детей с толку, с ног, с пути истинного? Надо ли травить душу, объясняя, что ни в одном другом

метро в мире никто с тележками не ездит, причем почему-то в тех же странах, где люди передвигаются налегке, они живут намного лучше?

И в той же самой стране, где возят на эскалаторах то, что в других странах возят на машинах, вечная борьба правых и левых совершенно непохожа на ту же борьбу в других, нормальных странах. Только у нас те, кто справа, те сами идут и других призывают не стоять как вкопанные в землю консерваторы, а двигаться, двигаться. Левые же — стоят грудью на защите завоеваний революции, причем стоят как справа, так и слева, создавая страшные неудобства для находящихся на эскалаторе и вызывая бурное оживление у обитателей соседних эскалаторов. Видимо, такая путаница связана с тем, что эскалатор то и дело останавливается, и потому «правый» и «левый» характеризует отношение человека не к нормальной жизни, а к перманентно происходящей катастрофе.

Но главное в эскалаторе, что он эскалатор и движется вполне независимо от нашего желания и с одинаковой скоростью доносит всех до конца. Все мы там будем. Но хотя все мы там будем, и одни будут там справа, а другие там же, но слева.

Иисус говорил об отделении овец от козлищ, пшеницы от сорняков. Горожанам эти деревенские реалии говорят мало, а вот стоящих и идущих по эскалатору мы представить можем легко. Этот символ не только запечатлевает деление человечества на две части. Он точно передает, что отличает жизнь от проживания: усилие, движение вперед — подвижка, подвиг. Он точно передает, что опасны спешка и бег по эскалатору: тот самый духовный надрыв, который святые отцы квалифицировали как прельщение сатаны.

Когда жена автора этой самой песенки заставила его, вполне атеистичного, креститься перед кончиной, это, конечно, был бег по эскалатору — с мужем на руках. И хотя это был бег вверх, но это был очень неразумный бег — ведь эскалатор шёл вниз. Конечно, Бог милостив, и у подножия эскалатора Он, наверное, принял Окуджаву и простил ему крещение — но именно простил. Наверное, простит и той, которая превратила первое таинство в последнюю клизму.

Попробуйте встать в метро и определить, кто из находящихся на эскалаторе — член единой, святой и апостольской Церкви, а кто атеист. Безумное занятие, но безумнее вдвойне было бы заявить, что все идущие слева — христиане, все стоящие справа — язычники. Увы, внешние наименования не заменяют движения. Впрочем, почему —

увы? Счастье, что среди идущих есть люди, знающие маршрут, хотя не догадывающиеся, что маршрут (путь, истина и жизнь) есть Христос. Если язычник и стоит — он стоит справа и никому не мешает. Но все же — увы, и горе — сколько христиан стоят, опустив руки, и стоят на самом проходе?! Христианин, который стоит, — всегда не на месте, всегда стоит слева. Краеугольный камень становится камнем преткновения.

До сих пор я раскрывал метафору, но и метафора может, в свою очередь, раскрыть нам глаза. С земной точки зрения все сказанное выше немного еретично, потому что поощряет тех, кто слева, — а Христос тех, кого поощряет, помещает справа от Себя. Здесь-то и выясняется ущербность, даже не ущербность, а вывороченность, изнаночность нашего зрения и мира. Когда мы смотрим на икону, где одесную Христа стоят праведники, а ошуюю — грешники, для нашего глаза праведники — слева, а справа — грешники. Все наоборот. Мы считаем Зазеркалье фантастикой, а сами в Зазеркалье живем. Мы путаем право и лево, ханжество и благочестие, трусость и смирение, фанатичность и верность.

Ещё одной чертой схож эскалатор с жизнью: в любой момент можно занять правую или левую сторону, остановиться или пойти. Перед самым спуском не поздно сделать шаг в нужном направлении: вспомните притчу о рабочих двенадцатого часа. Нужно ли говорить, где верная сторона? Нужно ли объяснять, чем идущий отличается от стоящего? В век эскалаторов — наверное, нужно, но не хочется. Стойте, если хотите, — но только справа. Если хотите попасть куда надо — проходите слева.

ХРИСТОС — ПРАВ, А ИИСУС — ЛЕВ

Определить правое или левое чрезвычайно трудно даже в физиологии, как ни странно, и дети сперва осваивают речь и прочие вкусы, могут уже симфонии писать, а где право, где лево, не знают. Есть ведь практика относительности, которая куда сложнее теории ее. Относительно кого право и относительно кого лево? Маленькие дети не относительны нимало, предельно аутоцентричны. Это неологизм? Но что ж делать, назвать ребёнка эгоцентриком так же неверно, как назвать эгоцентрика ребёнком.

Маленькому ребёнку так же естественно и полезно считать себя центром мира, как протivoестественно и вредно это для взрослых дядь и тётъ. Поэтому ребёнку трудно встать на чужую точку зрения и считать левым то, что находится справа, потому что с точки зрения другого оно именно левое. Да и многие ли взрослые знают, по отношению к кому правые и левые являются правыми и левыми? По отношению к себе, сидящим в зале парламента, или? Между прочим, именно «или». Правые правы с точки зрения того, кто ведёт заседания и смотрит на зал словно Алиса из Зазеркалья.

Беда (для правых) в том, что, кроме ведущего заседания, есть ещё те, кто вне зала, но кто голосует. Впрочем, это ещё полбеда — «кто голосует», а целая беда, что есть и те, кто даже не голосует, потому что не видит смысла или потому что не дойдёт до урны для голосования, не дойдёт, потому что доходяга, не дойдёт по бедности или по болезни. Впрочем, бедность и есть болезнь, как болезнь есть физиологическая бедность. Для правых, конечно, всё иначе — бедность это порок, порок лени. Если правый думает иначе, он уже не совсем правый, ему нужно поближе к центру пересаживаться.

Если смотреть с точки зрения физиологии, то легко упустить самое главное в правом и левом. Есть знаменитая фотография: американские расисты — учителя и школьники — не пускают в школу чернокожего американца. Он идёт, потому что суд постановил, что дискриминация противозаконна, и полиция помогает ему пройти. На

первый взгляд, кроме цвета кожи — никакой разницы. Может быть, чернокожий подросток даже одет чуть аккуратнее, чуть строже, чем белокожие. Это не потому, что он богаче, он как раз беднее, но бедняки стараются держать марку. Это особенно хорошо видно на беженцах: люди потеряли всё, кроме достоинства, люди живут в нечеловеческих условиях, но на улицу выходят — достают и гладят праздничный костюм, какой местные пару раз в жизни напяливают, второй раз в морге.

Чернокожий подросток — не только беженец в стране, где родился он и его предки, он ещё и беднее белокожих. Вот об этом часто забывают, а помнить надо, иначе придёт марксист-материалист и напомнит на свой коряво-кровавый лад. Христос родился в нищете, в хлеву и умер на свалке, сдох, а не умер. Много в те времена ходило баянов про царей, которые родились никем, а стали всем, а Бог и родился никем, и умер никем. Но правые сделали даже из такого Бога — сладенького ангелочка, который рождается в стильной пещерке, который проповедует как богач и умирает изящно и с достоинством как балерина, изображающая умирающего лебедя Сен-Санса.

Христос богатых людей не говорит «побойся Бога, раздай имение», Он говорит «застрахуй имение».

Христос богатых людей призывает раздать совесть и не тратить времени на политику, а усердно подстригать лужайки богатых за столько, сколько дадут, и благочестиво умирать с голоду, потому что по доброй воле, без профсоюзов дают почему-то всегда недостаточно, чтобы прокормиться.

Христос богатых людей лев, сражающийся с князем мира сего, а нормальным людям это неинтересно, они сражаются с безработицей, с нуждой, с осточертевшими макаронами — этим причастием голода, сражаются с пьяным соседом, а то и с пьяным мужем, который назююкался отнюдь не коньяка из Коньяка, а лосьона.

Вот на чём утвердил свою власть сатана псевдо-коммунизма, чёрт лже-социализма, сутенёр большевизма: приидите ко мне, все нуждающиеся и обременённые, и я сделаю так, что вы не будете видеть богатых и не будете им завидовать, и все будут равны во мраке безопасной и одинаковой нищеты.

Правда, не очень приходят — приходится загонять силой и страхом. Страхом перед царством богатых. Не красные ведь победили, а белые проиграли — проиграли, потому что предлагали чудную пра-

вую альтернативу в виде всё того же бесправия, беззакония и крепостного права-лайт. О, конечно, не для всех бесправие, а только для тех, кто без денег. Они же плохие, раз без денег! Энтузиазма это не вызвало у бедняков — странные люди!

Что же, Иисус — большевик? Так большевики не правые и не левые, а просто бесовщина лжи и насилия. Где правый говорит прямо, что будет плохо, большевики обещали, что будет хорошо — и делали ещё хуже, чем было при правых.

Что же, Иисус — анархист, либертарианин, левак? Был и такой Иисус, и был, и есть, и будет, хочется верить, был, начиная с первых монахов, был у святого Франциска и преподобного Сергия и до аббатов-социалистов и хиппи. Хочется верить, что такой Иисус не исчезнет, потому что исчезнуть он может — это ведь не настоящий Иисус, и уж вовсе не спаситель мира, а так, фигура речи, пропагандистский персонаж, такой же фиктивный, как голубоглазый блондинистый Иисус в элегантном костюме. И у левого Иисусика, и у правого Христа одна беда: они одинаково идут не на Крест, они ходят по кругу Нагорной проповеди и не могут из этого непорочного круга вырваться, а не вырвешься на Голгофу — не прорвёшься к Воскресению.

Загадка Иисуса — это загадка несовместимости Бога и человека. Несовместимы, а совместимы! Бог всегда прав, человек всегда лев — по отношению к Богу. Рычит, дерётся, трясёт гривой и решительно предпочитает одиночество. Слишком часто христиане представляют Бога Гарун аль-Рашидом, сказочным царём, который накидывает грязный плащ нищего поверх бриллиантовой мантии и идёт благодетельствовать. Подражать такому Богу? Для этого нужно иметь бриллиантовую мантию, а бриллиантов почему-то всегда не хватает на всех.

Загадка Иисуса похожа на загадку правых бедняков, только наоборот. Бывают ли правые среди бедняков? Конечно! Джон Стейнбек сказал, что все американцы, даже самые нищие, считают себя миллионерами, только временно опустившимися до нищеты, поэтому в Америке не может победить Ленин. Другое дело, что могут победить, и побеждали персонажи ничуть не менее опасные, и только свободолюбие, а не правизна, способно эту опасность победить, и побеждали американцы не любовью к богатству, а любовью к свободе как к богатству. Любить свободу больше, чем деньги, безопасность и власть, и любить ближнего и Бога больше, чем самого себя.

Разгадка Иисуса — в том, что Он вовсе не Гарун аль-Рашид, Он никому ничего не даёт, Он Бог, Который раздал Свою божественность не нам, нищим людишкам, а в пустоту, в никуда. Нам бы бриллиантик, а Он — кусок хлеба: «Вот — Моя Жизнь». Меня ломают — ломают и вас. Я ломаюсь — ломаетесь и вы. И только после этого во Мне и в вас заструится настоящая жизнь, запulseирует — и из вампиров, которые пьют чужую кровь, мы станем теми, кто крови не пьёт и не проливает, а в ком кровь pulseирует, бьётся в поисках правильных вопросов, теми, кто определяет «правое» и «левое» не по отношению к Председателю, а по отношению к тем, ради кого Председателю покинул своё место и занял наше.

МИНИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ЗЛА

Какая у человека чувствительность кожи — не от человека зависит, какая чувствительность сердца — только от человека. «Мир лежит во зле» не потому, что под бомбами гибнут дети, а потому что ужасаются гибели детей под бомбами, но не ужасаются, когда ребёнок хочет поиграть с взрослым, а взрослому некогда. Между тем, элементарная частица, минимальная единица зла — не гибель миллионов людей, а секундное равнодушие одного человека к другому человеку.

Ужасаются Освенциму, не ужасаются, когда о человеке говорят «дурак». Это ведь иннервация совести! Это гибель как свободных, так несвободных этических рецепторов — да, в физиологии тоже говорят о свободе, различая свободные и несвободные нервные окончания.

Ужасен не Освенцим, а то, что появилось выражение «после Освенцима». Да не «после Освенцима», а после того, как Адам дал подзатыльник Авелю, а Ева шлёпнула Каина. В этот момент померкли звёзды и содрогнулись серафимы.

Всякое зло в мире есть зло искусственной бесчувственности. Редко кто смеет и умеет быть законченным эгоистом. Зло пародирует святость и в соборности. Первое разделение в мире есть и первый коллектив. Адам и Ева против остальных. Не Ева в одиночку, не Адам в одиночку, а оба вместе.

Социальное зло — пролетарии против капиталистов. Культурное зло — необразованные против образованных. Честь и слава Смердякову, который смел быть один, большинство трусят и объединяются. Гендер против гендера, блондины против брюнетов, раса против расы.

Самое распространённое сегодня объединение эгоизмов — национальное зло. Мы — нация! Я не один такой, нас — народ! Этнос! Если бы один я, был бы сволочь, а так я — патриот! Ох, лучше бы в

шахматисты подался, честное слово, там самое больше ферзём в лоб запустят, а тут атомное оружие.

Нет уж, грешили артелью, а дегресицизация — в индивидуальном порядке. Бывает групповое изнасилование, не бывает группового покаяния. Хочешь быть человеком — покинь класс, нацию, гендер, образование, возраст. Дай себе волю быть собой и тогда, глядишь, сумеешь расплатиться с Авелем — совесть поддаётся как инфляции с девальвацией, так и ревальвации с оздоровлением духовной экономики. Главное — дать свободу своим нервным окончаниям, чтобы реагировать не когда тебя тянут в газовую камеру, а когда тебя тянут за руку — объяснить, почему васильки синие и длинные, а яблоки тяжёлые и круглые.

ПЛЯЖНОЕ ХРИСТИАНСТВО

Один из рассказов о древних монахах описывает суд в монастыре над провинившимся собратом. Суд задерживался из-за неявки одного старца. Рассерженный настоятель нашел пропавшего — под священным и жарким палестинским солнцем на куче песка, перебирающим песчинки. На сердитое приглашение поторопиться последовал спокойный ответ: «Сейчас, сейчас... я подсчитываю свои грехи, а это удобнее делать здесь, каждый отмечая песчинкой. Этой кучи мне хватит, подождите немного». Братия, замечает повествователь, устыдилась поучения и стала, по примеру преподобного, перебирать собственные грехи, в связи с чем судебное заседание было отложено до Страшного Суда.

Как всякое произведение искусства, рассказ этот невольно попадает в разряд изящной словесности. Мы слушаем его, но не слышим, не приглашаем героя погостить у себя в душе, а бесцеремонно ставим себя на его место. В результате мы умиляемся старцу, но мы ему не верим; он учит нас смиряться перед Богом, а мы научаемся кокетничать с Творцом вселенной. Может, это происходит от недостатка логического мышления, которое так же потребно в аскезе, как и в магазине? Ведь фактически мы путаем причину и следствие, говорим себе: «Старец свят и потому считает, что у него много грехов, хотя на самом деле грехов у него оч-чень мало. Буду и я считать, что у меня много грехов, и тогда у меня грехов будет мало, и я буду свят».

Неужели преподобный отец ввел в духовное брение обманный прием самбо? Неужели он лишь делал вид, что уступает Богу, дабы перебросить Его через бедро? Но разве монах борется с Богом, а не с сатаной?

Рассказы о борьбе святых с грехом мы читаем как детектив, в котором всегда побеждает преследователь, забывая, что не святые гонялись за грехом, а грехи — за святыми. Предсмертные сокрушения преподобных о грехах мы считаем праведной ложью ради научения наших душ — как будто ложь может чему-либо научить. А если, Бо-

жиим попущением, нам доведется писать житие, мы предпочтем вставить туда то, что считаем истиной, — например, описание двухмесячного святого, не желающего по средам и пятницам сосать молоко. И горе историку, который нас опровергнет!

Поскольку у церковных историков тоже есть инстинкт самосохранения, им остается два пути: описывать святого как человека, который делал только хорошее или, на худой конец, не делал ничего плохого. В любом случае, обязательно отмечать, что святой усердно каялся, но запрещено сообщать, в чем именно. Лучше всего намекнуть, что грехи были выдуманные. Даже если святой вынужден был однажды раскаяться в действительных грехах (как равноапостольный Владимир), все равно мы заставим его перед смертью каяться еще и в грехах надуманных — иначе в его святости будут сомнения.

Вот причина, почему среди церковных историков и их читателей немного святых. Бездумное поклонение оборачивается поклонением бесплодным. Статистика говорит, что с появлением книгопечатания назидательной литературы становится все больше, а святых — все меньше. Не столько откровенность Льва Толстого, сколько прикровенность вполне православных писателей научила нас считать самосовершенствование — идеалом, а самобичевание — ложью во спасение. На самом деле, самосовершенствование уже потому кокетство, что только изрядная кокетка уверена в своих возможностях. А вот самобичевание — вещь разумная, полезная и необходимая, потому что Бог к нам и пальцем не притронется, а люди хоть и с удовольствием вытянут по спине, но не доберутся до сути.

Конечно, глупо было бы отрицать, что святым доводилось совершать добрые дела (глупее даже, чем утверждать, что они не совершали дел плохих). Но святыми становились не все добродетельные, а лишь те, кто понимал — их добро это пыль в сравнении с их злом. Александр Невский не потому свят, что славно потрудились на Неве и Ладоге, а потому, что понимал — эти победы ничто рядом с внутренними поражениями. Только тот, кто знает, что разгромлен сатаной, побеждает с Богом. Кокетство же хочет и невинность соблюсти, и удовольствие получить: начерно покаяться и набело спастись. Увы — или к счастью? — это невозможно. Или человек живет в мире иллюзорных грехов, легко их побеждает и иллюзорно спасается — или он выбирает мир реальных падений и только тогда видит протянутую ему руку.

Получается, что почитать святых надо не за то, что они хороши (многим из них далеко до Льва Толстого), не за то, что они плохи (здесь у них тоже есть конкуренты), а — за то, что они хорошо поняли, что плохи. Достаточно хорошо поняли! Это очень трудно, и большинство грехов, возможно, — лишь попытки удостовериться в собственной ничтожности, смиренное наше старание ощупать собственную гнусность. Такие грехи, такое чередование греха и покаяния, подобное чередованию выпивки и похмелья, не нужны святому, ибо он свою гнусность видит без бесконечных и новых доказательств.

По словам апостола Павла, «и бесы веруют и трепещут» — речь, видимо, идет о том самом трепетании, которое часто приветствуют как признак глубокого раскаяния. Увы! бесы тоже, наверное, считают трепетание покаянием и надеются этим трепетом оправдаться на Страшном Суде. Но это единственная надежда, которая оправдаться не может. Стоит сказать себе: я, конечно, подлец, но совесть-то у меня есть, раз я это признаю, — и человек вместо Царства Небесного попадает в порочный круг. Кто трезвое сознание своих грехов считает добродетелью — пьян и путается в словах. Парадокс в том, что добродетель всегда может быть только чужой, — это золото в своем кармане превращается в сухие листья. Мы так устроены, что не можем приветствовать себя поцелуем в уста — и не можем приветствовать в самих себе добродетель. А именно это мы делаем, когда считаем, что неплохо покаяться.

Каков же выход? Как объяснить, почему святые копаются в песке? Вот толкование святоотеческое: первый щеголь провинции чувствует себя в столице согрешившим против моды человеком. Величайшими грешниками — и вполне справедливо! — чувствуют себя те, кто на земле стал гражданином небесной Столицы. Одежания, которые нам кажутся роскошными, они резонно считают тряпками.

Во многих городских дворах можно найти кучу песка — на детских песочницах. Я мог бы выступить в защиту песочниц. Но мы взрослые люди и будем говорить откровенно: мы выросли из песочниц. Оставим их детям. Нас ждут пляжи.

ЖИТЬ В ОСВЕНЦИМЕ!

Смеялся ли Иисус, когда рядом шутили люди — не вопрос. Конечно, смеялся. Если и идут споры, то о том, насмехался ли Иисус над людьми — потому что грехом является не смех, а насмешка. Вряд ли. Умный человек, не говоря уже о Сыне Божиим, насмехается исключительно над самим собой — самоирония-с!

Впрочем... «Хочешь рассмешить Бога — расскажи Ему о своих планах» — это о смехе-сарказме. Это у Христа тоже было — чего стоит одна притча о миллионере, у которого тромб уже в миллиметре от сонной артерии, а он планирует строительство новой виллы. Труднее понять, что разнообразные апокалиптические триллеры — зубастые сковородки, скрежежущие по улицам Иерусалима за козлами, да и лопающиеся как мыльные пузыри обворожительные еврейки — не репортаж с места события, а дразнилка. «Поди-ка, запланируй!»

А вот когда Иисус не смеётся и не иронизирует, а мрачнеет: когда слышит: «Я не касаюсь того, что меня не касается». В Его время на языке завоевателей Его родины это звучало: «Ubi nihil vales, ibi nihil velis» — «Где ты ничто, делай ничто». «Моя хата с краю» — точно то же. Уши выше обуха не растут, моё окно — мой горизонт.

Бог стал обычным человеком — но даже Бог не может стать маленьким человеком. Обычный человек — человек не маленький и не большой, а любящий. Бог пришел не сделать маленького человека маленьким богом, а сделать божков свалки свалки человеками космоса. Нельзя спасти того, кто хочет быть ничто. Иуда, Гитлер, Чикатило, Ленин с Путиным — нет проблем. Но спасти обывателя, мещанина, ханжу — невозможно! Даже если они крестятся и веруют — потому что не вера превращает их в святых, а они веру превращают в бегонию на подоконнике, в печенинку к какаве с чаем. Впрочем, те, столетней давности мещане давно исчезли — нынче мещане сплошь с высшим образованием, доктора теологии, неперенные члены международных культурологических конференций, а то и прямые академики. Для них и Крестный путь — всего лишь одна из культурных

достопримечательностей, возможность творить прекрасное и великое. Шаг вправо, шаг влево считается политизированностью. Над ранами Христа обольюсь слезами, а кто там прав и виноват в войне России с Украиной, России с Грузией, России с Молдавией — это всё политика, нагнетание страстей, святые отцы нам заповедовали держаться от этого подальше, а к благорастворению культуры поближе.

Как тут не помрачнеть — когда культурой прикрывают трусость, предательство человечности, конформизм и компромисс. Иуды, мягко говоря. Но, конечно, нынче Иуды совестливые — тридцать серебряников не примут, возьмут грантами и возможностью поблудить по распутиям градским на согласованных с диктатурой маршах против диктатуры. После чего премудрые пескари и сушёные воблы уплывают в свои квартирки и рассуждают про то, что после Освенцима невозможны рассуждения.

Да, после Освенцима ничего невозможно — но кто, чёрт возьми, сказал вам, что мы живём после Освенцима, а не накануне Освенцима? В Евангелии-то прямо сказано: раз и навсегда каждый человек на планете живёт накануне Освенцима и должен строить свою жизнь, исходя из этого прискорбного факта. Где сказано? Пожалуйста — Евангелие от Марка, глава 8, стих 18.

Обычный человек — человек не маленький и не большой, а любящий. Бог насмехается над теми, кто планирует завоевания и одоления, месть и воздаяние, но никогда — никогда! — Бог не будет насмешничать над тем, кто поведает Ему о желании любить, творить, прощать. Скажите Богу о желании верить Ему и веровать в Него — Он, возможно, не выдаст веру и доверие с ходу, чтобы не раздавить нас, но не посмеётся. Скажите Богу о своей слабости, эфемерности, о том, что вы предадите Его, когда другие ещё только будут примериваться, за сколько предать, — и Бог не помрачнеет, а обнимет и приголубит. Может, Дух Святой со стремительностью голубя и не снизойдёт, но чуть-чуть заголубеет обязательно. Так ведь и на рублёвской Троице голубизны совсем немного — лазурь дорого стоила — а какой эффект!

Конечно, ваша хата с краю, моя хата с краю, его хата с краю — но край — передний. Край, где упоение в бою и бездны мрачной на краю — всегда задний, и там не хата, а вата, да и не упоение, а надрались как последние негодяи и палят вокруг себя или ватные книжки пишут. Настоящее же упоение в мире и на краю поднимающейся

вверх горы Божьего бытия, идеже несть конформизма, предательства и утончённого мещанства, но жизнь бесконечная. После Освенцима жизни нет, но накануне Освенцима и в Освенциме жизнь есть, и только жизнь накануне Освенцима и в Освенциме есть жизнь, которая выдержит вечность.

МЕЖДУ УНЫНИЕМ И ТОСКОЙ — ВИФЛЕЕМ

За чем люди совершали Исход через Красное море, за чем волхвы шли в Вифлеем, за чем люди посылали корабли на орбиту?

За счастьем. За счастьем быть свободными в своём обетованном стеклянном доме. За счастьем быть свободными под защитой великого могучего царя. За счастьем быть свободными в безграничном мире прогресса, прав человека, творчества научного и художественного.

Без такого счастья — уныние. С таким счастьем — тоска.

В 2018 году один журнал признал лучшей литературоведческой работой года эссе, сравнивающее Чехова с Базаровым. Оба врачи, оба материалисты, циники, оба ни во что не верят.

Только разница-то очевидна. Базаров — это уныние, Чехов — тоска. Разницу между унынием и тоской замечательно описал один греческий монах полторы тысячи лет назад как разницу между 11 часами дня и 11 часами ночи. Бес полуденный и бес полуночный. Перед полуднем человек рвётся куда-то, надеется, горит — и унывает, потому что ничего не получается. Перед полуночью человек тоскует — и тоскует именно тогда, когда у него что-то получается, потому что радио есть, а счастья нет, по меткому словцу Ильфа и Петрова.

На деле в мире уныние и тоска сосуществуют — и в планетарном измерении, и в душе каждого.

В планетарном — потому что четыре пятых человечества до сих пор живут в эпоху Базарова, в эпоху дефицита, угнетённости, бедности, беспросветности, тем более гнусной, что она не всеобщая, что есть элита, которая вполне себе живёт прекрасненько.

В личном — потому что водораздел не только между золотым миллиардом и миллиардами помоечными, но и в каждой душе. Нет человека, который бы чего-то не добился в жизни, хотя бы не купил игрушку, о которой мечтал в детстве. Но вот игрушка есть — и тоска... Это может быть и богатство, и семья, и дети, и признание, и Нобелевская премия, а итог один — тоска тоск и всяческая тоска.

Если фараон мешал евреям и пытался их вырезать от уныния — без них пирамида не пирамидилась, то Ирод мешал евреям и пытался их вырезать от тоски — у него уже всё было, кроме покоя, мира в душе и благоговения с благоволением. Почему у какого-то Младенца и его Мамы будет то, чего у меня нет? Пусть ни у кого не будет, и чем больше еврейским мам будет рыдать, тем глуше будут мои внутренние рыдания.

Вот почему из четырёх евангелистов русской классики — Тургенева, Достоевского, Толстого и Чехова — Чехов самый последний по году рождения и самый первый по близости к Вифлеему. Тургенев — как евангелист Матфей, груженный цитатами и постоянно оглядывающийся на евреев, Достоевский — порывистый и загадочный евангелист Марк, страстно разговаривающий сам с собой, Толстой — величественный, неторопливый, разливанный евангелист Лука, создающий из песка эпопея, а Чехов — тоненький язычок пламени евангелиста Иоанна, ничуть не разгоняющий тьму, даже делающий её более заметной.

Тургенев, Достоевский, Толстой — как три волхва, путешествующих ко Христу, Толстой даже до физического, буквального исхода и шествия ко Дну. Чехов же — никуда не идёт, он уже пришёл, увидел и понял, что счастья нет и в Вифлееме. В Вифлееме нечто Иное. Больше. Не «моё» или «твоеё», даже не «наше», а абсолютно Своё — и в то же время всехнее.

Вот почему тоска Чехова — не уныние Базарова, и цинизм Чехова, отчаяние Чехова, бессмыслица жизни по Чехову — это рождение Христа в современном мире. Те трое великих — они в мире коллективизма, в мире больших проектов, задумок, чаяний. Чехов — по эту сторону. Он всё охватил, всё увидел исполненным, доел мороженое и увидел, что на донышке ничего не нарисовано, что и после всех побед, свершений и одолений жизнь не имеет смысла. И это прекрасно! Мир не белый и не чёрный, мир серый — но как же красива, серебристо-жемчужна эта серость!

Три волхва есть у Чехова, три путешественника в великое Вечное. «Степь» — путешествие подростка, «Моя жизнь» — путешествие взрослого, «Скучная история» — путешествие старика. Бальтазар, Мельхиор и Каспар. Подросток несёт золото расцвета, взрослый — благоухание любви, старик — масло мудрости, которая ничего никому не может посоветовать, потому что нельзя кому-то помочь, не

ограничив себя, не пожертвовав собою, а старику уже нечем жертвовать, он уже сам — жертва, запутавшаяся в кусте дряхлости. Они оба приходят в одну точку — ту точку, которая не имеет ни длины, ни ширины, ни глубину, аксиоматическая евклидова точка, и как ни глядят им в спину ироды, ничегошеньки не увидят — эту точку схода всех надежд видит лишь Тот, на Кого эти надежды устремлены.

Есть светлое, хрустальное Рождество — для тех, кто в унынии, кто обессилел от бессмысленного и скудно оплачиваемого труда. Есть чёрное, ночное Рождество — для тех, кто лишён свободы, кому не нужен свет, кому нужен сосед по смерти, по отчаянию, по агонии. И есть серое, дымчато-чеховское Рождество Христово — для тех, кто прошёл и свет, и тьму, радовался и отчаиваялся, благодарил и унывал, и вдруг попал на финишную прямую — а финишная прямая оказалась размытой, и не прямой, и не кривой, а какой-то тающей горечью во рту. И это — тоже Рождество, потому что тогда уже ничего не ждёт человек от Абсолюта, потому что и так всё попробовал и убедился, что всё — тоска и скука, ничего не ждёт, но всему открыт, никому ничего не советует, но всех и вся выслушивает, никого не может вылечить от недостатка любви, но всем и каждому готов уделить частицу себя, потому что знает, что в освободившемся месте рождается Некто, Кого нельзя описать, навязать, использовать, Кого, правда, можно убить, и уже убили раз, но — воскрес, превратив Рождество в Пасху.

ХРИСТИАНСТВО В АФОРИЗМАХ

1. Основы духовной жизни. Неверие. Фанатизм. Атеизм. Догматизм.

Противники фанатизма любят книжку «Просто христианство». Идеал фанатика — многотомное издание «Сложное христианство». А нормальное христианство не сложное и не простое, а непростое.

* * *

Кому свобода не мать, тому Бог не отец!

* * *

Со смирением несовместимо одно — смирительная рубашка, и неважно, на ближнего или на себя надевается эта рубаха.

* * *

Свобода есть единство, — девиз антихриста, девиз же Христа — свобода есть вера.

* * *

Право атеиста на кощунство я буду отстаивать с кадилом в руке!

* * *

Судить о Церкви по лицемерам и фанатикам — как судить о политике по политиканам и политологам или о вине по этикеткам и пьяницам, о социализме — по национал-социалистам и социологам.

* * *

Волков бояться — в церковь не ходить! Человек человеку известно что. Бог, однако, в церковь ходит. Не потому, что могучий и бесстрашный, а потому что любящий до смерти и воскресения.

* * *

Клерикал не тот, кто говорит: «Без попов нет спасения, а потому идите в церковь!». Истинный клерикал тот, кто говорит: «С попами нет спасения, а потому не ходите в церковь!»

* * *

Сомнения делают уверенность — верой, знания — мудростью, надежду на человека — любовью к человеку.

* * *

Различия между мышлением о физике и мышлением об истории есть. Но это не означает, что физики и историки люди разных видов, что историк не может выйти замуж за физика и иметь с нею потомство. Узкий специалист подобен, конечно, флюсу, но не надо внушать себе, что ты только лишь узкий специалист. Всякий человек — широк как шаровары Бульбы. Князь, академик и преинтересный православный мыслитель Алексей Ухтомский прославился открытием «психологической доминанты». Психические процессы неравномерны, склонны к флюсам, но специализация лишь доминанта — общий план здания. Здание может быть складом, может быть генштабом, может быть обсерваторией — архитектура разная, но в самых разных зданиях одинаково должны быть и клозеты, и окна, и крыша, и стены, и воздух, и свет, хотя организует их и пользуется ими та самая доминанта по-разному. Никто ещё не переставал пить под предлогом, что он едок.

* * *

Я основал новое направление мысли: теология освобождения от теологии.

* * *

Если человека Диоген искал, бродя днем с фонарем, то Бога надо искать ночью, закрыв глаза и замерев.

* * *

«Кому нужна дорога, если она не ведёт к храму!» — Кому нужен храм, если он перегораживает дорогу?

* * *

Человек, отвергающий всякие религиозные формы и проповедующий «веру в глубине души», должен и квартиру свою раздать нищим и поселиться на улице.

* * *

В жизни любого человека есть путь земной и путь небесный, и эти два пути не должны мешать друг другу. Узкоконфессиональное» так же не мешает «общечеловеческому», как занятия альпинизмом не мешают горам.

* * *

Агностик – человек, который не считает возможным знать, приносят детей аисты или атеисты.

* * *

У верующего должны быть связи (Церковь), характер (Дух) и деньги (вера).

* * *

Существование Бога не вызывало бы сомнений, если бы не существовали люди.

* * *

Набоков: «К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники». Верно, но ежели сто одиноких путешественников встретятся рядом с Богом, или на конгрессе одиноких путешественников или хотя бы в придорожном кафе, они разве останутся сотней одиноких путешественников?

* * *

Атеизм есть поиски неба в угольной шахте.

* * *

Смысл жизни христианина в том, чтобы стать христианином.

* * *

Я прочёл Евангелие и не стал христианином.

Я познакомился с отцом Александром Менем и не стал христианином.

Я встретился с Богом и вот тогда я стал христианином.

* * *

Бог не нарушает свободы человека, эта свобода слишком велика. Свобода человека в том, что человек способен вести себя по-свински и при этом оставаться человеком.

* * *

Свобода есть тень Бога.

* * *

Догматизм — это религиозный бодибилдинг для мужчин, фанатизм — для женщин.

* * *

Самолет может лететь с такой скоростью, что над ним всегда будет солнце. Вечность и есть движение одновременно с солнцем. Ад есть ошибка в направлении: самолет ведь может вечно лететь на восток, тогда он будет постоянно удаляться от солнца.

* * *

Неудачи верующих охраняют свободу неверующих.

* * *

Вы уж либо латы снимите, либо крестик наденьте.

* * *

При слове «ответственность» моя рука тянется к епитрахили.

* * *

Бог близок всем, но не все близки к Богу.

* * *

Гуманизм — тень христианства, которой хозяин смиренно повелевает господствовать. Считать христианство тенью гуманизма или считать гуманизм антихристианской подменой, — одинаковая пошлость под противоположными соусами.

* * *

Я бы хотел жить в христианской любви и добродетели, но там все места заняты любящими и добродетельными людьми, так что мне остаётся жить в злобе и грехе.

* * *

Христианство есть смиренная рубашка с обрезанными рукавами.

* * *

Расти в Боге можно по-разному, как и в человеке по-разному растут зубы и мозоли, волосы и раковые опухоли.

* * *

Низшая свобода — когда люди расходятся, как Авраам с Лотом. Высшая свобода — когда люди сходятся друг с другом как Бог с человеком.

* * *

Свобода от святости — всего лишь дезертирство.

* * *

На молебен о прекращении засухи фанатик идёт с зонтиком, либерал с леечкой, а фундаменталист едет во главе колонны единоверцев, везущих цистерны с водой.

* * *

Фанатизм — бегство от себя к Богу.

* * *

Для верующего Бог — крыша, для фанатика — зонтик.

* * *

Фанатизм считает верблюдом лишь того, кто сумел пройти через игольное ушко.

* * *

Фанатик зовёт Бога не из доверия Богу, а из недоверия к другим.

* * *

Фанатик подчиняет личное идеям, карьерист подчиняет идейное личному. Участь их одна: бесчеловечность. Поэтому фанатики и карьеристы легко объединяются против других.

* * *

Ханжа — копияпастырь.

* * *

Ханжа — это атеист, сказавший Богу «да».

* * *

Господь превратил воду в вино. Один раз. А мы, Его последователи, ежедневно превращаем вино Воскресения в бурду казенщины, кислятину конформизма, газировку воскресного христианства, грязную жижу из козлиного копытца фундаментализма.

* * *

Фанатик — человек, который расставляет точки над ы.

* * *

Верующий говорит: «В какой бы трудной ситуации Вы ни находились, Бог может ее изменить. А может не изменить!».

* * *

У ханжи ума — мироваренная палата.

2. Вера. Религия. Откровение. Библия.

Вера — вода, утоляющая жажду духовную. Религия же — пустое дело! Пустое как пузырьки газа в газированной воде. Вера без религии — как газированная вода без газа. Религия без веры — газовая атака живых мертвецов.

* * *

Я был неверующим и свидетельствую: прекрасно можно жить без веры. Вера вовсе не рука и не нога. Вера — бонус, подарок, избыток. Когда нет веры — это драма, а когда нет осознания того, что веры нет — это трагедия.

* * *

Открыть Америку может даже Колумб, но только Бог может открыть Колумба.

* * *

Разнообразие культур атеисты часто считают доказательством того, что все этические нормы условны. С таким же успехом разнообразие форм письменности можно считать доказательством того, что речи не существует.

* * *

Сперва были люди, убеждённые, что Бог есть. Потом люди, убеждённые, что Бог может стать человеком. Чуть позже — люди, убеж-

дённы, что человек может стать Богом. Ещё потом — люди, убеждённые, что Бог не может быть человеком, человек не может быть Богом. Ближе к нам — люди, убеждённые, что Бога нет, и люди, убеждённые, что человека нет, есть просто обезьяна с фантазиями.

Это разные люди, но это один и тот же человек. Убеждённый. Убежденец. Противоположный верующему и знающим. Верующий знает, что Бога нет и быть не может, но верует в Бога. Знающий не верует, но знающий знает, а не убеждён. Убеждения не меняются, знания меняются, вера меняет.

* * *

Человеческое восприятие Бога не может быть адекватным Богу — иначе какой бы это был Бог! Надо просто сознать эту неполную адекватность и вести себя соответствующе, не боготропию, агностицизм и цинизм.

* * *

Сто лет назад доказывали, что Бога нет, потому что вселенная бесконечна. Теперь — что Бога нет, потому что вселенная конечна. А Бог всё есть и есть.

* * *

Главный враг веры — не неверие, а самоуверенность.

* * *

Неверующие правы: люди склонны к самообману, обману, иллюзиям, к преувеличению своих знаний и недооценке знаний окружающих. Понятно теперь, что такое гордыня, о которой говорят верующие? Другое дело, что ошибаются не только верующие, но и те, кто из утверждения «верующие — идиоты» выводят «Бога — нет». Колумб не туда поплыл, следовательно, Китая нет. Мало быть неверующим, чтобы здраво мыслить. Понятно, какой сизифов труд — откровение Божие, спасение людей? Так Сизифа хотя бы не распяли, он вовремя камень отпускал, а Христос — докатил!

* * *

Суевер верит, что вера помогает. Верующий знает, что не вера помогает, а Тот в Кого веруем.

* * *

Ничто так не мешает вере как попытка найти выход из ситуации, когда надо искать выход из себя.

* * *

В мире есть лишь две национальности: люди, исповедующие презумпцию невиновности, и люди, исповедующие принцип «признание — царица доказательств». И в мире есть лишь две религии: одна исповедует принцип презумпции существования Бога, другая ежесекундно исповедует Бога или отвергает Его, считает Его существование невероятным, недоказуемым и потому верует или не верует в Бога, но делает это от себя лично.

* * *

Христианин до костей мозга...

* * *

Религия восхищается силой Бога, вера — Его же бессилием.

* * *

Религия — опиум народа и нашатырь личности.

* * *

Сомнения — пена, из которой рождается вера.

* * *

Наука — шпалы, вера — рельсы, человек — машинист поезда, человечество — пассажиры.

* * *

Человек вновь и вновь превращает зерно веры в щебень доброты и в скалу религии, но Бог и эти камни превращает в хлеб.

* * *

Вера не считает, что Бог есть и поэтому для верующего в Бога всегда и всё будет хорошо. Вера считает, что и тогда, когда всё будет плохо, Бог есть.

* * *

Вера это тело Духа.

* * *

Обряд — бинокль: если правильно им пользоваться, уменьшается расстояние между тобой и Богом; если ошибочно — растёт.

* * *

Пушкин писал стихи гусиным пером, но Пушкин не был гусём. Библия — гусиное перо Бога.

* * *

Может ли Бог сотворить камень, который раздавит Бога?

Может. Уже сотворил — это Библия.

Это шутка. Бог сильнее даже Слова Божьего.

* * *

Библия без Бога — деньги на ветер.

* * *

Фарисейство — загар от Солнца Правды. Загорать тоже нужно в меру...

* * *

Воинствующий ханжа подобен метеорологу, который дует на флюгер, чтобы доказать существование ветра. Атеист же воинствующий подобен метеорологу, который убирает все приборы и запирается в чулане, а то и воздух откачивает из этого чулана, чтобы изучение ветра не затенялось воздействием воздуха.

* * *

Ханжи от религии утверждают, что живут, чтобы молиться, а другие молятся, чтобы жить. Ханжи от кулинарии сказали бы, что живут, чтобы есть. Ханжи от военного министерства сказали бы, что живут, чтобы воевать.

* * *

Быть христианином умнее, чем быть атеистом, потому что всё плохое, что есть в Церкви, есть и за её пределами.

* * *

Наука ищет истину, вера дает истине искать себя.

* * *

Теряют лишь сильную веру. Если человек подхватил вошь, он ее не потеряет, а если схватит тигра... Впрочем, на некоторых людях даже вши дохнут.

* * *

Чем благодать отличается от халявы? За благодать нельзя не отдать всего себя, иначе какая же это благодать. За халяву нельзя отдать хотя бы копейку, иначе какая же это халява.

* * *

Один литератор жалел, что Библия не написана от первого лица. Ну, во-первых, она написана Первым Лицом, хотя обычно в третьем лице, а во-вторых то и дело оказывается, что очень многое в Библии — именно от первого лица, хотя и лишено формальных признаков «автобиографичности».

3. Мистика, духовность. Апофатика и катафатика. Боговдохновенность. Чудеса (чудо). Знамения.

Бог говорит не словами, Бог говорит Богом, потому что Бог и есть Слово.

* * *

Мистика — зерно, вера — мельница, религия — хлеб, Церковь — столовая. Благотворительная!

* * *

Чудо — когда Бог делает то, что должен был бы сделать человек.

Когда человек делает то, что должен был бы делать Бог, это — чудачество.

* * *

Христианство есть демистификация всякой религии плюс обожение всего человечества.

* * *

Мы просим о чуде как о заменителе нас: пусть другому будет хорошо, Господи! Я ничего не могу, Ты можешь, сделай что-нибудь! Бог-то, может, и сделает, но прежде всего Он говорит: «А ты? Ты для

другого сделал, что мог? Что ты Меня вместо себя подставляешь-выпихиваешь? Бог без человека — чудо на ветер!»

4. Истина. Бог Отец, единство Бога. Имя Божие. Слава Божия.

Небо без Бога — что земля без неба.

* * *

Истина есть не то, что мы познаём, а Тот, Кто познаёт нас.

* * *

Эгоизм убивает эго. Бог о Себе говорит: «Эго эсми», «Аз есмь», потому что эго Божие предельно обращено за пределы Беспредельного.

* * *

Граждане! Уступайте место Богу — Он старше всех нас, вместе взятых!

* * *

Бог невидим, потому что вглядывается в нас, и Бог неслышим, потому что вслушивается в нас.

* * *

Бог — недостающее звено между человеком и человеком.

* * *

Бог так велик, что свободно проходит в игольное ушко, и рядом с Ним ещё остается место для человека...

* * *

Всемогущество Бога — как масса Бога. Любовь Божия — вес Божий.

* * *

Блаженный Августин сказал: «Мятётся наше сердце, Боже, пока не успокоится в Тебе». Это правда, но всё-таки на самом деле «покой в Боге» — это такая энергетика, такая буря-шмуря, что назвать это покоем можно лишь в сравнении с пьяной дракой, которая, действительно, сплошное беспокойство для участников и наблюдателей.

5. Творение и творчество. Власть Божия. Сила, могущество. Любовь Божия к людям. Вера и дела (активизм, активность и пассивность, творчество, созерцательность)

«Современный перевод Библии» это как? «И посмотрел Бог на дела рук своих и сказал: «А ничего вышло!»

Потому что в современном русском языке «ничего» — это «всё хорошо!» А когда говорят «всё!» — значит, конец, всё кончено, ничего не остаётся кроме как в гроб.

* * *

Человек видит мир через перископ, а Бог — через микроскоп.

* * *

Сводить творчество к однократному акту творения — как сводить брак к поцелую.

* * *

«Я любим» — творит человека. «Я люблю» — человек творит. «Мы любим» — встреча человека с Творцом.

* * *

Что для неверующего мироздание, для верующего — мирозадание.

6. Видимое и невидимое. Рай. Животные. Ангелы. Сатана. Бесы.

Рай не золотой век человечества, Рай золотой век богочеловечества.

* * *

Вечность не знает сытости.

* * *

Рай — место, к которому невозможно привыкнуть.

* * *

Как ни далеко мы ушли от Рая, каждый день мы можем соприкоснуться с тем, с чем соприкасался человек уже в Раю: с заповедями и с молитвой «Отче наш». Конечно, в Раю были другие заповеди (точнее, заповедь), там не было нужды говорить о любви к Богу, потому что была любовь к Богу, не было нужды запрещать прелюбодеяние, потому что была любовь к женщине, не было нужды запрещать убийство и зависть, потому что была любовь к человеку. Единственная

заповедь, которая была уже в Раю: «От дерева познания добра и зла, не ешь от него» [Быт. 2, 17]. Не трать время на что-либо помимо любви! Кто-то понимает познание как власть, так пусть не играет со властью. Кто-то понимает познание как просто исследование, так пусть не исследует. Кто-то понимает познание как любовь, так пусть не познаёт того, что недостойно любви.

* * *

Паршивому поросёнку и в Петровки мороз, желающему войти в искушение весь рай — искушение. Собственно, ад и есть рай с точки зрения искушённого наблюдателя.

* * *

Ад — это свобода от покаяния.— место, к которому мы привыкли, еще не попав в него.

* * *

Христос помогает идти по воде, сатана помогает идти по крови.

* * *

Сатана – бог несвободы.

* * *

Бесы унылы, потому что не могут добиться своего, но ещё более — потому что знают, как глупо то, чего они добиваются.

* * *

Враг не дремлет, но и ангелы не храпят.

* * *

Бог не размазывает сатану по стенке потому, что Бог хороший штукатур.

* * *

Жизнь без зла — до смерти крестный путь, после смерти рай.

Жизнь без возможности зла — до смерти пошлятина, после смерти ад.

7. Человек и человечество. Жизнь. Благодарность. Душа и тело. Адам и Ева.

Человек — любимая мозоль Господа Бога.

* * *

Бог всемогущ любовью и творчеством. Человек всемогущ свободой. Два всемогущия сталкиваются — и уступает, разумеется, Божие.

Это не оправдание Бога и не обвинение человека. Не оправдание любви и не обвинение свободы. Просто напоминание: любовь сама по себе есть свобода, но свобода сама по себе ещё не любовь и не творчество.

* * *

Человек должен быть для людей — Богом, для Бога — человеком. А мы всё время путаем.

* * *

Бог есть отсутствие присутствия. Сатана есть присутствие отсутствия. Смысл жизни в том, чтобы наслаждаться теплом недостижимого Бога и не засыпать в обжигающем вакууме зла.

* * *

Человек — губка между Богом и миром.

* * *

Творец вселенной теоретически подходит для спасения и утешения человека примерно так же, как трактор — для массажа спины. А практически — кроме Него ничто и не утешает.

* * *

Человек — роскошь, которую может себе позволить один Бог.

* * *

«Нехорошо человеку быть одному» не означает, что человеку нужна жена, а означает, что человеку нужно человечество, которое без жены (или мужа) появиться не может. Быть для другого человека человечеством — вот вся «помощь», в которой нуждается другой человек.

* * *

Прочность цепи определяется прочностью самого слабого звена в цепи. Все звенья могут быть идеальны, но если одно хрупкое, цепью пользоваться нельзя. В духовной жизни, в культуре тоже так. Только есть одна тонкость: не все цепи одинаково цепные. Служить литур-

гию с пьяным священником или пьяными прихожанами не стоит. Порвётся молитва, рассыплется. Строить дом с халтурщиком нельзя. А вот в Царство Божие с ним можно. Потому что в цепи человечества все звенья слабые — и фарисеи, и мытари, и святые, и грешники. Все равно мыльные пузыри перед Богом. Это не оправдание грешников, это похвала Богу. Человечество — не кандалная или якорная цепь, а цепь коммуникационная, в которой железные звенья так же неуместны, как в электросхеме или в цепочке ДНК.

* * *

Человеческого в человеке только Божье.

* * *

И в Сахаре бывают пальмы, но все же как пальмовым, приветствующим Иисуса, должно быть не одно воскресенье, а каждый день, так и мир должен быть не пустыней с оазисами, а садом, и человек в нем садовник, роза и баобаб одновременно.

* * *

Чапек в «Саламандрах» спародировал отзывы разных великих людей своего времени на вопрос: «Есть ли у саламандр душа». Лучше всего вышло с Бернардом Шоу: «Есть, этим саламандры отличаются от людей». Собственно, это всё по поводу сходства обезьян и людей. Сходство доказывать не нужно, оно бросается в глаза всякому, кто посещал налоговую инспекцию или собрание действительных членов Академии Наук. Вы мне различие докажите!

8. Промысел. Грех. Испытание. Грехопадение. Гордыня. Добро и зло, спасение и гибель. Теодицея.

Добро бессмертно, зло — вечно.

Разница как между райским блаженством и адскими муками.

* * *

Грехи бывают смертные и бессмертные, большие и маленькие, жёсткие и мягкие, квадратные и круглые, ведомые и неведомые, вольные и безвольные, вонючие и благоуханные, первичные и серийные, мужественные и женственные, высокие и низкие, длинные и короткие. Только чужих грехов не бывает.

* * *

Самая главная черта благодати — непреодолимость. Бог сожмёт сердце — и прощай, неверие. Только вот загвоздка — искушение отлично имитирует эту самую непреодолимость... Кто предупреждён, тот вооружён! Другое дело, что наше оружие всего лишь молитва. Но почему «всего лишь»?! Молитва знаете ли, это не кот чихнул... Молитва это молитва

* * *

Зло это добро без Бога.

* * *

Выбор греха оборачивается бесконечным отсутствием выбора.

* * *

Сатана вовсе не та сила, которая вечно хочет зла, а творит добро. Сатана добра не творит, от зла добра не бывает. Добро творится Богом. Мощный, широкий, разливающийся с каждым днём и веком поток добра. На этом потоке — муть и дрянь, пятна и омуты, и они претендуют на то, что они «делают добро». Бог делает, а они — мошенники, пытаются взять плату за то, что Солнце светит.

* * *

Война — гибридный мир. Похоть — гибридная любовь. Ложь — гибридная правда. Блуд — гибридный брак. Ненависть — гибридная доброта. Боже, милостив буди мне, гибриднему!

* * *

Гордыня — театр одного актера. Эгоизм — театр одного зрителя.

* * *

Дух дышит, где Бог хочет быть Богом, бездушие — где Богом хочет быть человек.

* * *

Грех есть попытка быть Богом помимо Бога.

* * *

В нашем мире катастрофы случаются. В Божьем мире — катастрофы не случайны.

* * *

Грех есть смерть в розницу.

* * *

Человечество, человечество... Колхоз имени Первородного Греха, вот и всё «человечество».

* * *

Грех — ответ на вопрос, который задал не Бог.

* * *

Грех — это дым без огня.

* * *

Грех — ложь, лукавство, обман, от алкоголизма до казнокрадства и войны — считают способом жить. Но грех это не образ жизни, это образ смерти. Говорят «не мы такие, жизнь такая», а надо-то говорить «не мы такие, смерть такая».

* * *

«Не введи нас в искушение», — Бог советует с этой проблемой обращаться к Нему.

«Не ввести искушение в себя», — с этой проблемой каждый должен разбираться сам, даже Бог тут бессилен.

* * *

Бог может освятить и преобразить искренний ужас, страх (и ненависть — их следствие), но даже Бог не может освятить лицемерную любовь. Можно выжить, питаясь лебедой, но не восковыми яблоками.

* * *

Возможное есть должное. Грех есть невозможность, поэтому человек должен не грешить. А когда грешит, то совершает невозможное, дурачок.

* * *

Любовь к греху и любовь к славословию связаны прямо, как грехопадение и фиговый листок.

* * *

Грешник грешит, потому что ждёт греха не от себя, а от ближнего.

* * *

«Ненавидеть грех, а не грешника» — лучше, чем ничего, но всё же неверно и плохо. Во-первых, ненавидеть не надо и грех. Его нужно не видеть, а это совсем другое. Во-вторых, жизнь тем и сложна, а любовь тем и интересна, что грешник хочет, чтобы любили его грех. Он отождествил себя со своим грехом и судит окружающих по тому, разделяют ли они его любовь к этому греху.

* * *

Каин убил Авеля, потому что боялся, что земля всех не прокормит.

* * *

Каин убил Авеля за то, что у Авеля имя начиналось не с «К» и заканчивалось не на «н». За то, что был «не как все» — то есть, не был каином.

* * *

Вера говорит: «Не введи меня в искушение».

Рационализм говорит: «Удержи меня от искушения».

Смирение говорит: «Выведи меня из искушения».

Гордыня говорит: «Введи меня в искушение».

Искушение врёт: «Только сегодня только для вас — специскушение!»

* * *

Смерть естественна, противоестественно умирать.

* * *

Смерть одним самолёт, другим — парашют.

* * *

Гордость — протухшее смирение.

* * *

Легче ли делать зло, чем добро? Легче, насколько легче быть мёртвым, чем живым. Труднее, потому что делать добро означает делать, а делать зло означает дурью маяться, что чуждо человеку как

всякое небытие. Но, как говорили в XVII веке, «церковь близко, да идти склизко, кабак далеконько, ан доползу потихоньку».

9. Справедливость. Страдание. Смерть. Заступничество.

Бог не электрик — может отрубить свет даже там, где свет не включали. Так что стоит учиться благодарить и за аварии, и за потерянное время, и за потерянные деньги: иногда при свете творятся такие дела, что лучше уж темноту на наши головы.

* * *

Христианская вера не в тех, кто в огне не горит и в воде не тонет, а в тех, кто верует и сгорая, и утопая.

* * *

Люди служат услугами, Бог служит слугами.

* * *

Человек призван быть не чудотворцем, а чудом.

* * *

На чьей стороне Бог? Хорошо бы это выяснить, чтобы занять Его сторону! Только помните ленту Мёбиуса? Берется узкая полоса бумаги, перекручивается один раз, склеивается. Проведите по ней карандашом — у неё одна, оказывается, сторона. Карандашная линия будет и внутри, и снаружи.

Лента Мебиуса напоминает: не существует зла. Есть лишь свет. Ведь мы же берем белый лист бумаги — он с обеих сторон белый. Зло в том, чтобы не чертить ничего по ленте, в том, чтобы спихивать других с ленты, в том, чтобы пытаться разорвать ленту...

10. Завет. Личность. Жертва. Самопожертвование. Ной, Авраам, Исаак, Иаков

Живём и живём себе вечно — главное, жить не себе, а Богу...

11. Моисей. Исход.

Не всегда есть выход, но всегда есть Исход.

* * *

Что чудеснее: муравей взобрался на спину слона и катит себе, или слон катится на муравье? Вот почему Библия пересыпана напоминаниями пророков: Бог шёл среди нас! Был был с нами! И мы уцелели

— не потому, что Бог не дал раздавить нас, а потому что Бог не раздавил нас.

12. Закон. Декалог.

Антихрист отменяет закон, издевательски клеймит «рафинированные» представления о правовом государстве. Христос утверждает Закон, с большой и с маленькой буквы, потому что только закон защищает веру и благодать от насилия и манипуляций сильных.

* * *

Десять заповедей — как десять пальцев. Соблюдая их, можно начать жить, и жизнь это будет очень разная. Кто десятью пальцами сделает два кукиша, а кто — статую Давида.

* * *

Если заповедь абсолютна, то человек ноль, сказал один атеист. Напротив: тот, кому адресовано абсолютное, сам есть абсолют.

* * *

Кто пытается манипулировать Богом, тем начинает манипулировать идол.

* * *

Заповедь «не убий» сегодня звучит как «не ликвидируй». Не ликвидируй. Не обезвредь. Не работай по цели. Не нейтрализуй. Не управляй беспилотником.

* * *

У кого-то понедельник начинается в субботу, а у христианина суббота начинается в воскресенье.

* * *

Воскресенье — это ожившая суббота,

* * *

Чтить субботу — означает понимать, что Воскресение начинается с воскресенья.

* * *

— Господи, — взмолился Адам, — устаю как собака, страшно не хватает дня между пятницей и воскресеньем!

— Пожалуйста, — с готовностью и участием откликнулся Создатель, — вставляю дополнительный день, назовём, к примеру, шестница... Нет, коряво... шестник... Бррр... Пусть будет суббота — звучит оригинально, а что такое «бота», потом придумаю. Отдыхай — не хочу!

* * *

Я не субботник. Я субботаник. Субботник в субботу не пишет, а я пишу.

* * *

— Учитель, ты объяснишь Закон Божий за время, которое ты можешь простоять на одной ноге? — спросил один юноша великого учителя Параллеля.

— На левой или на правой? — ответил Параллель. — Объяснения ведь будут разные.

* * *

Воскресение — обретение своего. Ад — потеря украденного.

* * *

Между «не убий» и «подставь щёку» такая же разница как между объявлением о концерте и самим концертом.

* * *

Ложь — это кровь сатаны; кто лжёт, подключается к кровообращению тьмы.

* * *

Бог — в каждом измождённом, страдающем, расстрелянном.

* * *

Убить человека — верное средство сделать его Богом, а себя — дьяволом. Но только верующие знают, что Бог — не убитый человек, а Некто больший. Не убитый, а Воскресший и Воскресающий.

* * *

И верующие, и неверующие призывают Бога. Но только верующие слышат призыв Бога и отвечают.

13. Обетование. Страх Божий. Раб Божий.

Бояться Бога означает бояться не быть человеком.

* * *

Не так страшен Бог, как Его малюют.
Он страшен иначе.

* * *

Чтобы бояться Бога, надо молиться Богу. Кто молится, не может не бояться, как тот, кто пьёт, не может не сглатывать.

14. Болезнь и страдания.

Бог даже камень болезни может превратить в хлеб веры. Когда это пытаются сделать люди, получается ханжество.

* * *

У Иова случилась импотенция, а смерть жены, детей, скота — это метафора.

* * *

Как любовь поверяется, когда любимые ссорятся, а не когда они вместе пиво пьют, так вера поверяется, когда человек с Богом ссорится.

* * *

Деньги — лекарство нищих. Болезнь — лекарство нищих духом.

* * *

Нищий духом отдаёт кошелек нищему материально. Нищий душой отдаёт кошелек киллеру или солдату, чтобы тот убил врага.

* * *

Пошлость в религии — это наклейка на автомобиле в США: «Чувствуешь, что далеко от Бога? Угадай, кто от кого убежал?» Правда в том, что иногда убегает Бог. Правда Иова в том, чтобы прокричать Богу: «Постой! Вернись!!» Друзья Иова лгут, потому что пытаются доказать Иову, что он отдалился от Бога, тогда как отдалился всё-таки Бог.

* * *

Страдания сами по себе ничего не решают. Если меня, великого грешника, избьют в переулке хулиганы, я буду избитым великим грешником, только и всего.

* * *

Иова можно было бы пытаться срезать не вопросом «а сам-то», а вопросом «неужели тебя ничего не радует». Тебе плохо — ты весь мир обесцениваешь? Глядишь через чёрные очки?

Да нет, отчего ж. Радует либо что-то очень маленькое, либо что-то очень большое. Очень маленькое — вроде красоты математических формул и изяществ снежинок — книга Иова опускает, а вот про «очень большое» подробно в конце излагает. Бог, Творение... Но ведь человек радуется человеку, а вот с этим и проблемы. Вообще нет «проблемы Иова». У Иова всё умерло, в чём проблема. Есть проблема утешителей Иова. Не сатана послан искушать Иова, Иов послан искушать друзей Иова. Людей серединки. Людей компромисса. Компромисса, который почему-то всегда за чужой счёт. И надо очень опуститься вниз, в мрак, ниже любого наива, ути-пуси и бычков с осликами, чтобы вполне понять, что же сделал Бог Рождеством. Рождество — это компромисс с людьми за счёт Бога.

15. Богослужение. Мудрость.

Будущее хорошо видит тот, кто видит вечность.

* * *

Пророками становятся люди, способные принять будущие гадости с настоящей благодарностью.

* * *

Грех делает человека лилипутом, добродетель — ребёнком. Разница та, что лилипут не растёт.

* * *

Христианство не стены, а воздух.

16. Псалтырь. Песнь Песней. Пророки.

Блажен муж блаженной жены.

17. Символ веры, Вселенский собор, догматы, ересь, предание.

Символ веры — лекарство от символической веры.

* * *

Вера есть отношения с Творцом, надежда — отношения с творением, любовь — отношения с любимым.

* * *

Христианство — не воскресная школа, а школа воскресения.

18. Новый Завет. Царство Божие. Евангелие.

Евангелие — валентинка, написанная кровью.

* * *

Царство Христово «приблизилось» — не «наступило», а «наступает». Наступает на пятки! Мы всё всматриваемся вперёд и видим ничего, потому что Бог дышит в затылок! Идущий впереди меня едет позади меня и настойчиво сигнализирует в спину: не спи, замёрзнешь! Шнурки завяжи, ладно уж, а то совсем запутался, сейчас наступишь на них и упадёшь. Остановись, опустишь, завяжи, а потом — вперёд, и не оглядывайся!

* * *

Заповеди блаженства — автопортрет Христа.

* * *

Влюблённый глупеет. Любящий умнеет.

Алчный духом глупеет. Нищий духом умнеет.

Бьющий по щеке глупеет, и неважно, первым он бьёт или в ответ.

Подставляющий щёку умнеет (если щека своя).

Кто борется с собой, глупеет. Кто борется с Богом, умнеет.

Атеист борется с собой, верующий с Богом.

Верующий любит себя, ханжа в себя влюблён.

Бог влюблён в людей, иначе бы Он их не любил.

* * *

Норме не обязательно противостоит ненормальное. Нормально и лицо, и отражение лица. Царство Божиим отражает то, что невидимо в нормальном мире.

* * *

Царство Божие не украшает жизнь — напротив, жизнь есть украшение Царства Божия.

* * *

В Царство Небесное ведёт очередь, в которой, как и в очереди на эшафот, разумнее держаться в конце.

19. Сын Божий. Мессия. Христос.

У Христа за пазухой — счастье. Христос за пазухой — горе.

* * *

Иисус не пришёл, чтобы исцелить, Иисус исцеляет, чтобы прийти в душу, в сердце, в человека.

* * *

Крест есть — и Бога упрекают, что Он не спас даже собственного Сына. Если бы не было Креста, Бога бы упрекали, что Он спасает лишь Себя и Своего Сына. А Бог вообще не про Сына думает, потому что Он и есть Сын.

* * *

Христос — месть Бога человечеству.

Главное пророчество о Христе: «Мне отмщение, и Аз воздам». Каждый мстит, как умеет. Христос не был христианином.

* * *

Христианин рождается, потому что Христос умер.

* * *

Если бы у Христа был миллиард, сколько бы набежало поплакать у Голгофы!

* * *

Один был в истории человек, не бросавший понтов — и тот Бог!

* * *

Спаситель спасает от спасения. В Его Царстве можно начать просто жить, перестав оборонять и обороняться.

* * *

Бог на осле — чудо, ослы на Боге — норма...

* * *

Христос — воздух, христианство — дыхание.

* * *

Объять необъятное нельзя, а обнять, поцеловать и тем самым предать — бывало.

* * *

Христианин — абажур Христа.

* * *

Воскреснув, Иисус подарил человечеству свободу от небытия; вознесшись — подарил свободу от Себя.

* * *

Край Христов — где Христос без края.

* * *

У Христа крест, у нас крестовины. У Христа гвозди, у нас гвоздики.

* * *

Антихрист учит превращать свободу в рабство, Христос превращает рабство в свободу.

* * *

Христос — это полнота, Его не может быть больше или меньше, а Антихрист — это бесконечно малая величина, он бесконечно уменьшается. Зло все время уменьшается, и предела этому нет. И это, собственно, и есть ад, некая воронка бездонная.

20. Рождение и творение. Матерь Божия. Боговоплощение.

Вифлеем всего лишь роддом Христа, а дом у Него в каждой душе.

* * *

Иисус: великан, который стал Лиллипутом, чтобы лиллипуты стали Великанами.

* * *

Бог — участковый врач человечества. Пришёл на дом.

* * *

Чтобы проповедовать заключённому, нужно не договориться с тюремщиком, нужно стать заключённым. Во всяком случае, Господь Иисус Христос поступил именно так.

* * *

Христос не только поддерживает нас, как Бог, но и опирается на нас, как человек: кто согласен быть Ему опорой — тот христианин.

* * *

Иисус не прозрачен, Иисус — призрачен.

* * *

Если бы евреи были амазонки, Господь родился бы девочкой, так?

* * *

Фарисей благодарил Бога, что «не таков, как прочие люди» — будем благодарить Бога, что Иисус такой же, как все мы.

* * *

Обличить — дело героическое, а лечить — мессианское. Героев мало, а Мессия — всего один.

* * *

Боговоплощение оправдано только расчеловечиванием человека.

Иконопочитание оправдано иконоборчеством.

Церковь оправдана эгоизмом и ленью.

Догматы оправданы косноязычием и трепом.

Иерархия оправдана панибратством.

Аскетика оправдана обломовщиной.

* * *

При большевиках человека называли винтиком — мол, один сломается, ввинтим другой. Оказывается, это был ещё не предел бесчеловечности. Теперь для многих, соерженно не большевиков, не коммунистов, «обычных людей», человек — просто лишняя деталь. Вообще лишняя. Государство может эту деталь кормить, а может не кормить — миру хуже не будет.

Конечно, в любую эпоху большинство людей относились к себе как к богу, а к другим как к деталям. Что себя касается — любая пылинка важна, что другого касается — деталь, которой можно пренебречь. Вот поэтому я так заиклился на Савченко, Сенцове, хауситах, на маленьких конкретных фактиках типа прокурор семь раз в суд не пришёл и прочих. Ах да — и на Христе. Они — детали. Что их обсуждать. Ну, в тюрьме, ну с голоду помирают, ну правосудие попорно — и что? В целом-то всё ОК? Да и попорно ради блага человечества...

Рождество — праздник детали.

21. Жизнь по Евангелию. Надежда (отчаяние). Покаяние. Счастье, блаженство.

Когда нет выхода, надо искать Вход.

* * *

Ханжество — когда на всякое обвинение есть объяснение. Покаяние есть отказ от объяснений. Как и гордыня.

* * *

Блаженны слабаки, ибо их есть сила Божия.

* * *

Самая временная паника хуже самых вечных мук.

* * *

С такими христианами никаких антихристов не нужно!

* * *

Прощает ли Бог нераскаянные грехи? Убирает ли дворник мусор, который не выкинули в урну?

* * *

Мы идем по жизни, вырывая друг у друга кусок хлеба, а рядом идет Христос и протягивает кусок хлеба и говорит: «Успокойся, вот, Тело Мое, достаточно этого, хватит на всех, если будете вспоминать не свои обиды, которые не можете простить, а Мои, которые Я простил».

* * *

Человек недостоин служить Богу до такой степени, что Бог служит человеку.

* * *

Где вера без надежды, там любовь без любви.

* * *

Верить в Бога не добродетель, а Божий дар. Добродетель — жить по вере и не прятать веру.

Надежда не добродетель, трусость не порок. Порок — проповедовать трусость как норму, добродетель — укреплять надежду делами.

Любить — не чудо. Чудо — позволять любви верить и надеяться.

* * *

Главное утешение неверующего: «Этот ад не может длиться вечно!» Главное утешение верующего: «Ад может длиться вечно, поэтому пора в рай!»

* * *

Если Христос говорит: «Терпи», все возмущаются: изувер и ханжа. Если миллионер говорит: «Неудача — часть успеха, терпи!» — все в восторге. Вот почему важна вера в Воскресение — Воскресение так же доказывает пользу неудач, как и миллионное состояние. Даже больше, потому что смерть разлучит даже с миллиардами, а с Воскресением развода нет.

* * *

По-настоящему утешить может лишь тот, кто безутешен. Богородица — Утешительница, потому что её и Воскресение не может утешить. Она с Голгофы не сходит.

* * *

Бесов бояться — в храм не ходить!

* * *

Мария не замечала, кто вбивает гвозди в Иисуса, а кто снимает с Него одежду, кто донёс, кто допрашивает, кто выносит приговор. Она видела Одного Единственного. И нам так же следует смотреть на мир, если мы с Нею.

* * *

Когда я читаю «Бог меня любит, аллилуйя!», то зверею. Чему тут радоваться?! Меня многие любят так, что хочется повеситься от этой

любви, бессмысленной и беспощадной. Я вон помидоры люблю — что ж им теперь, аллилуйкать от радости? Бог меня слушает! Он меня слышит!! Он ко мне обращается!!! Остаётся ответить Ему тем же.

22. Молитва

Что для знания эксперимент и наблюдение, то для веры молитва.

* * *

Раскаяние — монолог. Покаяние — диалог. Молитва — разговор.

* * *

Молитва и есть недостающее звено между человеком и верой.

* * *

Молитва выводит из эгоизма вверх, медитация — вширь.

* * *

Чтобы молиться, не хватает в юности желания, в зрелые годы времени, в старости сил и всегда — любви.

* * *

Суевер молится, когда приходит беда. Верующий молится так, что беда приходит во время молитвы. Как ко Христу в Гефсиманском саду.

* * *

Что б мы так молились, как они пьют — на всяком месте и во всякий час.

* * *

Здоровый человек легко может сделать так, что его уши станут расти выше его лба: достаточно встать на голову или хотя бы поклониться.

* * *

Духовный рост есть путь от «молюсь» к «молю».

Если медитация — приучение вселенной к отсутствию себя, любимого, то молитва — приучения себя, любимого, к отсутствию вселенной и присутствию Бога.

* * *

Вездесущие — свойство Бога. Вездеприсутствие — свойство тайной политической полиции.

Бога надо просить: «Прииди и вселись в нас».

Тайную политическую полицию надо просить: «Отвали!»

* * *

Всякое дыхание да хвалит Господа.

Всякое чихание да славит Господа.

Всякая икота тоже пусть славит,

И многозначительное покашливание пусть означает,

Что жив Господь, жива и душа моя.

* * *

Чтобы не упасть, часто достаточно встать на колени.

23. Жизнь по Евангелию. Добродетели. Благотворительность. Милосердие. Милостыня. Филантропия. Служение.

Человек судится не по тому, сдвинул он гору или нет, а по тому, подождал он опаздывающего хотя бы на секунду дольше, чем был обязан. Эта секунда делает непреодолимой границу между раем и адом.

* * *

«Мы — проводники», — заметил отец Александр Мень. Почему все разговоры об «энергетических вампирах» и «выгорании» пустое. Человек занят не своим делом, если ему кажется, что из него соки сосут, что топливо кончается. О, конечно, усталость случается, отдыхать нужно, люди безответственны, небрежны и т.п. и т.д., но это означает лишь, что нужно не дальше от людей, а ближе к Богу. Теоретически, конечно, надо бы не слишком сближаться с людьми, чтобы (как выражался тот же отец Александр) не взяли тебя «на abordаж», но практически это неосуществимо — единственная защита от abordаж в том, чтобы быть на борту у Бога.

* * *

Трудно убедить просящего камень принять хлеб, но ещё труднее убедить бросающего камень поделиться хлебом.

* * *

Человек судится не по тому, подставил ли он щёку ударившему его всесильному оккупанту, а по тому, дал он побеждённому оккупанту пожизненный срок или на полвека меньше.

* * *

Филантропия есть восстановление равновесия. А созидатель нарушает равновесие! Филантроп подтягивает к норме, созидатель подымает над нормой. Бог не Филантроп, Бог — Творец. Бог иногда занимается филантропией — ну там спасает человечество на Голгофе и прочие мелочи — но ради приведения в мир творчества, а не в мир равновесия, а к тому же само спасение Бог проделывает с такой творческой выдумкой, что оно как бы и не спасение вовсе.

* * *

Гвозди Голгофы — у каждого в ботинке, только вот подошвы у нас толще нашей совести.

* * *

Кашу маслом не испортишь, а человека мягкостью. Это должен каждый знать.

Как это соединить с необходимостью иногда говорить «нет», защищать себя и других от манипулятивных практик, никто не знает. И каждый должен не знать.

* * *

Христианин Богу — сын, а Сыну Божию — отец. Сын Творцу смирением и послушанием, отец Иисусу любовью и милосердием.

* * *

Сердце человеческое больше человека. Спасутся согласные уравниваться с собственным сердцем.

* * *

Кому ближний — не Святая Святых, тому Бог — Отчим.

* * *

Меньше жрать и больше кормить!!!

* * *

Как у Христа за пазухой живут люди, у которых за пазухой есть место для Христа — для всякого нуждающегося.

24. Жизнь по Евангелию. Любовь. Прощение. Открытость.

В романе Дюма «Граф Монте-Кристо» — то есть, «Повелитель Голгофы» — главный герой обзаводится таким богатством, что получает «неограниченный кредит» у Ротшильда. И на что же он его тратит? На месть. Роман заканчивается, когда герой понимает, что вёл себя не как Христос, а как Антихрист. Мало страдать, чтобы стать страдальцем. Мало быть распятым на Голгофе — там ведь и двое разбойников были распяты. Надо ещё простить и не мстить страданием за страдание, как разбойник, издевавшийся над Иисусом, мстил Сыну Божьему, который был рядом, потому что его крики дальше Бога не доставали. Какую бы сумму мы ни вписали в своё представление о счастье — это будет ограниченность, смерть. Самый дорогой гроб — всего лишь гроб. Только пустое место в строке «кому хочешь отомстить» — дверь в бесконечность. А чтобы любить, деньги вообще не нужны, нужна потенция бесконечности.

* * *

Церковь стоит на камне, который мы не бросили в другого.

* * *

Любовь — единственное доказательство бытия Божия, злость — легчайшее доказательство бытия человека.

* * *

Любовь есть перевод языка Христа на язык ближнего и она невозможна без отказа считать свой язык главным.

* * *

Змея не становится голубем, даже если она потеряла все зубы. Кроткая змея — все равно змея. А если она еще и не ядовитая, то наличие или отсутствие зубов вообще неважно — задушить в объятиях может запросто.

* * *

Пока у нас есть долги перед Богом — мы живы. В аду соберутся те, кто считает, что он не был должен Богу ничего.

* * *

Доброе слово и кадило могут много больше, чем одно доброе слово, и бесконечно больше, чем одно кадило.

25. Жизнь по Евангелию. Бедность. Аскетизм. Тело.

Аскет — не человек, которому ничего не нужно, а которому нужно всё, но он сдерживается.

* * *

Искусственный рай — когда человек живёт открытостью и добром, хотя вокруг ад. Настоящий ад — когда человек живёт страхом и эгоизмом, хотя вокруг вечность и бояться уже некого.

* * *

Не мучения делают святым, а вера, и не палач вводит в Царство Божие, а Бог.

* * *

Нормальный человек, узнав о близости голода, землетрясений и прочих признаков конца света, начинает сушить сухари. Христианин начинает раздавать сухари.

* * *

Нищие телом полагают, что совесть — это когда им дают деньги.

Нищие душой полагают, что у человека — либо совесть, либо деньги.

Нищие духом знают, что отсутствие денег не означает наличия совести и наоборот.

Богатые духом — те, кому мало имеющегося у них духа.

26. Жизнь по Евангелию. Уныние. Терпение. Целомудрие. Па- ломничество.

Уныние — посланник дьявола, тоска — посланник человека, грусть — посланник Бога.

* * *

Не надо требовать от людей невозможного — ведь Бог не требует людей даже возможного.

* * *

Уныние — это преклонение конечного перед конечным. Смирение — это преклонение бесконечного перед Бесконечным.

* * *

Терпение есть вочеловечившаяся вечность.

* * *

Паломничество — выход из безвыходного положения.

27. Жизнь по Евангелию. Труд. Богатство. Социальная позиция, политика. Коммунизм.

Смысл творчества не в том, чтобы стать творцом, а в том, чтобы вернуться к Творцу.

* * *

Нищие духом есть люди, собственность которых стоит меньше их самих.

* * *

Вера без работы мертвеннее, чем работа без веры.

* * *

Нищий не приобретает, потому что нуждается, а нищий духом не приобретает, потому что не нуждается.

* * *

Вера не освобождает от дел, вера освобождает для дел.

* * *

К Первомаю Библия предлагает нам лозунг апостола Павла: «Не заграждай рта у вола молотящего!» Был бы я художник, я бы это вола уже нарисовал... глаза красные, яростные, челюсти молотят, молотят — в моём случае, всякий вздор, но тем более!

* * *

Кормить голодного надо. Кормить голодного солдата надо с условием, что он больше никогда не будет ни в кого стрелять. Кормить голодного лжеца надо с условием... Кормить голодного Гитлера... Жестоко, но — увы. А вот голодного пьяницу, голодного наркомана, голодную распутницу надо кормить безо всяких условий.

* * *

В игольное ушко может пройти множество верблюдов. Лишь бы не толкались. Верблюды на это способны, богачи — нет.

28. Крест. Смирение. Юмор. Радость. Веселье.

Смирение не в том, чтобы сносить зло, а в том, чтобы бороться со злом смиренно.

* * *

Библия говорит: «Я веровал и потому смирился» (Пс. 115, 1). Ханжество предлагает: «Смирись и потому веруй».

* * *

Гордыня есть вознесение выше всех людей — к бездне, смирение есть вознесение к Богу — ниже всех людей.

* * *

Крест — распорка, не дающая мирозданию схлопнуться.

* * *

Увидеть Бога можно лишь, поглядев на людей снизу вверх.

* * *

Крест — линейка, которой меряется разом и горизонталь, и вертикаль жизни.

* * *

Наша цель — Бог, наш прицел — совесть, в нашем прицеле перекрестье — крест Христов.

* * *

Смирение есть желание, чтобы Иисус показывал нас не людям, а Небесному Отцу.

* * *

Смирение не есть уступание первого места другому — смирение есть понимание того, что первое место там, где Бог.

* * *

Гордыня не ограничена снизу, покаяние — сверху.

* * *

Воскресение без Голгофы было бы подлостью.

* * *

Не всякая Голгофа — к воскресению. Не потому, что страдают и разбойники, а потому, что многим разбойникам легче, если они страдают не в одиночку. Голгофа — к воскресению, если страдаешь сильнее от страдания распятого рядом.

* * *

Юмор — смех над упавшим. Сатира — смех над толкнувшим. Христианский юмор — смех над собственными падениями.

29. Воскресение. Благодать. Дух Божий, Дух Святой.

Из ста христиан не сделать одного Христа. Не нас распинали, не нас хоронили, не мы воскресли — Христос воскрес!

* * *

Добродетель есть благодать, умноженная на закон. Грех есть благодать, на закон поделенная.

* * *

Люди верят в выдумки, которые облегчают им жизнь. Воскресение Христово — не выдумка, потому что жизнь Воскресение не облегчает нимало. Крайне неудобный и мешающий пить пиво факт! Ну вот если у вас в комнате поселится академик Сахаров. И Майя Плисецкая. И Рембрандт. И теперь перемножьте их и возведите в куб. Бррр!

* * *

Христианство есть религия рожениц, а не акушеров. Только Дух — акушер, Он же и отец ребёнка. Главный христианский грех — попытка быть акушером. Крови выходит много, плод же погибает.

* * *

Воскресение — не звезда в ночи, а вот как лунный серп на ясном голубом небе среди бела дня... еле-еле различим...

* * *

Если на сцене в первом акте висит ружье, то в последнем акте будет убийство.

Если в первом акте крест, то в последнем акте — воскресение.

* * *

«Христос воскрес!» — сказал один Кощей Бессмертный другому Кощею Бессмертному.

— А нам-то с тобой какая разница? — резонно возразил тот.

* * *

Время — Ирод, Христос — вечность.

* * *

Большинство иудеев восхитились бы евангельскими текстами, если их подать в стилистике Талмуда как новооткрытые тексты Гиллеля или Шаммая. Большинство христиан не опознали бы Евангелия в текстах, препарированных таким образом, отнеслись бы к словам Спасителя равнодушно, а то и враждебно. Ну, конечно, воскрес — оно в обоих случаях ни в какие ворота не лезет... Как гвоздь в яблоке. «Умерла так умерла». Хороший рав — мёртвый рав! Хороший Спаситель — мёртвый Спаситель. Только у христианских ханжей функцию гроба выполняет небо. Вознёсся так вознёсся, не лезь в нашу жизнь со всякими «подставь щёку», подавай нам Духа Святого, чтобы мы вдохновеннее лупили по щекам других. А Господь так вознёсся, так вознёсся, что всё небо пронзил и к нам в тыл зашёл.

* * *

Победа отличается от Воскресения как лыжи от крыльев.

* * *

Дух Святой не боится материи, если материя не боится Духа.

* * *

Благодать — это молитва Бога к человеку.

* * *

Дух утешает не для того, чтобы мы заснули, а чтобы мы проснулись. Он не убаюкивает — Он будит в человеке Божье.

* * *

Ад есть дыра вне закона, рай — благодать внутри закона.

* * *

По Духу Святому — всегда против ветра! Против ветра не стоит мочиться, а любить — только так.

* * *

Дух дышит, где хочет, но Дух не хочет дышать в бездушной душе.

* * *

Антихрист может воскреснуть — но его воскресение будет доказано, обстоятельно подтверждено свидетелями и документами.

* * *

Дух Божий дышит, где хочет. Не «всюду», а «где хочет». Он не дышит там, где грех. Поэтому, отправляясь на фронт или к проститутке, не рассчитывайте, что Дух Божий будет вас сопровождать.

30. Троичность. Богочеловечество. Троица.

Голгофа — подвиг Отца, Воскресение — подвиг Сына, Пятидесятница — подвиг Духа.

* * *

Преображение показывает не каков Бог, а каковы мы сами.

* * *

В человеке человеческого — только Божье.

31. Дух Божий вне Церкви. Миссионерство. Проповедь.

Быть человеком и быть со Христом одно, к счастью для плохих христиан и для хороших людей.

* * *

Миссионерство — переход количества в качество. Прозелитизм — переход качества в количество.

* * *

Христианских проповедей много. Проповедь христианства — одна.

32. Святость Божия и святость человеческая. Обожение. Освящение. Достоинство Церкви и недостойнство христиан.

Достичь Совершенного важнее, чем достичь совершенства.

* * *

В духовном мире нет расстояний. До Святого каждому близко, до святости каждому далеко.

* * *

Подлец — человек с двойным дном. Святой — человек с двойной бездонностью. Божеской и человеческой.

* * *

Святой верен Богу и невероятен людям.

* * *

Бог — замечательный источник энергии. Одна беда: напряжение не совпадает. Я не перегораю только потому, что в розетку воткнут наполовину. Поэтому же и не работаю.

* * *

Святость — это радость, что тебя побили, по ошибке приняв за карманника. Поэтому во все времена святых меньше, чем карманов.

33. Церковь. Церковность. Теология. Богословие. Крестное знамение.

Безалкогольное вино лучше внецерковного христианства, но хуже платонической любви.

* * *

Громко и часто говорят о Христе, наверное, из боязни, что услышат Христа.

* * *

Церковь рождается не в Храме Иерусалимском — который строил, между прочим, Ирод, строил в течение всей земной жизни Спасителя. Церковь рождается в Гефсиманском саду. Мы идём за Спасителем не в свет прожектора, а в свет свечечки, в свет спички, которая догорает и вот-вот пальцы обожжёт, но нужно потерпеть, потому что в свете прожектора другого не увидишь, ничего не увидишь, ослепнешь, а при свечке — увидишь и другого, и себя, и Бога.

* * *

Церковь без совести — как безалкогольное пиво. Совесть без Церкви — как пиво без пены.

* * *

Перед лицом коммунизма у Церкви было четыре пути: сдаться коммунизму, сбежать, уйти в подполье, найти компромисс. Церковь,

как это обычно и бывает в истории, пошла одновременно по всем четырём путям.

* * *

Если выбирать между богословом, который может тебя сжечь, и богословом, который хочет с тобой покурить, то даже некурящий предпочтёт подымить, а не дымиться.

* * *

Бог понятнее богословия. Бог открывает Себя, богословы себя прячут за рассуждениями о Боге.

* * *

Христиане — терновый венец Христа.

* * *

Зачем ходить в церковь, если Бог — в душе.
Зачем ходить в душ, если скверна — в сердце.

* * *

Овечье стадо без Бога — это волчья стая. Овечье стадо с фюрером вместо Бога — это волчья стая. Овечье стадо с идеей Бога вместо Бога — это идеальная волчья стая.

* * *

Попытки людей разобраться между собой без Бога ведут к разборкам.

* * *

Как у церкви могут быть грехи... Ну как у балерины может и даже должен быть вес.

* * *

В России слово «христианин» стало обозначать всякого земледельца — с явным уничижительным оттенком. Страна считала себя христианской, но христианство лишь использовала; а ведь нельзя считать автомобилиста железным оттого лишь, что он ездит в железном автомобиле.

34. Община и общинность. Единство Церкви. Приход. Экуменизм.

Церковность есть не умение быть в Церкви, а умение быть Церковью.

* * *

Адское единство есть единство запертых намертво ворот, единство Церкви есть единство ворот широко распахнутых, в которые войдут все.

* * *

Перегородки между церквями не достают до неба? Но Церковь и есть небо!

* * *

Экуменизм не строит мост над пропастью, а напоминает, что пропасти нет.

* * *

Как хорошее вино отличается от плохого наличием послевкусия, так вера от неверия — тем, что человек ходит в церковь и после праздника.

* * *

Люди делят Церковь, а Бог перемножает разделенное.

* * *

Ради общины отвергать приход — все равно, что ради вина отвергать виноград.

* * *

У католиков свобода воли, у православных свобода безволия. У католиков у каждой Церкви особое право, у православных у каждой Церкви особое бесправие.

* * *

Христиане делятся на дохалкидонитов, постхалкидонитов, рехалкидонитов, мимихалкидонитов, сольхалкидонитов, ляляхалкидонитов, хахахалкидонитов и тихих халкидонов.

35. История Церкви. Православие, католичество, протестантизм. Ортодоксия.

Что, страшно видеть, как историческое христианство — да как религия вообще — ужимается до размера спичечного коробка и отправляется на свалку истории? Вместе с тобой, вместе со мной? Неприятненькое ощущение? Ну вот, значит появляется возможность понять, что чувствовали Пётр и Павел, когда их вели на казнь... Только они ещё отчаяннее на всё глядели, у них же не было позади ни храма Покрова на Нерли, ни Сикстинской капеллы, одни неудачи...

* * *

Экуменизм это разговор четырёх родных сестёр: иудейки Веры Соломоновны, католички Веры Петровны, православной Веры Ивановны и протестантки Веры Мартыновны.

* * *

Не все протестанты заняты протестами, не все православные погружены в правильные славословия, не все римо-католики не отрывают глаз от Рима!

* * *

Католики защищают свободу воли, православные — свободу безволия, протестанты — свободу свободы. Географически — Италия и Франция, Россия и Греция, Швеция и США.

* * *

Спаситель — протестант, Бог Отец — католик, Дух Святой — православный.

* * *

Католик, если его хотят ударить по левой щеке, надевает стальной шлем, протестант — загоразживается Библией, патрио-православный подставляет другую щёку, а во время этого отвлекающего момента бьёт коленом в пах противнику, простой же русский православный плачет и убегает за Христом.

* * *

Выражение «всякая душа властям предержащим да повинуется»

- римо-католики читают как «всякая душа властям церковным предержащим да повинуется»;

- протестанты читают как «всякая душа властям предержащим да повинуется, если власти повинуются Слову Божию»;

- православные читают как «всякая душа властям предержащим да повинуется, когда есть такая желание и возможность»;
- члены РПЦ МП читают как «всякое бездушие властям предержащим да повинуется».

36. Малые и новые христианские движения. Гордыня коллективизма и смирение соборности.

Соборность есть распятие всех ради одного, коллективизм есть распятие одного ради всех.

* * *

Щёлкни христианина в нос — он махнёт хвостом или лягнёт, а должен бы взмахивать крыльями.

37. Таинства. Крещение. Евхаристия (благодарность). Литургия.

Христос благодарит, антихристы требуют благодарности.

* * *

Неверующий муж освящается женою верующей.

Верующая жена очеловечивается неверующим мужем.

Неверующая жена освящается мужем верующим.

Верующий муж вразумляется женою неверующей.

Неверующие супруги проходят вне очереди.

Если веруют оба супруга, один должен притвориться неверующим.

* * *

Монашеская жизнь — хождение по водам.

Жизнь в браке — хождение по вину.

* * *

Для христианина есть один-единственный месяц: благодать.

С 1 благодать по 365 благодать.

38. Священство. Миропомазание. Венчание.

Не надо бояться священника в театре, надо бояться театра в священнике.

* * *

Первый и главный самосвят — Бог. Поэтому «Трисвятое» в оригинале звучит «Самосвят, самосвят, самосвят Господь Бог Саваоф!»

Обожение, спасение есть путь от своей святости к Божьему самосвятству.

* * *

Христианин — прихожанин Христа.

* * *

Духовенство делится на белое и пушистое и чёрное и пушистое.

* * *

Овцы без пастыря — драма. Пастыри без овец — трагедия. Овцы без пастыря умирают, пастыри без овец не живут. Умерших можно воскресить, но как воскресить не живших.

* * *

Памятник неизвестному прихожанину.

* * *

Недопустимость развода — немыслимое дело. Осуществить эту заповедь Спасителя можно лишь одним способом: запретив брак. Запретить объективировать любовь, делать любовь правовым, временным, земным актом. Люби как лети! Люби как по воде ходи! Люби каждый день как первый и последний! Каждый день — новый брак. Да, с «тем же» человеком — но ведь это Бог каждый день Один и Тот же, а человек — каждый день новый. Потому и можно вечно любить Бога как Бога и человека как человека, и каждая из этих двух линий любви поддерживает и укрепляет другую. Любовь — это Кана Галилейская, идущая по водам, и вино только помешает.

* * *

Муж и жена одна сатана. Разведённые муж и жена — не две половины сатаны, а один довольный сатана.

* * *

Надо разрешить брак на самом себе. В самом деле, что за дискриминация по гендерному признаку? Человек торжественно заключает союз с собой, обещается любить до смерти, не изменять, не покидать в болезни. В случае развода, имущество делится ровно пополам. Я бы повенчал такой брак! Есть же двуглавый орёл... Онанизм после регистрации такого брака был бы уже законным и нормальным брачным

сношением... В конце концов, любой грех сводится к тому, что человек изменил себе...

* * *

Внучки - это Царство Божие, пришедшее в слабости. Сыновья - это Царство Божие, пришедшее в силе.

* * *

Обручальное кольцо — зародыш нимба.

* * *

В вечной любви человек отвечает за вечность, а Бог за любовь.

39. Исповедь. Елеосвящение.

Прощение отправляет тебя в полёт, словно ты мяч, а Бог футболист.

* * *

Самоуважение несовместимо с нежеланием каяться. Как это «я не сделал ничего дурного»? Ну пойдя, согреши, пока не поздно, святой ты эдакий!

40. Каноны. Анафема (отлучение). Иерархия.

Чем больше государства, тем больше чиновников, тем меньше государственных деятелей. Чем больше церковной власти, тем больше богословов и меньше Бога.

41. Культура. Монашество. Послушание. Старчество. Посты. Великий пост.

Христианство без культуры как бутерброд без масла.

* * *

Рыбак мог вернуться к своему занятию, мытарь, ушедший за Христом — нет. Матфей, пойдя за Христом, терял больше Петра. В этом смысле христианство потому цивилизовано, что опасно для цивилизации как гвоздь в ботинке опасен для пешехода. Напоминает об относительности цивилизации. Аграрное же общество опасно для христианства, поскольку то и дело превращает христианина в крестьянина, подменяя Христа — Солнцем.

42. Общество. Гуманизм. Национальный вопрос. Социальный вопрос. Экономика. Биоэтика.

Христианство есть не восстание против мира, а восстание из мертвых.

* * *

Святость не в том, чтобы поражать воображение окружающих, а в том, чтобы не вообще не поражать никого.

* * *

Говорящая овечья шкура — мечта волка.

* * *

Можно ли крестить детей суррогатных матерей? Так ребёнок-то не суррогатный! А вот можно ли доверять суррогатным отцам крестить?!

43. Царство Духа и царство кесаря. Государство. Духовенство и политика. Монархия. Демократия.

Христос фундамент, не фундаменталист.

* * *

Написать Евангелие золотыми буквами на мраморной стене — будут видны золото и мрамор, а не Евангелие.

* * *

Неопытный деспот, желая извести религию, противопоставляет ей атеизм. Опытный деспот противопоставляет религии — государственную религию. Чтобы ничего не росло, не нужно закатывать землю в асфальт — лучше засадить землю какой-нибудь плевелочной гадостью.

* * *

Считать царя Богом — кощунство, считать Бога царём — святость.

* * *

Церкви обещана вечность не потому, что Церковь — народ без греха, а потому что Церковь — народ без государства.

* * *

Атеисты ошибаются: от бессилия не выдумывают Бога, а обожествляют государство. И веруют в государство как в Бога не только верующие.

* * *

Христианин в органах государственной власти как лошадь Калигулы в римском сенате. Главное: удержаться и не заржать.

* * *

Дурная власть — не попущение Божие, а упущение человеческое.

44. Мир и война в душе, семье, обществе. Militarизм. Миротворчество. Глобализация. Антихрист. Детство. Старость. Гендер. Пол.

Вера без дел мертва — это проблема верующего. Вера без дел умерщвляет — это проблема окружающих.

* * *

«Отче наш» в окопах так же результативно как «Богородице, Дево, радуйся» в публичном доме.

* * *

Доброе слово и револьвер могут меньше, чем доброе слово и Крест.

* * *

Восстание мёртвых — революция. Восстание из мёртвых — воскресение.

* * *

Христиане это партизаны мира.

* * *

Лев и агнец могут возлечь бок о бок при одном условии... Если лев не съел агнца. Вот таким львом и должен быть христианин.

* * *

С волками жить — шашлыком быть.

Нет, конечно, можно быть и голубем, и змеей. Что ж, шашлыки делают не только из баранины, но и из осетрины... Будет шашлык из голубятины и змеятины.

45. Второе пришествие. Эсхатология. Апокалипсис. Страшный суд. Ад. Вечные муки. Поминовение усопших.

Тысячелетнее царство Христа на земле образуется минутами, которые человек проживает в любви.

* * *

«Держи свой ум во аде и не отчаивайся». Светский аналог – считай, что ты в Освенциме, и не будь эсэсовцем.

* * *

Страшный Суд называется так потому, что подсудимые уж очень страшные.

* * *

Страшный суд не страшен тому, кто приходит на него, и страшен тому, кого приводят.

* * *

В «пятнашках» чтобы фишки двигались, одна клетка должна быть пустой. Так и с адом. Ад должен быть, чтобы была свобода, ад есть, через ад проходят все и ад пустой.

* * *

Страшен суд, на котором судья любит подсудимого безответно.

* * *

Вот и весь Страшный суд: разбудит Христос, спросит, не нужна ли помощь...

* * *

Ад — это Бюро находок, где находятся те, кто растерял всех и был найден никем.

* * *

В аду переругиваются с дьяволом, в раю слушают молчание Божие.

* * *

Ад — одиночная камера с незапертой дверью и узником, который не желает выходить.

* * *

Понять о Боге больше, чем узнать, — вот ад.

* * *

В аду, наверное, основные мучения не от сковородок, а от того, что параллельно пребывающим на сковородках людям крутят благостные кинофильмы о том, как хорошо живётся в аду. В раю никто не приукрашивает действительность, там творят действительность.

* * *

В раю все ровесники, в аду каждый старше остальных.

* * *

Саморазрушение бесконечного должно быть бесконечно. Это и есть ад.

* * *

Чтобы понять, что такое геенна огненная, нужно знать еврейскую поговорку: «Истина светит, но греют — деньги».

* * *

Тому нечего беспокоиться о зле во вселенной, у кого мировое зло рассовано по карманам, за пазухой и в интимных частях тела и туалета. Человек не живёт во вселенной, человек живёт в доме. Антихрист — вполне домашнее существо, и ему достаточно ссоры сына с отцом, чтобы успокоиться.

46. Святые. Личность. Общение святых. Вечная жизнь (бессмертие, загробная жизнь).

Христианин и нехристианин одинаково цепляются за жизнь до последнего. Только то, что у нехристианина — последнее, у христианина — предпоследнее.

* * *

Между раем и адом есть второстепенные различия, но главное — и там, и там не нужно никого защищать, нечем руководить, незачем учить.

* * *

Умерли неверующий и христианин.

Неверующий приказал долго жить. Христианин приказал жить вечно.

* * *

Есть вечная доброта рая, вечно ожидающего каждого, и вечная торопливость ада, вечно опаздывающая в рай всё на одну и ту же вечную секунду.

47. Церковные праздники. Иконы. Реликвии.

Бог стучится к нам в дверь, но выходить Ему навстречу нужно через крышу.

* * *

Икона — это подъемный мост в небо. Стоит под мостом и разглядывает его тот, кто делает из иконы идола.

* * *

Монарх как символ нации — отличный пример симулякра. Нечто, утратившее смысл, обозначает то, что никогда и не имело смысла. Прямая противоположность иконе, которая и сама по себе имеет смысл, как и всякая живопись, так оно ещё и обозначает Смысл с большой буквы.

48. Суеверия. Вера в переселение душ. Астрология. Сны. Почитание фальшивых святых.

Культ карго, культ карго... Разве культ карго означает, что самолётов не существует? Или что не существует американцев и их благотворительности?

* * *

Быть верующим означает ещё и постоянный труд по очищению религиозной традиции от псевдо-религиозного мусора. Как быть христианином означает не быть с антихристом, не пытаться служить двум господам.

* * *

Суеверие есть всё, что говорит: «Ты есть, потому что есть я».

Вера говорит: «Я есть, потому что есть Бог».

* * *

Суевер ищет предсказателей, провидцев, гадателей; христианский суевер — прозорливых старцев. Верующий ищет ученого.

* * *

Единственное настоящее, полноценное кощунство — это ханжество.

* * *

Бывают мужчины с яйцами, а бывают мужчины с пасхальными яйцами.

* * *

О потерянных вещах молиться св. Антонию Падуанскому. О деньгах молиться сатане. О работе молиться потенциальному работодателю.

ХРИСТИАНСТВО ПО СИМВОЛУ ВЕРЫ

1. СМЫСЛ

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым».

Символ веры — текст с необычной судьбой. Вообще короткие словесные формулы, объясняющие своеобразие какой-то веры (или религии, в данном случае разница неважна) были, есть и будут всегда. Такие формулы возникают, когда нужно другому объяснить, в чём разница позиций. Понятно, что объяснения будут разные в зависимости от того, с кем говорить. Говоря с неверующим, можно ограничиться «а я верую». Неважно — в одного Бога, во многих, в нечто аморфное и т.п.

Если христианин говорит с иудеем, тут уже сложнее — сложнее именно потому, что у христианина и иудея больше общего, чем у них обоих и неверующего. Первые христиане ведь и были все иудеями, потом произошёл разрыв и появилось новое название. Но насколько различия велики, спор идёт до сих пор, как и споры о том, насколько критичны различия между католическим и православными Символами веры. Они отличаются буквально парой слов, а споров было на мегатонны.

Если нужно сравнить верования двух русских православных, один из которых старообрядец, а другой — «новообрядец», то Символ веры не поможет, он одинаковый у обеих сторон, придётся довольно много говорить именно об обрядах.

Символ веры «по умолчанию» — результат ожесточённых споров IV столетия. Он писался в несколько приёмов, принимался съездами верующих — не только епископов и священников. Эти съезды («соборы», «собрания») называются «вселенскими», хотя, конечно, жители Бетельгейзе в них не участвовали. К сожалению, тут проявилась некоторая ксенофобия, склонность считать людьми только себя и тех, кто тебе близок. А кто за пределами твоего понимания, те уже и не люди. Поэтому термин «вселенная», «экумена» — от слово «дом», «экос» — обозначало для жителей тогдашнего Средиземноморья

нормальный, человеческий мир, за пределами которого обитают всякие опасные варвары-дикари.

Во «вселенских соборах» — «средиземноморских съездах» — участвовали даже представители не всех христианских общин (а в IV веке христиане жили уже и в Индии, и в Китае). В основном там были обитатели нынешних Греции, Турции, Сирии, Египта. Из Италии, тем более, из Испании в столицу — Константинополь, современный Стамбул — было дольше намного добираться, чем добирались космонавты до Луны. Космонавтам в 1966 году понадобилось столько же, сколько Христу, чтобы из царства смерти вернуться в царство живых, а сейчас до Луны можно долететь за полдня.

Символ веры, документ компромиссный (например, в нём не решились назвать Духа Святого Богом), документ не мистический, а богословский, но он превратился в молитву. Сперва его читали вслух за богослужением, чтобы противопоставить себя тем, у кого был другой символ веры, но с тех пор, как Символ веры включили в состав утренних молитв (а это произошло сравнительно недавно), он постепенно стал молитвой. Молитвой-напоминанием, молитвой-проверкой, молитвой-ориентиром. Молитвой личной, но в то же время молитвой, объединяющей с другими, кто читает Символ или кто верует «по Символу». Молитвой, обращённой к Богу? Да, словно пароль, но это и молитва, обращённая к себе. Человек ведь не из цельного куска мрамора сделан (во всяком случае, нормальный человек). В каждом верующем есть и неверующий, и хорошо, если только неверующий, а то может и циник где-нибудь застрять.

Слово «верую», с которого начинается Символ веры, на латыни звучит как «кредо». Отсюда и «кредит». Речь идёт о доверии, но всё же не только о доверии. Совершенно не случайно при переводе Символа веры на русский язык с церковно-славянского не заменяют «верую» на «верю». Различие есть, и такие же различия есть между многими «религиозными» словами и их «обычными» аналогами, из которых религиозные термины и выросли. Это различие отражает разный опыт, разные ситуации. Человек человеку доверяет, человек человеку верит, а вот Богу — и доверяет, конечно, но прежде всего верует в Него.

Вера начинается там, где заканчивается доверие. Доверие всегда на чём-то основано, прежде всего, на том, что другой человек — которому мы доверяем — он именно человек, мы его понимаем, мы его

проверяли. Бог — не понятен, проверить Бога — не проверишь, во всяком случае, в главном, которое впереди. И в то же время Бог подкрепляет нашу веру не какими-то авансами или обещаниями, как это делают люди, даже не поведением, а Самим Собой. Своим присутствием. Вера и есть отклик на это присутствие. Отклик — не обязательно ощущение, хотя какие-то ощущения сопровождают веру, как чувства сопровождают любовь, хотя сама любовь это не чувство, а нечто бесконечно большее.

Как нельзя полюбить по приказу, так нельзя веровать по воле другого человека, по традиции, потому что «так принято». В то же время веровать в пустоте, противопоставлять веру религии как объединению верующих, считать, что вера несовместима со словами, не нуждается в текстах, в общении, означает не понимать природы — нет, не веры, а природы человека. Человек есть чудо: животное, которое стало кем-то большим, чем животное. Человечество не есть большое стадо, оно имеет какое-то новое качество, и это качество — общение. Вера человека выражается в том, что составляет суть человека — способность общаться с другим. Говорить даже о самом интимном. Отсюда и «догматы», и «символы», и множество книг о вере и религии, отсюда сама Библия, а кроме текстов — устное общение с верующими, подобными себе, старше себя или младше. Возможны здесь ошибки, возможно здесь поддаться очарованию какого-то проповедника? Конечно, но кто не рискует, тот не только не пьёт шампанского. Тот и не творит, и не любит, и не верует. Вера это общение и жизнь, как «догматы» веры это не химические формулы, а способ создать пространство для понимания и развития веры и религии. Да, религия постоянно развивается, поэтому и религий много. Это не означает, что все религии ошибочны, это означает, что жить с Богом — это жизнь, сложный процесс для человечества и ещё более сложный для каждого отдельного человека. Потому что человечество вторично по отношению к человеку как человек вторичен по отношению к Богу.

Да, человек вторичен по отношению к Богу. Это хорошая новость! Вера в Бога как Отца и Творца — это не обесценивание человека, а обретение смысла человечности. С первых же слов Символ веры построен на сравнениях. Вера в Бога сравнивается с доверием к человеку, Бог сравнивается с отцом, с царём, с творцом («вседержитель» — это одно из наименований царя). С творцом в самом приземлённом

смысле слова — с гончаром, который взял кусок глины и вылепил человека. Это сравнение родилось уже в древнем Египте. Но сравнение, аналогия — всегда неполная, и уже египтяне дополнили: Бог — Творец, Который вложил собственную душу в того, кого вылепил. Человек дышит дыханием Бога. Конечно, тот, кто сочинил это сравнение, понимал, что физическое дыхание к Богу отношения не имеет.

Сравнение Бога с гончаром (отцом, хозяином, царём) поэтическое, но очень точное в одном отношении — оно передаёт соотношение человека и Бога. Можно верить в Бога, можно не верить, Бог всё равно присутствует в человеке. Это не означает, что Бог заключён в человеке как заключённый, что Бог в нашей власти. Прямо наоборот: человек есть постольку, поскольку есть Бог в человеке. Бог во мне, следовательно, я существую. Бог покидает меня — и я умираю. Бог возвращается — я воскресаю.

Сравнений в религиозном языке много. Это понятно: Бог невидим, поэтому никаких слов, прямо описывающих Бога, быть не может. Только сравнения. Но сравнения бывают удачные, бывают неудачные. Некоторые удачные сравнения переживают целые эпохи. Царей уже нет (почти нет), а Бога сравнивают с царём, а не с президентом, потому что Бога не выбирают. Отец в патриархальном обществе совсем не то, что отец в современном обществе, а сравнение живо, только надо понимать, что Бог отец не в противоположность матери (кстати, Дух Святой в еврейской языке — женского рода, как в русском, скажем, «атмосфера»), не отец как домашний диктатор, Бог отец как любящий отец. Таких идеальных отцов (и матерей) и среди людей-то не все, так вот сравнивают с лучшими, а не с худшими.

Бог — творец не только человека, но и всего — именно об этом говорит библейский оборот «неба и земли», «видимого и невидимого». Современному человеку понятнее как раз последний оборот, для нас «земля» — это Земля, одно из многих небесных тел, а «небо» всего лишь оптическая иллюзия. Конечно, можно подновить символ, написать «всего», но это не решит всех проблем. Главный вопрос останется: пропасть между Творцом и творением — нами, космосом, кем и чем угодно непреодолима по определению. Как же она преодолевается?

Развитие веры шло одновременно в двух противоположных направлениях: пропасть между Богом и миром (космосом, людьми)

оказывалась глубже, чем казалось сперва, но возможность преодоления пропасти оказывалась больше, а не меньше.

Пропасть между Богом и творением отличает веру Символа от веры в то, что Бог это нечто или некто, пропитывающее, присутствующее всюду как свет или воздух, или что даже «бог» это особое свойство всего существующего. Всё «Бог», надо только научиться «ощущать», «созерцать». Такая религия в Библии называется очень общим словом «язычество», то есть — «варварство», «вера других народов». Многобожие это частный случай такой веры, в котором «божественное» оказывается своеобразным параллельным пространством. Видимо, изначально такова вера любого народа, всех людей. Бог стучится к людям, и этот стук принимают за Бога, и его отголоски принимают за богов, и отвечают не Богу, а отголоскам. В Библии сохранились следы такого «многобожия», и «единственный» Библии — это не заново сочинённый Бог, а использование старых имён для обозначения нового опыта, встречи с Единственным («единый» — это именно «единственный», а не «соединённые вместе несколько»).

Единственность, уникальность Бога, Его «отдельность» — это нечто, очень тяжёлое для понимания и для жизни. Не случайно вновь и вновь человек сворачивает к идолопоклонству — выбирает что-то или кого-то в качестве «воплощения» Бога. Нет, Бог не «воплощается». Не может. Не должен. Язычество описывало богов как особый народ со своими страстями, обычаями, культурой. Библия — прощание с такой верой, и прощание заняло несколько веков, стоило огромных усилий. Бог — Единственный, пропасть между Ним и нами — непреодолима.

Пока это не усвоено, невозможно оценить того, что произошло с появлением Иисуса. Совершается невозможное. До и после было множество фальшивок. А как им не быть, если Богу нормально переступать пропасть, нормально быть и тут, и там, и в одном облике, и в другом, и в сердце человека, и в одуванчике. Нет, ненормально, невозможно. Бог не может быть человеком или даже полубогом, Он вообще не может быть внутри творения, потому что не может быть никогда.

Вера показывает на пропасть между творением и Творцом, Единственным, и говорит, что эта пропасть глубже, чем кажется. Но вера так поступает, потому что она слышит Творца. Пропасть так же ре-

альна, как Откровение Бога. Бог — Америка, которая открывает себя сама, но остаётся недостижимой и далёкой.

Поскольку между творением и Творцом пропасть, постольку никаких доказательств существования Бога быть не может. Бог не оставляет следов — не потому, что Он их стирает. Просто не оставляет. Тем не менее, с древности известно два — не доказательства, а намёка на то, что Бог есть или хотя бы возможен. Первый намёк — «от природы». Если мир таков, каков он есть, то должен быть Создатель мира. Станным образом, и красота («космос» на греческом означает «красивый»), и уродства, зло в мире одинаково могут напоминать верующему о реальности Бога. Неверующему это кажется абсолютно неубедительным. «Красота», «добро», «зло», для неверующего понятия, имеющие смысл только в восприятии человеком мира и других людей. Верующему нужно смириться с тем, что смысл — настоящий, абсолютный, вечный, не от людей зависящий и не людьми изготавливаемый смысл — это не доказательство существования Бога, а последствие веры в Бога. Эхо найденного смысла. Жаль, что не доказательство, но замечательно что это эхо звучит и вдохновляет.

Бога можно сравнить с аутистом. Аутизм явление очень разнообразное, Бог похож на самого аутичного аутиста, абсолютного, до которого нельзя достучаться, с которым не выстроить разговора, нету общих тем, ни-че-го. Он слишком иной. В нём есть жизнь, но настолько непохожая на нашу, что контакт не получается.

Только всё прямо наоборот. Не Бог аутист, это мы аутисты — по отношению к Богу. Мы замкнуты в своём мирке — а этот мирок очень и очень пустой, бессмысленный настолько, насколько он замкнут от Бога. Не мы не можем докричаться до Бога — Бог не может докричаться до нас. Между нами есть сходство, человек подобие Бога. Сходство теоретически должно помогать общению, а практически — мешает. Каждый считает, что нет иного бога, кроме себя, любимого, ну и кто у меня на подпевках.

В Библии эта странная ситуация выражена сравнением Бога с крестьянином. Крестьянин позовёт — вол отзовётся, осёл прицокает поесть, чего дадут, а Бог позовёт — нам плевать, мы не узнаём Того, без Кого мы — животные. Понятно, Бог зовёт не для того, чтобы корму насыпать, но мы же не ослы, чтобы только на еду реагировать. Хорошо или плохо, что Бог не погонщик ослов и что люди не реагируют на Бога как подсолнухи на Солнце?

Есть два мира — видимый и невидимый. «Видимый» — это и невидимые волны с частицами (собственно, всё видимое есть производное от такого невидимого, говорит наука), и ангелы, кем бы они ни были. Невидимый же мир — это мир смысла. Мир любви. Мир добра. Этот невидимый мир даёт человеку возможность жить в мире видимом. Тут и главное разделение между верующими и неверующими, и главная площадка для встречи, потому что и для неверующего смыслы есть, пусть он и не придаёт им абсолютного значения. Любит и неверующий. Это обеспечивает свободу веры — можно жить не веруя, можно жить праведно, свято, более того — по-человечески, не веруя. Вера хороша одним — Богом. Тем, перед Кем можно и нужно иногда замереть в восторге и молитве, а иногда Тем, от Кого ты посылаешься в дальнюю и не очень приятную дорогу, но в любом случае Бог Бог всегда будет с тобой. Дело за малым — всегда быть с Ним.

2. ЛЮБОВЬ

«И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша».

Вторая часть Символа веры (деление на части появилось очень поздно и оказалось неплохим подспорьем проповедникам) говорит о том, что у Бога есть Сын, да ещё «рождённый прежде всех веков».

В Символе нет слова «Троица», но описывается именно Троица, и проблема не в том, что «троица», а в том, что «троица» — «единица». Сын и Дух — тот же самый Бог. Не три описания одного Бога, не три измерения одного Бога, а один Бог.

На самом деле, ухо должно бы резать словечко «рождённый». Роды это уж очень из нашего мира, земноводно-млекопитающего. Если Бог по ту сторону материи, то какие уж тут роды? Это ведь не о рождении Иисуса в Вифлееме речь идёт, а «прежде всех веков».

Если это сравнения, как всё, что может быть сказано о Боге, то с чем сравнение?

С любовью, конечно.

Тут современного человека подстерегает та засада, что любовь отменили.

Со стороны естественных, очень точных наук любовь отменена биологами. Есть лишь стремление к образованию пар ради эмоционального покоя и/или размножения. Все разговоры о чём-то более высоком просто самообман, способ, которым эволюция манипулирует животными.

Со стороны гуманитарных наук любовь отменена историками и социологами. Есть лишь разнообразные, меняющиеся от поколения к поколению формы человеческих контактов. «Романтическая любовь», «вечная любовь», «шекспировские страсти», — это всё культурные явления, не имеющие между собой ничего общего кроме того, что в них участвуют люди. Впрочем, зачем обижать животных? Лю-

бовь это условное название очень разных видов контактов белковых тел. Желток может не беспокоиться.

«Бог есть любовь» в наше время приобрело особый смысл. Было: «Бог есть любовь, подобная нашей, но бесконечно более сильная». Стало: «Бог есть любовь, не имеющая отношения к тому, что называется любовью у людей». Бог как Творец всё-таки сравнение, основанное на том, что и люди творят. Но Бог как Любовь — не сравнение, потому что люди не любят, а только воображают, что любят.

Только это неправда. Это выдают нежеланное за недействительное. Не желают, чтобы любовь висела над головой как дамоклов меч.

Вот где странные слова «прежде всех веков» оказываются ключом к шифровке.

Бог как Сын, Бог как Любовь — вовсе не сравнение. Это мы, люди, сравнение. Сказать, что Бог есть Любовь, не означает уподобить Бога человеку, а означает веровать, что человек подобен Богу.

«Прежде всех веков» всего лишь повторяет мысль о Боге как Творце. Поэт не стихотворение. Творец вне творения. Художник не часть картины. Бог «запредельный» в каком-то ужасно точном смысле. Мы-то, когда говорим «за пределами», обычно подразумеваем, что есть некий «предел», «граница», а за этой границей идёт ещё что-то, и так до следующей границы. Вот время, вот начало времени, а вот время до начала — и Бог в этом времени, доначальном.

Бог «за пределами» абсолютно. Он создаёт и время, и пространство, и пределы, и беспредельность, и физиков, и мир, который изучают физики, и лириков. Только любовь, которую описывают лирики, Бог не создаёт. Он она и есть.

Вот и ответ, как может один равняться трём. Это арифметика любви. Любви никто не нужен не потому, что любовь эгоистична, а потому что любовь не монолитна, любовь это единство любящих. Единство, но не тоталитаризм, не слипшийся комок слизи, не коктейль. Союз любви. Каждый полноценен, но все едины.

Это всего лишь сравнение, но зато какое сравнение — единственное в своём роде. Сравнение нашей любви, любви-отражения, любви-образа, любви-подобия с Любовью Как Таковой. Когда мы называем Бога Царём, это «антропоморфизм», уподобление Бога человека. Когда мы называем Бога Любовью, Единством в Множественности, это «теоморфизм», уподобление человечества Богу.

Когда мы говорим «мы», мы имеем в виду, что «я» не существует как полноценное существо? Скорее уж, мы сочтём «мы» не существующим, мы назовём человечество одним большим «я», лишь бы моё «я» не растворилось. Вот почему «мы» — всего лишь подобие. Человек может и раствориться, и потерять индивидуальность, и разлюбить, и издеваться над любимым, и ссориться с любимой, и изменять, и вообще «любовь» это не человек, а нечто, что делается с человеком или что человек делает. Бог же и есть Любовь.

Вот почему Бог не есть «начало». Бог просто есть. За пределами «ныне, и всегда, и во веки». Бог — не первая причина, не начало причинно-следственной цепочки. Он просто Бог. Не следствие и не причина. Он не создан. Всё это так потому, что Бог — Любовь. Любовь нельзя создать или сотворить, иначе это не любовь. По определению. Всё, что можно создать, всё, что имеет причину, — не любовь. А Бог — Любовь, без причины, без следствий, без измерений метрами, килограммами, минутами. Бог даже не «вечная любовь». «Вечная» — это всё-таки соотносится с «временем», а Любовь ни с чем не соотносится. Она сама по себе.

Всё, что мы можем сказать о Боге как Любви основано на нашем опыте себя и Бога. Этот опыт невелик, но мал золотник, да дорог, драгоценнее ничего нет. Мы по себе знаем, что любовь есть единство, но единство, а не слияние. Вот вам и «неслиянно-нераздельно». Любовь целует — вот вам и Дух Святой. Любовь рождает — вот вам и «рождённого от Отца».

Только все наши поцелуи, неслиянности и нераздельности, рождения и роды, — подобие тех, что есть Бог-Любовь. Бог есть Любовь, но любовь не есть Бог, и это может вызвать зависть. Тут и происходит то, что принято называть грехопадением. Хочется не любить как Бог, а просто быть Богом-Любовью.

Желание вполне понятное, абсолютно естественное, винить за него никак нельзя. Вопрос не в цели, вопрос в средствах. Средство же — обособление.

Обычно противостояние веры, основанной на библейском откровении, и науки сводят к вопросу о том, как появился человек — в результате эволюции или в результате Божьего творчества. Латинский глагол «творить» стал корнем слова «креационизм». Креационизм чрезвычайно разнообразен, начиная от буквализма, когда текст Библии понимается буквально, то есть, понимается просто неверно, до

креационизма таких великих биологов — профессиональных биологов — как палеонтологов и священник-иезуит Пьер Тейяр де Шарден или основатель генетики аббат Грегор Мендель.

Вопрос, однако, не в том, как появился человек, а что такого особенного в человеке. Есть ли оно вообще или «человек» качественно ничем не отличается от других приматов? Сегодня вера в Бога означает и веру в человека — в то, что в человеке есть нечто уникальное, несводимое к материальному, телесному, психологическому. Что человек не есть животное было предметом знания, а стало предметом веры, и спор идёт, конечно, всё о той же любви. Любовь человеческая — та же, что у животных, или другая? Любовь человеческое — производное от его биологии, от своеобразия его мозга или, наоборот, любовь есть то в человеке, что делает его своеобразным, преобразует его мозг, сердце, печень, желчный пузырь, пенис, вагину и прочая, и прочая?

Доказать, что любовь человеческая уникальна, невозможно в принципе. Речь идёт о принципе свободы. Доказательство отменяет свободу. Поэтому нельзя доказать, что есть Бог. Поэтому нельзя доказать, что я люблю. Можно только любить, а «доказательства любви» доказывают лишь, что налицо влюблённость либо любовная игра.

Технически человек — как и большинство живых организмов — существо двойного назначения. Точнее, чем более сложен организм, чем выше он в эволюционном отношении, тем больше функций у его органов. Эволюция не часто изобретает новые органы для новых функций, обычно она экономит, нагружает старые органы дополнительными функциями. Плавательный пузырь превращается в лёгкие. Рот не только ест, но и говорит. Органы для выведения остатков еды и питья принимают на себя и функцию размножения. Если любовь как нечто особое от функций сочувствия, эмпатии, размножения и т.п. существует, то вряд ли для этой любви существует особый орган. Более того, чем более сложна функция организма, тем более частей организма вовлечены в исполнение этой функции. Ходить можно машинально, но играть в шахматы машинально не получится, нужно «собраться». Чтобы размножаться, не обязательно даже симпатию испытывать, детей иметь, кому ума не доставало! Чтобы любить — требуется весь человек, собирание воедино всех органов, чувств, способностей.

Здесь и обнаруживается, что эволюция биологическая и творение человека Богом вообще не совпадают. Бог не пастух, который пасёт эволюционное стадо, не миллиардист, который ударом кия посылает аминокислоты к вершинам эволюции. Бог, скорее, как вирус, который устраивается в эволюционирующих организмах и потихоньку создаёт внутри естественного развития нечто настолько сверхъестественное, что даже и противоестественное — любовь.

Эволюция стоит на случайных изменениях, наследственности и конкурентном отборе. Все три фактора резко противоречат любви, которая составляет суть человека и его подобие Богу.

Любовь абсолютно не случайна, более того — она есть победа над случайностью.

Любовь не наследуется, более того — она может вообще быть бездетной, она может даже и не знать секса, не иметь любимого или любимую.

Любовь не конкурирует, любовь не приспособливается, любовь даже не меняет среду под себя, во всяком случае, это для неё не обязательно.

Рассказ Библии о грехопадении есть рассказ о любви, сошедшей с орбиты. Конечно, это не репортаж с места события, это описание того, что происходит и сейчас с каждым человеком, который имеет опыт любви. Короткое замыкание любви. Любовь, которая решила идти путём обособления — не только от Бога, но и от других людей, включая своих детей, да включая даже и любимого человека, мужчину или женщину. Вывернутая наизнанку любовь.

Можно ли указать точку в истории человечества, когда любовь так извратилась? Конечно, можно — после того, когда мы найдём точку, когда любовь появилась, когда человеческое в человеке появилось. Ясно и то, что такой точки мы не можем найти в принципе. Мы даже каждый в себе не можем указать эту точку. Тут не может быть «недостающего звена», потому что любовь не золотая цепь, а Большой Взрыв, появление творения, вселенной, космоса в одном человеке. Большой Взрыв — и за ним большие проблемы, потому что человек пытается новый космос использовать как обезьяна, под себя. Обезьяне такое нормально, а для человека — подобие Бога — это и ненормально, и невозможно. В результате полёт превращается в довольно тряскую езду, а то и просто в падение ниже нижнего предела.

Вера это видит, но вера это видит после того, как видит Бога, и потому не унывает. В конце концов, рассказ Библии об Адаме и Еве, используя все традиционные элементы древних мифов о поиске бессмертия, решительно перекомбинирует, так что смысл выходит другой. Адам с Евой не ищут бессмертия, они его изначально имеют. Это не «золотой век», как его обычно описывали — их «всего» двое, а не деревня в райской долине. Но эти двое — «одно», как Троица — одно. Это «одно» — как точка в математике, у которой нет протяжённости и глубины, но которая является источником всякой глубины, высоты и длины.

Срыв Адама и Евы — это результат любви, точнее, результат свободы, без которой любовь не любовь. Мы не знаем — возможно, в каких-то других мирах живут любящие, не сорвавшиеся, эта мысль всегда волновала человеческое воображение. Но на самом деле, знание о том, что любовь не есть только сияние и полёт, не разрушает. Свобода — не причина катастрофы, свобода причина любви. У катастрофы вообще нет причины.

Зло беспричинно. Существование мира и человека имеет причину — это любовь Божия. Бог мог бы не творить ничего, Он всё равно был бы Любовью, Он бы любил не Себя, Он был бы — как и есть — любовью троих в единстве Бога. Любовь, однако, выходит за собственные пределы и творит нечто абсолютно непохожее на себя, мир, и творит человека, который и похож на Бога, и не похож. Человек может не оставлять любви, может любить Бога как самого себя и может не любить себя как Бога. У кирпича или собак такой способности нет, а у человека есть, это и делает его штучным явлением. Но «может» означает и «а может и нет». Может и закоротить, но конец ли это? Да, конец, рано или поздно, и даже «поздно» это слишком рано. Конец, суть которого та же, то и начало — бессодержательность, пустота, дыра, сопротивление ради сопротивления. Про конец все люди знают. А про то, что конец — не тупик, люди не знают, люди — веруют. Или не веруют. Если не веруют, то любовь, бессмертие, человечества превращаются в символы. Если веруют, то символ веры становится реальностью, которая приглашает в себя и вместе с человеком проходит путь до конца и дальше.

3. СОГЛАСИЕ

«Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.».

Символ веры, который в первой фразе подчёркивает, что Иисус не сотворён, а рождён, в третьей говорит об Иисусе «воплотился», «сошёл с небес», даже кошмарное «вочеловечился», но не «родился».

Противопоставление рождения и творения родилось за полтысячелетия до Иисуса, во всяком случае, у Платона оно уже есть и играет очень важную роль. Самое, возможно, важное различие рождения и творения: глина не соглашается быть или не быть горшком, а человек согласен быть. Это аксиома, которой сегодня противостоит другая аксиома: «Я не просил меня рожать!»

В древности люди прекрасно понимали, что никто не даёт согласие рожаться, но они полагали, что быть лучше, чем не быть. Согласие быть, счастье быть, быть это хорошо, красиво, нормально.

На Иисусе эта аксиома не срабатывает. Вся Его жизнь — мука мученическая. Если, конечно, Он сын Божий буквально, если Он Бог, Который не может и не должен быть человеком. Бог вообще не должен «быть», Бог выше «быть», Бог — Тот, кто даёт быть другим, а Сам выше даже противопоставления «быть/не быть». «Выйти в люди» только людей хорошо, а для Бога наказание.

Богословы писали диалоги между Отцом и Сыном, когда Отец посылает Сына к людям, спрашивая Его, Сына, согласие. Конечно, это всего лишь сравнение Бога с человеком. Человек может и должен соглашаться с другим человеком, может и не соглашаться. Если Бог внутри себя таит хотя бы возможность несогласия, то это уже не Бог — во всяком случае, не Бог Авраама, Златоуста и Меня, не единая Троица Отца, Сына и Святого Духа.

Человек — подобие Божие. Всего лишь подобие! Во всём — от любви до любви — человеку нужно подыматься от подобия Богу к Богу. От произнесения слов — к тому, чтобы стать словом. Прекрасный, базовый, эталонный образец искажённости образа Божия в

человеке — это согласие, как люди его понимают. Согласие — что-то разовое, однократное. Согласен ли взять в жёны... Согласен — теперь можешь ею командовать, за непослушание бить.

Согласие на самом деле — суть жизни. Заметим, что слово «договор» построено ровно из тех же элементов, что и «согласие». Приставка, обозначающая сближение, и корень, связанный с произнесением слов, с речью». Таких слов очень много, самое красивое, пожалуй, «симфония» («фоно» — это же по-гречески именно «голос», «звучание»).

Согласие есть не средство, а цель и содержание жизни, бытия. Бытие ведь не есть монолог Гамлета. Быть или не быть не от человека зависит, как быть или не быть мужем или женой не от одного зависит, а от двоих. Даже мыслить не от человека зависит, а от того, есть ли у него, чем мыслить и о чём мыслить. Другой (другое) существует, следовательно, я могу мыслить. То есть, говоря строго, «если Бог есть, то я существую». Бог создаёт мир, в котором я могу соглашаться или не соглашаться с другими, включая Бога, в которой я могу мыслить, произносить монологи, участвовать в диалогах. Даже ад, даже небытие лишь кажется пустотой — а на самом деле, и там человек не одинок, и там созвучен с кем-то, хочет этого или нет, и ужас ада и небытия в согласии невольном, в согласии с тем или чем, с чем и не хотелось бы соглашаться, а вот приходится.

Иное дело Бог. Он — согласие как таковое. Согласие полное, живое, напряжённое, самодостаточное, но постоянно творящее других и призывающее их, совсем иных, к участию в согласии.

Согласие есть любовь в действии. Человек слишком легко думает, что любит, пусть даже его все ненавидят и он всех ненавидит и от всех отчуждён, ни с кем и ни с Кем не согласен. Вот почему нужно говорить о согласии, а не только о любви. «Я тебя люблю» скажет и тот, кто никогда не скажет «я с тобой согласен», кто не будет участвовать в согласовании, в разговоре, в диалоге. Любовь превращается в эгоистический самообман.

Рассказ о грехопадении выражает две базовые правды о человеке.

Человек знает, что может жить в согласии с другими, с миром, с Богом.

Человек знает и то, что извращает согласие, превращает его в инструмент разделения, даже в орудие убийства. Так происходит, потому что человек в какое-то мгновение пытается облегчить себе труд

согласия, свести его к договору, к разграничению сфер влияния, получить согласие другого на расставание. Потом, задним числом, это расставание называют падением, изгнанием из рая, вздыхают об упущенных возможностях, но совершенно не стремятся эти возможности вернуть, а просто пытаются воспроизвести рай, «быть как боги», не соглашаясь по-настоящему ни с кем, кроме себя.

Согласие подменяется подчинением. Вместо разговора — приказ и исполнение приказа. Это и называется «власть развращает». Нотка приказания превращает общение в изнасилование. Двустороннее превращается в одностороннее, мир становится плоским как бумага, на которой напечатано распоряжение по стране, по дому, по работе. При этом все помнят, что настоящая жизнь есть нечто другое, не совсем такая, какая есть, все томятся и мучаются, но продолжают лезть наверх, чтобы вымогать согласие у других. Кто-то добивается успеха в том, чтобы забраться на самый верх, но получает всё равно не согласие, а подчинение.

Не может быть согласия там, где один командует, другой исполняет. Нельзя исполнить симфонию Моцарта на двух барабанах, даже если большой, а второй маленький. Общение превращается в кошмарный сон: человеку снится, что он набивает карманы золотыми монетами, а просыпается — кровать засыпана пожухлыми листьями. Да и не кровать это, а гроб в могилке... Человечество в футляре.

Вот чем Библия отличается от Гомера. Гомер — о раздоре, о вечной войне всех против всех и о том, как в этой войне выжить. Библия о вечной войне всех против всех и о том, как эту войну прекратить.

Для определённого типа историков и читателей Библия, и Гомер это куча выдумок и легенд, которые не соответствуют реальности и не помогают понять, какие существовали народы, государства, какие были битвы, как развивалась экономика, кто куда переселялся, кто кого завоёвывал. Гомер и Моисей одинаково мешают превратить прошлое в газету «Уолл-стрит геральд».

Для литературоведа Моисей и Гомер это интересная литература, так же достойная изучения как сказки индейцев Амазонки и так же не имеющие отношения к их, литературоведов, собственной жизни. Разве что самое маленькое, как некие сперматозоиды и яйцеклетки цивилизации. В микроскоп разглядывать интересно, но не вешать же фотографию яйцеклетки на стену среди семейных фотографий. Слишком давно и примитивно.

Правда, и к литературоведу, и к историку, и к их читателям то и дело вваливается в жизнь очередной Гектор, и многовесельные корабли сгрудились во входной двери, мешая друг другу всплыть. И всплыть! Гектор и Троя внутри нас есть точно так же, как 30 веков назад. Рабство египетское, тяга быть фараоном или под фараоном, покорять, властвовать, пасти овец своих и чужих, а особенно сыновьями и дочерьми распоряжаться, а жена на кухне вовремя чтобы всё готовила для праздничного пира с друзьями.

Сколько уже раз объявляли конец и финиш. Приплыли, построили мир, в котором можно жить в согласии друг с другом, в согласии, которое похоже на тихий летний вечер в концлагере, где каждый на своей шконке отдыхает, никто ни к кому в душу не лезет. Или просто многоквартирный дом, все двери заперты, никто не скандалит, не бунит, каждый смотрит своё кино.

Только вот не получается. Даже если не случится беды, случится тоска смертная. Скучно, и сорок тысяч психотерапевтов не помогают, и миллион долларов на счету не помогает. Согласие есть, и симфонии нет. Симфония через власть, через подчинение — испробовали, очень и очень опасный путь. А через что ещё?

Вот здесь Библия, те самые легенды и мифы древнего Израиля, оказывается книгой совсем другого уровня, чем «Илиада» с «Одиссеей». Гомер хорош для строительства империй, а Моисей это о другом. Не о распаде империй, не о безнравственности и безответственности империй (хотя и об этом тоже), а о том, как человек путешествует от рабства к свободе и от свободы к согласию. Это не два разных пути, это не два параллельных пути, это один и тот же путь, почему и можно быть рабом и быть в согласии, а можно быть рабовладельцем — и тоже быть в согласии, но можно и не быть. Это путь, потому что согласие оказывается не тем, что должен делать человек, а тем, что делает человека.

История спасения это история превращения гусеницы в бабочку, а не история спасения гусеницы, чтобы она всегда была бабочкой, не чтобы всегда был Авраам, патриархальное общество, и бабы всё скачут и скачут и мужики горят и горят.

Библия — Откровение не об Аврааме, Исааке и Иакове, хотя о них Библия говорит очень откровенно и этим вызывает у вдумчивого читателя оторопь. Они что, совсем дикие? Обманывают, убивают, насилюют, ревнуют, рабами владеют, женщин угнетают, колдуний

разыскивают и убивают, даже за супружескую измену могут камнями побить, если будет достаточно свидетелей. Граждане, кто будет свидетель?! Записывайтесь! Не хотим мы быть свидетелями такого безобразия.

Библия — Откровение о том, что Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Давид, Соломон, далее везде — да, совсем дикие, но и Бог им не уступит в смысле необуздываемости, а по части одомашнивания даже и превосходит. Капля за каплей, анекдот за анекдотом, драма за драмой, то тут, то там согласие просачивается в мир. Согласие людей быть в мире друг с другом и Богом. Согласие зачаточное, мечущееся из стороны в сторону как сперматозоид и недолговечное как яйцеклетка. Но всё же именно согласие — а не победа, как у Гомера. Божественная разница! Вот почему разумно вчитываться в Библию — кто увидит в ней присутствующий там рост человечности, поверх всех барьеров, тот научится и в своей жизни, в современной цивилизации видеть Бога, видеть неустанный труд Бога по возвращению согласия, от «договора» как примитивного морковки за лояльность, до симфонии, в которой и сам Моцарт лишь один из миллиардов. От договора как «земля верующим в обмен на хорошо прожаренный стейк Богу» до договора как шёпотов и криков, исповедальной прозы и любовной поэзии, от записочек в щели стены, отгроханной Иродом, до слова в Боге, Богу, человеку, человечеству. От договора как умения подписаться до договора как умения слушать и слышать, говорить и быть услышанным.

Тогда и десять заповедей из не очень понятного набора пошлостей становятся тем, чем они и являются — программой общения, философией согласия, богословием гармонии. Не содержанием общения, а условиями общения. Камертоном, который задаёт тональность — и эта тональность есть свобода, человечность, доверие и любовь, старт и финиш, альфа и омега, форма и содержание, а ещё немного просто согласие на счастье быть человеком, бесконечно живущим в общественном согласии с другими людьми и с Богом.

4. ВЕРНОСТЬ

«Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна.».

Четвёртая часть Символа веры говорит о мучительной смерти и о погребении Иисуса «при Понтии Пилате».

Слава Герострата упала на Пилата, который вообще-то ни единого гвоздика в Иисуса не вбивал, ни единой копейки Иуде не платил. Человек просто исправно выполнял свои должностные обязанности: поддерживал равновесие между оккупационной властью и местной элитой. Элите захотелось распять, сделать всё официально, а не просто пырнуть кинжалом или побить камнями, списав всё на «толпу». Пилат согласился.

Благодаря таким вот компромиссам Римская империя экономила ресурсы, выкачивала при помощи нацэлиты деньги из Палестины (кое-что и лично пилатам перепадало, конечно). Потом клапан сорвало, бунт, римские легионы устраивают зачистку, благо денег накоплено немеряно, Обетованную Землю зачищают от тех, кому обетована, и начинается расцвет Палестины. Абсолютное большинство античных памятников Израиля относятся к эпохе много позже жизни Иисуса. Экономическое чудо, конец которому положила только экологическая катастрофа VI столетия.

Юлий Цезарь, когда его спрашивали, почему он разводится с красивой, умной, доброй женой, выставлял вперёд ногу и говорил: «Сандалет красивый? Красивый! Знаешь, где в нём гвоздь, который мне в ногу впивается?»

Цезарь развёлся. Кстати, он усыновил своего преемника — того Цезаря, который Август. Двое их жило в одно время — принц и нищий, Август и Иисус, один усыновлённый сын земного владыки, другой не усыновлённый, а родной Сын Владыки небесного. Своей смертью умер неродной, воскрес — родной.

Совместить первое и второе оказалось решительно невозможно. Тут Символ веры спорит с интуитивным желанием, чтобы всё было

хорошо. Чтобы никто не умирал, никаких мучений. На кресте умер кто-то другой. Или просто уже чужой труп повесили. Или Иисуса напоили снотворным, дали повисеть и сняли. В общем, не надо смерти, даже если это будет означать отсутствие воскресения. Живи вечно, правь нами, учи нас, терпеливо выращивай соратников, единомышленников, просвещай, возвращай.

Нет — смерть, да не просто смерть, а гибель, мучительная, несправедливая. Точнее, формально всё-таки как бы законная, а всё-таки нехорошая. Можно было бы обойтись или обойти.

Смерть Иисуса — тот гвоздь в удобном и красивом ботинке, который со стороны не видно, но который не даёт забыть о Себе. Память о том, что боль иногда — не зло, а защита от зла, даже спасение от зла. Боль, а не счастье и процветание.

Тут обнаруживается главная нестыковка Бога и человека. Мы ищем друг Друга, но легче найти Бога, чем найти взаимопонимание с Богом. Мы соглашаемся с Богом, мы договариваемся с Богом, говорим Богу «да» — но понимаем ли мы, что такое «согласие», о чём «договор», и какое «нет» следует из нашего «да»?

* * *

Быть с Богом в согласии означает не уметь слышать Бога, согласовывать с ним каждый свой шаг, каждую свою мысль. Быть с Богом в согласии означает сознавать бездну между Богом и собой, более того — бездну между собой, какими мы есть, и собой, каковы мы в глазах Божиих.

Перед Богом мы все дети. Несовершеннолетние. С нами вообще невозможно нормально, полноценно разговаривать и договариваться. Ну какой договор может быть между взрослым и ребёнком, который всё меряет конфетами.

Примерно такой как между Богом и Авраамом. Авраам всё меряет потомством, словно динозавр, озабоченный исключительно вымиранием динозавров. Бог не спорит. Бог понимает Авраама: Аврааму не динозавр, его не беспокоит нимало вымирание рода человеческого, его беспокоит исключительно собственная смерть. Другое дело, что это беспокойство он выражает как осётр или кролик, пытающийся размножиться с опережением.

Смешной наивный Авраам? Авраам это заря человечества, детство духа. Холодок бежит за ворот, овцы блеют, Исаак путается под ногами. Пастораль! Легенды и мифы древнего Израиля, Израиля не госу-

дарства, а Израиля человека, Израиля Исаковича. Конечно, все эти рассказы о патриархах, вплоть до путешествия в египетское рабство и обратно, очень милы, но человек не может вечно быть ребёнком, для которого семья весь мир.

«Настоящая» история начинается с государства. Более того, Библия как письменное Откровение — это продукт так называемого «осевого времени». Часто говорят, что это время пробуждения личного самосознания — Будда, Конфуций, Сократ. Но ещё вернее, что это время пробуждения государства. Левиафан просыпается одновременно с личностью, и личность не мыслит себя без Левиафана.

Что может быть хуже обожествления государства? Хуже обожествления государства только очеловечивание государства и огосударствление человека. Именно это мы и видим в исторической истории древнего Израиля, начинающейся не с Авраама и не с Моисея, а в лучшем случае с Давида, вообще и ещё позднее. «Государство это я», — не говорилось, но чувствовалось, и не надо изобретать машину времени, чтобы познакомиться с этим чувством, оно никуда не делось, хотя перестало быть наивным, здоровым и всеобщим.

История Израиля начинается с того, что Бог обещает Израилю государство — «землю». Так отец обещает сыну конфетку за хорошее поведение. И даёт — но конфеты обладают печальным свойством рассасываться. Государство тоже рассасывается, и вновь появляется, и вновь рассасывается. Конфету хочется навсегда, такую конфету, которая никогда бы не кончалась, конфету конфет, не тающую в жару и не хрупкую в мороз. Получаем же историю, в которой единственное, что не кончается — это верность Богу и верность Бога.

Государство — это гарантия бессмертия. «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире»... А кто гарантирует, что лира Давида будет понятна вечно? Только государство, такое, чтобы обеспечивало территорию, язык, образование, культуру. Завет с Богом настолько заветен, насколько обеспечивает существование государства. Просто Авраам и его потомки — это ненадёжно. Много их было, Авраамов, которые бродили-бродили, пасли-пасли, кочевали-кочевали, молились-молились... И где они? А государство — вот оно!

Парадокс в том, что Бог заключает завет с народом, государство которого хилое, эфемерное. Даже если принять за чистую монету придворные восхваления в адрес Соломона, его царство по меркам того времени было далеко не самое выдающееся и уж точно не самое

прочное. Египет — о да! Персия, Аккад, Китай, Индия, Греция — неописуемо! Государства, подобные царству Соломона, это не второй и не третий даже эшелон, это из разряда пузырей земли, политических бабблов, которые в изобилии появлялись и исчезали в самые разные времена.

Что же говорит Бог обитателям этого пузыря? Не бойтесь. Будьте собой. Не ложитесь ни под кого, это вас не спасёт. Положитесь на Меня.

Именно к этому сводятся пророчества пророков. Они не о будущем, на которое было жалко тратить дар предвидения. Они о том, что надо жить настоящим, а не геополитическими надеждами. Ты маленькая страна, зажата между западным гигантом и восточным гигантом, и не пытайся найти у одного людоеда защиту от другого. Будь собой, будь со Мной.

Это — о государстве? Это о тех, кто живёт в государстве. Это напоминание о том, что справедливость, любовь, человечность не производные от государства, его успехов, его размеров, даже от его существования. Они производные от отношений со смыслом человеческой жизни, а этот смысл — общение (общение, от-крытость, согласие, диалог, любовь) с Богом и людьми. Государственные границы — это стенки колыбели, обладающие неприятной тенденцией расти и укрепляться. Колыбель, соответственно, превращается в танк, а танк и подбить могут.

Оказывается, у согласия с Богом есть обратная сторона — верность Богу. Согласие — это «да» Богу, верность — это «нет» всему остальному. Быть верным — всегда вопреки. Простейший пример — история царя Иосии, который вполне историческая фигура, в отличие от Давида и Соломона, жил в сносно документированном VII столетии, и в 622 году до рождения Христа провёл такую грандиозную религиозную реформу, что, можно сказать, создал иудаизм, каким он остаётся по сути до нашего времени.

Рассказ о его деятельности — как гром среди ясного неба. Оказывается, нормального празднования Пасхи в Израиле не было, говорит Библия, ни при Соломоне, ни при Давиде, а только при незапамятных «судьях». То есть, полтысячелетия не было главного праздника, и вот опять! При этом о соблюдении субботы вообще речи в те времена не шло. А были повсюду статуи языческих богов, языческие обряды, в чём, собственно, заключался завет с Богом Авраама, никто не знал.

Археологи в целом подтверждают эту диковинную картину иудеев без Пасхи, иудеев без иудаизма, зато с язычеством. Примечательнее всего другое: такой набожный царь, такой порыв к Богу, такая очистка всего государства от языческой нечисти, а в итоге — полный облом. Иосия гибнет в битве с египтянами во время очередного набега Египта на Ассирию. Он Богу — всё, а Бог ему — ничего.

Вот это — верность. Когда мы читаем библейские псалмы, превращая их в свою личную молитву, все эти «Ты щит мой», «падут одесную меня тысячи и миллионы падут справа от меня, а я уцелею», мы выражаем не столько надежду, сколько верность. Конечно, я надеюсь уцелеть, но для этого не нужно быть верующим человеком, для этого достаточно быть живым существом. Но я буду верен Богу, даже, если не уцелею. Псалмы — не заклинания, в случае неуспеха которых я обязан засунуть Бога в яму с навозом, чтобы следующий раз лучше выполнять условия договора. Псалмы — это обещание верности даже в том случае, особенно в том случае, если будет неуспех.

Если сложить вместе те годы, когда у верных Богу было своё независимое государство, не мифическое времён Соломона, а реальное, то и сотни лет не наберётся. С момента взятия Иерусалима в 586 году Израиль всегда был под кем-то. «Возвращение из Плена» отнюдь не было созданием самостоятельного государства — как крымские татары, когда их депортировали или когда им разрешали вернуться в Крым, вовсе не становились свободным государством.

В самом лучшем случае, на место одной империи приходила другая, пророк Даниил насчитал пять), но клетка была всегда. Тут, возможно, лучший аналог даже не крымские татары, у которых когда-то своё государство всё-таки было, а Чечня, которая всегда в кого-то входила. Это могло не чувствоваться, потому что император далеко, угнетают свои, родненькие угнетатели, но юридически это было именно так.

Более того: независимый Израиль всегда был кошмаром для своих жителей. Что вытворяли его цари и примкнувшие к ним первосвященники!.. Собственно, ничего особенно — коррупция, эксплуатация, бесконечные кровавые междоусобицы. Ничего удивительного, что, когда приходили большие империи, никто особенно не вздыхал об утраченной государственности. Хоть какой-то ордунг, а от Римской империи ещё и вода — акведуки. И дороги.

В конце XIX века одного остроумца спросили, верит ли он в существование ада. «Я не верю, я знаю, что ад есть, и находится он в Чикаго», — был его ответ. Нельзя не понять страстного ожидания чего-то неясного, смутного, но не мутного, а ясного — царства справедливости, достоинства, общения, соединения, в общем, Царства Небесного — если не понять, что все другие варианты перепробованы и оказались адским адом.

Происхождение семьи, частной собственности и государства самое благое: средства спасения, конфетки, однако другой больше и краше. Перечислять, конечно, лучше как «собственность, семья, государство». В начале частная собственность, включая семью, а конец — там, где человек становится собственностью государства. Где становится, там и конец. Голгофа. Когда государство кого-то убивает — это как частный собственник берёт и рвёт ненужную бумажку. Или вешает на стену. Или сжигает.

Бог верен человеку, сопровождая человека и в собственности, и в семье, и в государстве. В Риме была формула брака «где ты, Гай, там и я, Гайя». Где ты, человек, там и Я, Творец человека.

Как бы хороши ни были наши ботинки со стороны, совесть нам подсказывает, что наше счастье заслуженное, по закону, тыр-пыр, но кому-то ведь плохо. Может быть, даже наверное, дай Бог, нам хорошо не за чужой счёт, но всё-таки несчастье чужим не бывает. Вот поэтому Христос Распятый важнее и нужнее Христа Учащего, Руководящего и Направляющего. Гвоздь в ботинке важнее ботинка.

Божья верность — это верность терпения. Вечность ждёт, когда время подрастёт. Бог верен до смерти — до Своей смерти. Ему приходится проходить через смерть, потому что только так можно убедить людей, что всё, кроме Бога — тупик, ведущий в никуда. И собственность, и семья, и государство. И дружба, и наука, и любовь.

Всё из средства спасения становится орудием гибели. Это логика власти, логика рассогласования, закон распада. Они так же ведут к смерти, как и несение креста по стопам Христа ведёт к смерти, только вот разница: собственность, семья и государство не воскресают, а Христос — воскресает. Это воскресение ценно лишь постольку, поскольку оно не доказуемо. Царство Небесное — Божие лишь постольку, поскольку не имеет земных границ и столиц, не даёт

паспортов с привилегиями и не посылает спецназ на помощь своим гражданам, как бы их ни унижали.

Верность не благодаря победам, а верность вопреки поражениям. Верность не за приобретение, а верность, хотя и потери. Верность в обмен не на продовольствие и деньги, а верность просто так, постоянство в отчаянии, иногда даже неразмышляющее, механическое, животное-тупое, потому что и преодолению подлежит механическое, тупое и животное мира сего.

5. ПОНИМАНИЕ

«И воскресшаго в третий день по Писанием.».

Пятой частью Символа веры считаются слова о воскресении Иисуса «в третий день согласно Писаниям».

«Писания» — это книга пророка Осии. За восемь веков до Иисуса. О воскресении там есть две фразы, к Иисусу не имеющие отношения, они про «народ» и его судьбы, и «три дня» там, конечно, цифра совершенно символическая, в смысле, «потерпите ещё немножко».

Тем не менее, «Писания» появляются совершенно не случайно. Воскресение Христово не существует вне текста, вне культуры слова фиксируемого, передаваемого, читаемого. Эта культура появилась всего за 3 тысячи лет до рождества Христова, когда появились не только письменные договоры и заклинания, но и сказания, стихи, молитвы.

«Илиада» существовала веками в устной форме, как и легенды древних евреев, пока не были «зафиксированы» на письмо (примерно в одно и то же время). «Фиксация» вовсе не есть механический, количественный процесс. Слово, которое записали на бумаге, подобно человеку, который родился на свет.

Неверующий скажет, что вера в Христа и Его воскресение есть один из многих феноменов «осевого времени» — так называют как раз ту эпоху, когда слова стали записываться, когда Платон, Будда, Иисус стали теми, о ком можно читать, а не просто слушать о них рассказы. Это качественно новые отношения со словом: меньше искажений, больше подлинности, возможность вновь и вновь возвращаться к слову без риска искажений памятью. Это и качественно новая возможность понимания слова и того, о чём слово, и того, чьё слово. Это новый этап в развитии человека, огромное возрастание личного начала. Письменная фиксация слова увеличивает свободу человека в восприятии и произнесении слова.

Верующий — во всяком случае, верующий с Библией — скажет, что это всё так, как и с происхождением человека от обезьяны, только

само «осевое время» есть не только результат внутреннего саморазвития, но и результат взаимодействия Бога и людей. Бог не выдуманный Сократом и Платоном собеседник, не приём, полезный на определённой стадии умственного развития. Бог «строит спасение», помогая родиться «осевому времени», «личному сознанию». Человек есть явление двойного происхождения и двойного предназначения — как рот, который может и есть, и говорить. Развитие человека идёт одновременно и извне, в мире материальном, в мире культуры, и изнутри, в мире Божьем.

«Строит спасение» — не очень удачная метафора, сравнение из обихода человека не пишущего, а строящего, работающего не пером, а молотком. Вернее сказать, что Бог «пишет спасение», Бог фиксирует в человечестве методы и средства, которые и должны провести людей от коллективизма к единству, от рабства к свободе.

Где коллектив, там нет понимания и понимания не требуется, там есть лишь подчинение. Подчинение же есть рабство, а не свобода. Подчинение есть ложное согласие — согласие без понимания, согласие из необходимости, «свобода как осознанная необходимость», то есть свобода как неосознанное рабство друг у друга. В коллективизме нет понимания ни себя, ни другого, есть лишь жажда выживания и поставление выживания, количества жизни и жизней, главным критерием жизни.

Личность ищет понимания — чтобы её понимали и чтобы она понимала других. Понимание противоположно подчинению, исключает подчинение.

Как соотносятся понимание и любовь? Важно, что подчинение — враг любви, враг безусловный и опасный. Подчинение и враг понимания. Понимание и любовь друг с другом дружат, друг друга возвращают, но друг друга оберегать как отдельные явления.

Понимание вовсе не равно знанию, особенно там, где речь идёт о человеке и Боге. Знание закрывает пробелы, понимание открывает горизонты. Знание — словно частицы, понимание — накрывает человека словно волна и выносит в неизведанное. Тот, кто был ясен, в понимании становится бесконечно загадочнее, таинственнее. Любовь не упрощает любимого, напротив — она даёт понимание того, насколько любимый не может быть познан, как может быть познано всё материальное. Особенно контрастируют невозможность познать Бога и возможность Бога понять и, главное, быть понятым Богом. Религиоз-

ный опыт — просветление, экстаз, благодать — есть опыт понимания Богом и понимания Бога. Это понимание не отменяет и не заменяет знания, но даёт то, что знание дать не может.

Понятно и то, что в таком понимании отсутствуют все те гарантии, которые присутствуют в знании как человеческом усилие и труде. Встречи с Богом — не эксперименты в лабораториях. Эти встречи выражаются в текстах, но эти — не отчёты о проделанной работе, о наблюдениях и выводах. Сами люди первоначально не понимают этой особенности религиозной жизни и пытаются сделать религиозную жизнь слепком с других сфер деятельности, где всё проверяемо, подчинено авторитету, где действуют механизмы коллективных решений, одобрений или наказаний. Это, может быть, самый опасный «антропоморфизм» — когда не Бога уподобляют человека, а веру в Бога уподобляют Академии наук.

* * *

Христианство с самого начала было очень «книжным» явлением, как и современные ему философские движения греков и римлян, как и другие явления, существовавшие внутри еврейской культуры. Это количественно другой уровень фиксации религиозного опыта, чем все предыдущие пласты библейской и околобиблейской литературы. Конечно, «количество» не гарантирует «качества» — качества в духовной жизни ничто не гарантирует. Многие схожие движения среди евреев (и других народов) были и исчезли, не оставив после себя письменных следов.

С точки зрения римлян и греков, литература первых последователей Христа была провинциально убогой. Апостол Павел не написал и сотой доли того, что написал современник Иисуса Сенека. Все четыре евангелиста написали в десять раз меньше того, что в одиночку написал их современник Плутарх, а ведь был ещё и Тацит, и Плиний, даже два Плиния, «старший» и «младший».

Но с точки зрения современного читателя, литература первых верующих в Воскресшего качественно иная, чем литература «талмудическая», создававшаяся уже после того, как евреи были изолированы от культуры греков и римлян. О современниках Иисуса и Павла в этих сказаниях уцелели отдельные фразы, точность биографий не выше, чем у сказок, это своего рода отступление на века назад.

Существование христианства внутри античной цивилизации не гарантирует истинности христианства, но даёт огромное количество

текстов, по которым можно достаточно уверенно о христианстве этих первых веков судить, и это количество постоянно росло, достигнув пика в IV-V столетиях, так называемые «золотые века» христианского богословия, века «святых отцов». Конечно, это был расцвет внутри достаточно архаической, по современным меркам культуры, где авторитетом часто — не всегда! — становилась физическая сила, государственная власть, социальные институты. Именно в ходе дискуссий этих столетий появился и Символ веры, появился и «канон Священного Писания» — то есть, отобранный и закреплённый комплекс текстов, признанных абсолютно верными в описании веры. В ходе богословской полемики были написаны — и сохранены! — тысячи книг. Можно критиковать ту эпоху за смешение веры с политикой, но можно и понимать, что смешение было и раньше, до христианства, а в христианстве этот малорадостный союз начал распадаться. Само разнообразие текстов и споров свидетельствует о нарастании личной свободы. Потом, в Средние века это разнообразие исчезло вместе с породившей его цивилизацией, но оно воскресло и продолжает воскресать всегда, когда воскресает свобода людей творить, веровать, познавать.

Вселенские соборы, постановления, которые одни тексты называют «ересь», другие — «догматы», каноны — правовые нормы Церкви, — всё это не что-то уникально христианское. Это реализация в античном христианстве античной культуры, культуры очень мощной, иногда чересчур мощной — организация в очередной раз брала верх над творчеством. Тем не менее, это был прогресс, и современная цивилизация — преемница этого прогресса, и возврат к эпохе Мления, которая предшествовала эпохе Понимания, был бы катастрофой.

* * *

Может быть, нигде так не выражено своеобразие христианства (не путать с сутью) как в разговоре апостола Филиппа с эфиопом:

«Понимаешь, что читаешь?» — «Как могу понять, если кто-то не объяснит?»

Читающий уже понимает — и про воскресшего Иисуса, и про всё-всё-всё. Бог уже дал ему то же самое понимание, которое двигало и Филиппом, и Павлом, и любым верующим в Воскресение. Но это понимание сути, понимание не интуитивное, но понимание, пробудившее интуицию, — это понимание как раз и пробудило в нём сознание непонимания.

«Я понимаю, что я не понимаю». Привычные тексты, зазубренные традиции, штампованные слова вдруг ожили и заплясали, показывая куда-то вдаль.

Вот в чём сила записанного текста — он площадка для диалога. Вот почему главные неприятели Иисуса — «книжники», начётчики, не ищущие понимания, а навязывающие.

Непониманий воскресения может быть множество. Конечно, базовое — то, с которым имел дело Сам Христос — это отождествление воскресения с судьбами сверхличных (и потому абсолютно бесчеловечных) понятий. Воскреснет государство, воскреснет («восстановится») Израиль, традиция. Воскреснут дети Авраама — значит, Авраам воскрес!

Аврааму Бог может изготовить детей из чего угодно — может, как в Торе написано, из горсти пыли, а может, как сказал Иисус, из гальки. Это был такой специфический горьковатый юмор Спасителя — из гвоздей, что ли, делали этих людей, или из камней... Но все эти дети — не Авраам!

Непонимание более простительное — непонимание тех неверующих историков, которые бездумно сводят веру в воскресение Иисуса к вере в погибающего и воскресающего бога плодородия. Редукционизм не может воскреснуть, потому что он не умирает никогда. Свести всё к самому примитивному. Как свести «Я помню чудное мгновенье» к диагнозу: «У автора проблемы с памятью».

Впрочем, воскресение Христа для большинства современных неверующих нисколько не проблема уже потому, что они твёрдо знают — чудес не бывает, Бога не бывает, да и человек всего лишь много возомнивший о себе примат. Души нет, эмоции и сознание продукт биохимических процессов, свобода есть фантазия. Зачем воскрешать такое существо, для которого и любовь, и вера, и свобода всего лишь глюки?

Есть, конечно, и другие современные люди, которые смотрят на мир иначе, менее категорично. Это очень трудно — не быть категоричным. Слишком много в мире суеверий, лжи, обмана и самообмана вольного и невольного, слишком агрессивно ханжество и пустословие. Им надо давать отпор, и тут хочется просто полить огнём всё, что позволяет себе хотя бы намёк на непознаваемое научным путём — но именно научное мышление как раз на это огнеметание не решится, потому что знает сложность мира.

Всё это — о возможности воскресения, но нисколько о смысле воскресения. Между тем, главное в воскресении Иисуса — именно смысл. Современники Иисуса вообще не считали воскресение мёртвых чем-то необычным, но они же не веровали «в Лазаря» или в кого-то другого, воскрешённого Иисусом. Что в этом воскресении особенного, кроме личности воскресшего? Ничего! А что особенно в этой личности? Здесь — точка разрыва и точка благодати, точка, где кончается земное и начинается вечное. Точка разочарования или точка веры. Точка непонимания и конца или точка понимания, дающего начало огромному, бесконечному процессу воскресения собственной личности. Евангелие оказывается не благой вестью о «небесном царстве», о «реставрации Израиля», а благой вестью о личности, которая — да, говорила об этом царстве и уклончиво отвечала на вопросы об Израиле, тронах, суде — но которая прежде всего оказалась Личностью, восставшей и продолжающей восставать ежедневно, ежеминутно, воскресшей и продолжающей воскресать и воскрешать каждого человека в отдельности и всё человечество к пониманию в Боге.

6. ОБЪЯСНЕНИЕ

Шестая часть Символа веры говорит о вознесении Христа: «И возшедшаго на небеса, и сидяща одесную Отца». Это — об Иисусе как судье человеческой жизни. «Справа» означает место для наследника, место для царского сына. В некоторых странах сам царь вообще торжественно молчал, а все приговоры от его имени (в его присутствии) произносил как раз тот, кто был справа от царя.

Означает ли это, что верующий должен быть нравственное атеиста, потому что верует в то, что «Бог накажет». Веришь в Христа — значит, живёшь словно в зале суда, и на тебя непрерывно пялится Тот, Кто будет выносить приговор.

Конечно, у иных верующих бывают такие воззрения, но они, конечно, их личные воззрения, не имеющие отношения ни к Евангелию, ни к предыдущим этапам истории религии. Да, древние египтяне восторженно, с надеждой описывали, как умершие оказываются на суде, но не потому, что радовались суду, а потому что для них сама идея загробной жизни, само откровение о бессмертии человека было новостью. Суд же был и для них неприятной, но, видимо, обязательной процедурой. Они не могли поверить, что Бог просто так, без прожарки и очистки пустить всех к Себе. Кстати, и загробную жизнь они представляли как простое продолжение жизни временной.

Христос справа от Отца — это ведь Бог, прошедший рождение, издевательства, убитый несправедливо. Бог, хлебнувший несправедливости человеческой — и не захлебнувшийся, а восставший из нашей хляби.

Жизнь по Евангелию есть не новая нравственность, а новое понимание нравственности, которая всегда была, но всегда пахла смертью, а теперь должна сиять воскресением. Свет воскресения освещает и прошлое. В этом свете все нормы видятся иначе. Нормы ведь — всего лишь слова. Понимание без объяснений. А понимание без объяснений так же мертво, как объяснение без понимания. Вера мертва без дел, дела без веры. Любовь без секса, секс без любви.

Жизнь отличается от псевдожизни, Вера от ханжества, религиозность от фарисейства как понимание от объяснения. Понимание — даруется сверху, объяснение — творится снизу. Бог не объясняет, Бог даёт понимание того, что есть «нормы», а объяснять это уже дело человека. . Десять заповедей Синая, «декалог», как и «заповеди блаженства» — это камертон регента, жизнь человека — это пение. Пение же может быть очень разным. Пение может быть и соло, и в хоре, и в театре, и за столом...

* * *

Первое понимание праведной жизни — вообще понимание, не связанное со словами. Хоть всю жизнь молчи. Даже лучше молчать — за праведника сойдёшь. Это заповеди человека-одиночки, человека-маугли, человека — победителя великанов. Библия сохранила нам память о таком человеке — Адаме, Аврааме, Моисее — почти абсолютно свободном.

Человек без государства, без народа, без семьи. Догосударственному. Такими когда-то были все. Идеал анархизма, вольницы, либертарианства. Бог ничего против не имеет, даже, кажется, рад появлению такого человека, а пожалуй, и Сам Руку Приложил. Именно такому человеку адресованы Десять Заповедей.

Такой человек объясняет себя другому человеку. Это сильный человек. Герой вестерна. Покоритель. Завоеватель. Он не убивает — как можно, своих! Свои пригодятся для завоевания. Он может, правда, вырезать целый город, но это же не убийство, это воинский подвиг. Почётный долг.

Это, конечно, этика, но этика сильного и свободного человека. Патриархальная этика. Человек сильный объясняет человеку слабому — жене, детям, бродяге, иностранцу — как надо жить.

Евангелие описывает нам совершенно другого человека. Этот человек несвободен во многих отношениях. Он часть народа, он не мыслит себя вне государства, вне сложной сети традиций и ограничений со стороны коллективов самого разного характера. Не индеец в джунглях Амазонки, не маори. В довершение беды он живёт в настоящей матрёшке несвободы, потому что его государство завоёвано другим государством. Пожалуй, и не одним: самый свежий завоеватель Рим, но больше всего поселений — греков, они завоевали Израиль раньше римлян на несколько веков.

Заповеди блаженства (да и всё Евангелие) адресованы не победителю, а побеждённому, не сильному, но слабому человеку. Это человек, которого довели до слёз, которого поработили, угнетают, которому безнаказанно врут. Лучше всего этого человека описал Шекспир: мастер, который стал работ халтурщика, учёный, которым командует псевдо-учёный. Перевернутый мир, где вверху те, кто должен быть внизу. Где все не на своём месте.

Жизнь по Декалогу — это жизнь победителей, жизнь по Евангелию — жизнь побеждённых. В этом мире этика — это объяснения с самим собой и с подобными себе. Например, когда апостол Павел объясняет беглому рабу, почему лучше вернуться к господину. Апостол Павел подкрепил это объяснение своей жизнью — мог бы сбежать от римского суда, но не сбежал. Как и Иисус. Как Сократ. Побеждённые, которые не захотели быть победителями. «Жить по Евангелию» означает и Декалог соблюсти, и Заповеди Блаженства приобрести.

Сегодняшний мир, современный — это мир не победителей, и не побеждённых, а свободных и в этом смысле равных. Конечно, современности в современном мире ещё не много, но то, что именно такая жизнь нормальна и хорошая, признают даже те, кто предпочитает быть победителем или смирился с участью побеждённого. Не всегда вслух признают, но признают.

Тем не менее, и в современном мире нравственность — это прежде всего объяснение. Точнее, как раз там, где люди не угнетают друг друга, где люди приближаются к человечности, только и начинается настоящая этика — этика диалога. Не этика гордости, которая не ворует, потому что завоевала, заработала и не желает ничего даром, не этика смирения, которая не ворует, потому что вообще ничего не хочет иметь своего, а этика объяснения. Этика, которую похожа на «ситуативную» — поступать по обстоятельствам, но другой человек не есть обстоятельство. Другой человек — живой, развивающийся, говорящий космос.

Тут ответ на вопрос, почему Иисус не остался среди людей, не присутствует по сей день на Земле физически, как неисчерпаемый источник мудрости. Мудрость, оказывается, как раз в том, чтобы не быть источником, не привязывать к себе людей как вечных детей, бегающих к родителям и учителям за справками и советами.

Многие разумные и добрые люди полагали, что это была большая ошибка — предоставить людей самим себе. Куда лучше было бы остаться и, объединившись с лучшими умами человечества, рулить. Объяснять.

Может быть... Может быть, оккупация мира Богом превосходное средство от оккупации мира человеческой агрессией и злом. С нашей точки зрения. У Христа — другая, точка зрения из хлева, с Голгофы и вот — с Неба. Что бы ни иметь в виду под «небом», ясно, что оно не там, где командуют. Там — блиндаж, может быть — вышка с охранниками, может — кабинет в Кремле. Это всё немного другое. Бог не объясняет, Бог доверяет человеку быть источником ясности, и ясность эта — не монологическая, а диалогическая. Она появляется как электричество — там, где сходятся два потока энергии.

Человек эпохи Декалога был в рабстве у сил природы. Человек эпохи Заповедей Блаженства был в рабстве у сил человеческих. Римская империя, еврейская религия, греческая образованность, — великие достижения, великие победы, только вот цена за них — рабство как раз у того, благодаря чему победили. У политического, социального, религиозного, интеллектуального насилия, у принудилочки во имя свободы.

* * *

Самый наглядный пример ясности, рождаемой в диалоге — это отношения любви. Не верховенство мужчин, не верховенство женщин, а разговор, общение, коммуникация. «Не прелюбодействуй» тогда означает «не будь угрюмым хрычом», «не изменяй общению».

Тут и обнаруживается значение свободы. Многое можно делать, будучи рабом, только разговаривать нормально невозможно. Чтобы свободно говорить, надо говорить со свободными. Не поработай, да не поработим будешь. Не заставляй молчать, не онемеешь. Не будь рабовладельцем. А рабом? А рабом, оказывается, можно. Не нужно, но можно — но рабом, который говорит.

Иисус «принял облик раба» — формально был свободен, ведь «оккупация» это так, в целом, а каждый в отдельности вроде бы ничего. Вот это «ничего» и есть рабство с точки зрения Бога, и Он принял это рабство как Своё. Иисус — какой Раб? Бунтарь или холуй? Ни то, ни другое. Самый близкий аналог — дядя Том. Не выдавливают из себя раба, даже наоборот — остаётся рабом, хотя мог бы бежать. Но бежать — освободишься сам, останешься — поможешь освободиться

другим. Главное же: дядя Том говорит, причём самое главное он говорит — и за это его убил хозяин — когда отказывается говорить, когда не предаёт сбежавших рабов и этим мешает рабовладельцу их найти.

Потом будет ещё третий человек — не анархист и не раб, а человек после Христа, человек, в мире которого есть Церковь, есть невидимый интернационал единоверцев, есть просвет и надежда. Мир Евангелия не таков — это мир безнадёжности, и этика в этом мире — этика безнадёжности. Безнадёжности, но не бесчеловечности!

Может быть, для лёгкости запоминания стоит назвать первую этику — этикой Отца, вторую — этикой Сына, третью — этикой Духа. Этика свободного, этика раба, этика освобождённого и от рабовладения, и от рабства. Спасение — это не просто возвращение в свободу, это обретение свободы с памятью о рабстве. Это преобразование свободы одного в свободу всех. Человек, не побывавший в рабстве, спокойно имел рабов, как имели их Авраам, Исаак, Иаков — да они к собственным детям как к рабам относились. Человек, побывавший рабом и освободившийся, никогда никого не будет поработать.

Понятно, почему Заповеди Блаженства принципиально отличны от Десяти Заповедей. Там всё — для свободного зажиточного мужчины. Хозяин. Мужик. Ковбой. Заповеди Блаженства — для безработного, уволенного, плачущего от бессилия. Там — для победителей, чтобы не засматривались на утешительные призы проигравших. Тут — для проигравших, которым и утешительных призов, кроме пинка, не досталось.

Почему вдруг лузеры — победители (и наоборот: первые — последние)? Да потому что власть растлевает прежде всего властвующего. Мало не быть президентом земного шара — надо ещё не быть и тем, кто избрал этого президента, а лучше всего — быть тем, кого президенты довели до слёз, лишили собственности, разорили войной и прочее, что в Заповедях Блаженства и перечислено.

Первое, что меняется — покаяние из частицы становится волной. Оно и частицей не перестаёт быть, но всё-таки человек отныне кается не в каких-то нарушениях порядка, а в том, что сам порядок, которым он живёт — не слишком человечен. Разница как между блудным сыном и правильным сыном, и симпатии Христа, как мы помним, не на стороне отличника ответственности и долга.

Почему такое различие? Это различие между природой, творением, материей и — тем, что в человеке есть собственно человеческого. Землетрясение — само по себе не зло, а вот зависть — зло само по себе, даже если ничего не украдено и ни один кролик не пострадал. Смерть — нормальное биологическое явление, хотя малорадостное. Убийство — хоть на фронте, хоть на эшафоте — абсолютное зло, потому что совершается человеком и над человеком, а если кто-то ещё и радуется убийству, то это уже совсем сатанизм.

Покаяние было чем-то вроде чистки зубов, самостоятельным действием, стало — другой тебя чистит. Оказывается, самые грешные грехи — за спиной, между лопаток, там, где мы-то думали: крылышки. Кто-то должен тереть спинку.

Молитва — из алхимической формулы наконец-то превращается в дыхательную смесь. Зато жертвы — того... Кролики, барашки, бычки и тёлки перестают страдать, да и голуби могут не бояться, и огурцы с картошкой спокойно идут в салат оливье, а не на алтарь Храма Соломонова. Сердце, сердце зарежь — из него исходит всякое бессердечие... Зарежь и выкини, освободи место для сердца Божьего!

Декалог ни слова не говорит о милостыни, о прощении, о том разгильдяйстве любви, которое пронизывает все наставления Христа. Прости, накорми, напои, потом догони и ещё покорми. Раздай имение нищим. Подставь щёку и никакого хука левой. Тебе лезут в душу — открой и душу, и подсознание, и что там ещё психологи напридумывают, будто оно внутри нас. Потому что внутри нас — то самое Царство Божие, которое по определению — не наведение порядка, а брызжащий во все стороны фонтан любви.

Жизнь по Евангелию — это прежде всего смерть по Евангелию. О, конечно, всё не так уж страшно, просто если у Моисея колышек вбит в Землю Обетованную, то у Христа колышек вбит в Голгофу. Ты записался в распинаемые или ты записался в распинатели? Третьего не дано, вот такой уж этот Иисус немилосердный. Предельная требовательность — без этого предельное милосердие было бы убийственно. А так — призыв убиться, призыв не бояться убиться, призыв не быть тем, кто задолго до решающего момента говорит, что в решающий момент предпочтёт быть живым го...ном, чем мёртвым святым. Если святой — то не мёртв, вот что пытается довести до сердца человеческого Иисус, и воскресение Его — именно об этом, ненаглядное наше пособие.

Смерть по Евангелию обязательна теоретически («сохранивший свою жизнь — уже погиб, просто в силу того, что предпочёл сохранить свою жизнь», вот как переводится «возьми крест»). Практически, однако, всё не так трагично, и Евангелие вполне адекватно названо именно «Ев-ангелие», «Благо-вестие». Живите! Лехаим, бояре! Многая лета!! До ста лет бегать и ещё двести на карачках ползать!!! И все триста лет — быть открытым людям, хотя открытость — это открытость и для злодеев, да просто для дурно воспитанных, неделикатных людей (хотя неделикатность — это тяжёлый грех, это людоедство-лайт). Открытость — вот о чём «приготовьте путь Господу».

Распахните дверь — и можно даже не пытаться придумать такой фильтр, чтобы в дверь души Бог входил, а людоед не мог протиснуться. Безумное поведение? Оно оправдано одним: евангельская этика предназначена для тех, кто уже в тюрьме у людоеда сидит, у кого вообще нет проблемы, пускать людоеда или нет, людоед сам войдёт, когда захочет, он хозяин. А Бог — никогда не входит без спросу, Он ещё и особого приглашения ждёт и нам рекомендует от других людей ждать особого приглашения.

Понятно, почему такой всепрощающий, казалось, бы Иисус в вопросе о разводе занимает такую жёсткую позицию? Камнями не побивать, но развод — ни за что. Это не про то, что можно жить супругами без любви. Прямо наоборот: это про то, что без любви жить нельзя, а потому — ищите любви, стяжите любви, добивайтесь любви, воскрешайте любовь, а не пытайтесь найти замену. Вселенная одна. Любовь одна. Бог один. Без вариантов. Этика карцера, в котором одно-единственное окошко, и ты один, и развод — это как себя разорвать на две части. Тебя как лоха зло, дух разъединения, разводит на развод — а ты не будь лохом, будь любовью.

Как верно заметили апостолы, это невозможно. На что Иисус ответил, что невозможное для людей — возможно для Бога. Людям невозможно говорить — нормально, свободно, на равных. Бог делится с нами этой Своей способностью — и тогда наступает ясность. Всё возможно, когда мы из надменно молчаливых рабовладельцев и покорно молчащих (или покорно говорящих) рабов становится участниками вселенского диалога, в котором участвуют все, начиная с Христа, сидящего с Отцом и дышащего Духом, и ими заканчивая.

7. ПРЕОДОЛЕНИЕ

«И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца».

Седьмая часть Символа веры говорит о том, что в обычной речи называется концом — концом света, концом мира. Это настолько обычно, что намыленный глаз может и не заметить, что вообще-то там о прямо противоположном, о бесконечности, ведь царству Его не будет конца.

Многие традиционные религиозные идеи выворачиваются наизнанку на Голгофе. Например, идея суда вполне традиционна, начиная с египетских пирамид. Только есть большая разница, человек идёт на Суд или Судья идёт к человеку. Идёт «во славе» — в сиянии вечности. «Слава» не просто «свет», «слава» — это свет над светом, Свет Божий. Восход без захода. Накат без заката.

Идея бесконечности это идея страшноватая — для человека страшноватая, не для слона или горы. Слон или гора вполне могут существовать вечно, они от этого будут лишь слоневее и гористее. Но человек... То, что в человеке человеческое, что отличает нас от животных — свобода, дух, творчество — всё-таки тесно связано с конечным. Мы понимаем, что не может быть такого «мгновения» в нашей жизни, которое заслуживало бы вечности.

Всё не то! Всё хоть немного, но несовершенно. Даже самый благой порыв несёт в себе разрушительный потенциал. «Нельзя что-то отчистить, ничего при этом не запачкав». Особенно это касается отношений между людьми, и чем ближе люди друг ко другу, тем пронзительнее нестыковка между людьми. Что уж говорить о «нестыковках» внутри самого человека. И вот эту нестыковку сделать вечной? Или надеяться на то, что Бог может отделить нас от наших нестыковок, что «суд» — это волшебство, благодаря которому мухи наконец-то будут отдельно, а щи отдельно, и все мы будем белые и пушистые, да ещё и научимся петь хором «аллилуйя»?

Ничего такого Бог не обещает. Он просто открывает бесконечность, дарит вечность, а как мы распорядимся этим подарком, это уже наше дело.

Это было бы очень печально: вечность сама по себе сомнительное удовольствие. Бесконечное продолжение конечного — как бесконечная шапка пены на пиве.

Только вера не вечности, не о бесконечности, а об Иисусе. Без Бога, бывшего под судом, осуждённого и казнённого по приговору суда, провалившегося в бесконечную пустоту смерти, — без Христа и суд, и бесконечность, и власть добра, — всё бесчеловечно. Без Бога, преодолевшего пропасть между Богом и человеком, между Бессмертным и смертными.

Христос не просто «придёт». Вера «в Христа» с самого начала есть вера в то, что Христос уже рядом, невидимо для верующих и неверующих, но для верующих невидимость — не проблема, а решение проблемы. «Царство Божие приблизилось» означает всего лишь, что Христос приблизился. Бог — приближённый людей. Немного странно: когда человек пытается выразить опыт присутствия Христа, встречу с «идущим» Христом, то говорит об Иисусе как о Том, Кто стоит.

Так было уже с апостолом Павлом: он налетел на Христа словно автомобиль на отбойник. Примерно так же, по легенде, апостол Пётр налетел на Иисуса, когда бежал от палачей. На возглас Петра: «Ты куда, Господи?!» (вопрос не очень умный, зато очень естественный), Иисус ответил, что идёт к палачам. При этом надо помнить, что Пётр до этого один раз уже сбежал (когда судили Иисуса), в другой раз чудесным образом Бог вывел Петра из тюрьмы, в общем, был позитивный опыт. А тут — всё наоборот.

Христос идёт не бок о бок, Бог не приятный спутник, сопровождающий нас на жизненном пути. Бог Сам — Путь, и на этот Путь надо перейти со своей тропинки. А иногда и перескочить через канаву или пропасть, преодолев инерцию, преодолев свои представления о жизни, о справедливости, о Боге, которые могут вовсе не вести к Богу.

* * *

Преодоление себя, выход за свои пределы, от себя-данности к себе-данности есть не только в христианстве. Такое преодоление есте-

ственно для человека, это естественность сверхъестественного. Человек есть единственное сверхъестественное существо в природе.

Преодоление себя проявляется прежде всего в самоограничении, аскезе. Человек словно искусственно делает себя больным, понарошки убивает себя, немножечко себя мучает. Это своего рода прививка, только духовная: немножко болезни, немножко опасности, чтобы не заболеть по-настоящему.

Болезнь делает человека одиноким — и вот человек выбирает уединение, чтобы выздороветь от заикленности на себе.

Богатство ожесточает — и человек постится, раздавая деньги нуждающимся, чтобы преодолеть ожесточение. Да, пост это прежде всего — съесть меньше, а остальное отдать голодному. Не диета.

Точно так же паломничество — не туризм, не бегство от себя, не освобождение от надоевших обязательств и рутины повседневности, а путь к Другому. Своего рода лунатизм, погружение в искусственный сон наяву. Всё объявляется призрачным миром, кроме одной цели — и эта цель не часть этого мира. Идут не к святыне, а к Святому. Паломничают не в Иерусалим, который на земле, а в Иерусалим, который на небе. Идут к Другому, идут именно потому, что этот Другой — за спиной паломника и рядом с паломником.

Отличается ли христианская аскетика от дохристианской, внехристианской, пост-христианской? Есть ведь и «пост-христианская» аскетика, когда вполне неверующие люди преодолевают себя — дай Бог каждому христианину так! А что, верующие чистят зубы не так, как неверующие? Аскетику придумали не религиозные люди, а больные люди, придумали как лекарство от физических и душевных проблем. Сбросить жирок — физический и психологический.

Отличий нет — по форме. Может быть, единственное существенное отличие — большая хрупкость верующего человека. Да, хрупкость! Лечится — большей беспощадностью, хотя до изуверства доходить не надо. Хрупкость от невидимости и неслышимости огромной части своего бытия. У неверующего этой проблемы нет. Всё наглядно. Вера не просто уверенность в невидимом, вера есть уверенность в невидимом посреди уверенности в том, что нет никакого невидимого. Причём, эта уверенность в иллюзорности Бога, воскресения, вечности, смысла — не вне (хотя и вне тоже), а внутри. Вот откуда хрупкость. Поэтому для верующего преодоление — это ещё и преодоление неверующего в себе. Есть он, есть, как не быть.

Чтобы справиться с неверующим в себе, хороша память о смерти (иногда говорят по старинке «память смертная»). Придумали память о смерти неверующие, чтобы взбзднуться словно нашатырём — лови день, живи мгновением, не строй иллюзий. Для христианина память о смерти — нашатырь, который напоминает не о мгновении, а о воскресении. Мгновение — оно вот, а воскресение где? В результате вера постоянно балансирует между унынием и терпением. Маниакально-депрессивный психоз, только искусственный (и только искусственный!). С депрессивностью понятно, а где маниакальное? Так ведь в аскетике есть не только память о смерти, память об аде — есть и память о рае. Одно без другого так же бессмысленно как электрический плюс без электрического минуса. Искусственный пессимизм принимается только вместе с искусственным оптимизмом.

Где в христианстве оптимизм? Да все праздники! Умер Господь — праздник, хоть и мрачноватый, Страстная Пятницы. Воскрес — ну, понятно. Рай на земле. Освящение — праздник! Не потому, что в структуре воды что-то меняется, а потому что в структуре души, которая пускает Бога освящать мир, что-то меняется. «Освятить» это ведь означает «посвятить Богу». Освятить дом — значит, это уже дом святой, дом Божий. Освятить автомобиль — Божий автомобиль. Ты уже только арендатор, только нанятый шофёр, ты не себя везёшь, ты Бога везёшь. Это, между прочим, очень даже аскетизм, если относиться к освящению всерьёз, а не впадать в суеверия и магизм. Мол, это мне Бог поможет. Бог-то поможет, но поможет именно потому, что ты уже не совсем свой, и твоё не совсем твоё. Так что помощь может оказаться весьма неожиданной. У тебя свои представления о помощи, у Бога свои, будь готов к неожиданности. Всегда готов, и присно готов, и во веки веков готов.

* * *

Преодоление себя вовсе не ограничивается постами, поклонами, молитвами, паломничествами и прочими аскетическими излишествами. Курощать себя можно, будучи богачом среди бедняков, рабовладельцем среди рабов, диктатором среди подданных. Но это именно курощение, а не укрощение. Один из православных гимнов называет Бога «святой сильный», но сила Божия — не насилие.

Жизнь по Евангелию есть не только и не столько насилие над собой (хотя иногда без этого не обойтись) — жизнь по Евангелию есть преодоление насилия вокруг себя. Господь Иисус говорит о том, что

обычные лидеры пользуются насилием, а христиане не должны насилловать, должны служить людям (Мф 20: 25), как Он служит — служит решимостью быть убитым, но не убить, быть осуждённым, но не судить. Страшный судья — предпочитающий быть осуждённым, но не судить. «Грядущий судить», приближающийся, чтобы судить — и никогда не судящий. Словно какая-то асимптота, бесконечное приближение к заявленной цели — и бесконечное отклонение от этой цели.

Как служить людям? Выполнять все их распоряжения, прихоти, приказы? Иисус так не делал. Советы, которые в Евангелии по видимости содержатся — раздай имение, вырви себе глаз, оторви себе руку — это, конечно, те ещё советы. А как Иисус служит людям? Взял бы да и создал ООН или Всемирную академию нравственных наук. Больше было бы пользы?

Вера есть уверенность в невидимом — и невидимое это не только и не столько Бог, сколько воля Божия. Вера есть уверенность в том, что Бог — Творец, и всё, что Он делает, это творческий подход, а не механический, не тупое прямолинейное диктаторство. Судья, который не судит — это Царь-Судия, как царь-пушка — пушка, которая не стреляет, а царь-колокол — колокол, который никого не оглушает. Вера в воскресение есть вера в то, что воскресение имеет смысл. Вера в Страшный Суд есть вера в то, что Суд, который всех пугает, но никого не осуждает, есть Божий Суд.

Как же человек может подражать такому творчески настроенному, изобретательному Богу? Да уж как-нибудь так! Бог не советует — творческое решение то, которое сам изобретаешь. К счастью, история Церкви — и не только Церкви — полна творчества, иначе бы человечество давно испарилось. Достаточно упомянуть искусство.

Музыка, живопись, танцы-шманцы, цирк, футбол, танец с саблями — это труд? Да, причём только танец с саблями — труд и творчества, а рубить друга в капусту саблями не «ратный труд на благо мира», а безобразное человекоубийство и разрушение вселенной. Искусство — творческое преодоление насилия и его последствий: скуки, страхов, уныния, бесчеловечности. Не всякое, конечно. Так ведь и не всякая работа — труд. Мало затратить время и материалы, важно ещё правильно их потратить. Строить виселицу — не работа, а уничтожение времени, материалов и своей души.

В России искусство, к сожалению, часто воспринимается как служанка чего-то более важного. Например, социальной справедливости. Надо преодолевать несправедливость? Надо так организовывать жизнь, чтобы не было нищих лазарей, не могущих прожить без крошек со стола богачей? Да было бы недурно. Пусть искусство на это вдохновляет? Да нет, искусство не для этого. К тому же «организовывать жизнь» — это как раз не преодоление, а организация. «Организованная жизнь» — это смерть. Во всяком случае, для людей. В «организации по имени Жизнь» будет больше несправедливости, чем в самой неорганизованной жизни.

Несправедливость оказывается вторичной по отношению к свободе. Вот почему попытки построения идеального общества на началах любви — то, что принято называть коммунизмом — либо оканчиваются неудачей, либо приводят к диктатурам. Например, первые христиане в Иерусалиме «имели всё общее», сообщает евангелист Лука в «Деяниях» — но это явно кончилось неудачей и развития не получило. Но хотя бы и диктатурой не стало!

В сегодняшнем мире христианство очень активно политически, и результаты очень разные. Ведь и американская «модель» во многом вдохновляется христианством — христианством пуритан, отцов-основателей, которые бежали в Америку с мечтой построить идеальное общество. Так и в современной Западной Европе, откуда отцы-основатели бежали, тоже во многих странах осуществляются идеалы «христианской демократии», «христианского социализма». Христианство одно, а модели разные. Какая правильнее? Та, которая впереди. Которую ещё предстоит создать. Творчески — то есть, без насилия. Вместе — вместе с другими. В сравнении с этим Великий пост просто лёгкое развлечение. Жизнь — учебник, в котором нет задач, а есть лишь ответ: «Суд страшен, если подсудимые не договорятся между собой, потому что спасутся либо все, либо никто».

Понятно, почему преодоление препятствий, греха, трудностей Иисус сравнил с несением креста? Сегодня бы Он сказал: «Иди как на расстрел». Ну не о походе же к стоматологу было сказано «возьми свой крест». Смирение — это и социальное поведение, а не просто самоуничтожение и попытка серой мышкой прошмыгнуть на небо, не соприкасаясь с другими. Крест и смирение — кисло? Так ведь есть ещё и юмор, и радость, и смех. Всё то, что позволяет вырваться из тисков безнадёжности и что уже поэтому прямо связано с верой. Не

оптимизм — реализм уверенности в невидимом Судье, Который поднялся с судейского кресла, сбросил мантию и спустился в зал, чтобы вместе со всеми превратить суд и осуждение в свет и соединение.

8. ОСВОБОЖДЕНИЕ

«И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки».

В современном мире, утверждает статистика, быстрее всего растут те направления в христианстве, которые называются «харизматичными». «Харизма», «харисма» — от греческого «подарок». Подарок в данном случае — Дух Божий. Дух Божий дышит в каждом живом существе, да и не только в «живом» — потому что «живой» это очень условное определение, и твёрдой границы между «живым» и «не живым» объективно нет. Однако, одно дело — жить у кого-то, совсем другое — дать другому пожить у себя. История Церкви, история «христианства» — ещё до того, как появилось слово — начинается с того, что ученики, апостолы, видевшие, как видимое становится невидимым — Вознесение Христа — растерянные, не понимающие, что дальше делать, или понимающие, но не имеющие сил с места двинуться — эти ученики вдруг, не сходя с места, оказываются внутри Духа Божия.

Много позднее историк — евангелист Лука — сравнит это с пожаром. Словно каждый объят пламенем. Пламенеет.

Сегодня «харизматичность» чаще сравнивают не с жаром, а с теплом. Словно на человека накинули тёплое одеяло.

Люди по-разному описывают этот опыт. Лев Толстой, очевидно, именно этот опыт описывал как встречу с Богом, подобным мировому Океану, рядом с которым человек кажется маленьким. Того и гляди, утонешь, растворишься. Может быть, описание зависит от того, какое чувство у человека является главным в познании и в описании мира. Если слух, то Бога описывают как тишину. Абсолютную тишину. Если зрение, то Бога описывают как свет.

«Огонь» — образ, объединяющий все прочие. И свет, и звук, и жар. При этом образы образами, а именно под одеялом, в тишине, в свете, на берегу океана становится ясно, что Дух глубже тишины,

света, бесконечности. Эта бесконечная глубина приходит — и не топит, а селит тебя в Себе, и не только меня, но и других. Так совершается освобождение.

Слово «Церковь» означает — если проследить этимологию — всего лишь «соединение», «единство». Тут та же идея, что в «религии», «синагоге», «кагал», «койнония», «соборность». Современный человек — то есть, человек, помнящий о единении людей вокруг людей, о сплочении тоталитарном — побаивается любых разговоров о единстве. Вдруг растворишься!

Растворяешься. Но не как сахар в воде, а как окно в доме.

* * *

Соединение, тем более, единство в наши дни редко связывается с освобождением. Не только тоталитарные режимы любили говорить о единстве во имя освобождения. В обычной жизни тоже сплошь и рядом разговорами о единении прикрывают разнообразные формы манипуляции, от семейной, дружеской, до манипуляции чиновниками, государственными деятелями, политиками.

Если бы не любовь, единство стало бы ругательным словом. Как «инквизиция». Инквизиция ведь есть всего лишь латинское обозначения исследования. Впрочем, хотя от любви никто не отказывается, но от брака — всё чаще и чаще. Свобода отождествляется со свободой от всяких внешних форм, от того, что делается для других, ставит в зависимость от окружения ради каких-то плюсиков от этого окружения. Например, чтобы пустили в больницу к любимому человеку. Или в тюрьму.

Бог есть источник и любви, и освобождения. Вера освобождает от ненависти, любовь верует, что настоящая жизнь несовместима ни с господством, ни с подчинением. Вера в то, что одна из многих жертв ненависти, господства, трусости — Иисус — есть Сын Божий и Бог — создала странное учение о Боге как Троице. Странное, потому что ни в той религии, которая была религией Иисуса, Его учеников, всего древнего Израиля, ни в религии древней Греции, древней Сирии, Рима и других стран, где христианство развивалось, похожих представлений о Боге не было, а противоречие с верой в единственность Бога — невероятное. Мыслители IV столетия, которые создали учение о Троице, взяли сам термин из античной философии, сознательно и резко изменив его смысл.

Не случайно в христианстве есть направления, которые отвергают учение о Троице, потому что его нет в текстах раннего христианства. Оно не просто избыточно, оно противоречит тому, что эти текст говорят о едином Боге. Большинство христиан — католики, православные, протестанты, объединённые во Всемирный Совет Церквей, в Троицу веруют, но эта вера обычно чисто головная, не связанная прямо с любовью к Богу и людям. Текста догмата о Троице не знают, да он и не помогает Троицу понять, он сам нуждается в длинных комментариях. Что уж говорить, если в Символе веры Дух Святой не назван Богом — побоялись святые отцы, что их обвинят в многобожии.

Что же побуждало и побуждает не худших, а лучших верующих мыслителей говорить о Троице?

Опыт Бога и опыт Церкви. Опыт любви и освобождения. Нет этого опыта — нет и веры в Троицу, лишь слово «Троица». Бог — единство и свобода, Бог — любовь, которая может существовать без любимого, потому что в Троице — вот, любящие Друг Друга. Богу не нужны рабы и Бог никому не раб. Бог есть такая любовь, такая свобода, что всё, к чему Он прикасается, полны любви и свободы, и человек может не бояться других, а может соединяться с другими. Соединение — если оно в Боге — не убавляет, и прибавляет свободы и любви. Такова Церковь.

Такова в идеале или такова в реальности? А человек, каждый человек — человек в реальности или человек в идеале? Вместе с другими или в одиночестве?

Ответом является и жизнь каждого человека, и история человечества. Человечество недостойно самого себя, человечество бесчеловечно, но путь человечности возможен лишь с человечеством, хотя именно человечество — главное препятствие для человечности. А Бог — цель, помощь и утешение в те мгновения, когда нам кажется, что всё бесполезно, потому что не только Христос был распят, но и каждый человек бывает распят, беспомощен, умирает — но подымается, воскресает до смерти, до воскресения любовью Отца, верностью Сына, жизнью Святого Духа.

9. ПОЛЯНА

«Во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Дом начинается с основания, и тут же начинаются споры. Есть даже выражение «фундаментализм», «фундаменталистское христианство». Иисус, действительно, сравнивал жизнь верующего с домом на скальном фундаменте — в противоположность дому на песке. Однако, фундамент — ещё не дом. Если не будет пола, фундамент — просто яма. Погреб, подвал, бомбоубежище, наконец. Место, чтобы прятаться, чтобы что-то хранить, но не для настоящей жизни. Место, кстати, недоступное ветру — недоступное Духу. Не случайно «фундаментализм» построен на прошлом опыте Духа, а что может быть новый Дух — ну какой новый Дух в бомбоубежище! Одна духота.

Современные дома часто обходятся без фундамента или стоят на таком лёгком фундаменте, что кажется — упадут. Но нет — стоят! Более того, оказывается, что не так важна глубина фундамента, как важна его упругость — его и всего дома. Надо строить так, чтобы удары извне «гасились». Слишком жёсткие конструкции очень легко разваливаются, потому что не превращают энергию удара, напор разрушающей стихии в собственную энергию.

Знаменито высказывание «перегородки, разделяющие христиан, не доходят до неба». В мире конфессиональных раздоров оно позитивно, но вообще-то слабое утешение, мы же не на небе пока. К счастью, справедливо сказать, что перегородки, разделяющие христиан, не доходят и до пола. Они, если уж откровенно сказать, даже до подбородка не доходят. Они — повязка на глазах, не перегородки.

Церковь есть общий пол, даже, как сказали бы в старину, «танцпол». Это уже и до Христа так было: вот в Евангелии часто упоминаются «боящиеся Бога», и это не об особо набожных иудеях речь, это о язычниках, которые участвуют в жизни синагог, поклоняются Богу Израиля. «Общая почва», можно сказать, хотя общее тут не почва, а дух. От таких «богобоязненных» не требовали обрезания (если мужчины) или соблюдения субботы, отказа от свинины и дру-

гой нечистой еды. Отчасти это был прагматизм. Евреи были угнетённым меньшинством даже в своей стране, тем более там, куда ехали за лучшей долей — в Риме, в Египте, в Испании. Если вдруг римлянин или грек начинал интересоваться иудаизмом, посещать синагогу, жертвовать на неё деньги (а такое бывало), — это ж была милость Божия. Подъём социального статуса. Высокий покровитель.

Есть анекдот про человека, который приехал в гостиницу, не забронировав номер, а мест нет. «Но если бы к вам приехал президент, вы же нашли бы ему номер?» — спросил он. — «Президенту, конечно, что-нибудь придумали бы». — «Хорошая новость: президент сегодня не приедет, дайте мне номер, который бы дали ему».

Церковь — это номер, предназначенный президенту, Израилю, избранному народу, любимому Богом. Хорошая ли новость, что президент не целиком приехал? Да! Потому что и за пределами Церкви есть жизнь, есть Бог, и пусть иудейские мудрецы в конце I столетия (только через полвека после Христа!) отлучили верующих в Иисуса как Мессию от синагог, Бога-то отлучить невозможно. Главное — чтобы верующие в Христа никого не отлучали.

Можно и нужно строить стены, проделывать двери и окна, крышу, можно и нужно даже «анафематствовать» — пускать в дом Церкви с разбором, а иногда и просить удалиться. Но никак нельзя забывать, что почва — общая, что пол — это вообще-то всего лишь «поляна», место среди леса, и поляна — для всех. Мир — это поляна человечества. Бог хочет спасти всех, что Сын Божий умер за всех, так что отлучения, прилучения, это всё временное, а в вечности все — в Боге. Что никак не отменяет дверей, стен и потолка, потому что пока вечность — внутри времени со всеми временными проблемами. Фундаменталистам тоже есть местечко в бомбоубежище, если уж охота. Но цель — чтобы не было бомб и страха перед бомбами, того страха, который и порождает бомбы — превентивные.

Дух Божий дышит, где хочет. В наши дни надо, скорее, доказывать, что Дух Божий дышит и в Церкви, но верующему это самоочевидно. Дышит ли Дух Божий в неверующих, в инаковерующих? Конечно. Поэтому можно и нужно проповедовать веру — не в пустоту проповедь, не каменным идолам-болванам, а людям, в которых тот же Дух, что в верующих. Миссия — не заражение Богом, а пробуждение скрытой в каждом способности обратиться к Богу. Соль земли.

Дрожжи человечества. Это — высокомерие? Может стать высокомерием, но вообще-то это прямо наоборот — радость смирения. Бог избрал меня, чтобы всем стало лучше. Дрожжи не командуют тестом, дрожжи помогают тесту подниматься. Соль не командует супом, соль помогает супу быть вкуснее. Христос не командует христианами, христиане не командуют человечеством. Просто помогают — и помогают прежде всего тем, что живут в мире без перегородок. Сама Церковь — не перегородка, не изгородь, а уборщица, которая моет пол, натирает паркет, подметает. По мере возможности — своей и чужой свободы.

Конечно, одновременно быть Церковью означает быть выделенным из человечества, быть в общине. Общая общность невозможна без общности выделенной, своей. Можно было бы сравнить общину с семьёй, но сравнение хромает, потому что семья — это часть того человечества, которое нуждается в спасении. Семья — не источник спасения, её нужно спасать, спасать от семейного эгоизма, от деспотизма и манипуляций внутри семьи. Церкви стать семьёй — в наши дни огромное искушение, как в Средние века главное искушение для Церкви было стать государством.

Община не семья, Церковь не община, но община — Церковь, а иногда семья — община. А иногда община принципиально вне семьи — таково монашество. Церковь есть общение общин, и тут начинается такая история... Если кратко сказать — история Церкви, плавно переходящая в историю церквей. С войнами, раздорами, взаимными проклятиями. Правда, и с экуменизмом — но и с антиэкуменизмом, с отрицанием того, что может быть единство духа там, где нет единства веры.

Средние века — это опыт разделения Церкви под влиянием государств. Делятся страны, народы — делятся и христиане, и враждуют между собой. Православные против католиков, потому восточная часть бывшей Римской империи — против западной части, Константинополь (Стамбул) против Рима. Внутри православия свои разделения — в России это деление на «старообрядцев» и «никониан», у католиков — деление на протестантов и собственно католиков.

Этот средневековый опыт разделений казался ужасным, но наступил век интернета, и оказалось, что государство вовсе не главное зло. Главное-то внутри каждого сидит. Христиане ссорятся друг с другом, внутри одной конфессии, и государственная власть ни при чём.

Впрочем, и раньше это было, только в глаза не бросалось. Сын и отец одинаково были католики, а друг с другом ссорились. Католики воевали с католиками, протестанты с протестантами, православные с православными. Раньше — на полях сражений, теперь — в интернете. По разным поводам, а причина одна — себя больше, чем Бога, уверенности в себе больше, чем веры в Бога, желания учить больше желания учиться. Самое, возможно, печальное — что в наши дни терпимость, толерантность, миролюбие ассоциируются с чем угодно — с буддизмом, с гуманизмом, с секуляризмом — но не с Церковью. Что же, меньше христианства, меньше Церкви? Наоборот — больше Церкви, больше церковности, настоящей, полнокровной. А Богу извинения от нас, что мы недостаточно Церковь. Богу спасибо от нас, что Он облегчает задачу Церкви, действуя помимо Церкви, действуя в верующих других религий и в неверующих, восполняя то, что Церковь не сделали или даже затоптала. Если бы речь шла только об этой жизни, может, и Церковь можно было бы ликвидировать, но ведь речь прежде всего о том, что эта жизнь в одном измерении с жизнью вечной.

Верующий видит, что пол в комнате человечества бесконечен, простирается далеко за горизонт, переходит в бесконечную поляну Рая. Это повод воинственно давить на других, требуя добродетели? Это причина быть добродетельным, быть не в одиночестве, а в общении с теми, кого Бог пошлёт, и для всех быть подмогой и облегчением, быть о единстве как реальности и о любви как возможности.

10. Дверь

«Исповедую едино Крещение во оставление грехов».

У детей, когда они соприкасаются с миром взрослых, появляется странное выражение лица: немного застенчивое, чуть настороженное. Даже у самых счастливых и уверенных в себе детей.

Наверное, так держат себя рабы, в их комнату заглядывает работодатель, даже самый добрый, только у ребёнка комната — весь мир.

У взрослых такого выражения лица обычно не бывает, но со взрослыми хуже: у них лицо по умолчанию спокойно, но это спокойствие от безнадёжности. Всё испробовано, все встречены, средства и цели определены, иллюзии развеялись.

Вера перестраивает мир взрослых, возвращая ему утраченные надежды, при этом сохраняя опыт зла. Такое возможно, потому что мир лежит во зле, по выражению Евангелия, но мир не есть зло. Мир

есть дом Божий, обрушившийся и сгнивший, переделанный где под блиндаж, где под теплицу, где под роскошную, но всё же не Божию, виллу.

Жизнь есть путь, но жизнь есть и дом. Эти два сравнения не так уж несовместимы между собой. Дом ведь не насест, дом это место, где можно безопасно ходить, дом это путь свёрнутый, словно полоса металла, скрученная в пружину часов.

Дом начинается с двери. Не всякий. Старинное слово «темница» обозначает тюрьму — комнату без окон, без света, и дверь в такой комнате это не дверь в дом, где безопасно и светло, это дверь в тьму и смерть, дверь из общечеловеческого дома. Дом-темница это ад.

Жизнь как дом напоминает парадоксальные рисунки, где замкнутая в себе лестница ведёт лишь наверх, где у камертона двумерное начало с двумя концами, плавно переходит в три трёхмерных окончания. Человек боится раствориться в других, боится организации, «организованной религии», ищет Бога «в себе». Как в Евангелии сказано? Не молись публично, молись в чуланчике. Царство Божие внутри вас. Человек и забирается внутрь себя, запирает дверь в чуланчик сердца своего... и оказывается в темнице вместе с подавляющим большинством человечества. Большинство не всегда подавляющее, но всегда подавленное, потому что в чулане сердца своего темно, сыро и бегают мокрицы сердца своего, жужжат бормашиной комары сердца своего...

Господь Иисус Христос про чуланчик-то говорил не манхэттенскому брокеру, который и про Бога-то услышал случайно за ланчем. Он обращался к людям, которые молились день и ночь, не только публично, но и наедине. Да, им случалось молиться напоказ — но это были издержки молитвенного производства. Контекст немножечко другой, и «немножечко» — это шутка. Совсем другой контекст: не призыв к юному спортсмену лечь на диван, а призыв к пожилому штангисту убавить вес.

Индивидуализм убивает личность в зародыше. Сперва в детсад, потом, если потянет, в монастырь. Церковь странным образом соединяет в себе детсад с монастырём, поэтому в ней не слишком легко и даже увлекательно. если не закрывать глаз.

Церковь же, наоборот, это дом очень и очень личный, персональный, глубоко внутри личности — Царство Божие действительно внутри — но одновременно каким-то четвёртым измерением этот дом

есть дом всего человечества. Научиться жить в человечестве не так легко, как хотелось бы, зато не скучно. Главное — почувствовать и/или понять алгоритм.

Крещение, миропомазание, венчание, рукоположение — четыре «таинства», в которых никакой тайны, кроме тайны человеческой жизни. Антропологи называют подобные обряды «переходными». Переход, имеется в виду, из одного состояния в другое. В физике сказали бы «фазовый переход», иногда «квантовый скачок»).

Крещение — как рождение. Переход из небытия в бытие.

Миропомазание — переход в жизнь. «Бытие» и «жизнь» вовсе не одно и то же, ведь есть же «мёртворождённые». Ох, и в духовной жизни такое случается. Вроде бы родился во Христе, а присмотришься — а что-то как не дышу я, и глаза какие-то стеклянные... Похоже, мёртвенький-то младенец! «Миро» — символ Духа. Мало родиться, надо задышать.

Эти «переходы» не как переход через дорогу, а как дверь — дверь в дом, дверь в комнату. Дверь — самое слабое место дома-крепости, поэтому в древности дверь старались укрепить материально и духовно, каким-нибудь оберегом (в роли оберега и иконы бывали — Спас Нерукотворный над воротами вешали, а ворота та же дверь, а ещё древнее — «ладонь», отпугивающая ладонь вороватую, или амулет в виде глаза — отпугивающий глаз завистливый. Принцип аллопатии — лечим подобное подобным.

Дверь ведёт в дом, но это дом Церкви или дом человечества? А это один и тот же дом, иначе бы Церковь была абсолютно бесчеловечным явлением. «Церковь» — всего лишь «собрание», «сообщество», ООН, в конце концов. Только ООН не наций, а людей. ООЛ. Как же в этом доме могут оказаться те, кто не входил через дверь, и зачем входить через дверь — креститься — если и без крещения Бог втаскивает в этот дом кого ни попадя? А вот пока человек задаёт такие вопросы — почему я должен, а тот нет — ему надо вновь и вновь протискиваться через дверь очищения.

Это ещё милосердный получается квест — запас жизней бесконечный. Конечно, это не значит, что надо каждый день креститься — наоборот, одно крещение как одно рождение — но что каждый день просыпаться телом и душой, словно родился заново, и духом — словно крестился заново — это непременно.

Дверь, через которую надо пройти, чтобы встретить тех, кто не прошёл, — так и с венчанием, и с рукоположением. Таинства перехода из состояния одиночества в состояние одиночества с другими. С любимым человеком, с «паствой», с Богом. Но как же получается, что не все должны быть замужем и женаты? Как же с монашеством, которое часто пытались объявить таинством, да не выходило даже в те века, когда монахов были миллионы, а уж в наше время, когда монахов раз-два и обмолился, подавно не выйдет? Как же с «всеобщим священством», как выразился апостол Павел про христиан? Не как у мормонов, где все взрослые мужчины священники, просто — все, а вот чтобы и женщины все священники, и все — мужчины и женщины — папы римские, патриархи иерусалимские?

Да вот как-то уж так! Все — сыны и дочери Божии. Все женаты на Боге и замужем за Христом. Все — верующие и неверующие — священники, молящиеся Богу и помогающие молиться другим. Все патриархи, матриархи, памы и мапы.

Таинство не в том, что кому-то дано, а кто-то обделён, а в том, что данное кому-то дано всем. Это повторение и развитие того, что происшедшее с Иисусом — распятие и воскресение — произошло со всеми. Непонятен механизм, способ, как? Потому и таинство. Зато понятно «что» — соединение, объединение и обнаружение в этом единстве единственности себя, утраченной в блужданиях по самому себе.

Самое странное в этих дверях — что пройти в них можно только один раз, как только один ведь раз рождаются на белый свет. Но сплошь и рядом... Семь браков — это ещё ничего, это наивное средневековое баловство. Какая-нибудь полиамория, когда спят с кем захотят, когда захотят и считают всякое иное поведение прелюбодеянием, это посильнее семи браков. Среди русских старообрядцев бывали крестившиеся по многу раз — и каждое предыдущее крещение считали недействительным (как и миропомазание). Бывали и священники, которых рукополагали не один раз. Бывали и бывают.

Такая многократность сильно пахнет предательством. Никто не будет обвинять в предательстве человека, который из одного автобуса переседает в другой. Только вот при посадке в автобус не дают обета ехать только в этом автобусе, в любви же странно было бы заранее показывать, что, мол, вот у меня ещё десяток поездок, а жизнь

коротка, так что, извини, любимая, сама понимаешь. Как и при появлении на свет никто не объявляет, что это первое рождение, а через пару месяцев, если не понравится, умру и рожусь по новой. Есть переходы, исходы, выходы, а бывают и выходки. Как отличить одно от другого?

Самый простой способ: сказать, что настоящая любовь одна, но то, что я считал любовью, любовью не было. Аннулировать любовь, аннулировать веру, аннулировать доверие. Ведь, когда над тобой совершают таинство, тебе доверяют. Когда за тебя замуж выходят, тебе доверяют. Если человек объявляет, что «ошибочка вышла», то тот, кто совершал таинство, не таинство совершал, а ошибку.

Есть, конечно, запасной путь: и не начинать! Не креститься, не венчаться! То есть, любить-то любить, но без крайностей. В дверь не проходить, а в комнату всё-таки жить, но так... в уголочке...

Если жить в чулане души своя — попытка ускользнуть от социального контроля, этому самому контролю подыгрывающая, признающая его неодолимость, то жить с Богом и людьми в вечном «на пороге» — попытка ускользнуть от самоконтроля. Впрочем, и от социального тоже — ведь другие верующие тоже «социум».

Если вспомнить, что «контроль» это на многих языках, а главное, по смыслу, ещё и «власть», то избегать контроля вовсе не преступление, а просто свободолюбие. Бог милостив, снизойдёт к нашей слабости — а впрочем, почему «слабости»? Это наша сила — не пытаться контролировать жизнь, любовь, дружбу?

Бог милостив. Он уже снизошёл. Как говорят в голливудских кино, «это и была вторая попытка, сынок». Таинства — это как раз часть Божьей милости. Вера проверяется тем, насколько таинства — это и есть та самая свобода от контроля, от инфантилизма, от садомазохизма, вольная воля быть на равных со всем миром. Во власти и контроле ничего таинственного нет. Да, это означает, что в истории Церкви бывало много таинств, которые вообще таинствами не были — по сути, а были просто кощунственным злоупотреблением обрядом. Что хуже, это означает, в любом таинстве, с самым искренними, набожными, святыми участниками, всегда есть какая-то доля не таинства, а кощунства. Но вновь: в том и таинство, что это доля уничтожается, преодолевается и даже преображается силой Духа Божьего.

Остальные три таинства — покаяние, причастие, елеосвящение тоже своего рода двери. Только таинства, вводящие в новую — об-

щечеловеческую — жизнь, похожи на двери, открывающиеся внутрь, которые нельзя открыть, если изнутри кто-то их придерживает, что бывает. Эти же таинства похожи на дверь, открывающуюся наружу. Иногда пружина тугая, иногда сил не осталось, но открыть такую дверь часто тяжелее, чем совершить однократный прорыв.

Про покаяние знают все, о причащении все слышали, про елеосвящение даже верующие не все знают. Елеосвящение просто путается с елеопомазанием. Может, поэтому чаще его называют «соборованием» — имеется в виду «собор» как «собрание», собрание семи священников, которые молятся о выздоровлении больного. В Средние века это таинство стало восприниматься как последняя возможность помочь умирающему, чуть ли не как проводы в смерть. Так в Средние века и к венчанию относились в народе чуть ли не как к смерти: вольная жизнь кончилась, начинается рабство. Покаяние тоже старались подогнать поближе к моменту кончины. Жизнь по заповедям Христа воспринималась как довесок к обычной, довесок замечательный, но обременительный. Конечно, такое бремя лучше сократить до минимума.

С точки зрения Евангелия всё прямо наоборот: так называемая «нормальная жизнь» это патология уже в силу своей конечности, не дающей выполнить всё, что может человек. Только вечность — достойное человека пространство. Человек же боится вечности, потому что и от обычной жизни страшно устаёт, не сознавая, что устаёт именно от «обычности», «временности» времени, от заикленности.

В лучшем случае, покаяние, причащение, елеопомазание воспринимаются как возможность вернуться к нормальной жизни, «подзарядившись» у Богу. Но когда апостол Пётр предал Иисуса и покаялся — он разве вернулся к началу своих отношений с Христом? Он переступил порог, он вошёл в новый мир, где предательство невозможно.

Соборование — это ведь не просто «возвращение здоровья», и далеко не всегда это возвращение здоровья. Побывать в реанимации и вернуться обогащённым жутковатым опытом, всякими там видениями и т.п.? Нет, это как Достоевский — оказаться перед расстрельной командой и вдруг получить помилование.

Причащение — это ведь вновь оказаться в мгновение, когда Иисус противопоставляет смерти — Себя. Не Свою силу, не Своё Царство, а просто Себя. Это жуткий, страшный момент. Точка веры — или отка-

за верить. Это не возвращение, это — двинуться в совершенно новый мир, где злу сопротивляются собой и только собой.

Не таинства чистоты, здоровья, сытости, а таинство надежды, доверия, любви.

Эти таинства кажутся противоположным первым четырём. Те неповторимы, эти должны повторяться. Крещение, миропомазание, венчание, рукоположение — переход в новое состояние. Это волна. Покаяние, причащение, соборование — это частица, это «здесь и сейчас». Но в Боге крайности сходятся. Из точек рисуется линия. Причащаться означает вновь и вновь оказываться в одной и той же точке пространства и времени, с Иисусом перед арестом. Креститься означает вступить на ту самую линию, которая состоит из этих точек. Любовь к человеку — линия или точка? Линия из точек и точки в линии. Так рисуется и становится реальностью странный дом, в котором уединение сочетается с единством, личность с человечеством, человечество с Богом.

11. СТЕНА

«Чаю воскресения мертвых».

Оживший покойник? Конечно, хождение по водам чудо, но оживление трупа даже не чудо, а просто невысказано. Невысказано, но мыслилось спокойно в течение веков. Современному человеку легче поверить в то, что Бог есть, чем в то, что покойники воскресают. Современнику Иисуса в Бога было поверить не легко и не трудно. Знание, что Бог есть, впечатывалось в него по мере воспитания, как и знание о том, что бывают ожившие трупы, не до конца умершие, беспокойные покойники. Чудо было не то, что Иисус ожил, а то, что Он ожил живым, не стал живым трупом, противным и опасным.

Прошли века. В XIX столетии впервые люди перестали считать само собой разумеющимся существование Бога и возможность оживления трупов. Религиозное воспитание стало пробуксовывать. Оно как-то само собой потеряло силу. По выражению Пушкина, «как эта лампада бледнеет пред ясным восходом зари».

Господи, это ж надо до утра глушить шампанское с друзьями! Он же не молился всю ночь, лампада болталась в углу как бессмысленная дань традиции.

Пушкин глушил шампанское и бросался на Дантеса как на амбразуру, и это не было нормально, это был какой-то странный способ проверить смерть на прочность. Гоголь ни на кого не бросался, но панически боялся быть похороненным заживо. Это был массовый психоз той эпохи. Но Гоголь же гений, он ещё и преобразил этот невроз в «Мёртвые души» как символ человечества, Перефразируя его же персонажа, «тому нечего бояться умереть заживо, кто заживо мёртвая душа».

В древней Руси гроб называли «домовина». Да и в наши дни могилы это эхо, отражение жилых домов — у кого многоквартирная крематорская стена, у кого вилла с кабинетом, храмом, телефоном. Быть похороненным заживо не боимся: а какая разница, в конце-то концов. Наука говорит, что чисто количественная. Дом стал домовиной, раз-

ница между бездушными мертвецами и мёртвыми душами стёрлась. Она и раньше-то была не велика, только прикрывалась религией.

Слепой, ощупывая хобот слона, вообразит себе пожарный шланг. Зрячий, ощупывая жизнь, видит, что наши достижения всего лишь краешек кисточки, украшающей гроб. В кинофильмах иногда покажут внутренность квартиры, а потом камера начинает подниматься, и вот уже виден дом, город, континент, планета, галактика, и в последнем рывке вся эта галактика оказывается внутри перстенька на пальчике школьницы. Эх, если бы перстенёк!

Общечеловеческий дом — это не только невидимые стены, границы между государствами, богатыми и бедными, здоровыми и больными. Это ещё и вполне материальные стены, которыми люди пытаются обеспечить жизни надёжность. Стены канцелярий и тюрем. А есть ещё стены норм и застенки правил, карцеры традиций и казематы с казармами.

В этом мире смерти высшее достижение — обустроить себе домовину по своему вкусу. Но даже если это будет домовина эпикурейца-стоика, как домик Генри Торо на берегу озера Уолден, доказывающий, что можно прожить на подножном корме, то всё равно это доказательство смертности, разделённости, неполноты.

В таком мире и религия, вера, Церковь превращаются в пирамиду смерти, в попытку обустроить внутри стен града земного гетто града небесного. Сила воскресения вращает турбины смерти. Может быть, острее всего это выражено в идее Николая Фёдорова о том, что смысл науки научиться воскрешать мёртвых, чтобы отблагодарить их, без них не было бы нас, живых. Наука, может, и научится воскрешать умерших, но при чём тут благодарность и что с этими воскрешёнными делать? Воскресший Иван Грозный останется тираном, и Ульянов, и Мао, не говоря о садистах поменьше.

Не воскресение виновато в смерти. Смерть, конечно, рада поставить веру себе на службу, но ведь не получится. В тот момент, когда верующий начинает участвовать в строительстве домовины насилия, страха, бесчеловечности, сила воскресения покидает его. Смерть вновь и вновь запрягает Церковь, но как запряжёт — а это и не Церковь, разве что её макет.

Где же Церковь? Она — Дом Божий, Город Божий, но в отличие от города смерти, чьи стены из кирпичей и уголовных кодексов, стены Церкви — из людей. Живущий в стеклянном доме не должен бросать

камни в других, живущий в Церкви прежде всего не может убивать, никого, никогда, потому что это означало бы уничтожить того, без кого Дом Церкви окажется домом без стен.

Не заповеди Божии — стены Церкви, а люди, живущие по заповедям и защищающие их. Церковь не в бревнах, но и не в рёбрах, вопреки старинному присловью. Церковь в готовности быть живой стеной. Стеной, защищающей не верующих, а всех. Стеной движущейся, словно ширмы в японских домах — чтобы никакое землетрясение не было страшно.

* * *

Стены Церкви отнюдь не складываются в стройное здание. Они всегда — лишь маленький кусочек здания, которое находится в вечности и никогда не будет «мгновение, ты прекрасно». Так и с обычными стенами, только те парадная часть кладбища, а Церковь — черновая, рабочая часть Рая.

Церковь служит обществу, напоминая о воскресении, но эти напоминания отнюдь не политическая программа, не чёткий чертёж.

Живые стены — разные. Они далеко не всегда стыкуются друг с другом. Только недавно Церковь — и то не вся — стала отвергать смертную казнь. Вообще. Как и положено Богом. А вот войну всё ещё не отвергает. Выходит, Церковь отстаёт от неверующих — пацифистов и гуманистов? Ну да, отстаёт. Стыдно? Стыдно. Но это не означает, что нужно убегать из Церкви к пацифистам и гуманистам. Наоборот, нужно видеть в пацифистах и гуманистах не просто тех, кто «близок церковным стенам», а тех, кто и есть живая церковная стена. Одна из многих. Но если не будет Церкви, то пацифизм с гуманизмом, победив смерть насильственную, умрут на руках смерти «естественной».

В современном мире Церковь ассоциируется прежде всего с материализмом. Христиане в глазах мира это те, кто требуют — как в старину — сажать в тюрьму за аборт, сажать в тюрьму гомосексуалистов, запретить противозачаточные средства, запретить разводы, запретить наркотики, алкоголь, запретить «зачатие в пробирке», запретить самоубийства, а если кто выживет после попытки самоубийства — сажать в тюрьму. «Как в старину» — это совсем недавно, в середине XX века.

Ключевое слово: запретить. Законом. Судьи, прокуроры, полицейские, тюремщики да наказывают.

Причём в результате 14-летняя девочка, забеременевшая от священника и сделавшая аборт, может получить пожизненное заключение, а священник, её соблазнивший, отделается 5 годами тюрьмы, потому что аборт убийство, а соблазнение нет, а у священника ещё и положительные рекомендации от прихожан, которых он не соблазнял.

Те же самые люди не требуют запретить войну или смертную казнь, а часто даже призывают к войне (справедливой, конечно и, конечно, справедливость эта всегда в кавычках; справедливые войны существуют лишь в святом аду) или к смертной казни. Для защиты, стабильности, безопасности, святости.

Конечно, огромное количество неверующих, атеистов, агностиков придерживаются тех же взглядов. Но с них спроса нет. Огромное количество христиан против войны, против смертной казни, против запретов, но о них не очень пишут, потому что зачем писать о тех, кто не представляет опасности. К тому же Церковь — это прежде всего церковные организации с освобождёнными работниками, с руководителями, с официальными представителями, и чем официальнее представитель, тем чаще он на стороне запретов и тюрем. Хотя бы к войнам отношение стало попримечнее!

Вопросы зачатия, рождения, секса, смерти, — это вопросы количества людей. Есть и вопросы качества — справедливость, образование, свобода, милосердие. У Церкви не очень славное прошлое и тут, потому что она не просто терпела рабовладение, угнетение, невежество, но и соучаствовала в этих грехах. Даже в современном мире самые разные — и самые многочисленные — христианские направления предпочитают общество антикварных королей и гламурных бизнесменов. Не Церковь, а Чарльз Диккенс и Карл Маркс защищали рабочих от жуткого угнетения в XIX веке (пусть Диккенс защищал их не очень удачно, а Маркс очень даже неудачно).

Где-то к середине XX столетия Церковь наконец-то стала принимать сторону рабочих, хотя ещё бичевала «теологию освобождения», путая её с террористами от марксизма. А тут как раз проблемы рабочих отошли на второй план — появился новый класс, рабочих компьютерной эпохи. Теперь Церковь не успевает за их нуждами. А как успеть, если надо ещё и менеджеров высшего звена окормлять.

Всё это выглядит довольно мрачно и навеивает мысли о том, что проблема в Церкви как иерархической организации. История эти

мысли развеивает: есть христианские движения, да и просто христиане-одиночки безо всякой иерархии, а душевное их настроение вполне инквизиторское. Инквизиционные ручейки питают море Инквизиции, не наоборот.

Что же плохого в запретах? Разве заповеди Божии — от Ноя до Павла не запреты? «Не укради», «не лги»? А вот не запреты по одной простой причине: наказания не предусмотрено. Даже ада — потому что в совсем древнюю эпоху, когда и были сформулированы заповеди, не было веры в загробную жизнь. Во времена Спасителя уже про ад знали всё до тонкости (на рай особо не ориентировались), равно как и про то, как его избегать. Но Спаситель спас тем, что перекрыл все лазейки. Даже заинтересованный взгляд на девушку — в ад. Но ад за всё — понятно, что это использование слова «ад» в совершенно райских целях.

Заповеди Божии не только не предусматривают наказания — серьёзного, чтобы хоть бы кто испугался. Они стены — но они стены с окном. Откровение Божие — это открытое окно в стене. Стен и без Бога полно, вот окон дефицит. «Не убий» — стена, воскресение — окно в стене. Если верующий в воскресение требует смертной казни — окно воскресения получается с решёткой. А это уже если не гроб, то тюрьма.

Идея сплочения, «стать стеной на пути у порока» — это не человеческая, а вполне животная идея. Человеческого в идее стены — окно. И чем больше окно, тем больше человеческого, а когда окно размером со стену — это уже Божье в людях. Мир на земле. Но сколько же стен с нарисованными окнами! Искусно нарисованными, но искусственными.

Тяжеловесная формула «социальное служение Церкви» это и есть человек-окно и люди-окна, здание из окон. В эпоху небоскрёбов это архитектурная реальность, осталось сделать её реальностью человеческой. Пусть иногда закрытое, пусть иногда открытое так, что можно только наружу выглянуть, а внутрь воздух не проходит. Хотя бы так!

Легко фантазировать о том, как человек превращается в сверхчеловека и молниеносно спасает человечество в целом и отдельных нуждающихся в частности. Вера в Христа противоположна фантазии. «Новый человек» — не сверхчеловек. Он не спасает мир — он пользуется спасением, чтобы здесь и сейчас жить как в раю. Не в смысле

балдежа и ничегонеделания, а в смысле не искушать ближних, а вдохновлять. Конечно, чтобы кого-то вдохновить, надо принять вдохновение — вот здесь и начинается Церковь как голубятня Духа Святого. И не мы гоняем голубей, а Дух Святой гоняет нас. Со стороны, возможно, интересно, во всяком случае не принимается сразу в штывы как требования запретить, посадить, наказать. Не роскошный дворец, куда мы заманиваем на условиях выполнить то-то, то-то и ещё вон то. Мы в чужом доме, и мы не «мы», а одинокий «я», усталый, недоумевающий, умирающий в прямом или в переносном смысле, но и воскресающий, а главное — хоть чуть-чуть, да воскрешающий. Помогающий, сколько можно, строить дома тут, на земле, для земного счастья, но и работающий в наличном земном доме окном в совсем другое пространство.

А что голубятня по латыни «колумбарий», потому что «голубь» — «колумб», все, конечно, знают. И колумбарий — колумбарий, потому что душа — аки голубь.

12. КРЫША

«И жизни будущего века»

Христос часто говорил о Страшном суде, причём не о каком-то загробном, а с доставкой на дом. Всё будет разрушено! Бегите из городов в горы!

Неверующие говорят: что разрушения не было, страшный суд не состоялся, христианство «отяжелело», стало жить «как все».

Было разрушение! Было и есть! Был Страшный суд, был и есть. Есть и «отяжелели», «жить как все», но христианин любой знает, что «жить как все» это предательство — и всех, и Бога, и себя.

Разрушение материального мира — такой же символ настоящего разрушения, как хлеб с вином символ подвига Иисуса. Один из символов. Преступник оправдывает себя обстоятельствами, человек оправдывает бесчеловечность средой.

Страшный суд в том, что Бог разрушает эти оправдания. Как? По-разному, но никогда не материально, потому что материальная среда одна для всех, а живут все по-разному, ведь не среда определяет душу.

Бог строит для каждого персональный апокалипсис, точно по мерке совести (бессовестности). До смерти, а не после смерти. В этом смысл крещения: умереть, принять апокалипсис и суд, а дальше — новая жизнь или новые муки. Вечные? Качественно — да, количественно — ну какое может быть количество там, где царствует качество.

Каждый человек строит свою жизнь как дом. Невидимый дом, дом психики, души, опыта. Апокалипсис — это уничтожение этого дома. С разной скоростью, конечно. Апокалипсис — не астероид, который может уничтожить всю Землю. Не планета судится, а единственный человек, и казнь начинается прежде слушания дела и приговора. Кто не чувствует этого личного апокалипсиса... Что, завидно? Значит, мой апокалипсис будет прежде всего апокалипсисом для завистника.

Господь за три года проповеди часто говорил о Страшном суде, и только накануне Своего апокалипсиса — Голгофы — сказал, что после воскресения обеспечит каждому Адвоката. «Параклит» — так на греческом называли защитника на суде, ходатая, адвоката, и так назвал Христос Духа Святого — Того, Который защитит не от врагов, а от Друга, не от ненависти, а от Любви — от Любви Божией, от Друга Небесного. Защитит, чтобы не сгореть в этой любви и дружбе. Чтобы не сгореть, надо зажечься — вот Дух Святой и зажигает. Чтобы не гореть вечно, надо гореть вечностью.

Страшный Суд совершается прежде всего над религией. Апокалипсис для верующих в апокалипсис, поэтому Иисус не говорит, что будет разрушен Иерусалим (хотя был разрушен), а говорит, что будет разрушен Храм. Религия тысячелетиями была заботой о смерти, культом умерших, поминовением покойников. Очень эгоистическим культом и очень корыстным поминовением. Во-первых, чтобы покойники были покойниками, не подымались из гробов, не беспокоили живых. Во-вторых, чтобы и себе обеспечить загробное счастье, конфетку, а не преисподнюю.

Всё это выворачивается наизнанку в культе святых. Не в том культе, который культ, снизу вверх, бесконечная дистанция, а в том культе, который общение, жизнь под одной крышей. Не страх перед покойниками, а радость от полноты жизни в жизни вечной.

Вывернутая наизнанку религия, конечно, всё равно религия. Крыша мира. Но крыши бывают разные. Символ роскошной жизни — автомобиль «без верха», открытый солнцу и воздуху. Без крыши. Идеальный дом тоже без крыши: сад, бассейн... Ну, под ними на всякий случай роскошный пентхауз, но благодаря такой крыше он оказывается всего лишь погребом или — мечта мальчиков — бомбоубежищем, где есть всё нужное для вечной жизни в адском одиночестве.

Христианство как религия и есть праздник на крыше. Пентхауз никуда не делся, просто выбрались на самый верх. Город разрушен — да здравствует небесный град! «Гора» и «город» это ведь однокоренные слова, от эпохи, когда города всегда были огорожены от врагов, а гора — прекрасная основа для ограды. Пока взберутся по склону, всех перестреляем. Не то Небесный Иерусалим — он только и подставляет себя, стелется ковриком. Как в рассказе о больном, которого

спустили к ногам Иисусу через крышу, на подстилке, разобрав настил. Пол тогда и стал крышей.

Религия как крыша это прежде всего формы, обряды, причём традиционные. Привычные ритуалы: утренняя и вечерняя молитва, воскресное богослужение, чтение Библии и книг единоверцев. Даже дела милосердия — и те должны стать привычкой, тут не надо ждать вдохновения, достаточно узнать о чьей-то нужде. Дух потом сам придёт, если сочтёт нужным, а добро сделать — само собой.

Религия порождается верой, но религия порождает суеверия. На вершине религиозной жизни суеверий не меньше, чем внизу, и они утончённее. Суеверия, основанные на материальном сходстве (упадёт нож, в гости придёт мужчина, упадёт ложка — женщина) — как же это мило в сравнении с суевериями, основанными на сложных, но всё равно ошибочных интеллектуальных построениях.

Суеверное отношение к Библии, возможно, самое распространённое из суеверий, потому что это суеверие грамотных людей. Уже научились читать, ещё не научились понимать прочитанное во всей глубине. Написано «не называйте никого отцами» — не будем никого называть отцами. Такой буквализм никогда не бывает последователен: никто (почти) не пытается вырвать себе глаз или заставить гору двигаться. Идут по пути наименьшего сопротивления, и это хорошо, зачем нужно членовредительство или горовредительство.

В религиозной жизни много суеверий, которые сами верующие ещё не осознают как суеверия. Не страшно, со временем всё станет на свои места — лишь бы суеверия не мешали любить. Так ведь мешают, этим и опасны. Может быть, самое опасное суеверие — убеждённость в том, что существуют «секты», что сектантство — свойство каких-то отдельных людей и движение, а не всеобщее искушение закрытости и агрессивности, идолопоклонства с невежеством, которое можно победить чем-то помимо Духа Святого, Духа открытости и любви. Чего стоит такой вид сектантства как закрытость науке и искусству, высокомерная и агрессивная глухота, взгляд на неверующих и инаковерующих «сверху», словно в самом деле на крыше стоишь. Крыша такого не терпит: улетит из-под ног, а человек даже не заметит в своей самоуверенности, что уже давно не ходит по воде, а булькает в болоте.

Риск впасть в суеверие велик, но побеждается не отказом от веры, а ростом веры. Вера для суеверий и Страшный суд, и Апокалипсис.

Для суеверий, не для суеверов. Суеверы тоже люди, Бог не даст им пропасть. Простейший пример: почитание святых. Может оно быть суеверием, обожествлением людей, идолопоклонство? Ещё как! Бывает ли почитание икон идолопоклонством? И бывало, и будет. Что ж, запретить? И это бывало, а результат предсказуем: одно суеверие сменялось другим. Не святые и не иконы виноваты в суеверном к ним отношении. Как и сказано в Евангелии: если глаз твой соблазняет тебя, вырви глаз. Не убивать же того, кто соблазняет! Но и про «вырви глаз», как уже было сказано, фигура речи. Не окулиста нужно, а кардиолога. Небесного, конечно.

Что нам мешает, то нам и помогает. Человек становится суевером из-за ложно понятых совпадений, из-за материального отношения к Духу. Лечится суеверность и магизм — духовным отношением к материальному. Дух — крыша Церкви. На этой крыше каждый день праздник — день рождения святого, множества святых. Праздники христианства — сплошные дни рождения.

Каждый день церковного календаря — день рождения какого-то святого. День его гибели. Именно гибели — первоначально святыми считались вообще все верующие в Христа, а память праздновали тех, кто за Христа погиб, был убит за веру. Но ведь то, что христиане умирают — само по себе мученичество за веру, какой бы «естественной» ни была смерть. По логике, нас всех надо было бы живыми в Небесный Иерусалим брать. Но как без других? Это как если бы Спаситель не рождался и не погибал, а так, с неба ручкой помахал.

Теоретически каждый день христианина — участие в праздничной вечеринке по случаю дня рождения, но только все эти вечеринки возможны только внутри Тайной Вечери. Церковный год это ежедневное повторение одного-единственного дня, и ещё не Апокалипсис, потому уже Тот Самый Вечер. Иисус вновь и вновь идёт быть судимым, а не судить, этим все и живы. Более того — за год верующий проживает всю жизнь Христа, от Пасхи до Пасхи, от Пасхи с Моисеем, когда зародилось доверие к Богу, до Пасхи с Иисусом, когда это доверие умерло с Христом и с Ним воскресло, с Ним и преобразилось, пройдя путь от Обетованной Земли к Обетованному Небу.

По форме, конечно, все праздники Церкви происходят — как и предшествующие им праздники иудаизма — от праздников крестьянских, землепашцев и скотоводов. Посев, урожай, приплод, от голода к празднику, редкому и тем более весёлому. Только в Церкви каждый

день праздник. Ничего зазорного тут нет, из земли хлеб, из хлеба дух, но в Церкви и это выворачивается — не Дух, но Плоть. Просто истерзанное, измученное Тело. Кровь издревле символ жизни, но тут Кровь — это последние капли из проткнутого гвоздями и остриями копий Тела. Скоро две тысячи лет как они капают — «в воспоминание».

Воскресение есть прежде всего воскресение памяти, в которой содержится и смерть Бессмертного, и слабость Всесильного, и все слабости и смерти человеческие. Так что на крыше Церкви довольно своеобразная вечеринка. Тайная вечеринка, в которой единственная тайна — как можно благодарить за то, за что надо просить прощения. Потому что вновь и вновь совесть отвечает нам как следователь Раскольникову на вопрос, кто же убил: вы же и убили-с. Но — Дух Божий подул... Тысячелетиями строившаяся религиозная крыша, с храмами и праздниками, обрядами и жертвами, вдруг превращается в самую удивительную и самую простую из всех возможных крыш — в зонтик, который немножко защищает от непогоды (совсем немножко), а главное — в какое-то мгновение превращается в парашют и парус и уносит в ту даль, которая и есть настоящая родина человечества.

ХРИСТИАНСТВО ПО ЕВАНГЕЛИЮ ОТ МАРКА

1. ДУХОВНЫЙ РОСТ

В Евангелии от Марка вере посвящена притча о сеятеле, начинающаяся фразой:

«И опять начал учить при море; и собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сидел на море, а весь народ был на земле, у моря» (глава 4, 1).

Чтобы к чему-то прийти, надо идти. Духовная жизнь это путь. К Иисусу приходят — и получается толпа. В греческом тексте Евангелия именно «большая толпа», «охлос». В синодальном смягчено — «множество народа». Духовный путь изначально — именно путь. Человек думает, что он первый идёт по этому пути, а ведь путь кто-то протаптывал. От кого-то он услышал, что, мол, вот такое дело... стоит сходить... Интимнейшее «верую», глубина души начинается с другого, который подсказал, сформулировал, протоптал.

У духовной жизни есть один принцип — рост. Не растёшь, значит, увядаешь. Рост бесконечный, этим духовный рост отличается от физического. Один принцип и четыре правила, встречающиеся во всех религиях. Идёшь по дороге — молись, помогай, читай, объединяйся. Все четыре правила невозможны, если человек один.

«Молиться» — это ведь не только дома, под одеялом. Это и с другим человеком. Как говорить — не только себе под нос. Не научишься говорить, замкнувшись от других. Трудно молиться, когда озлоблен на других, видишь во всех жестокую глупую толпу. Поэтому Иисус и скажет, что сперва простить, потом молиться.

«Помогать» — дела милосердия — это ведь главный принцип в походе. Ориентируйся на слабейшего, не бросай, поделись тем, что у тебя припасено.

«Читай» — конечно, это прежде всего об Откровении в букве и слове, грозе и буре, так ведь и тут невозможно быть одиночкой. Откровение пришло через других, откровение не может быть понято без других. Себя, любимого, читает тот, кто, по английской поговорке «читает свою Библию», не обращая внимания на другого.

Так что правило «объединяйся», спародированное в «пролетарии всех стран», это даже не правило, это суть духовного роста. Боязнь объединения — проявление духовного роста, самой первой его фазы, когда человек элементарно боится, что его обманут, грязными ботинками заляпают ему сердце... Конечно, обманут и заляпают, но это не повод скукоживаться в своей берлоге. Просто объединяться надо — перед Богом. Если Его нет — вопросов нет, каждый гниёт в одиночку. Но если есть вера — вперёд, к нему, с толпой — тут ведь и двое, и трое уже толпа, уже могут задавить. Причём задавить могут не верующих, а Того, в Кого веруют. Собственно, на Голгофе это и произошло. Вот чтобы дойти до Голгофы, Иисус благоразумно дистанцируется от толпы. Но после Голгофы уже совсем другая история...

Одно из самых удачных (и знаменитых) сравнений психического состояния с материальным, веры с зерном, рождается на стыке не менее контрастных миров: воды и суши, личности и коллектива.

Неважен размер воды. Тивериадское озеро две тысячи лет назад величали Галилейским морем. Критерий вроде бы простой: если маленькая лужа соединена с мировым океаном, то она море. Если огромное море от океана изолировано, то оно озеро, хотя в быту, конечно, и Каспий называют морем, и Байкал.

А как быть с душой? Может ли большая душа (великодушная) не соединяться с человечеством как целым или даже с какой-нибудь «мировой душой»? А если изолирована, то — мелкая душонка, эгоистическая?

Как бы не так. Никакой мировой души, никакого человечества не существует. Люди не суммируются, в отличие от денег. Великодушные тем и поразительно, что оно знает: все души одного размера. Про «мелкие душонки» придумали мелкие душонки.

При этом «человек не остров». Связи есть. Наивные древние (и не очень) евреи полагали, что можно выпустить из организма «всю кровь». Безусловно, нельзя — во всяком случае, доступными в быту средствами. Кровь не только в артериях и венах, заметных даже снаружи, она пронизывает весь организм мельчайшими капиллярами. Связи наши с другими людьми незаметные, но реальные, и порвать их не выйдет, даже если бы хотелось. Почему иногда хочется? Потому что кажется, что нельзя быть собой, нельзя найти Высшего, не отделившись от людей.

Вот один еврей услышал о «сыне человеческом». В единственном числе. Все — «сыновья человеческие» (кроме женщин, но женщин не исключали намеренно, а просто как-то так... само собой... ну, грешные же люди, в том-то и проблема!). Но сын человеческий — если в единственном числе — один. Придёт и всё будет ОК. Бессмертный, огромный, сияющий, всемогущий...

Услышал еврей и пришёл посмотреть — может, в самом деле сын человеческий? Конечно, теоретически он должен быть размерам с десять гор, но, может, просто он ещё в процессе созревания?

Пришёл — и прежде всего увидел, что он не один такой. На греческом (а евангелия сохранились только на греческом, а некоторые прямо на греческом и писались) — «толпу», «охлос». В русских переводах обычно застенчиво дают «множество людей». Однако, в греческом есть и собирательное «люди» («лаос»), есть «этнос», есть «демос», но тут именно «охлос». Древние греки не видели ничего плохо в толпе. Это лет двести назад, при романтиках, стали противопоставлять благородного одиночку стадам. Даже Пушкин этим грешил. К чему, грит, стадам дары свободы! Ну что делать, это он так с коллективизмом боролся в самом себе!

Состоит толпа из последовательных эгоистов, которые думают лишь о себе. Каждый настолько поглощен собственным спасением, что не заботится о Спасителе, теряет способность соображать: задавишь ведь Того Самого, Которым восторгаешься. Можно сказать, что виноват Иисус: почему не нашел места попросторнее. Так ведь эгоизму везде будет тесно! Поставь его на облаках перед тронем Создателя, так он на трон заберется и попросит Создателя подвинуться. Бог сотворил мир достаточно большим, чтобы всегда человеку виделось впереди пусть маленькое, но все же свободное пространство. Что свобода эта не для меня припасена, а для другого, — такое понять можно, только если уже спасен от эгоизма. Получается замкнутый круг, который Иисус и разрывает, пересаживаясь в лодку. Или возносясь на небо.

Человек и толпа, народ, человечество — как суша и моря. Если не будет моря, то суша будет безжизненна, хотя если море затопит сушу, то человечество тоже немножечко погибнет, все вместе и каждый в отдельности. Да, толпа дело такое... Чтобы толпа не устраивала давку, каждый отдельный человек в толпе должен быть очень высоко развитой личностью. Тут этого нет — высокое развитие не условие

спасения, а результат. Да и результат — это сильно сказано... условно... Что ж, Бог — педагог. Поэтому Он не кричит — «стройся!» «тихо!» — а находит чудный компромиссный вариант: садится в лодку и разговаривает с людьми, отделённый от них узкой полоской воды, которая как ров между осаждающими врагами и замком. Просто бывают осаждающие враги, а бывают осаждающие друзья.

Толпа, конечно, небольшая, иначе просто не было бы слышно. Но ведь и двое и трое — толпа, при определённых условиях. Адам и Ева — были люди, а стали толпа. Иисус хочет проверить противоположную процедуру. Но для этого нужна одна малость — вера. Штука странная и, скорее, невозможная. Так ведь и зерно, если вдуматься, штука странная и, скорее, невозможная, а ведь зерно случается. Собственно, и сеятеля не нужно — растения превосходно размножались семенами, спорами и зёрнами задолго до появления людей. Так что сравнение веры с зерном не так оригинально, как сравнение Бога — с сеятелем. Вера не то чтобы не растёт сама по себе... Растёт, конечно.... Только это несъедобная, а часто и ядовитая вера, суеверие. Чтобы стать сеятелем, сперва надо стать одомашнивателем — одомашнить дикие растения. Чем Бог и занимался несколько тысячелетий, дольше, чем люди занимались одомашниванием растений. Так что откровение о вере, откровение о человеке как носителе веры — вторично по отношению к откровению о Боге как о Том, кто одомашнивает человека, возвращая его потихоньку из дикого состояния в естественное. Дикое состояние — это когда человек у себя дома, естественно же для человека быть дома у Бога, даже если при этом Бог всё равно наособицу, словно ты на суше, а он в лодке. Но если Бог не наособицу, то разве это Бог?

2. ВЕРА И ВЕРОВАНИЯ, ФАРИСЕИ И ФАРИСЕЙСТВО, ЗАКОН И КРЮЧКОТВОРЧЕСТВО, БИБЛИЯ И БУКВОЕДСТВО

«Собрались к Нему фарисеи и некоторые из книжников, пришедшие из Иерусалима,» (Мк. 7, 1).

Вера не может не сопровождаться сомнениями в себе, в существовании Бога, в том, что Бог таков, каким Он открывается вере. Слава Богу за такие сомнения! Вот сомнениями в других людях вера не должна сопровождаться — иначе она превращается в фарисейство. Более того, на любые сомнения в вере лекарство — вера, а не закон. Иначе вера превращается в законничество.

Именно об этом слова Бердяева: «Хороший писатель превращает слова в плоть, плохой превращает плоть в слова». Фарисейство и законничество не случайно идут рука об руку с буквализмом, причём самым скверным буквализмом, когда из Святого Духа изготавливают святейшее бездушие.

Неверующие — современные неверующие — любят обвинять верующих — современных верующих — в таком бездушии, и неверующие говорят правду, только не всю правду. Всю правду говорит Христос, когда к нему из Иерусалима приходят фарисеи и грамотеи (Мк 7, 1). Буквально, «грамотеи» — так по-гречески называли толкователей Закона, тех, кто помогал древнему обычному праву оставаться правом. Юристы, правоведы, иногда и законодатели, — в те времена это были достаточно смежные специальности.

Фраза звучит угрожающе, если помнить о Голгофе. Вполне возможно, что евангелисты как раз и хотели дать предупредительный сигнал: вот, мол, когда начинался крестный путь... Фарисеи наступают... Однако, так: либо это литература — и тогда к реальной жизни это всё не имеет отношения. Либо это Слово Божие и адекватный исторический источник — тогда кто сказал, что к Иисусу пришли именно те фарисеи, которые потом стали плести заговор? Вообще жизнь обычно нелогична, и распинают обычно не те, с кем спорили и

ругались до хрипоты. Распинают те, кто никуда не ходит — к распинающим приводят под конвоем. Фарисеи пришли — это одно их положительно характеризует. Им — интересно. Они говорят с Иисусом на одном языке. С Каиафой, Анной или Пилатом разговор абсолютно не шёл. Можно предположить, что фарисеи не пришли и сразу набросились с упрёками, а пришли и сели с Иисусом чай с блинами гонять — а почему они вдруг стали пенять ученикам, что те руки перед едой не моют? Увидели! Вдоволь поругались, а потом Иисус пошёл и с несчастной язычницей разговаривал совершенно по-фарисейски. Разница между Иисусом и фарисеями не в словах, а в делах.

Спор, впрочем, разгорается нешуточный: как мыть руки. Любопытно, что фарисеи не обвинили самого Иисуса в том, что Он неправильно моет руки — обвинения адресовались только ученикам. Вряд ли ревизионная комиссия проявила деликатность, скорее, манеры Иисуса её удовлетворили. Не исключено, впрочем, что пришедшие просто боялись — они ведь пришли в совершенно особую часть страны, ещё точнее — пришли посмотреть на Иисуса, а смотреть можно было только в окружении тех, кто Иисусу симпатизирует.

Так и тянется этот спор по сей день. Самый простор способ разрешить этот спор — попросту заявить, что руки мыть вообще не надо (так поступают атеисты) или заявить, что каждый может мыть руки, как ему нравится. Последнее — очень недурная позиция, при условии, что человек не будет никому пожимать руки. А если будет, то мыть руки надо тщательно. Речь ведь идёт не только о собственном, но и о чужом здоровье.

К счастью, сравнение религии с гигиеной всего лишь сравнение. Все попытки приравнять религию к лекарству, которое непременно нужно принимать, или хотя бы к чистке зубов, стоят на негодном фундаменте — предполагают, что можно пожертвовать свободой ради Бога. Между тем, свобода настолько важна, что Бог предпочитает пожертвовать Иисусом, но не свободой.

Свобода верить и не верить, мыть руки и не мыть руки, соблюдать заповеди и не соблюдать, читать Библию с умом или читать Библию без толку — святое дело! Даже свобода убивать — ну, не святое дело, но всё-таки пусть будет! Что не означает, конечно, у окружающих нет свободы убить тебя, убившего. Но ведь и у окружающих есть свобода убить тебя даже, если ты не убивал. Только свобода убить, помноженная на свободу убить, даёт не двойную сво-

боду, не абсолютную свободу, а даёт рабство, страх и небытие. Нужно умножать свободу не убить, свободу любить, свободу творить на аналогичные свободы у других.

Фарисейство не случайно ходит рука об руку с буквоедством. Проблема не в том, что «каждый читает свою Библию» — есть такая протестантская поговорка, осуждающая эгоцентризм в тени Священного Писания. Проблема в как раз в том, что трудно читать именно «свою Библию». Боговдохновенность Библии не в том, что Бог сумел создать текст, одинаково понятный для всех, а в том, что Бог говорит с каждым читателем Библии. Библия без Бога — балет без музыки. Так ведь не слушать Бога, забивать Бога своим речитативом может не только отдельной взятый эгоист, но и коллектив. У коллектива это даже лучше получается, как и танец маленьких лебедей у одиночек плохо выходит. Одиночка умрёт, а коллектив танцует и танцует. Правда, одиночка воскрес, а коллективу это не дано, вот коллектив и отыгрывается здесь и сейчас. Только, конечно, не всякий одиночка воскресает... Вот и стоит человек перед выбором — в кого и кому верить, перед едой с кем мыть руки и в каком направлении читать Библию — от Бога к людям или от людей к Богу.

3. ПУТЬ: МИСТИКА, ДУХОВНОСТЬ, ЧУДЕСА

«Как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицем Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою» (Мк. 1, 2).

Эта фраза в евангелии от Марка — вторая по счёту, у Матфея и Луки — почти что в середине текста. Точнее, у Марка многие историки считают эту фразу слитной с самой первой: «Евангелие прозвучало как написано у Исайи: вот, я посылаю». Кстати, у Марка именно «Исайи», хотя цитата из другого пророка. Ошибка из тех, которые подтверждают подлинность древнего текста — фальсификатор бы удосужился проверить. А тут вдохновение, главное бы успеть сказать, проверять недосуг, подумаешь, имя перепутано...

Слово «путь» в тогдашнем языке такое же важное, как «вероучение», «догмат», «религия», «вера» в языке современном. Только в европейской культуре слово «путь» ещё в древности стушеввалось, оказалось погребено под более сложной и разветвлённой системой описания религиозной жизни. В XX веке европейцы радостно восторгались тому, как у китайских древних мудрецов хорошо — «путь Неба»! Не какое-то тяжеловесное «ве-ро-уче-ни-е». Так ведь «путь Неба» это совершенно в духе Иисуса — «Я — путь». «Царство небесное» — это ровно то же, что «воздушный замок».

Есть в русском языке неопрятная калька с английского: «дорожная карта». Этот оборот сменил наскучившее «подробный план». Неуклюжее выражение — грамотнее было бы сказать «карта маршрута». Но слово «дорога», видимо, языку дороже. «Путевой лист». Если это выражение помогает продвигаться к миру — ну и ладушки.

Этот путь — отнюдь не радиус, ведущий к центру. Такое сравнение очень популярно у многих людей, для которых вера начинается с духовности и духовностью заканчивается. Ещё, может, немножко мистики — или множко. Путь, каким его видел Иисус, это, скорее, центр, движущийся к окружности. Не люди к Богу, Бог к людям. Путь загаженный, путь в завалах и ухабах. «Духовность», «мистика» при таком взгляде — это не что-то неосязаемое, это бульдозер. Таков

Иоанн Предтеча — он расчищает путь Иисусу, сметая всё, что перед ним. Кто не спрятался — Иоанн не виноват.

В отличие от бульдозериста, Иоанн не кричит «расступись!», он кричит «покайтесь!» Это, скорее, призыв лечь под бульдозер, чтобы потом встать новым человеком. Путь Иисуса состоит из покаявшихся людей, как мощёная дорога — из булыжников. Что общего у покаяния с мистикой и духовностью? А что между ними разного? Если мистика и духовность не ведут к покаянию, то они и не мистика, и не духовность, а пустая трата времени. Если покаяние не ведёт к мистике и духовности, то это просто комплекс неполноценности.

Что такое мистика и духовность? К догматам и религии они относятся как содержание к форме, а вот к вере — как форма к содержанию. Страшная проблема Средних веков — что мистика и духовность считались уделом немногих, что было нормально веровать, никогда в жизни не пережив таинственной («мистика» — от греческого «тайна») встречи с Богом не как с Творцом, а как с Тем, Кто Рядом, Кто движется в твою жизнь, заполняет её. Духовность — ответ на мистику, полевкусие (а иногда похмелье) мистического опыта, попытка его осмыслить и законсервировать. Законсервировать в лучшем смысле слова.

Явления очень похожие, но достаточно указать одно различие, чтобы стала ясна несводимость их друг ко другу: мистика не читает книг, разве что пишет, духовность предпочитает именно читать. В этом смысле мистика и духовность соотносятся как своё и чужое, внутреннее и внешнее. Иоанн Предтеча — безусловный мистик, а вот его слушатели — люди духовности. Он говорит, они вслушиваются (духовность вслушивается, душевность слушает, дьявольская разница). Мистик вошёл в темную тишину и оттуда гудит как колокол — словно Царь-колокол установили на царь-паровоз — а духовность вслушивается и соображает, куда едет поезд.

Мистика — вдохновлена Богом, духовность — вдохновляется мистикой. Библия боговдохновенна, всевозможные набожные книги в лучшем случае — духовны, и в сравнении с Библией самые великие мистики всего лишь передовики духовности. Только надо понимать, что «Библия» — эта не буквы Библии, как «дух» — это не воздух.

Иоанн Предтеча готовит будущее, но не знает его. Это вообще характерно для настоящих пророков, библейских пророков. Они не предвещают будущего, они предвещают Того, Кто в будущем. Они не

описывает Его, они тормозят тех, кто с Ним должен встретиться. Это и есть «приготовить путь Богу». Сам Иоанн не знает, кому готовит путь — он ждёт. Он знает, что Тот будет неописуем — но, когда Иисус приходит, он узнает Его. Не потому, что они родственники, кузены, ровесники — вопреки этому. Только мистик способен узнать в брате («братом» в ту эпоху, да и позже, называли и двоюродных братьев) кого-то великого, кому недостойн ботинки чистить.

Когда Иоанн описывает Машиаха как обладателя этих самых ботинок — это хороший пример того, что называется «апофатическое богословие». Описание Бога через отрицание: не такой, не такой, не такой. Не что-то, а ничто, не кто-то, а никто, не свет, а отсутствие света, и так далее. Есть и «катафатическое богословие», описание Бога по Его свойствам — для Иоанна это, прежде всего, описание Машиаха как грозного судьи. Общего у двух богословий то, что они оперируют символами и аллегориями. Что делать — ведь Бог иной. Так что, когда Иоанн говорит, что у Мессии в руке лопата — это не столько богословие, сколько бого-аллегория.

Когда современный человек читает Евангелие, его могут утомить чудеса. Неужели было нельзя обойтись без них? Как бы Воскресение Христово переварить, а тут ещё надо переварить короба с умноженным хлебом и жутко пахнущими вялеными рыбами?

Евангелисты не называют чудеса чудесами, они называют их «знаки». Дорожные знаки, понятное дело. Понятно, почему чудеса такие разные? Путь один, да пешеходы разные, каждому своё чудо. Одному воскрешение брата из мёртвых знак, другому знак — невозможность воскресить брата. Какие-то чудеса для всех — которые описаны в Евангелии уж точно, но абсолютное большинство чудес совершаются лично, персонально для тебя, любимого, и не смей никому о них рассказывать — как не смей переставлять дорожный указатель. Тебе был поворот направо, а другому решительно в другую сторону. В конце концов, главное чудо — это сам человек, для всех указатель, а для Бога — путь.

4. БОГ — ОТЕЦ ВИНОГРАДНОЙ КОСТОЧКИ

«И начал говорить им притчами: некоторый человек насадил виноградник и обнес оградой, и выкопал точило, и построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился» (Мк. 12, 1).

Кому Бог не создатель того, что нас кормит, тому Бог и не Отец. Примечательно, что в евангелии от Марка нету и молитвы «Отче наш», и длинной беседы о Боге Отце, как у евангелиста Иоанна. О Боге как об Отце довольно странное заявление — мол, если вы не будете прощать людей, то и Отец Небесный вас не простит. Однако, позвольте, какой же Он тогда всемогущий?! Пущай простит меня полюбому, Он же Бог! Ага, щас... простить, и отпустить, и догнать, и ещё раз простить и вручить тебе автомат с пистолетом...

Символ веры не случайно первым ставит слово «единый». Вот притча о винограду — это ведь кажется, что притча об одном из виноградников, а на самом деле мир этой притчи похож на планету у Сент-Экзюпери в «Маленьком принце». Никаких других виноградников нет во вселенной, вот этот один-единственный. Между прочим, далеко не все, кто веками повторяли слова Второзакония «слушай, Израиль, Господь Бог — единственный Господь», считали, что Бог один. Бог — первый, а не единственный, боги окружающих народов тоже вполне боги, только не для нас. В том-то и соблазн — поклониться не Богу Авраама, а Богу Саргона или богу Маркса-Ленина-Сталина...

«Верую, ибо это абсурдно» — именно о единстве Божиим. Ну зачем нужен виноградник, если более никого нет? Зачем обносить стеной, если за стеной ничего и никого, а это именно так? Живи и жуй виноград, вот и всё. Один Бог! Откуда только филлоксеры берётся... Так начинается проблема «оправдания Бога» — когда виноградники преуспевают в искусстве объяснения, почему урожай вышел плохой. Или, что ещё хуже, не преуспевают, а попросту валяются и ничего не делают.

Притча о винограднике — не о винограднике. На это указывает упоминание башни. Никаких башен в виноградниках не ставили, хотя особо набожные персоны умудрялись что-то такое придумать. «Точило» — это да, это довольно дорогое устройство, его можно видеть и на египетских фресках, и на римской мозаике в Франции, мозаике II века после рождения автора притчи. А вот башен не было, да и ограды не всегда были нужны. Тут притча повинуете богословию — башня это символ Храма, и ограда — символ заповедей, чьё выполнение защищает верующих от смерти. Сколько же людей считают, что они спасены от смерти, чтобы сеять смерть!

В современном мире наименование Бога отцом кажется немножко агрессией против женщин. Почему не мать? Вон, и Дух Святой в Библии женского рода, и про «утробу Божию» пророки говорят, а «утроба» это «матка», так что ж, значит, Бог и мать? Да не мать, и не отец, мать вашу, но надо же выбирать выражения! Приходится выбирать, чтобы что-то сказать, и выбрать «отец», а не «мать» — вовсе не мачизм, не гордыня мужская.

У психологов есть выражение «достаточно хорошая мать» — которая не давит в себе материнский инстинкт, обеспечивает ребёнку базовый опыт любви. А «достаточно хороших» отцов не бывает, и отцовского инстинкта не бывает, а вот извращений отцовства — сколько угодно. Да, эти извращения могут, как верно заметил Фрейд, проецироваться на Бога. Фрейд в этом смысле истинный иудей — отчаянно боролся с идолопоклонством, самой страшной разновидностью его, когда кумира делают из истинного Бога. Бога могут представлять идеальным отцом в обоих смыслах — и идеального хорошим отцом, и идеально плохим. Отцы-то всегда недостаточно хороши...

Что ж, пожалуйста — владелец виноградника. Между прочим, как и в других притчах о царях и богачах, образ даже не двусмысленный, а однозначно саркастический. Только идиот доверяет виноградник таким работникам, а потом ещё жертвует сыном в надежде, что те не такие плохие, как кажется. А раздавать таланты балбесам — нормально? А звать на свадьбу бомжей?

Учёные отмечают, что такие притчи рисуют ситуации, характерные не для евреев, а для греческих и римских оккупантов Израиля. Живёт человек в Риме или в Афинах, а денежки-то от виноградника в

Палестине, за который он кровь проливал (не свою) — капают, капают... Процентики с талантиков сыпятся...

Что ж, значит, притча точна. Бог, действительно, иностранец. «Сами мы не местные». Иностранцы смешны — и Бог смешон. Это называется «трансцендентность». Ну смешно нам всё, что выходит за пределы нашего ежедневного опыта! Провинциалы-с! На том месте, где человек встречается с Богом, словно встречаются для исполинских материковых плиты, из которых состоит земная кора. Где встретятся — там землетрясения и вулканы, там горные складки километровой высоты. Таковы и все слова, описывающие Бога — они беканье и меканье, описание неопишуемого, картографирование цунами и рисование землетрясений. А что делать — надо! Иначе не выжить с Богом, а лучше выживать с Богом, чем жить без Него. Что работники из притчи решительно отрицали.

5. К ТВОРЦУ НАДО ПОДХОДИТЬ ТВОРЧЕСКИ

«Вечером того дня сказал им: переправимся на ту сторону» (Мк. 4, 35).

Рассказ о том, как ветер и волны повинуются Иисусу, следует за рассказом о том, как Иисусу не повинуются люди. Бог распоряжается стихией, но не людьми. Природа равнодушна к Иисусу, ветер просто по морю гуляет и апостолов потопляет. Люди же ломаются к нему, да не за поучениями, а за исцелениями. Ради своего блага каждый рискует затоптать не только соседа, но и ту самую золотую курицу, которая несёт исцеления. Море человеческое... Приходится Иисусу спасаться в обычном море, разговаривать с людьми через ров, в который Он превратил Галилейское озеро.

Что Бог — Творец мира, то ли разные верующие люди по-разному воспринимают, то ли один и тот же человек по-разному воспринимает в зависимости от настроения, но можно говорить о дневной вере в Творца и о ночной. Дневная вера восхваляет Бога за гармонию творения, ночная отчаянно кричит Богу в ухо, чтобы просыпался, всё пропало, нечего храпеть, словно ничего не происходит! Или, наоборот: пока не попал человек в Освенцим, он не верует в Бога, потому что заводик по производству мармелада у него и без Бога работает, нажил своим трудом, и очень непосильным трудом, а когда попал человек в Освенцим, то он не верует в Бога, потому что заводик пропал, семья погибла, завтра газовая камера...

Бог — творец видимого и невидимого, неба и земли, говорит Символ веры. Эти пары слов — попытка в понятиях своего времени обозначить «всё». «Невидимое» вовсе не о нейтрине, а об ангелах. «Небо» — аналогично, а вовсе не про хрустальный свод небес. Только все эти обозначения быстро устаревают. На сегодняшний день наука говорит, странным образом, приближаясь к этому эпизоду Евангелия, что нету никакого неба, нету никакой земли, видимого и невидимого, а есть различные волны. Волны различного диапазона. И человек — волна, и волна — волна, и Авраам с Исааком, и Ленин с

Гитлером, и даже Освенцим с евреями и нацистами тоже волны! Разной длины, однако именно волны.

Понятно, что в мире, который весь состоит из волн, абсолютно неуместна старая байка про Робинзона Крузо, который увидел на песке отпечаток ноги и понял, что есть Пятница, так не подобает ли и нам уверовать в Бога, увидев Его отпечаток на творении! На волне отпечаток ноги не увидишь — волна только набежит и смоет и отпечаток Пятницы, и Робинзона смоет, всё смоет, благо у неё впереди вечность, в отличие от нас.

Скорее уж, уместнее другое расхожее выражение — «не раскачивай лодку». Когда Иисус «запрещает» ветру (который воздушные волны) и волнам как таковым, Он, наверное, именно это говорит. Впрочем, евангелист этих слов не воспроизводит, он воспроизводит то, что несравненно важнее — слова, обращённые к ученикам, обвинение в маловерии. Бог, оказывается, измеряет веру не количеством и качеством молитв, а количеством и качеством сна. Веруешь, что Бог — Творец? Тогда спи спокойно, дорогой апостол. Покойся, милый прах, до радостного утра! Аааа, не хочется покоиться в мире посреди бури? Боишься, как бы лодка не стала подводной? Хочется штиля, а ещё лучше штиля плюс броненосец, для надёжности?

Бог не умер, Бог спит. Бог спит у руля, пока мы нервничаем, спит всё тем же сладким сном хорошо поработавшего творца, каким заснул в субботу. Вот что значит быть Творцом — поживать в уверенности, что творение не подведёт, что оно таково, каково задумано. Единственное исключение — это человек. На нас Бог положиться не может, и поэтому посреди бури — спит, а в Гефсиманском саду — не спит сам и других будит.

Человек не Творца считает творцом, а себя, любимого. Если я не перекрещусь, гром не грянет. Если я не ударю по мячу, он не покажется. Да мяч и так катится, он и так плывёт по волнам гравитации, будучи барашком на одной из этих волн. Вся жизнь человеческая, всё человеческое творчество — это капелька на барашке на волне на океане.

Вот почему нет ничего более противоречащего креативной способности Творца, чем креационизм. Креационисты подобны ученикам, которые бы требовали от Иисуса не только повелевать ветром, но и быть ветром — дуть, наполнять паруса, попутно комментируя все свои действия. Креационист отождествляет ветер с флюгером (а

время с будильником — сказано «шесть дней», значит 8 640 минут). Креационисту неинтересен рассказ о творении, ему интересны буквы, из которых состоят слова этого рассказа. Есть ли на этих буквах за-сечки, какого они размера, запаха, вкуса... Страшно Творцу оказаться в руках у людей анти-творческих...

Бог — Творец, потому что поднял волну творения и остаётся на этой волне, не будучи ею. Все описания процесса творения в Библии — это описания не волны и не творения, а воли Творца. Не того, что и как Он делал (это неопишимо), а того, ради чего. Уж точно не для того, чтобы огорчить Дарвина! Чтобы создать Дарвина — это да. А остальное — дело самого Дарвина.

К Творцу надо подходить творчески. Совершенно не случайно среди креационистов — людей, подходящих к Творцу и Его Откровению совершенно механически — так много сторонников того, что можно назвать хард-религией, религиозностью, которая поднимает бурю в стакане святой воды и старается расширить эту бурю на всю вселенную, религиозностью воинственной, ищущей, чью бы лодку потопить, чтобы потом, конечно, спасти, загрузить на свой борт и командовать, командовать... Эта религиозность на корабле жизни мыслит себя исключительно командиром — то есть, Богом. Однако, поскольку командовать ветром это агрессивное ханжество не может, то она делает ветер оправданием своей агрессии. Результаты печальны...

Почему же Творец не остановит Своё творение, как остановил ветер? Да потому, что остановленное творение это уже не творение, а только труп творения. Если Бог остановит ханжу, крестоносца, религиозного фанатика, этих титанов маловерия, помогающих Богу мечом и бомбами, то не будет и обычной веры. Не буди лиха, пока оно тихо, не буди Бога, чтоб не быть судимым строго. Сам наладь отношения и с ханжами, и с фанатиками... Ну а если тебя бросят за борт, то что ж — там не только персидская княжна, там и Бог. Он идёт Своим путём, только, в отличие от бегущей по волнам, Он идёт не к далёким островам, Он идёт ко всем, кому грозит смерть, оставляя за спиной тех, кто грозитя смертью.

6. ЧЕТЫРЕ ЭТАЖА ТВОРЕНИЯ

«И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк. 1, 13).

Только в евангелии от Марка есть эта фраза, причём она заменяет более популярный рассказ о трёх искушениях. Не дополняет, а именно заменяет. Марк полагает, что всё понятно — типично для неумелого, начинающего писателя, у которого в тексте каждое второе звено — недостающее, проглоченное. Тем не менее, догадаться, что Марк хотел сказать, нетрудно: что Иисус — Царь, Спаситель, Машиах, Сын Божий и прочие хорошие слова. Всё это следует из перечисления триады «сатана/звери/ангелы». Сатана не может вселиться в Иисуса — в отличие от разнообразных бесноватых, которых Иисус будет лечить, в отличие от любого человека, как того же Петра, которого Иисус легко называет «сатаной». Звери не боятся Иисуса и в Его присутствии лев и ягнёнок лежат рядом. Ангелы служат Иисусу — а поскольку ангелы по определению служат Богу, то...

Для человека того времени всё предельно ясно. Ангелы падшие, животные, человеки, ангелы не падшие — вот жильцы четырёх этажей творения. Современному человеку иногда легче поверить в Бога — а как не поверить, если Бог возьмёт и коснётся — чем поверить в ангелов, хоть хороших, хоть плохих. Даже трудно сказать, чему больше противоречит идея ангелов — религии или науке. Ведь ангел соблазнительно похож на Бога. Кто-то невидимый, могущественный, вечный... Надо понимать, что в истории религии вера в духов явление куда более важное и более распространённое, чем вера в Бога, и ангелы слишком похожи на духов — духов умерших предков, духов природы. В древнейших частях Библии «ангел» — просто псевдоним Бога, хотя это иногда лишь запутывает дело. Ну вот Иаков боролся, оказывается, непосредственно с Творцом — как это может быть? А с другой стороны, искушитель — вовсе не падший гордый Люцифер, а просто варан, в наказание лишившийся ног... Боже, нельзя ли всё-

таки вписать про Люцифера, так понятнее? На него спишем всё зло мира...

Вот потому-то вера в ангелов всегда граничит с неверием в Бога, и в иудаизме, и в христианстве. Списать на падшего ангела всё, что не хочется вешать на Бога. Кстати, в книге Иова не падший ангел искушает и насылает, а лично Бог. Иов не на сатану в претензии — на Бога, в том-то и цимес, извините, если это древнееврейский и тем более, если это не древнееврейский.

Превратить ангела в анти-Бога соблазнительно интеллектуально, но есть и противоположный соблазн — превратить ангела в полу-Бога, в четверть-Бога и так далее. Соблазн в том, что при этом пропасть между Творцом и творением, между Богом и человеком затуманивается. Бог Богом, но ангелы — это вроде Бога разбавленного. Чуть-чуть, ещё чуть-чуть... Разрабатывается иерархия ангелов, и вроде бы даже самые высшие не боги, но, как бы сказать... ну они так высоко-высоко!...

Между прочим, Иисуса очень часто считали именно ангелом. И современники, и в последующие эпохи. Да и ждали Машиаха именно как посланца Божия — а «посланец» это и есть «ангел», «вестник». Не случайно из библейских пророков христиане взяли для рождественских гимнов про то, что Иисус — «великого совета ангел». Тем не менее, вера в Иисуса начинается там, где заканчиваются ангелы.

Принципиально, что верить в ангелов не обязательно. Российская вера в ангелов-хранителей, причём спутанная с верой в святого, покровительствующего человеку, названного по имени святого, чья память приходится на день рожденья или день крестин, — это суеверие. Не потому, что ангелы не помогают людям — хотя «помогать» и «хранить» не совсем одно и то же, а потому, что вера в ангелов сплошь и рядом заменяет веру в Бога. Так что вера развивается от убеждённости, что ангелов невероятно много и все разные, до вопроса, есть ли хоть один ангел, хотя бы такого маленького размера, чтобы уместился на острие иглы.

Лучше понять веру в ангелов можно, если сравнить её с верой в человека. Ангелы в таком же отношении к людям, в каком люди — к животным. Верить в ангела значительно легче, чем верить в существование людей. Нету людей! Есть животное, примат, которое почему-то противопоставляет себя своим сородичам по биологии, считает себя умнее обезьян, хотя ничем принципиально от них не отличается.

Вопрос уже давно не в том, сотворил человека Бог или человек произошёл от обезьяны, а в том, с какой стати мы вообще называет один вид обезьян человеком. Иногда это суеверие, иногда — у гуманистов — вера, но в любом случае это недоказуемая условность.

Так вот — есть люди! И ангелы есть! Причём ангелы не какие-то черновые, неполноценные боги, вроде как обезьяны по отношению к людям, ангелы — это те самые сверхчеловеки, о которых мы иногда мечтаем. Ангел — воплощение всех мечтаний человечества, если не считать пары мелочей, которые у нас есть, а у ангелов нет. Во-первых, секс — ну, это можно пережить, что ни говори. Во-вторых — свобода. Печально, но отсутствие свободы люди тоже спокойно переживают. Точнее, думают, что переживают, хотя все наши неврозы, включая последний невроз — смерть, есть прямой результат дефицита свободы в нашей жизни. Однако, у человека в жизни свобода в дефиците, но сколько-то всё же есть, хотя бы в теории. У ангелов же — по нулям. По определению, ангелы — слуги. Когда верующий называет себя рабом Божиим, это всегда кокетство, поэзия, психотерапевтический приём, а для ангела — реальность. Не печальная, что любопытно, как не быть человеком — вовсе не печаль и для животного, хотя по совершенно другим причинам, конечно.

Иисус ушёл в пустыню — точнее, в безлюдное место, настоящих-то пустынь около Галилейского озера нет — и позднее несколько раз уходил опять в пустынное какое-нибудь место, и там, скорее всего, тоже крутился и сатана, и звери были, и ангелы, только вот людей не было. А был Он — и значит, один человек и всё человечество, в чистом виде.

Если материя состоит — вся! — из волн, то живая материя состоит тоже из волн, из разного уровня жизни, которые объединены одним — Творцом, создателем жизни, который при этом выше жизни. Животные, люди и ангелы — не три «разряда», не три «ступени», а три, если угодно, «агрегатных состояния живого вещества», как лёд, вода и пар. Тогда и можно определить жизнь как такую материю, которая не переходит из одного состояния в другое, никогда не переходит, какие бы ни были внешние факторы. Человек, сколько его ни морозь, ни мори, ни опускай, не станет животным, и не станет ангелом, сколько его не согревай, возноси и превозноси. Человек может стать лишь дурной пародией на животного — скотиной, и дурной пародией на ангела — ханжой.

Ангелы, которых люди склонны воспринимать как слуг Божиих, служат человеку — как служат человеку и животные. Служат не как в цирке, а служат своим существованием. Животных человек ест, ангелы человека кормят — светом, силой, да просто своим существованием. Как воздух, ангелы — среда, благодаря которой Бог может докричаться до человека. Не Бог, а именно среда, вполне тварная, пусть и проходящая не по ведомству физики, а по ведомству метафизики.

Вера в ангелов — как и вера в человека — не обязательна. Вот вера в Бога... Без неё очень плохо. Однако, когда к человеку приходит опыт ангелов, это так же замечательно, как когда к человеку приходит опыт животных. Ведь животные — это не только кошечки и куриные крылышки. Животные — как и ангелы — это как птицы над морем, показывающие человеку неведомые берега неведомой, иной, полноценной жизни. Какой она будет — и какой она была — невозможно себе представить. Но сосуществовать с этой жизнью уже здесь и сейчас — вполне возможно, если ты верующий, то есть слепой, вооружённый сознанием своей правоты и поводырём Духа.

7. СМЫСЛ ЖИЗНИ АДАМА И ЕВЫ

«В начале же создания, Бог мужчину и женщину сотворил их» (Мк. 10, 6).

Адам не выходил замуж, Ева не женилась. Не было влюблённости, ухаживания, выбора.

Легче всего понять и принять отсутствие выбора. Любимого человека не выбирают, чего не сказать о самом любимом политике, которого выбирать обязательно надо.

Что в раю нет брака в привычном для нас понимании, повторено Иисус в споре о воскресении. Неверующие в воскресение предлагают вообразить весьма странную ситуацию: бездетную вдову выдают замуж за брата покойника. Родившийся от такого союза ребёнок (причём вдова может оказаться и второй женой собственного шурина) будет считаться сыном и наследником покойника, его «продолжателем». Но чьей женой будет несчастная в раю?

Иисус отвечает, что после воскресения не будет браков, люди будут как ангелы. Это часто понимают как отрицание того, что после воскресения будет любовь между мужчиной и женщиной. Однако, вопрос-то не о любви, вопрос о хозяйстве.

Вопрос изначально заключает в себе отрицание воскресения. Если вдова и её родственники веруют в воскресение, то им безразлично, остался ребёнок у покойника или нет. Ребёнок — клон отца, суррогат его воскресения, подмена воскресения. Что уж говорить о том, что это сугубо мужской суррогат — никого не волнует, если бездетна женщина.

Иисус, впрочем, борется не с клонированием (которое в патриархальном обществе зовут размножением), а с разводами. Он говорит не о том, что в раю нет брака, а о том, что брак мужчины и женщины — уникальный союз. Это даже не брак в земном смысле слова — ведь на земле «браком» называют и такие вот дикие эскапады, когда женщину передают как пробирку от одного мужика другому. Союз хозяйствующих субъектов. Какое уж тут «мужчину и женщину со-

творил их». «Дрожащего от страха исчезнуть в небытии, если не будет ребёнка, и двуногий инкубатор сотворил их».

Иисус сказал, что бездетный муж воскреснет сам, а не в своём ребёнке, тем более, не в своём племяннике, пусть даже рождённым от его вдовы. Не надо суетиться! Умерший и вдова — всё равно тот самый человек, который сотворён для вечной жизни. Никуда он не денется!

Муж и жена — одно существо, одна плоть, созданная Богом. Так что, когда Апокалипсис говорит о 144 000 обитателях рая, речь идёт либо о 288 тысячах мужчин и женщин, либо о 72 000 супружеских браках.

Если всерьёз, вопрос не в том, сколько людей будет в раю, не в том, есть ли кто-нибудь в аду, а о том, кого мы понимаем под «людьми». Каков он — идеальный человек?

Ответ библейской веры прост. Нет никакого идеального человека, и человека нет. Есть мужчина и женщина.

Трудно поверить в то, что есть Бог, да не двое — добрый следовательно, злой следовательно — а всего лишь один. Но поверить в то, что человечество непременно есть чётное число вообще невозможно.

Другое дело, что вера в Бога не от возможности допустить, что Бог есть, а от столкновения с Богом. Вера в то, что человек есть мужчина и женщина — от столкновения не с человечеством, а с тем самым мужчиной, с той самой женщиной.

В вопросе о смысле жизни вера говорит ровно то же, что говорит неверие — если, конечно, неверие, как и вера, настоящее, упитанное, мускулистое, додуманное до конца. Никакого смысла жизни нет. «Смысл» означает достижение цели. Для неверующего цель — ничто, для верующего всё — цель. Нельзя достичь всего, даже если живёшь вечно, особенно если живёшь вечно. Достижение — это не детская беготня, догнал, осалил и кончил играть. Достижение — это творение.

Чтобы достичь высот музыки, надо творить музыку, и чем более человек творит музыки, тем более вздымается её вершина. Чтобы достичь вершины любви, надо любить — а любовь это не траты, это творение, выдумывание, образование чего-то нового, так что, когда достигается то, что казалось вершиной в начале любви, впереди больше, чем позади. Это и есть вечность.

В этом смысле, распространённое среди верующих убеждение, что христианство отличается от других религий осмысленностью, это некоторая игра словами, а то и недоразумение, даже кощунство, когда воскресение считают целью. Хуже того — иногда целью считают смерть или даже ад. В любом случае, за конечную остановку принимают ухаб в самом начале пути.

Ни в чём так не проявляется неспособность человека быть собой как неспособность вообразить рай. Чего стоит выражение «райское блаженство», не говоря уж о попытках его описать. Блаженство это долгожданная встреча счастья со смыслом, которые в нашей земной жизни разлучены, разведены, заперты в разных камерах. Отлично, в раю они соединены как мужчина и женщина и составляет целое как мужчина и женщина, но разве можно это соединение описать? Музыку не описывают, музыку исполняют.

Ответа на вопрос о смысле жизни быть не может, потому что смыслом жизни может быть лишь жизнь другого человека. Ханжа или неофит скажет, что смысл жизни — Бог, жизнь с Богом, но не будем обманывать себя — Бог уступил Своё место другому человеку. В этом неправда всякого ханжества, «теоцентризма», «христоцентризма». Бог, конечно, нуждается в человеке, ведь Бог есть любовь, а любовь есть нужда. Нужда Бога в человеке есть единственно оправданный, святой антропоцентризм. Однако, именно Бог сделал так, чтобы не было ответной нужды. «Нехорошо человеку быть одному», — говорит Бог в книге Бытия, но не предлагает человеку Себя, Любимого, в вечные спутники, а творит человека, в сущности, заново — как мужчину и женщину. Только что Адам был богоподобен в своей единственности и вот он уже всего лишь черновик. Так гарантируется свобода любви. Не думаем же мы, что «нехорошо быть одному» это про отсутствие в раю интернета, что Ева вроде игровой приставки?

Нехорошо одно — быть несвободным. Во всяком случае, для человека. Животным это нормально, ангелам это нормально, а человеку — ненормально, вот в чём наше богоподобие. Свобода гарантируется тем, что человек может любить не только Бога. Это не долг, это возможность. Тогда и любовь к Богу превращается из долга в возможность, а «долг», «право», — всё это понятия, которые хороши до самой смерти, не далее.

Свобода любить Бога — в невозможности любить Бога, если не любишь людей. Сам Бог, сотворив человека Адамом и Евой, поставил

их на Свое место, и с тех пор всякий антропоцентризм есть и теоцентризм, хотя не всякий теоцентризм есть антропоцентризм. Бог отвергает тех, кто пытается прийти к Нему, минуя человека, а тех, кто идёт к людям, не зная, что тем самым идёт к Богу, Бог не отвергает — они же ведь идут к Нему. Рано или поздно познакомятся. Да и какое может быть «поздно», когда речь идёт о вечности.

Даже в вечности, именно в вечности нехорошо человеку быть одному, потому что вагон свободен, если в нём ни души, а душа свободна, если в ней есть место для всех и каждого. Однако быть одному — жизненно важно для человека. Развод, самоубийство, да любой грех — это попытка человека быть одному вопреки обстоятельствам. Первое условие свободы — мочь любить всех, а не Одного, второе — не любить никого, чтобы любовь ко всем была не вынужденной. Выполнить второе условие, конечно, трудно, невозможно, неприлично и бесчеловечно, ведь отсутствие любви это ненависть. Выход — в обращении к Богу поверх людей. Да, Бог скрывается в людях, чтобы Его нельзя было полюбить, не полюбив людей, но всё равно Бог остаётся Единственным, Одним, Единым Богом.

Любовь к людям естественна для человека (хотя мы умудряемся жить противоестественно), любовь к Богу сверхъестественна. Общего лишь то, что и любовь к Богу не есть вера в Бога, и любовь к человеку не есть вера в человека. Любовь к Богу делает веру в Бога лишней, любовь к человеку делает веру в человека невозможной. Так достигается то, что называют райским блаженством и что есть вообще-то просто нормальная человеческая жизнь — бесконечно любить, бесконечно быть, бесконечно благодарить.

8. ГРЕХОПАДЕНИЕ

«Ибо какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8, 36)

Всё грехопадение в одной фразе. Рассказ об Адаме и Еве и есть ответ на вопрос «почему у меня на душе мутно?» Только в рассказе о грехопадении «весь мир» обозначен как «добро и зло».

Эта фраза даже в каком-то смысле лучше рассказа о грехопадении. Тут нет гендера. Какая разница, мужчина или женщина приобретёт весь мир! Гендера нет, но секс вполне — очень многие люди понимают под «приобретением» изнасилование всего, на что упадёт их взгляд. К женщинам, кстати, это тоже относится. Мужчины не любят даже думать о том, что их может изнасиловать женщина, но такое бывает, ох, как бывает...

Впрочем, не будем о грустном, будем о греховном. В этом описании грехопадения нет религии, Бога, шмога. Это, если угодно, Библия для агностика. Никто свыше не запрещает приобретать весь мир, никто не искушает. Вопрос о предопределении решается просто — всё сами, всё сами. Никто дурацкими запретами не наводит нас на мысль, что мир стоит того, чтобы его приобретать. Сами решаем, что это было бы недурно.

Этот рассказ о грехопадении очень современный, прямо для метро-сексуалов или инвеститов. Никакой флоры и фауны, конкретные деньги. Заверните мне вселенную, плииз. Вопрос о происхождении зла получает такой чёткий ответ, как у Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Так кто ж убил старуху-то?» — «Да вы ж и убили, Родинроманыч!» Откуда в мире зло, откуда в мире зло... Да от тебя всё зло, паскуда! Никакого другого зла, кроме твоего желания быть владельцем мира, не существует!!

Зло, конечно, не в самом желании, а в том, что это желание осуществляется. Да-да, каждый человек владеет всем миром, не будучи главой транснациональной корпорации или президентом США. Бездомный пьяница и пьяница домовитый, трезвенник с трезвенницею,

лауреаты нобелевских премий и лауреаты премий шнобелевских... Грузчики и кассиры, программисты и полицейские, богатые и бедные, средний класс и деклассированные...

Рассказ о грехопадении был ответом на вопрос, который задавали не цари или богачи, а «обычные люди». Пастухи и купцы, кузнецы и каменщики, а так же их жёны, дети, соседи и знакомые. Не александры какие-нибудь македонские. Люди, которые принципиально против больших денег, которым нужно всего ничего — здоровье себе и близким, жить долго и счастливо, никого не обижая, чужого не надо, своего отдадим, потому что отдавать полезно и даже приятно... В общем, немного тёплого овечьего помёта, бестолкового овечьего тепла и спичку, можно без девочки, хотя с девочкой лучше.

Вот это и есть самый страшный — нет, не обман, никого мы обмануть не можем — а самообман. Не в силах реально купить весь мир, мы делаем «всем миром» то, что смогли купить. Из космоса — в греческом оригинале Евангелия именно «космос» — мы изгоняем себя в планетарий, которые сами и строим, и уверяем себя, что потолок нашей квартиры — это и есть кантовское звёздное небо, а кухня с микроволновкой — наша совесть. Но это ведь тех же адамовых щей да пожиже влей. Просто наличное выдают за желаемое, зелёную виноградину — за галактику. Но ведь хочется-то галактики! И правильно хочется, потому что — человек, а не таракан!

Можно (ну, будем надеяться) установить на планете вечный мир, обеспечить каждому недурной прожиточный минимум и чтобы каждый умирал в триста лет абсолютно здоровым, но нельзя изъять из человека проклятой перепутаницы личного с космическим. А как её изымешь, когда личность действительно космична. Человек — это звучит гордо! Не то что «Бог», Который совершенно не космичен. Бог по отношению к космосу даже не как художник по отношению к картине. Бог потому и Бог, что в отношениях не состоит вообще. Если художник не создал картину, так он вообще не художник, а если бы Бог не создал космос, то всё равно был бы Богом.

Бог не может не быть Богом, человек может не быть человеком. Именно расчеловечивание и есть суть грехопадения. Бог не космичен, человек космичен, но человек теряет свою космичность, когда пытается присвоить себе то, что ему подарено. Проблема зла — это проблема скряги, который тащит в свой дом то, что должно быть в саду, и не всегда в своём. Не в силах овладеть космосом, мы создаём свой

личный маленький космос, как для туристов создают модельки Венеции, Парижа, Иерусалима. Только туристы не пытаются жить в этих моделях, а мы — пытаемся. Смоделированная вселенная обозрима и подконтрольна. Человек меняет подлинное на управляемое. Потому что боится, что неуправляемая вселенная погубит его? Да его губит стремление всё контролировать — именно об этом Иисусово «кто будет всё контролировать, погубит себя». Даже смерть не так ужасна, как контроль над тем, что не должно быть контролируемо. Почему? Потому что контроль — это рабовладение, это антисвобода.

Грехопадение не в том, что человек захотел быть богом. Прямо наоборот — человек захотел перестать быть богом. Потому что образ и подобие Божие в человеке в том, что человек может быть свободным сам и быть в мире со свободой мира. Бог ведь не контролирует мир. Его всемогущество не в кукловодстве, а в любви, свободе, творчестве. Свободный творит свободных. А определяется свобода просто — свобода есть возможность не быть свободным. Несвободный человек прост и предсказуем — он занимается уничтожением и самоуничтожением. Свободный человек непредсказуем никем, даже Богом, это и есть рай, вечная жизнь и блаженство, а не арфы с крылышками и не обжирание за столом от Альфы до Центавры.

Свобода не есть что-то самостоятельно существующее. Как и любовь, свобода есть лишь функция, производное, характеристика отношения двух живых существ. Это не всегда заметно, потому что в языке есть ещё слово «свобода», обозначающее пустоту, отсутствие. «Свободное сиденье». Это, конечно, всего лишь метафора. Свободное сиденье вовсе не свободно, оно мертво. Свободным оно становится, когда не него садится свободный человек. Тогда оно будет свободно, хотя и занято. А если сядет несвободный, то оно станет несвободным (и занятым тоже, конечно).

Грехопадение в том, что человек уходит от занятости свободой к занятости рабством. Не путать с властью. Бог не всемогущ (поскольку свободен), но Бог всевластен. Грехопадение не лишает человека властности. Как лишить — человек без власти обречён на быструю и мучительную гибель. Однако, человек, который внутренне или внешне несвободен, с трудом справляется со своей способностью властвовать. Его вновь и вновь заносит в господство — реальное или мнимое. Вот и весь ответ на вопрос, откуда в мире зло: от власти, из которой вынута обратная связь и творческое начало, так что власть

превратилась в господство. «Творческое начало» не слишком часто упоминается, а зря. Без него легко скатиться в мазохистское «служение», слепое, манипулятивное прислуживанье другому, развращающее и того, кто выслуживается, и того, кому прислуживают.

Космосу, конечно, наплевать на желание человека над ним господствовать. Не потому, что космос большой и сильный — он никакой — а потому что он бесчувственный. Зато другим людям приходится кисло, да и самому манипулятору несладко. Бог приходит на помощь — изгоняет из рая. Единственный способ помочь человеку, вставшему на путь господства — дать ему двойную, тройную дозу свободы, творчества и любви. А как увеличить бесконечное? Только уменьшив то, в чём бесконечное совершается. Любовь будет и в раю, но здесь, в конечном пространстве земной жизни, любовь из заурядного райского явления становится чем-то исключительным. Творчество и в раю творчество, но тут, на земле, оно есть ещё и условие выживания, сохранения себя как человека. Свобода, которая в раю вообще вряд ли осознаётся как нечто особенное, в мире борьбы за господство становится мощным лекарством от жажды этого самого господства, грызёт человека изнутри и мешает до конца оскотиниться.

Проклятье человека — что каждый человек владеет всем миром. Мысленно владеет, но владеет. Благословение человека — что реальный мир стучится в его душу, стучится через существование другого, через нужду, через болезнь, через смерть. Стучится, чтобы человек очнулся и от борьбы за победу, от делёжки пирога вернулся в пекарню и вышел оттуда в жизнь вечную — пусть не с чистыми руками, зато в руках кусок свежеиспечённого хлеба, книга, мысль, чувство, которых не было никогда и которые появились из того ничего, которое рвётся к жизни через душу человеческую.

9. ОТ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДО МИЛОСЕРДИЯ — ОДИН ХРИСТОС

«И сказал им: замечайте, что слышите: какою мерою мерите, такою отмерено будет вам и прибавлено будет вам, слушающим» (Мк. 4, 24).

Религия и наука смыкаются в предположении, что мир измерим в принципе, что измерения необходимы, что есть некое единое поле взаимодействий. Брось камень в воду, кобыла махнёт хвостом. Убьёшь комара, в следующей жизни будешь комарихой. Е равняется эмце квадрат, око равняется оку, отливаются волку овечьи слёзы. Мне отмщение и Аз воздам, глаголет Господь, глаголет, глаголет, только уже от этой глаголицы тошно, потому что никакого чего-то с отмщением и кармой нестыковочка какая-то получается. Лошадкидохнут, а травка всё никак не вырастает.

Известное человеку существование есть существование вне рая, существование как наказание, помещение человека в мир, где причинно-следственные связи это святое. То ли дело в раю! В раю человек определял бытие, теперь бытие определяет человека. Остались только чудеса Божии, когда среда вдруг расступается и происходит нечто беспричинное и при этом куда более осмысленное, чем всё, что по необходимости вытекает из совокупности обстоятельств. Конечно, доказать беспричинность невозможно — это означало бы доказать Бога, но радоваться беспричинности и благодарить за неё и можно, и нужно. Больше всего этому мешает не рациональное начало в человеке, а эмоциональное — многие чудеса человек не замечает, потому что принимает их за естественные события. Надо быть очень рациональным, скептическим, знающим человеком, чтобы опознать в чуде — чудо. Ханжеское, истероидное сознание видит чудо во всём, то есть принимает за чудо то, что является вообще-то наказанием Божиим — жизнь вне рая.

Учёные, конечно, тоже люди, склонны выдавать желаемое за действительное, поэтому они — если неверующие — периодически

начинают доказывать небытие. В наши дни — учёные уже не Бога небытие доказывают, а небытие человеческое. Нету человека! Есть некоторый диапазон в огромном спектре мироздания, который очень условно именуется человечеством. С этим, конечно, верующие согласны — ну какие мы люди! Козлы!! Грешники великие со грешниками!!! Так ведь учёные — не все, а особо антирелигиозно настроенные — пытаются доказать, что и смысла в человеческом бытии никакого нет. То есть, сама идея причинно-следственных связей есть пережиток детства в человеке. На ранней стадии развития человеческому ребёнку кажется, что мир создан ради него, что мир реагирует на него, но это вздор. Мир реагирует на человека так же, как вода на камень. Если в воду бросят человека, круги тоже пойдут, но не потому, что воде интересен человек, а просто по физике. Пойдут-пойдут, да и перестанут.

Так что нету никакой кармы и никакого воздаяния, а есть бином Ньютона, сероватый дождь за окном и развивающаяся где-то в лёгких саркома, не имеющая ни малейшей связи с тем, добрый человек или дурной.

Христос согласен. «Мир лежит во зле» и «мир бессмысленен» — это про одно и то же. Если бы существовала карма, Христос был бы не нужен и даже вреден. Мы живём в глупом мире, где в лотерею выигрывают миллионеры, а у бедняков крадут последние деньги, потому что деньги бедняка легко доступны, не то что деньги богача. Сказанное о деньгах относится и к справедливости. Мало того, что её нет и не предвидится, так она ещё была бы смертельно опасной. Нет, не для злодеев — для тех, ради кого мы хотим справедливости. Справедливость опасна для несправедливо обиженных, для ограбленных, для изнасилованных, для ущемлённых, в общем, для большинства людей, начиная, конечно, с любимого себя.

Справедливость опасна тем, что вместе с несправедливостью гибнет свобода. Это куда опаснее, чем гибель свободного человека. Если погибнет один человек, идеал свободы остаётся, если свобода гибнет, тогда... А справедливость исключает свободу. Либо — либо. Хуже того, справедливость исключает и всё то, что создано из свободы — любовь, творчество, саму человечность. Последовательно осуществляемая справедливость превращает человека в механизм, а человечество в компьютер, причём компьютер с единственной программой — обеспечить своё, компьютерово, существование. Представляете себе

рулетку, которая решительно борется за то, чтобы ею никогда не пользовались? От пользования ведь пользы никакой — тому, кем пользуются. Сплошная амортизация, которая есть та же агония.

Многие тысячи лет люди жили благодаря справедливости, учились справедливости и учились ей, учились вносить в мир ответственность, смысл, упорядоченность. Зуб за зуб, зубра за зубра, зарубежную поездку за зубрёжку. Справедливость и право, закон и порядок есть наш ответ страданию. Совсем изъять страдание из жизни невозможно, но можно постараться компенсировать, минимизировать страдание и справедливость тут — как очки для компенсации плохого зрения, как для смягчения смерти — лекарства, одежда, питьё и еда.

Быть справедливым огромный труд, не допускающий перерывов, требующий постоянного расширения поля деятельности, единственный труд, который обязателен для каждого человека. Без этого творчества справедливости человечество никогда бы не вышло из своей биологической ниши, так и бы оставалось разбросанными по земле крохотными группками, никак не связанных между собою, да и внутри себя. И вот, когда этот труд кое-как, через пень-колоду, с невероятными усилиями налачился, появляется Этот и устраивает клоунаду: меряйте, пол, пустотой.

«Какой мерою меряете» — это ведь не про око за око, это анти-око за око. Подставь щёку, вырви глаз, дай зуб, взойди на крест и все имение своё раздай палачам. Мера Иисуса — безмерность, прощение, освобождение. Только поэтому Он и может добавить, что у не имеющего отнимется и то, что имеет. Если у человека нет денег, то у него уже нечего отбирать, но если у человека нет жалости, то у него можно отобрать кое-что... Например, человечность. Человек без человечности это и есть ад.

После многих веков утверждения Закона явился Законодатель и поставил над Законом жирную точку. Точка известна под именем прощения, милосердия, благодати, в общем, единственный надёжный признак — чем больше отдаёшь этого, тем больше у тебя остаётся. Вот если осудить другого на пять лет, то история человечества станет на пять лет короче — включая и твою историю, а если простить другого, то жизнь каждого станет на пять лет длиннее. Если, конечно, под жизнью понимать не животное существование. Вот у животных нет ни справедливости, ни прощения, ни учёных, ни верующих, ни

богачей, ни бедняков... Вот и измерьте расстояние от себя до животных, а потом столько же прибавьте, чтобы измерить расстояние от справедливости до милосердия. А рулетку сохранить — она понадобится, когда будут измерять нас.

10. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ УБИЙСТВА ДО РАБСТВА, ОТ АВЕЛЯ ОТ АВРААМА.

«Начало Евангелия Иисуса Христа, Сына Божия,» (Мк. 1, 1).

В русской культуре «евангелие» и «новый завет» почти синонимы. К тому же оба выражения — пенсионеры. Кому-то нравятся, кому-то нет, но для всех это древность. Не седая, но с очень сильной проседью. Это нравится, между прочим, многим молодым — религия должна быть с проседью, с морщинами, кашлять и шаркать...

А у религии нет возраста и не может быть! Что неплохо символизируется безумными сроками жизни древнейших персонажей Библии. Какая разница, сколько лет было Авелю и Каину? Важно, что один молился так, что другой его убил. Без такого накала страстей до Бога не достучаться. Или история с египетским рабством. Ну кому был бы нужен Иосиф Прекрасный, если бы он был прекрасный пенсионер? Его с удовольствием купили работоторговцы, рассчитывая на хорошую прибыль — молодой и сильный, стариков не покупают. Его воделе-ла хозяйская жена — значит, ещё и красавчик. И вообще народ, который с голоду нашёл в себе силы прорваться в богатую процветающую страну — это народ молодых, старик просто лежит и помирает с голоду, а не штурмует заграждения египетские.

Религия не только для молодых, но религия — настоящая религия, а не подделки на пальмовом масле — даже стариков делает молодыми. Потому что религия, о чём и напоминают слова «евангелие», «завет» — это та же политика, тот же бизнес, только в отношениях с вечностью. Ну вот «евангелие». Вообще-то самый адекватный перевод — «манифест». Не какая-то вяло-квёлая «радостная весть», которую и не выпить и не съесть. Это гроыхающий манифест верховной власти. Пенсионеров просят не беспокоиться, речь идёт о будущем, которого у них почти нет. Речь идёт о грандиозном политическом перевороте, который делает верующего пятой колонной Бога, Абсолюта, Неба в мире земных мелочёвок и дрызг. Манифест, призывающий к активности, выделяющий средства для активности, намечающий

чёткие цели и сроки. О, старики не исключаются, но если они подключаются, то они перестают быть стариками. Тут такое закручено, что уже не до возраста.

Точно так же с «заветом». Это ведь всего лишь договор. Ты мне, Я тебе. «Я» с большой буквы, потому что завет — договор, продиктованный Богом. С тех пор, как археологи раскопали тысячелетней давности клинописные договора, стало ясно, что библейский «завет» всего лишь копирует формы времени, когда Библия зачиналась. Но форма формой, а содержаньице-то того... Никаких «одна сторона обязуется, другая сторона обязуется». «Заказчик заказывает, исполнитель исполняет». Арендодатель арендует, а мы, натурально, арендодерём. А не захотим — не берём...

Договор с Богом — это шутка. Никто не подкатывается с предложениями, от которых невозможно отказаться. Послушайте, ну вот евреи сравнивали Бога со смерчем в пустыне. Самум это вам не самурай, тут какие уж договоры-разговоры. Встречу с Богом можно называть встречей, но вообще-то это столкновение. Просто мы на первых порах недооцениваем размер Бога. Мы чувствуем себя девочкой из рассказа Куприна — в мою комнату слона привели! А на самом деле тебя в слоновник зашвырнуло. На плотике среди океана...

Неудивительно, что вся история отношений с Богом это история спасения. Обычно это понимают так, что Бог нас спасает, но вообще-то от чего нас спасать? От смерти? Ну, смерть штука абстрактная, она всегда чужая, мы её не сильно боимся, иначе бы жили сильно лучше. Бог спасает нас от Бога, конечно. Как слон спасает ребёнка, который оказался в слоновнике. Ставит на нужное место и заслоняет собой.

Если не говорить об Адаме и Еве, вся история которых это история сшибки именно с Богом, то ведь и дальше — всё про Него. Из-за чего Каин убил Авеля? Из-за Бога. Каин был ханжа, первый в мире ханжа. О, если бы Каин был атеист или просто мещанин! Тогда ему было бы наплевать, что Богу больше понравилась жертва Авеля. Да и точно ли больше понравилась? Это ведь Каин так рассказывал детям, а на самом деле ему, возможно, просто показалось. Ханжи вечно завидуют окружающим. Вот у Авеля как-то дым от жертвы шёл так, что Каин решил — о, Бог нечестный, Он моей, правильной, с трудом заработанной жертвы не оценил, а сделал из Авеля любимчика! Бог субъективен, а не справедлив!

Каин совершенно прав. У Бога есть любимчики. Ну и что? Подражай Богу — люби Авеля, а не завидуй ему. Пусть и у тебя будут любимчики. Пусть всё человечество будет в любимчиках. Тебе кажется, что любви не может хватить больше, чем на одного человека? Ты ошибаешься, скажем кротко. Но вообще-то ты просто балда. Либо любви хватает на всех, либо и этого одного ты любишь не до конца.

Если договор с Богом есть вообще-то приказ Бога, не подлежащий обсуждению, то с жертвой Богу ровно та же история — начинается-то она как жертва... Человек словно кормит Бога... От сердца отрывает... Ну, правда, иногда он от сердца отрывает чужое сердце — вспарывает ближнему грудную клетку и вырезает тёплое сердце... А всё Богу, Богу... И смотрит — понравилось Богу или нет? Неудивительно, что тут и начинается Каин со всеми его заморочками.

Богу нравится только та жертва, которая самопожертвование. Каин по злобе и зависти только сделал Авеля ещё более любимым Богу, потому что Авель не только пал жертвой зависти брата. Авель — это и самопожертвование. Потому что не надо думать, что Авель был трус или дурак, а Каин — подлец и бил со спины. Авель мог защитить себя, но — не стал. Кто-то скажет: «Ну и дурак, практически самоубийца», а по вере это — самопожертвование. Почему Иисус — тот же Авель, только Иуда, Пилат и прочие куда хуже Каина уже тем, что их много.

Только как самопожертвование имеет смысл религия как набор форм. Пост? От диеты отличается только тем, что может быть вреден для здоровья, но это не главное, а главное — пост должен быть полезен для здоровья другого. Для психического здоровья — от поста я должен быть как минимум добрее обычного. Для физического — не так важно не съесть, как важно накормить. Можно дать деньгами, коли уж придумали такое дело. Все русские православные посты фуфло перед теми тоннами продовольствия, которые неверующие западные люди шлют голодающим Эфиопии. Впрочем, верующие тоже шлют, так что всё не так уж плохо.

Церковь как храм, как кубические метры с крышей и канализацией — это ведь тоже самопожертвование. Поверьте, эти метры можно и для себя использовать! От сердца отрываем... Почему любой храм, оторванный от чужого сердца — антихристов.

Эталоном самопожертвования остаётся история с Авраамом и Исааком. Это не очень понятно сегодня, когда ребёнок, даже малень-

кий, это человек со своими правами. Для Авраама Исаак — это часть Авраама. Даже на Сарры. Авраам родил Исаака — не проблема, проблема в том, что Авраам не до конца родил Исаака. Это и сегодня сплошь и рядом, как с Абрамами, так и с Саррами. Ребёнок физически вроде бы родился, уже и женился, а то и на пенсию вышел, а для отца с матерью он всё ещё подвеска у лобового стекла их автомобиля. Любимая, но игрушка. Или нелюбимая, но часть своего тела. Самое трудное (и самое важное) в любви — дать любимому свободу, чтобы любовь не уменьшала, а увеличивала свободу любимого.

Так что, когда Авраам заносит нож над Исааком, он над собой нож заносит. Он же в Исааке видит себя, своё будущее после своей смерти. И вот это будущее рраз... Как же удачно, что в кустах оказался не рояль, а Христос. Потому что это Христос был... Всякий раз, когда мы обрываем чью-то жизнь, мы убиваем своего спасителя... Даже если это жизнь какого-то запутавшегося козла. Но дорасти до возможности дать расти другим — это не одна тысяча лет... Это история спасения — история спасения окружающих от моих неврозов и благоглупостей...

Не случайно история праотцев — совершенно особая часть истории спасения — заканчивается историей Иакова, опереттой, плавно переходящей в оперу. От «Сильвы» до «Аиды». Но это и есть вся жизнь человеческая от детства до старости. Иаков начинает с того же, с чего Каин — с зависти к брату, а заканчивает... Вы думаете, он не понимал, что глупо искать спасения в стране рабовладельческого социализма, каким был тогда Египет? Понимал отлично! Но пожертвовал собой ради детей. Ну, у детей такая блажь... В евангельской притче блудный сын сблудил, отец ждал, реальный Иаков пошёл вместе с блудными своими сыновьями и всем домом своим... Ну да, дети не понимают... Но они взрослые люди, их решения — это их решения... Я там умру? Что ж, иногда умереть там, где можно не умирать — высшее проявление любви.

И всё-таки высшим образом самопожертвования остаётся Ной. Потому что это страшно — выжить, когда все погибли. Страшно быть живым со своей семьёй, когда всё человечество перестало существовать. Но, между прочим, вообще-то это лучшее выражение любовью жизни. Всякий взрослый человек жив настолько, насколько он жив сам. Это и есть взрослость, самостоятельность, ответственность. Да-да, настоящая ответственность — когда отвечать не перед кем.

Все утонули. Когда я жив, для меня все умерли, — именно с этой точки начинается спасение, когда моя жизнь — чтобы никто не умер из тех, кто мне доверится. Тогда и смерть обретает смысл, даже если моё личное воскресение немного откладывается, чтобы другие воскресли раньше.

11. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ РАБСТВА ДО ОБЕДА. ИСХОД.

«В первый день опресноков, когда заколали пасхального агнца, говорят Ему ученики Его: где хочешь есть пасху? мы пойдем и приготовим» (Мк. 14, 12).

Верующие люди — и христиане, и иудеи — видят в Пасхе прежде всего воспоминание о каком-то событии прошлого. Или, если красивее сказать, о вторжении вечного в жизнь. Поэтому верующие с некоторым высокомерием, а то и с осуждением косятся на тех, кто празднует Пасху просто потому, что праздник лишним не бывает. Весна, зима кончилась, ура! Давай шоколадных зайцев, давай кукс с вкуснейшей глазурной корочкой, давай варёные яйца красить, да и маца с красным вином тоже недурно!! А уж про мясо и речи нет — куда ж без него!!!

А по какому поводу, что там в библиях-мимлиях написано, это дело десятое.

Обидно, да? Но ведь это действительное дело десятое!

У всех народов мира приход весны — праздник. И для скотовода, и для земледельца. Религиозный праздник? Ну, смотря что считать религией. Пожалуй, всё-таки просто праздник. Пережили зиму, не умерли с голоду. Это, между прочим, было совершенно не гарантировано в мире без магазинов и гуманитарной помощи. Весна — становится ясно, что самое тяжёлое позади, остаток до нового урожая-приплода как-нибудь растянем. И вот семейство выезжает на пикник, на свежий воздух, и там пирует.

А ребёнок спрашивает, что это вдруг. Тут и зарождается, видимо, религия, и пасха как религиозный праздник. Или не пасха — ещё раз скажем, что встреча весны празднуется в самых разных религиях.

В конце концов, это ведь не обязательно семейный праздник. Точнее, семейный праздник тогда праздник, когда каждый член семьи чувствует весну в себе. Прилив сил. Старый дуб пускает зелёные побеги, старик расправляет седые усы, мама чувствует, что она не толь-

ко измотанная рабочая лошадь, но вообще-то ещё и девушка-хохотушка, и даже пень надеется перестать быть пнём.

Появляется аппетит к жизни — лучший ответ на загадку, что сперва, яйцо или курица, закон или благодать. Нет аппетита — и кусок в горло не полезет. Есть аппетит — и сухая корка покажется...

Впрочем, почему «сухая корка»? Вот маца. Это сейчас для горожанина какая-то экзотическая еда, а для древних скотоводов это была самая нормальная еда. Единственная проблема — её не всегда хватало, но уж весной, ради праздника, как и было сказано, когда ясно, что — дожили! Скотоводу дрожжи, закваска и всё, что связано с выпечкой столь привычного для горожан пышного хлеба, — совершенно неуместно.

Так вот, на вопрос, почему на Пасху едят бездрожжевой хлеб, полагается отвечать — потому что евреи бежали от своих рабовладельцев, бежали в пустыню, не было времени давать тесту подниматься! Однако, дело сложнее, потому что Библия упоминает, что Бог велел иудеям избавиться от закваски, и тщательно избавиться. А зачем тратить время (которого якобы нет) на такое дело?

Более того, маца упоминается в Библии задолго до Исхода — Лот угощал ангелов именно мацей.

Самое простое объяснение, которое и дают некоторые иудеи, что маца — традиционный хлеб кочевников, которыми были изначально евреи. Это совпадает с мнением историков: Пасха изначально просто праздник встречи весны, а история про Исход это уже позднейшая прибавка. Так почти со всеми древними религиозными праздниками. Они в основе — празднование безумно важных для крестьян или скотоводов событий, а уж на эти события потом навесили более или менее возвышенных религиозных толкований. Ничего зазорного для религии в этом нет, как нет ничего зазорного в том, что лучшие стихотворения Пушкина писались на бумаге, изготовленной из старых тряпок, да ещё и гусиным пиром. Впрочем, и пергамент — всего лишь телячья шкура, тоже, если вдуматься, ничего возвышенного и даже немного противно...

Один иудейских толкователь считал, что, если маца и не потому, что исход и спешка, ничего страшного. В конце концов, связь с Египтом всё равно есть. Вот рабовладельцы умели делать хороший дрожжевой хлеб, так мы из принципа не будем хотя бы на Пасху есть рабовладельческий хлеб, будем свой, старинный, кушать!

Есть, конечно, отдельные вредные учёные — прежде всего, в самом Израиле, вполне себе иудеи, да ещё и прямо в Иерусалимском университете — которые вообще отрицают, что евреи были в египетском рабстве. Это, мол, легенда, вымысел, а были просто скотоводы с палестинских нагорий, которые на каком-то повороте истории спустились с этих самых нагорий и слегка завоевали города в долинах.

Что же, если не было египетского рабства, так и Бога нет? И Пасху не праздновать?!

Было бы довольно странно, если бы Бог был результатом рабства. Впрочем, для атеистической логики это нормально: религия это разновидность самообмана, самоутешения, значит, надо выяснить, какая такая была беда, что вдруг религия появилась. А Бога по любому нет.

На самом деле, если беды не было, если не было, соответственно, избавления от беды, то Бог не просто есть, а тем более есть. Иоанн Златоуст имел такую большую веру, что заметил: воскресение не так чудесно, как творение, потому что зажечь потухшую свечу, даже без спичек, одной молитвой — мелочь в сравнении с творением свечи из пустоты.

Среди еврейских пасхальных молитв есть одна с монотонным повторением оборота «и этого было бы достаточно». Если бы Бог всего лишь облегчил евреям норму их рабского труда, и этого было бы достаточно для вечной Богу благодарности. Если бы Бог всего лишь вывел евреев в пустыню... Если бы всего лишь дал заповеди...

Если бы евреи были всего лишь скотоводами, по весне выползающими на зазеленевшие склоны с бутылочкой вина, сухой лепёшкой и приправа из травок, которые растут под окошком, то и этого было бы достаточно век Бога молить. Век, тысячелетие, четыре тысячелетия, сколько будет вёсен, столько и благодарить!

Скотоводы уже давно превратились в земледельцев, хлеб научились печь получше древнеегипетского. Земледельцы уже давно перековались в программистов, генетиков и венчурных банкиров, а на Пасху по-прежнему готовят то, что готовили четыре тысячи лет — это нормально для религиозного сознания, то есть, вообще для человека.

Нормально для человека создавать традицию — то есть, не ежедневно менять мебель в квартире, а даже сохранять кое-что от прадедушки или прапрабабушки. Нормально, когда в языке есть новые словечки, нормально, когда в нём есть древние слова. Язык от этого

богаче, а не беднее. Слова для самого важного всегда древнее прочих, потому что самое важное вообще невыразимо — любовь, творчество, вера. «Высокий стиль» должен быть не стопроцентно понятным, потому что любовь не программирование, сердце не компьютер, сильно сложнее, а где сложность, там и запас для воображения.

Есть слова, точность которых в предельной ясности, двойку надо называть двойкой, а есть слова, точность которых в беспредельной неопределённости — как слово «Бог». Когда-то оно было очень определённым, обозначала конюха, неопределённость и широта достигнуты за счёт того, что буквальное значение уступило место символическому. Как и «люблю тебя» — ну какой тут «буквальный смысл»? Тут сверхбуквенный сверхсмысл! Вот «ненавижу тебя» — это очень понятно, потому что тут о смерти, а не о вечности.

К обрядам это тоже относится. Съесть кусок хлеба — жест, но съесть кусок хлеба в знак благодарности Богу — это обряд, и тут как раз архаичность становится маркёром: внимание — это не просто жест. И слова, и одежды, и жесты, — всё чуть-чуть другое, чтобы обозначить другой смысл. Так и невеста с женихом одеваются на свадьбу чуть-чуть, а всё-таки не так, как обычно.

Если бы евреи только имели землю, на которой пасутся барашки и из которой тянется к Солнцу маца, и этого было бы достаточно для молитвы Богу на Пасху. Если бы Иисус не воскресал, а просто родился бы...

Э нет! Стоп, машина. Апостол Павел как-то сказал, что, если Иисус не воскрес, то вся вера коту под хвост. Вся! Не какая-то особая «христианская вера», а и Соломон с Давидом, и Моисей с неопалимым декалогом, и Красное море, которое бесстрашно переплывает ковчег с Ионой внутри, — всё вздор и чепуха.

Потому что «и этого было бы достаточно», — красиво, но всё-таки будет откровенны: недостаточно! Человек — это прах, обезьяна, мыслящий тростник, которому недостаточно мыслить, чтобы существовать как человек, которому недостаточно мацы, вина, каре из ягнёнка, недостаточно весны, семьи, родителей, детей, недостаточно Земли Обетованной, недостаточно свободы и любви, недостаточно бессмертия, — всего недостаточно! Бога — вот минимум, на который соглашается человек, потому что человек — максимум Божий.

Воскресение Христово — не к приплоду скота, не к укреплению Израиля, не к вознаграждению праведника и гибели грешника. Вос-

кресение Иисуса — Исход из свободы, сытости, счастья к Богу, исход от Земли Обетованной в Небо, которого Бог не обещал, потому что можно поверить в Землю Обетованную, но в Небо — да ни один нормальный человек не поверит, и особенно верующий не поверит.

Человек так же не произошёл от обезьяны как небо не произошло от земли, хотя небо невозможно без земли, небо есть лишь тонкая граница между землёй и неземлёй. Человек так же не рождён для благополучия земного как птица не рождена для плавания.

Пасха как матрёшка. В ней есть память о голоде и сытости, о жизни на грани голода и о выживании ценой труда и молитв. Это самая большая матрёшка. В Пасхе есть и матрёшка поменьше — память о политическом выживании, о том, как утопия свобода становится реальностью вопреки всему, что этому мешает, и прежде всего — вопреки неготовности человека всем сердцем любить свободу, всей душой созидать свободу, всем существовать рваться к свободе. А внутри — пустота, как в Святая Святых, внутри не особо счастливое и длительное время, внутри вечность.

Когда Иисус просит есть и пить Его Тело и Кровь, это ведь тоже архаизм. Это даже самый архаичный из всех возможных архаизмов, потому что это воспоминание о той еде, которая была до всякой мацы, до скотоводства или полеводства. Это еда не ценой убийства животного или смерти зерна, брошенного в землю. Это еда — жизнь самого Бога, еда, которую не нужно готовить, и цена этой еде — любовь. Когда Иисус просит повторять Его слова «для воспоминания» — это ведь воспоминание не о том, что Он воскрес и вернулись блаженные дни умножения хлебов, исцеления тещ, хождения по водам. Это воспоминание о боли, которой было для Бога, когда человек повернулся к Творцу спиной. Это воспоминание не о том, как Бог из многих выбрал немногих, а о том, как Бог не стал никого выбирать, а Сам сделал шаг, чтобы и достойные избрания, и недостойные, сели Ему на за пазуху и перешли не Красное море, а Кровавое болото распада человечности, прошли пустыню веры и все вошли в ресторан, куда не имеет право войти никто.

12. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ ОБЕДА ДО ЛЮБВИ. ЗАПОВЕДИ.

«Иисус отвечал ему: первая из всех заповедей: слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь!» (Мк. 12, 29-30).

Две благоглупости одинаково трудно запомнить. Пушкин считал, что мы тем больше нравимся женщине, чем меньше её любим или наоборот? К учению глухо голодное брюхо или сытое?

Трудно запомнить, потому что все два (четыре) утверждения неверны. Обожравшись так же трудно учиться, как голодая. Любовь не бывает «больше» или «меньше».

Поэтому заповеди Бог даёт людям одновременно и после сытного обеда и на пустой желудок. С одной стороны, они вышли из рабства и по этому поводу подкрепились, чем Бог послал. С другой стороны, перед получением заповедей народ три дня «освящал себя», что, разумеется, включало в себя пост.

Что до любви, то заповеди начинаются с признания Бога в любви. «Люби Меня и только меня», — вот это признание в любви. Как Бог любит человека? Ну как же — «всем сердцем», «всей душой», «всем разумением», «со всей силой». Никак «меньше» или «больше». Любовь либо всё, либо это не любовь или даже нелюбовь.

Странно признаваться в любви таким образом? А когда любящий спрашивает, согласна ли любимая выйти за него замуж — странно? Он же не говорит «я согласен выйти», он просит её. Его согласие, его любовь самоочевидны. Вообще-то, если уж совсем нормально всё складывается, то никто и не спрашивает — точь в точь как Бог не спрашивает согласия Израиля. Ну смешно спрашивать у самого себя — а если любишь, то и тебя любят, и другой это уже ты сам, и заранее понятно, что вы муж и жена. Либо само собой, либо какая это

любовь! А если «больше», «меньше», то это уже даже не влюблённость, это уже разврат какой-то.

В другом разговоре на тот же самый вопрос даётся немного другой ответ: высшая заповедь в том, чтобы любить Бога и ближнего как самого себя (Мф. 22, 39). Любовь оказывается плотным клубком, в которой я сам, Бог, ближний соединены и только поэтому оказываются, наконец, свободны любить.

Все остальные заповеди, соответственно, об издержках любви. Конечно, в мире есть зло от ненависти, но всё-таки ненависть и зло лишь плесень на любви. Как может любовь заплесневеть? Да вот вторая заповедь — «не сотвори себе кумира». Конечно, это и про ложных кумиров, но всё-таки самый опасный кумир творится из того, кого человек любит. Любит, но... Ну вот Библия — очень часто бывает кумиром. Любая страница Божьего откровения может стать идолом, если её вырвут из Бога. Как и в земной любви первый признак неблагополучия — чрезмерность, нервозность. О, конечно, надо обещать достать луну с неба, но посвятить себя исключительно доставанию луны означает изменить любимому человеку. Ему же не луна нужна, а любовь. Надо понимать, где метафора, а где реальность. Некоторые творят кумира из нижнего белья любимого человека, некоторые из фотографий любимого человека — да так, что за фотографиями уже не видят любимого, а самые отъявленные идолопоклонники прямо из своей любви творят идола. Кланяются Богу, говорят лишь о Боге, всё делают именем Божиим... Только Богу не дают слова сказать... Манипуляция называется.

Почему самая главная позитивная заповедь — о субботе? Потому что ты любить люби, а знай меру. Остановись, мгновенье, дай любимому тебя полюбить. Муж хочет тебя обнять, а ты в магазин бежишь — ну сделай себе субботу! Ну, не зарабатываешь ты чего-то — вот и проверь, у вас любовь-морковь или всего лишь заработинг-шоппинг. »Я для тебя всем пожертвовал/пожертвовала« — так вот не надо, ради Бога! Не надо жертвовать, надо сесть и расслабиться. А то любовь попросту отстанет, свалится и умрёт где-то на обочине, а и не заметишь.

То же самое про не убий. Исторически заповедь понимали как «не убий своего». Врага, который может убить любимого человека — его убий, на него заповедь не распространяется. Мол, во имя ненависти и корысти — это агрессивное убийство, а во имя защиты любимого че-

ловека — оборонительное. Так вот — никого не убий, и любимого человека защити как угодно, но не убийством, не лжесвидетельством, не воровством. А то, знаете ли, и супружескую измену истолковывают как защиту любимого человека. Она устала, надо дать ей отдохнуть... И вообще для любви полезно разнообразие... Ага, а для потенции полезна кастрация.

Именно потому, что заповеди не про грехи от ненависти, а про грехи от любви, нет ожидаемой заповеди «не пей», но есть неожиданное «почитай родителей». Любят дети родителей, и родители любят детей — именно поэтому отношения с родителями так часто не плохи, а катастрофически плохи. Если бы просто размножились и разбежались — нет проблем. Налицо, однако, любовь, причём самая дурацкая, нелепая, трудная — любовь неравная, любовь, заведомо сопряжённая с властью, да ещё с какой — сперва они тебя, а потом ты их... Точь в точь как с Богом — сперва люди у Него в руках, а потом Он в руках у людей...

На самом деле, конечно, и в самой обычной любви равенства нет, симметрия кажущаяся, и гармония обманчивая. Так что привкус почитания в любой любви есть — даже не привкус, а что-то вроде одежды или поцелуя, когда тебе уже девяносто лет, а жене восемьдесят, но что ж — не целоваться? Наоборот! Просто раньше поцелуи помогали любить, а теперь любовь помогает целоваться. Так и с почитанием — вроде бы уже насквозь любимого человека знаешь, как знают дети родителей, и такое знаешь, что уж какая тут любовь... Ещё хорошо, коли у них Альцгеймер, а если в своём уме? Да-да, всё понятно, но — любовь, и именно такая вот, с почитанием! Главное — почитать родителей не для того, чтобы тебя потом твои дети почитали. Поэтому в Библии сплошь рядом чудо, когда рождается ребёнок у бездетных родителей, и этот ребёнок — последний в роду, у него детей нет, и все, однако, счастливы.

Заповеди даны на бегу. Всего три месяца как спаслись из рабства. Пройдёт не один десяток лет, пока появится уголок для сердца. Историки вообще склонны считать, что блуждания по пустыне сильно преувеличены, а литературоведы знают, с какой целью преувеличены — и это вполне разумная цель и вполне адекватные художественные средства. Можно считать случайностью, что Бог избрал для проникновения в мир кочевников-скотоводов, но никак нельзя считать случайностью, что именно кочевье, путь и дорога остались символом

отношений с Богом — пути к Богу и пути Бога — когда уже давным давно все осели, пустили корни, стали сеятелями и раввинами. Всё-таки человек не кирпич, жить в кирпичном доме хорошо, но хорошо именно потому, что этот дом при пути.

Милым напоминанием о вечном пути кочевья осталось в речи Иисуса выражение «на первой заповеди висят все остальные» — в шатре кочевника ценные вещи именно подвешивали. Основанием, фундаментом, оказывалась крыша и небо. Перевернутый мир. Если, конечно, считать нормальным тот мир, в котором уже никто никуда не идёт. Но ведь в самом оседлом мире человек жив, пока движется, и не случайно заповедь Иисус иллюстрирует картиной: путь, дорога из Иерусалима на север, по которой снуют паломники, разбойники, священники и, слава тебе господи, самаритяне.

Кому нужен дом, пусть даже Божий, к которому не ведёт ни одна дорога, из которого не ведёт ни одна дорога? Все те, скажем деликатно, приключения, в ходе которых случается нарушить заповедь, всё то, что называется беспутством, возможно именно на пути, в движении, не всегда физическом, но всегда человеческом. В дороге человек находит любовь — не у себя же дома, под кроватью — в дороге любит и, если любит, дорога эта не закончится со смертью. Хотя жизнь по заповедям не поможет воскреснуть, но жизнь против заповедей точно осложнит процесс воскресения. Вам это надо?

13. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ ОТ ЛЮБВИ ДО СМЕРТИ. ЦАРИ.

«Продолжая учить в храме, Иисус говорил: как говорят книжники, что Христос есть Сын Давидов? Ибо сам Давид сказал Духом Святым: сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих. Итак, сам Давид называет Его Господом: как же Он Сын ему?» (Мк. 12, 35-37)

Христос в этой реплике пилит сук, на котором сидели и сидят многие христиане. Ведь среди разнообразных попыток (всего лишь попыток!) выразить, кто такой Иисус, было и описание Его как Сына Давидова. Вполне традиционное суеверие: вот была в прошлом идеальная жизнь, потому что был идеальный царь, и будет идеальная жизнь, когда появится потомок этого идеального царя. Давид был помазан на царский престол — помазан буквально, оливковым маслом, символом духовной силы, и его потомок будет помазанник.

Отсюда и слово «машиах», которое греки произносили как «мессия», а перевели на греческий не совсем грамотно перевели как «христос». Так что сказать «Иисус — Спаситель» означает сказать, что Иисус «Сын Давидов», Христос. А тут Он объясняет, что Спаситель не может быть потомком Давида, потому что Давид обращался к Спасителю как к Кому-то, Кто бесконечно выше его.

Перевертыш не случайный, и таких перевертышей много в евангелиях, много и в истории веры, потому что люди вновь и вновь фиксируют свой опыт Бога в понятиях не божественных, а человеческих (да и откуда у людей другие понятия?). Фиксировать надо, без фиксации любой опыт как мытьё без воды, однако надо постоянно бить себя по лбу, напоминая, что всякое сравнение хромает, а сравнения в религиозной жизни хромают на обе ноги. Дело не в Боге, дело в людях, в языке, в том, что отражается в языке — человеческая жизнь во всём её несовершенстве. И самое несовершенное то, что претендует на самое большое совершенство — царство-государство. К царству Давида и его потомков это относится в первую очередь, поскольку это царство первое в очереди на величие, да ещё освящённое величие.

В современном мире очень много людей, которые мечтают восстановить Храм Соломонов. По деньгам построить такой храм может самый завалящий миллиардер, даже с учётом всевозможной золотой утвари. Не восстанавливают лишь потому, что хотят поставить именно на то место, где он стоял при Соломоне.

Много (слишком много, даже если их всего двое) и людей, которые мечтают восстановить государство Соломона, каким оно описано в Библии. Колоссальное вышло бы государство, от Египта до Ирака.

Никто, однако, не мечтает восстановить монархию. Может быть, тут как раз наибольшее отличие иудаизма и ислама от многих направлений христианства, включая православие. Английская королева и по сей день считается главой Церкви, испанский король не простой прихожанин, а уж в России ходят вокруг идеи восстановления монархии как кот вокруг сметаны, только никак не решат, в какой руке царь должен держать серп, а в какой молот.

Между тем, Бог не очень политизирован, однако именно о монархии позволил себе отозваться крайне резко. Конечно, надо понимать, что у этого отзыва был какой-то человеческий автор, были какие-то редактора (и все евреи), но отзыв-то остался и стал частью Откровения. Причины резкости очевидны: монархиями, причём самыми звероподобными, были все главные и неглавные враги Израиля, начиная с Египта. Да любой вождь любой деревни назывался царём. Политическая карта тогдашнего мира была похожа на шахматную доску, уставленную матрёшками от огромной до крошечной, но одинаково с коронами на голове.

Только Израиль, освободившись от рабства, превратился в милое патриархальное общество, эдакий идеал анархистов и либертариан. Иногда это называют «теократия», поскольку царём считался Бог, но от имени Божьего никакие жрецы не правили. Защищали себя от внешних врагов довольно успешно, а задачу защиты от врагов внутренних — то есть, суда — решали старые добрые патриархальные судьи. Аксакалы. И вдруг — даёшь монархию. Вот уж когда очень уместны были бы слова «не было такого никогда, и тут опять!»

В современном мире, заметим, эпохе этих судей соответствует не современный Израиль, а, скорее, современный Афганистан. Да-да, ненавистные талибы — это и есть патриархальное общество, которое решило за себя постоять и делает это довольно успешно, учитывая неравенство сил. Это ислам — то есть, религия, рождённая всё тем же

Авраамом. Да и не только в Афганистане — во всех исламских странах не слишком доброжелательно относятся к монархии. Монархов терпят, им подчиняются, но над ними по-прежнему веет брезгливый отзыв Творца мира.

Царь — это эрзац-Бог. Его единственное преимущество перед Богом — зримость. В царя не нужно верить — вот он, полюбуйте. Царя легче любить — и надо жить в России, чтобы понять, как можно любить любого, лишь бы у него должность была соответствующая.

Бог долго перечисляет, как именно царь ограбит народ, заберёт себе лучшее, что есть у людей — то есть, их дочерей и сыновей. Наивный этот Бог! Да людям именно это и нравится — что их дочери и сыновья станут приближёнными! Людям в восторге от того, что их обчистят и на эти деньги понастроят дворцов, куда даже нельзя будет на экскурсии ходить.

Что ж, резюмирует Бог, и выкладывает последний аргумент: «Сами вы будете ему рабами!» (1 Цар. 8, 17).

Наивный Бог — так это именно людям и нравится! Быть рабами не кому-то невидимому, а зримому, явному земному повелителю!!

Что же в этом такого привлекательного? Почему по сей день люди срываются в рабство, восторгаясь очередным эрзац-богом?

А почему дети играют в войнушку? Почему ребёнок, из которого вырастет кротчайший и наимирнейший художник или политик, разыгрывает битвы и бабахает из пистолета, и это ему ничуть не вредит? И при этом отворачивается от телеэкрана, если там целуются?

Потому что любовь штука сложная и поцелуй есть итог длительного, бурного и криволинейного процесса, напоминающего прохождение самогона через змеевик.

Описание подвигов Ахилла или Давида — это не про войну, а про любовь. Настоящую любовь в ненастоящих, игрушечных обстоятельствах. Где человек человеку раб, рабовладелец и хозяин, — это такое обстоятельство, что жизнь становится ненастоящей, игрушечной, игровой. Только игра эта злая и игрушки эти смертоносные.

Давид прежде всего — великий любовник, и к Соломону это тоже относится. Это сигара иногда бывает просто сигарой, а меч никогда не бывает просто мечом, и никто ещё не обнаружил хотя бы одного отличия пращи от сперматозоида. Сердце, могучее на любовь — и поэтому любой слабак без труда ставит себя на место Давида или Соломона. Слабаки-слабаки, а в любви такие же царственно страстные!

Такие страстные, великие, любящие эгоисты. Что ж это были за люди, коли они «Песнь песней» писали, любимую воспевали, а потом засандаливали в гарем вторую любимую, третью любимую, четвёртую... Что у Соломона их было несколько сотен, конечно, очередное преувеличение, но ведь в любви больше единицы — уже сверх всякой меры.

Потому что эта единица — она ведь тоже имеет сердце, она тоже может и хочет любить, и умеет любить не хуже мужчин, а из неё делают, извините за грубое слово, объект. Да хотя бы даже она одна была — нельзя из живого человека делать объект, а именно это делается во всяком обществе, где мужчина царь, да женщина ему не равня, где двое не одна плоть, а рассчитаны на первый и второй, на один во главе стола, а вторая на женской половине, где один Давид роди Соломона, а вторая вроде бы и не рожала.

Ничего не может быть подлее истории о том, как Давид увёл жену своего подчинённого, обрюхатил её, а когда подчинённый не захотел числиться отцом чужого ребёнка, послал гордеца на верную смерть. Но летописец считал, что Бог был недоволен Давидом исключительно из-за его завоеваний — крови много пролил, вот и не попустил Господь ему построить храм. Крови, конечно, Давид пролил немало, но семя своё он тоже мог бы попридержать.

То, что Давид не построил Храм, трудно считать наказанием. Наказание, как всегда, заключалось ровно в том же, в чём заключалось высшее достижение, как в разнообразных шутках на тему исполнения желаний. Стать миллионером на роскошном корабле — и очутиться посреди роскошной столовой «Титаника». Стать восточным самодержцем — и обнаружить, что восточные самодержцы жили в постоянном страхе, причём не параноидальном, а вполне обоснованном. Родные дети спят и видят, как бы зарезать папочку, — что уж говорить о подданных, и мужьях, у которых ты увёл жён, да и о жёнах, которые могут и отравить, и зарезать, Юдифь свидетельница.

Повесть об том, как Израиль был полноценным царством, это повесть о любви, ведущей не к жизни, а к смерти. Не потому, что Израиль какой-то особый народ и монархия у него особая, а именно потому, что типовая монархия, типовой и народ. Сотни таких царств-государств было в мировой истории — ничтожные по современным меркам, но мнившие себя пупом вселенной, на вершине своего величия бывшие настоящим гадюшником, где все ненавидят всех. Под

толстым-толстым слоем золота. Ну, правда, в Израиле и слой золота был довольно тонкий. Археологи не могут обнаружить никаких следов великого царства Давида и Соломона, тогда как от филистимлян следов осталось предостаточно.

Избранным, исключительным шофёром в автомобиле спасения Израиль стал и остаётся совсем по другой причине — слово. Всюду были цари-подлецы, но только от Давида осталось откровенное повествование о подлой сладострастности и не менее откровенное покаяние в сладострастной подлости, к которой и сводится всякая самодержавная власть, будь то власть отца народа или отца семейства. Книги, описывающие придворные интриги и кровавые разборки израильских монархов, интересны и сами по себе, хотя, конечно, уступают в красоте «Илиаде» с «Одиссеей», но искра вечности в этих книгах — от неземного взгляда на все эти красоты. У Гомера боги помогают героям, в Библии Бог пинками гонит героев в канаву, чтобы одумались. У Гомера хитроумен Одиссей, способный обдурить само Небо, в Библии хитроумен Творец. Он уступает Свои неразумным детям, но не бросает их, а бросается вместе с ними в, извините за банальность, пучину страстей, а когда их, наконец, начинает пучить, кладёт голову очередного помазанника Себе на колени и гладит, и гладит, пока тот не заснёт вечным сном.

Сказать, что любовь и смерть связаны, означает сказать пошлость, то есть правду, справедливую лишь на мелководьи жизни. Любовь и воскресение, любовь и бессмертие, любовь и свобода, — связаны, это да. Но прежде, чем это поймёт человек, он проходит тот же путь, что проходили самые разные цари — от упоения к протрезвлению — и лучше, если он пройдёт путь не с мечом в руке, а с Библией, не повторяя грехи Давида и Соломона, а читая об этих грехах и о том, как вопреки грехам Царь Небесный всё-таки показал, кто царь с большой буквы и навсегда, а кто лучше бы одумался и согласился, что лучше быть рабом Божьим всегда и навсегда, чем царём царей хотя бы на полсекунды.

14. БОЛЕН ЛИ ИОВ? ЗДОРОВ ЛИ БОГ?

«Он сказал им в ответ: правда, Илия должен придти прежде и устроить всё; и Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену» (Мк. 9, 12).

Первая половина этой фразы есть и в Евангелии от Матфея, а вот вторая лишь у Марка. Это довольно странно, ведь Матфей любит ссылки на тексты пророков, подходящие для описания Иисуса. Предполагать, что Матфей иначе понимал смысл жизни Иисуса, не стоит, ведь и в его Евангелии, хотя в другом месте (Мф. 16, 21) Иисус говорит о том, что Ему придётся погибнуть. Дело, видимо, в том, что тут не отсылка на конкретные слова какого-либо древнего текста, Матфей же подбирал именно такого рода отсылки.

Нетрудно подобрать разные места из псалмов или пророчеств о болезни, страдании, несчастьях. Тем не менее, их объединит мысль о том, что болезнь и страдания временные, они должны миновать, нормой остаётся здоровье и успех. Лучше быть богатым и здоровым. «Лучше» — то есть, Бог есть эталон богатства и здоровья, человек же подобие Божие со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. Если подобен, то и богат. Если образ, то и здоров. В крайнем случае — испытание.

Но с Иисусом идея испытания не проходит. Это не вопрос текста Евангелия, это ответ веры в Христа — той веры, которая здесь и сейчас. Глаза веры видят, что Иисус не нуждается ни в каких проверках. Искушитель в пустыне выглядит скорее смешным, чем сатанински искусительным. Не по адресу обратился и не по чину пытается взять. Не на того напал.

Страдания и унижения Иисуса не исчезают с Воскресением. Они остаются. Этим они отличаются от наших, человеческих. Человека унизили, он взмолился Богу — и Бог помог ему возобладать над врагами и попать их. Они с позором отступили. А Иисус никого не попирает, ни над кем не торжествует, не ставит такой цели и даже очевидно её отвергает.

Иисус исцелял людей, эти исцеления были не самым важным в Его жизни, но евангелисты о них рассказывали, называя исцеления «указаниями», чем-то вроде дорожных знаков — и знаки эти указывали на дорогу к Голгофу. Здоровье оказывается не самоцелью — для людей. Вот Голгофа, страдание, может быть самоцелью — для Бога. Ему-то ведь боль и страданиями ни к чему абсолютно. Опыт страданий не делает Бога более сострадательным, Бог и до них — абсолютная любовь. Зато страдания и боль Иисуса — опыт для верующего. Опыт того, что «вечность», «абсолют», «верховенство» — это не холодное царство Снежной королевы, это Царство Распятого Христа.

Современная медицина борется с болью и болезнью, и это замечательно, жаль, что результаты борьбы не всем доступны. Борьба с болезнью не есть борьба с Богом. отождествлять Бога с болью означает повторять ошибку средневекового ханжества, которое во всём видело невидимое. Даже Фрейд умер остановиться в своей жёсткой интерпретации мира — во всяком случае, свою сигару он не рассматривал как эротический символ. А вот ханжа останавливаться не умеет — во всяком случае, когда речь идёт о других. Бог — не боль, Бог — Больной.

Невозможно отождествить Бога с болью, если обращаешься к Богу. В этом атеисты-врачи благоговейнее верующих. Они убивают боль. Бог от этого не умирает. Он даже не сердится, а скорее всего, радуется.

Совершенно не случайно, освобождение христианства от государственной опеки привело к освобождению христиан от языческих представлений о боли, к христианизации христиан в этом, столь важном отношении. Американский эссеист Филип Енси отмечал, что переломным в отношении к боли стал именно XIX век, век секуляризации. До этого верующие принимали боль как волю Божию, как дар, причём весьма драгоценный. С XIX века боль стали лечить и рассматривать как симптом необходимости лечения. Она демистифицировалась.

Причинение себе боли, столь распространённое в аскетике, у современного человека вызывает лишь недоумение, если не брезгливость. Это прекрасно — потому что здоровье из чего-то подозрительного (как и богатство) стало нормой, но при этом не произошло возвращения к дикарским временам, когда здоровье рассматривалось как привилегия, как знак особого благоволения Бога к

избранным. Все должны быть здоровы! До этого, к сожалению, современные люди ещё не доросли — иначе бы уже повсюду было бесплатное здравоохранение. Пока же здоровье уже признано нормой, но эту норму ставят в зависимость от денег. Между тем, конкуренция и справедливое соревнование уместны во многих сферах человеческой жизни — но здоровье это не «сфера жизни», это сама жизнь. Тут конкуренция так же неуместна как в сексе.

Только Богу не нужна медицинская страховка — не потому, что Бог может её купить, и не потому, что Бог здоров, а потому что Богу нужно оставаться с той болью и страданием, которое причинили ему люди в Сыне Божием. Когда все будут здоровы — здесь или в раю — Бог один будет оставаться Больным. Чтобы люди более не заболели.

В этом смысле Бог — это Иов, но Иов не выздоровевший, обретший новых, лучше прежних детей и на этом успокоившийся, а Иов, сделавший свою болезнь своим свидетельством миру: «Я не чужой. Я не сверхсущество. Я люблю не потому, что мне неведомы болезни, а потому что любовь сильнее болезни — любая любовь. Я болею не потому, что виноват или грешен. Я болею, потому что болеете вы и пока болеете вы. Не говорите мне опять «врачу, исцелися сам». Я врач, который лечит тем, что болеет болезнью пациента. И вас я прошу не идти по миру проповедовать исцеление верой, а проповедовать верой в болезнях и в здоровье, пока воскресение не объединит нас».

15. БОГОСЛУЖЕНИЕ: ЕДА И ПЕСНИ

«И сказал им Иисус: могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься,» (Мк. 2, 19)

В Библии есть много страниц, описывающее богослужение. В основном, правда, это не описание, а предписания, это мечты: вот хорошо бы, в идеале бы, когда будет возможность, то богослужение должно быть вот таким... Это очень узкий взгляд, немного даже лакейский: официант описывает идеальный банкет. Банкет может быть по случаю свадьбы, похорон, юбилея, — каждому случаю свой набор блюд, импровизаций не нужно, все варианты должны быть просчитаны. А любит жених невесту или нет, юбилей палача или математика, вообще неважно.

Таково обрядоверие. Это лакейский, даже холуйский взгляд на Бога и людей.

Если же искать в Библии книгу, раскрывающую не форму, а смысл богослужения, то это Песнь Песней. Нет любви — нет богослужения. Если жених не любит невесту, то банкет будет, пожалуй, даже попышнее обычное, чтобы это обстоятельство скрыть.

Не случайно Иисус, помянув свадьбу, тут же помянул знаменитое «ветхие мехи». Это не о реформах — это о том, что на свадьбу хорошо бы в новом платье, не из секонд-хенда, да и костюм жениху новый нужен. Потому что любовь-то новая. Каждая настоящая любовь — первая в мире, она же последняя, в общем — единственное.

Богослужение это свадебное торжество. Поэтому, возможно, и воспринимается она как некая архаика, принадлежность не самых развитых культур. «Современный» человек может вообще не «играть свадьбу». В голливудских фильмах определённого рода пышное торжество с несколькими сотнями гостей — норма, вот и надо побаиваться, чтобы богослужение не превратилось в блокбастер. «Блокбастер» это вопрос качества, не количества. Можно наедине с невестой и парой друзей так себя вести, что это будет напыщенное

фарисейство. А может и толпа в сто тысяч человек быть единой в своём порыве — то есть, Невестой, Любящей и Любимой.

Здесь довольно уловимое отличие христианского богослужения от многих других. Иисус пришёл в мир, где и язычники традиционно рассматривали богослужение как своеобразное угощение Бога, да и избранники Божии — иудеи продолжили вполне эту традицию. Бог — не Жених, Бог — Отец. Кстати, в архаических-то культурах часто именно отец — главный персонаж на свадьбе, он всё устроил, потому что какая там любовь, когда нужно сажать морковь.

Иисус же вновь и вновь настойчиво возвращается к образу жениховства. Жениховство это своеобразное, так и любовь своеобразная, и богослужение христианское выходит тоже своеобразное. Жених задерживается. Сильно задерживается. Оправдание у Него есть: Он был убит и воскрес. Убит собственной невестой — Человечеством. Тем не менее, Он присутствует всюду — присутствует как Дух Святой. Теперь уже богослужение — не жертва людей Богу, чтобы сыт был и не лишал благосклонности. Теперь богослужение — Бог жертвует людям Себя всего.

Современные иудаизм и христианство схожи тем, что у обоих в шкафу, в памяти, в прошлом есть опыт богослужения колоссального, исполинского. Если размеры Храма Соломонова несколько преувеличены, то размеры готических церквей или храма св. Петра — налицо, точно известно, сколько часов тянулись богослужения, какие масса в этом богослужении участвовали, сколько было золота и бриллиантов. Всё это лопнуло как мыльный пузырь — и слава Богу. Фанатики мечтают всё это воскресить, но воскресение — это совсем о другом и Другой.

Если что и уцелело от «великого» прошлого, то опыт богослужения абсолютно частного, одинокого, миниатюрного — монашеского. Это относится и к католицизму, но в ещё большей степени к современному русскому православию. Тут длинноты — не от желание попышнее обставить присутствие царя, а потому что монах, повкалывая мотыгой, шёл в храм и молился, молился, молился...

Для служения идеальной всенощной никакой ночи не хватит. Каждые три часа — опять молитва. Даже если пост — а пост во времена Иисуса был не в избирательности при еде, а в полном воздержании от еды. Сейчас так постятся иудеи и мусульмане, в Церкви уцелела только традиция «сочельника» — не есть «до звезды». Ли-

тургий во время поста не служили — пост же! Но молились не меньше во время поста, а больше. Эти молитвы наедине тоже ведь богослужение.

Много любителей не ходить в церковь под предлогом, что молиться надо не напоказ, а в «чуланчике», как Иисус однажды сказал. Но только что-то и в чуланчиках не сильно такие люди молятся. Если бы молились... Из уединённого богослужения не может не вырасти богослужение общее. Вот обратное — да, не всегда верно, об этом Господь и сказал, помянув «чуланчик». Молитва в уединении — как грибница, из которой рано или поздно полезет гриб, раздвигая землю, а то и асфальт взламывая — и это будет богослужение.

«Песнь Песней» это ведь не просто любовный шёпот, не безмолвное вглядывание в глаза любимой. Это именно песня, дуэт, более того, дуэт в сопровождении хора. Историки спорят, насколько Песня Песней безыскусный наив, а насколько — стилизация под безыскусный наив, но бесспорно одно: этот текст именно пели, а скорее всего, ещё и танцевали при этом. Отказ от богослужения — как отказ от песен про любовь. Не заметишь, как запоёшь.

Кто молится, тот непременно подымется до богослужения. Молитва так же соотносится с богослужением как чтение и чтения. «Чтения» — так до революции называли публичные лекции. Чтения — это чтение вслух. Как и богослужения, чтения — раньше чтения. Сперва все читали вслух, только в конце античности появились люди, научившиеся читать «про себя». Но уж когда научились — зачем возвращаться к варварству? Что такого в богослужении замечательного, что может оправдать омерзительное слово «служение». Собачки «служат», а человек — любит! Нормальный человек и сам никому не служит, имеет отношение равные, и себе служить не разрешит. А уж Бог-то нормальнее нормального человека! Ему аллилуйши не нужны!

А любимому человеку наши песни нужны? А вообще любовь это разряда «нужного» или как? Средство или цель?

Богослужение — во всяком случае, христианское — не более, а менее прагматично, чем любая молитва и медитация. Поэтому люди редко задаются вопросом, зачем молиться, но очень часто — зачем нужно богослужение. Ответ: ни за чем. Просто есть созерцательная молитва, когда человек созерцает Бога, а есть созерцательная молитва, когда Бог созерцает человека. Созерцает и слушает. Человеку это

ни к чему, Богу тем более, и вот это «ни к чему» и есть преодоление никчемности и суетности человеческого существования.

В слове «богослужение» обе половины — устаревшие донельзя. «Бог» от санскритского «бхаг» — тот, кто кормит, повар, официант, кормилец. Взгляд на Бога человека не столько голодного, сколько благодарного. Это первый плод веры — благодарность Богу за хлеб, который, как отлично знает крестьянин, он сам посеял, земля выносила, он лично скошил, перемолол, испёк. «Служение» — взгляд на себя глазами Бога. Бог мне, я — Богу. Бартер. Бог — человек — Бог. На жену, на мужа глядели точно так же, вот что важно помнить.

Богослужение это самый консервативный элемент религиозной жизни. Любые попытки «модернизировать» богослужение не могут преодолеть зазор между разговорным языком и языком молитвы. Любые попытки сделать богослужение насквозь «понятным» так же обречены, как попытки «понять» щебетание влюблённых, смысловая нагрузка которого не больше, чем у звука работающего автомобиля. Это не означает, что не надо стремиться к понятности и современности, просто надо не переоценивать значение любых реформ. Язык богослужения — это язык влюблённых, который должен быть понятен не всякому, а им одним. Жаргон. Другое дело, что один из влюблённых — это всё человечество, которое латыни и церковно-славянскому не научишь, так что очень настаивать на архаике не нужно — она сама появится. Кто-то ведь постоянно отстаёт.

Конечно, было бы неплохо, если бы церковь была как сеть столовых: в какую страну ни приедешь, всюду одно и то же. Неплохо, но позвольте — может, нашей любви достоин пятизвездочный ресторан, которые все наособицу? Конечно, по одежке протягивай ножки, но раз в неделю можно и поднапрячься? Много желающих «опроститься», чтобы богослужение было «как в семье». Да ведь и семья с удовольствием выберется в воскресенье в ресторан получше. Или в любой другой день недели, были б деньги. А для богослужения «деньги» — это любовь с отчаянием пополам.

Слова Христа о «женихе» многозначительнее, чем просто полемический приём. Дело в том, что Иисус — вечный Жених. Бог — всегда по ту сторону регистрации. А человечество, соответственно, — всегда невеста. Иногда это просто непереносимо. Например, когда читаешь рассказ о том, как Иисус в последнее посещение Иерусалима разыгрывает спектакль с «Осанной» (это ведь тоже было богослуже-

ние), как осматривает город и Храм, — и всё это накануне вовсе не торжественной свадьбы, как надеялись апостолы, а накануне гибели и похорон. Да, Христос воскрес, да, Сошествия Святого Духа — но было бы наглостью считать, что воскресение отменяет Голгофу, что свадьба будет как ни в чём не бывало, только вот сейчас опаздывающий шафер подойдёт. Шаферу, между прочим, отрубили голову. А мы ещё удивляемся, что Он не спешит. Да мы бы на Его месте... Так что христианское богослужение ещё немножечко трагичнее любого другого, и в любом случае — всегда накануне, никогда не после Главного События. Царство Божие приблизилось, а не врезалось.

Поскольку изменяются представления не только о том, что такое семья и брак, но и о том, как проявляется любовь, постольку всегда изменялось и будет изменяться богослужение. Богослужение английских квакеров, когда люди просто сидят молча на стульях и молятся — многое говорит о брачных и супружеских традициях Англии, как и африканские мессы, где только что хула-хуп не крутят, многое рассказывает горячим русским парням о том, что такое настоящее чувство. Истина не посередине, истина повсюду, а уж как именно совершать богослужение — вроде бы очень трудный вопрос, но ведь и очень простой, потому что решается не с нуля. Человек не сочиняет богослужение, человек входит в богослужение. Лишь бы помнить, что богослужение — не наше служение, а Божье. И поменьше пытаться быть Женихом, а побольше — Невестой. Пока есть эти слова, есть и то различие, что жених больше думает о том, что за стенами дома — хотя бы и будущего, а невеста — о том, что в доме, хотя бы и в настоящем, временном. Богослужение в этом смысле — забота как раз не Жениха, а Невесты. Молитва — земля, рвущаяся в небо, богослужение — небо, устроившееся на земле, и устраивать это место — наше, человеческое дело.

16. ИСТОРИЯ СПАСЕНИЯ: ПРОРОКИ — ПЛЕННИКИ РОДНОГО ДОМА

«Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (Мк. 6, 4).

Рай это космос, грех — попытка построить в бесконечности домик себе и своим. Выгородить в жизни вечной жизнь временную. Создать в неразрушимом времяночку.

Спасение лечит подобное подобным. Просто вернуть человека, каким он стал в своей погоне за автономией, в бесконечность означало бы свести человека с ума. Бог не изгнал человека из рая, Бог спас человека от сумасшествия в раю, предоставив нам космос во временное пользование. Весь космос.

Мы живём не в каком-то особом мире, мы живём в особом измерении рая, и это измерение создано специально для такого случая. Мир хорош не тем, что нас в нём восхищает — ах, как удобно жить. Во-первых, далеко не так уж удобно, во-вторых, когда неудобно — тоже слава Богу. Мир хорош просто фактом своего существования. Лежит песчинка — и она прекрасна своим цветом, своей формой, своей плотностью. Она может попасть нам в ботинок, но это уже наша проблема, а песчинка прекрасна, как и Млечный Путь, как и любая невидимая нашему глазу частица бытия.

Бог спасает человека, создавая внутри нашего ада — потому что с точки зрения Бога, это ад — создавая внутри этого ада дом, в котором можно жить как в раю. Нечто вроде заповедника. Пункт передержки.

Дом — не первая метафора спасения. Самая древняя, видимо — еда, потому что еда и питьё это потребность базовая, ещё животная (отсюда Иисус и «Тело Мое»). Следующая — путь, дорога. Человек стронулся с места и пошёл... Дом — метафора третьего уровня. Завтрак съеден, путь пройден, цель достигнута — дом, в котором тепло, уютно, светло, безопасно... Китаец при слове «дом» нарисует одно, канадец другое, масаи третье, но общее одно — дом не возникает сам по себе. Пещера — не дом, хотя в пещере можно создать очень уют-

ный дом. Но именно что создать. Пожалуй, «дом спасения» это дом именно в пещере — учитывая, что и в Библии, и у Платона мир сравнивается именно с тёмной пещерой.

Со времён Авраама спасение — это дом, но дом в представлении бедуина, каковым Авраам и был («бедуин» не национальность, а род занятий). Это дом с прилегающей к нему землёй, необходимой для существования. Дом может быть очень лёгким, даже переносным, главное пастбище.

Однако, в большинстве текстов Библии спасение — это дом в более привычном для нас смысле. Да, это пространство — земля, но это уже не пастбище, это крестьянская, оседлая земля, её первый признак — молоко и мёд. Для сравнения: в декларации Бальфура, которой 1918 году британский чиновник британскому же гражданину изъявил согласие выделить евреям в Палестине место для поселения (это была делёжка шкуры неубитого медведя, Турецкой империи; впрочем, медведь был уже почти убит, британские войска завоевали Иерусалим через месяц) — в этой декларации не было «государство Израиль», было написано «национальный дом». Любопытно, что во французском (и из французского в русском) переводе это передали как «национальный очаг», «*foyer national*». Дом там, где костёр.

Молоко с мёдом или камин с весело греющим огнём, — не повсеместные признаки дома. А вот как со свободой? Для британца — да, «мой дом — моя крепость». Тут еврей соглашается. Конечно, в современном мире такое редкость — большинство домов многоквартирные. С другой стороны, для метафоры спасения многоквартирный дом подходит лучше. Земля Обетованная — дом для двенадцати племён Израилевых, а в каждом племени тысячи семей. Но единица счастья — именно Дом Спасения, страна Израиля. Не случайно в Израиле так много названий, начинающихся с «бет» — «дом». Кстати, и буква «бет» похожа на план дома, это и в кириллической азбуке сохранилось: комната и крылечко.

Евреи всегда считали свободу принципиальным качеством своего национального дома. Конечно, даже в лучшие, легендарно великие годы Давида и Соломона это была свобода от внешнего угнетения, а внутри этого величия было очень мало свободы, как и в любом патриархальном, аграрном обществе. Достаточно того, что большинство населения — женщины — были в фактическом домашнем рабстве у

мужчин. Но Библию писали в основном мужчины, их больше интересовало убить Голиафа чем поговорить с женой.

Впрочем, и национальная независимость была скорее исключением в истории Израиля — куда более редким явлением, чем в истории итальянцев или русских. Израиль последовательно входил в состав нескольких империй, из которых Турецкая была самой приличной. Заметим, что главным признаком свободы считалось наличие своего, родного царя. Династию Ирода недолго любили за её нееврейское происхождение, но всё-таки Ирод старался быть евреем.

Казалось бы, какая разница, кто по паспорту хозяин дома, где ты арендуешь квартиру? В современном Нью-Йорке разницы никакой, а в древнем мире большая разница. Если ты не свой по крови, другого рода, могут и выгнать, и избить, и кровь пустить. Благополучие твоё висит на ниточке. Надо это крепко почувствовать, чтобы понять тягу к дому вполне «своему», чтобы все, живущие в этом доме были тебе родня. Любое государство — исполинская коммуналка, так сделаем коммуналку хотя бы из «своих»!

Два огромных комплекса библейских книг и описывают жизнь Израиля в родном доме: псалмы и пророки. Описание изнутри. Даже не описание, а репортаж с петлёй на шее. Дело в том, что и лучшее из государств это всего лишь государство. «Национальный дом» это коммуналка, где все соседи — из одной семьи. Каин, Авель... Что уж говорить о седьмой воде на киселе?

Псалмы переполнены отчаянием — и отчаяние это прежде всего против своих. Псалмы, написанные во время депортации в Вавилон, очень немногочисленны. Более того, самый яркий псалом отчаяния — это покаянная песнь Давида, которого вообще никто не обидел, который сам обидел. Это, если угодно, псалом Каина, гимн Иуды. Раскаявшихся, конечно.

В реальной жизни цари не сильно-то каялись, почему и появились Исайя, Иеремии и прочие пророки. У них всего две идеи. Одна: чтобы сохранить свободу Израиля, надо быть свободными, а не ложиться под Египет, Сирию или Персию. Вторая: свободу надо не только сохранить, но и реализовать, а для этого не нужно насилловать бедняков, вдов, сирот и вообще никого. А вы только этим и занимаетесь, сукины вы дети! — говорят пророки — и вот уж тут точно Бог говорит, не люди. Бог называет сукиных детей сукиными детьми, потому что Бог все люди — дети Божии, но некоторые дети Божии, заплучив деньги

и власть, становятся сукиными детьми. Даже не знаешь, что хуже — что ещё больше Божьих детей становятся сукиными детьми, чтобы заполучить деньги и власть, а получают фигу с маслом и очередного диктатора на свою голову.

Псалмы и пророки рисуют не какой-то особый мир, напротив — абсолютно обычный, нормальный для дурдома человечества. Нормальный мир дома, где братья и сестры — а так же дяди, тёти, кузены, кузины и их более отдалённые седьмые воды на киселе — женятся, разводятся, обкрадывают друг друга, дарят друг другу подарки на день рожденья, подсыпают мышьяка в борщ и цианиду в мацу, отстаивают национальную независимость, продают отечество за ломаный грош... Страдают, завидуют, радуются, молятся, слышат Бога...

Слышат Бога! Вот здесь Библия из библиотеки становится Откровением Божьим.

Конечно, доказать это невозможно. Для внешнего наблюдателя перед нами всего лишь комплекс литературных произведений небольшого ближневосточного народа. Образы, стилистика, мысли, чувства, — всё как у всех людей и, точнее, как у соседей. Оригинального очень мало.

Отсюда скандал XIX века, когда почтенные джентльмены, выросшие в убеждении, что Библия — явление уникальное и поэтому богооткровенное — получили под нос открытия археологии, доказавшие, что все — все! — основные темы и образы Библии заимствованы у более древних народов, у более культурных народов, у более многочисленных народов. У шумеров, египтян, вавилонян и т.д. А ведь бытие Божие и превосходство христианства над всеми религиями доказывали его уникальностью.

Пришёл страшный час расплаты: разочарованные люди стали покидать Церковь. Ну, правда, не такой уж и страшный. Во-первых, сами виноваты, что представляли свою веру в таком странном виде, да ещё детям. Во-вторых, помогли учёные. Наверное, точнее всего подыскал сравнение Клод Леви-Стросс: ноты одни, да мелодии не одинаковы. Из одинаковых букв складывается бесконечное множество текстов.

Между прочим, с этим далеко не все согласны. Цинизм, уныние, усталость от жизни заставляют иногда думать, что «все слова уже

сказаны». Нет и не будет ничего нового под Солнцем. Жизнь есть бесконечно тасуемая колода одних и тех же карт. Всё суета сует...

Ой, так ведь это как раз в Библии сказано! Значит, уныние и обзывание жизни суемой — тоже суета? А как же! Откровение Божие не в том, чтобы назвать суету суемой, а в том, что царствовать над суемой, хотеть её спасения, преобразования, воскресения. Суета сует и есть труп вечной жизни.

Дом Израиля (оборот, который очень любил пророк Исайя) есть Дом, сердцем которого является Дом Божий — Храм Соломонов, Дом, дающий убежище избранникам Божиим (иудеям и всем, кто пожелает принять иудаизм). Это если этот дом живой. Но ведь он может быть и мёртвым — и тогда это гетто для своих и концлагерь для чужих.

Тексты псалмов и пророков передают и радость, благодарность Богу за существование Земли Обетованной, передают и злость, страх, отчаяние от того, что в Земле Обетованной столько же несправедливости и зла, сколько в рабстве египетском. Ну, чуть-чуть поменьше или, точнее сказать, иначе распределённые. Но какой-нибудь еврейке, ковыряющейся на кухне, нечувствительно, что там, за оградой — фараон или царь Соломон. Муж бьёт её одинаково, одинаково её не пускают в синагогу, одинаково её место кирхе, кюхе, киндер.

Псалмы и пророки как памятник культуры древней ближневосточной страны, очень аграрной и патриархальной, вроде сегодняшнего Афганистана, интересны либо историкам, потому что историкам интересно вообще всё, либо тем, кто по каким-то причинам считает себя связанным с той, давно исчезнувшей страной. Вот если бы порнография, пусть и древняя! Но порнографии в Израиле не было, как и в древнем Вавилоне.

Только вера в Бога делает историю древнего Израиля интересной кому-то помимо патриотов и порнозависимцев. Понятно, кому — тем, кто продолжает веровать в того же Бога. Псалмы и пророки не только изнутри дают почувствовать эту веру с яркостью, достоверностью и силой, отнюдь не частой ни в древности, ни теперь. Плохо это или хорошо, но эти тексты действительно уникальны в своём роде, как уникальны тексты Платона или древнеегипетские заклинания. Культура отнюдь не равномерна и не одинакова. Да, образы, слова, иногда целые монологи — заимствованы, но целое — оригинально. Это даже не симфония, это — концерт, объединяющий музыкантов,

которые за пределами концертного зала никогда бы не встретились. Случайное объединение? Или замысел устроителя концерта гениален? Это предмет веры, но саму уникальность концерта отрицать невозможно. Можно отрицать, что Бог обращался к Израилю через пророков, можно отрицать и существование Бога, но нельзя отрицать, что тексты пророков и по форме, и по содержанию не повторение прописных истин, а нечто новое.

Многие, если не все народы древности в той или иной степени увязывали свою религию со своей культурой, тут евреи вполне типичны. Но то, какая это увязка — это уникально. В сущности, поставлено на карту само существование евреев и Израиля — ведь оно поставлено в зависимость не от силы государства, его армии, его политиков, его экономики, а в зависимость от воли Божией. А воля Божия... У кого и где получить справку, что ты её знаешь и ей следуешь?

Бог через пророков так же раскачивает верующих, как верующие через псалмы раскачивают Бога. Они дёргают Его, Он дёргает их. У нас свои просьбы, у Него свои. Договор с Богом оказывается договором о разговоре, скорее брачным договором, чем пактом политиков или сделкой бизнесменов. Сошлись, чтобы сходиться и дальше, с криками, топотом, слезами, кровью. Вроде бы всё обговорено, и всё навсегда, но — сама формулировка «навсегда» заставляет углубляться, открывать в другом и в себе какие-то новые пропасти и вершины. Дом Израиля — Дом Божий, и в этом доме отнюдь не тишина, а постоянные ссоры, гимны вперемишку с проклятиями и попреками, объятия вперемишку с укорами, и в конце концов то ли угроза, то ли высшая награда — обещание Хозяина сделать этот дом открытым. А хозяйка, выходит, будет на весь мир готовить?

Эта шумная семейная жизнь с её конфликтами и примирениями продолжается по сей день и в иудаизме, и в христианстве. Сильная сторона веры в Бога Библии продолжается в слабостях. Люди истово веруют, что их жизнь не безразлична Богу, что Бог выстраивает для этой жизни дом, выстраивает на протяжении поколений, — и именно поэтому люди превращают свой дом в добровольное гетто. Идёт ли речь об Израиле как стране или о Церкви как организации, — быть страной или организацией менее всего соответствует Божьему замыслу о спасении, «домостроительный комбинат» выдаёт совсем другую продукцию, а то, что люди монтируют себе концлагерь, ис-

пользуя то, что запроектировано быть вселенной, это уж человеческое, слишком человеческое. Бог строит спасение, а люди устраивают перестройку — чтобы спасение было по их разумению. А разумение это вполне пещерное — пусть пещера будет для меня, а для кого я не люблю, пусть она не будет. Ну и остаётся человек в конце концов один в пещере, и хорошо ещё, если кто-то вспомнит, что вон в той пещере жил Исак Абрамыч, а в той Иван Петрович. Могут палеонтологи раскопать и дать им совсем другие имена...

Из всех видов гетто самое страшное — добровольное. Увы, все человеческие союзы и объединения, как ни старайся — именно гетто, потому что всегда пытаются спасти одних за счёт дистанцирования от других. Любое государство, любая религия, любое направление в искусстве. Не исключение и Израиль. Избрание Богом используется для обособления от людей. Страну превращают в ковчег, хотя никакого потопа нет. Точно то же потом произойдёт — уже произошло — с Церковью.

Так что ж, Богу плюнуть и заняться Своими делами? Он с нами и так, и сяк... То землю даст, то эту землю из-под ног выдернет и в Вавилон сошлёт, то к сердцу прижмёт, то римлян пришлёт.

Так это потому, что Бог на нас реагирует. Вот мы на Бога не очень реагируем, отсюда и проблемы. Из двух участников договора с Авраамом один явно глуховат, подслеповат, да ещё и преувеличивает свою глухоту, чтобы не тратить время на попрошайек.

Свою книгу о жизни Израиля и всего человечества накануне Рождества отец Александр Мень назвал «На пороге Нового Завета». Да, это порог. Но это порог, который не вводит в дом, а выводит из дома, из гетто, из пещеры туда, где, собственно, и живёт Спасение и где нет ни евреев, ни римлян, ни рабов, ни свободных, но только рай и спасение для всех, потому что спасение не для всех это гибель.

17. КАК ПЕРЕДАТЬ, НЕ ПЕРЕДАВАЯ: ДОГМЫ, КАНОНЫ, СИМВОЛЫ ВЕРЫ, ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ

«Устраняя слово Божие преданием вашим, которое вы установили» (Мк. 7, 13).

Слово от Бога и слово от человека... Иисус что, юродствует? Делает вид, что не понимает: это ложное противопоставление.

Вот русские крестьяне, когда им читали царский манифест об отмене крепостного права, бунтовали: подложный манифест! дворяне подлинное царское слово подменили, царь хотел с землёй освободить, а они землю зажали. А ведь манифест был подлинный...

Сегодня, кроме капитальных атеистов, которые отрицают просто всяческую религию, есть полу-атеисты, которые как бы Бога не отрицают, но уверены, что настоящую религию, которая от Бога, подменили попы. Или апостол Павел. Или император Константин. В общем, была бы вера в подмену, в заговор против Бога, а виноватый найдётся.

Современному человеку кажется, что все злоупотребления и искажения легко предотвратить. Есть эталонный метр, должен быть эталонный текст. Если нужно, с цифровой подписью. Что сверх этого, то от лукаваго. Ишь, предания человеческие раснапридумывали!...

Тонкость в том, что как раз религиозное сознание склонно к архаизации. Оно не тормоз, оно притормаживает. Это не так уж глупо: представьте себе брокера, который покупает акции всех новых компаний, а старые акции продаёт. Надо дать время отстоять. Да и не дело верующих отсортировывать перспективные новинки от не очень. Психологически вера — та сфера, где немножко консерватизма очень недурно, как и коньяк лучше старый, и в архитектуре дома гнаться за ультра-модным почти гарантированно означает сесть в лужу.

Поэтому в религии так много архаических форм. Но это всего лишь формы, содержание с этим никак не связано. Другое дело, что иногда зашкаливает. Когда письменность только зарождалась, была делом фараонов и царей, на неё смотрели благоговейно. Скрижали

Моисеевы, как же! Да ещё каменные!! Напоминание о временах, когда цари писали на скалах, а быдло на глине. Скрижали — каменные, а всё остальное — устное. Более того, устное воспринималось и воспринимается часто верующими людьми как нечто более важное, чем письменное. Библия — прекрасно, но без устной традиции она — соблазн, непонятки, искушение. Между прочим, это не так глупо. В конце концов, самое современное обучение требует живого учителя с его живой устной речью.

Иисус всё это прекрасно знает. Он Сам и есть Учитель, да ещё огого какой — говорящий с властью не комментатора, а Автора. И как говорящий! Вот сейчас Он обличает тех, кто отказывает отцу и матери в помощи (не «почитают», вспоминается древнее славянское обозначение взятки как «почести») под предлогом служения Богу — но Он же, именно Он же говорит в другой раз, что ради Бога нужно бросить и отца, и мать, и много кого и чего ещё.

Плохой историк скажет, что это показывает компилятивный характер текста, что один человек не может выдавать такие противоположные утверждения. Нормальный историк знает, что, если текст не противоречив, он вряд ли написан человеком. Литературовед объяснит, почему противоречия в речи неизбежны, какой их смысл, как их следует анализировать.

Надежда предотвратить противоречия или хотя бы объяснить их исчерпывающим образом раз и навсегда, есть надежда вздорная и наивная. Идея, что можно создать эталонный текст — неважно, устный или письменный — и чётко разграничить этот эталонный текст от комментариев, есть идея вздорная и наглая. Тексты или речи, традиция письменная или устная, — всё это производное от живых участников коммуникации, общения. Положение не облегчается, а осложняется, когда один из участников коммуникации — Творец мира. Бог невыразим — и вдруг начинает выражаться, — вот где раздолье непоняткам и толковаткам.

Апологеты христианства обычно подчёркивали, что Иисус родился в редкий момент, когда на значительной части планеты царил мир. Римская империя умела цыкнуть. Благодаря этому апостолы имели возможность сравнительно легко объехать множество земель. Важнее, однако, другое. Римская империя знала информационную революцию, возможно, первую в истории. По дорогам шли легионы солдат, но победу обеспечивали не легионы, а информация. Не толь-

ко разведывательная, не только военная, но и всякая. Поэзия, научно-популярная, диалоги, монологи, письма, эссеистика, просто романы, и довольно увлекательно читающиеся даже в наши дни. Огромное количество текстов — это особенно хорошо видно в сравнении со Средними веками, когда объём информации уменьшился буквально в сотни раз, причём резко, в одночасье.

Римская литература была многоязычной — на родной латыни и на греческом. Это, между прочим, показатель информационной зрелости, а не слабости. Только невежда полагает, будто чем однороднее культура, тем она культурнее — всё прямо наоборот. Римляне не латинизировали подданных, как русские руссифицировали, как арабы арабизировали. И это — показатель высокого уровня цивилизации. В «Деяниях апостолов» — книге очень римской — не случайно действие Святого Духа описано как дар говорить так, что тебя понимают носители самых разных языков. Не они переучиваются, а ты под них подстраиваешься.

Христианству в этом смысле очень повезло. Случайно или нет — вопрос нерешаемый. У Иисуса целых четыре биографии! Это беспрецедентно много для древнего мира. Для Его современников — великих учителей, почитаемых современным иудаизмом — таких биографий нет, только отрывочные поздние сведения. Христианство освоило греко-римскую культуру и благодаря этому его информационная база очень широка. Это само по себе не означает, что христианство «истиннее», но это объясняет, почему в христианстве впервые появились такие понятия как «догма», «ересь», «ортодоксия», почему есть Символ веры (на самом деле, не один, а множество), почему проводились Вселенские соборы и почему соборы и сейчас проводятся. Христиане всё это не выдумали — это все были механизмы насыщеннейшего коммуникационного пространства, в котором они жили, они, естественно, переносили эти механизмы и в свою религию.

Коммуникативная культура старается ранжировать информацию. Отсюда стремление установить «канон» (в греческом это слово означает «отвес», «эталон»): определить, какие тексты более достоверны, какие менее, какие совсем лживы. Так появляется «каноническая Библия» — и именно она, а не устная традиция, является в христианстве главной. К устной традиции в Церкви вообще довольно скептическое отношение, и это довольно разумно — особенно в сравнении с верой многих людей в то, что «истинное знание» тайно передаётся из

уст в уста некими законспирированными хранителями. Секретность и истинность несовместимы друг с другом — это аксиома информатики. Отсюда и своеобразное богослужение, которое ценит не спонтанность, не импровизацию, а верность эталонному тексту. Архаики в Церкви и так много, но в одежде, в языке, но по возможности не в информационной части. Собственно, иудаизм и ислам развивались точно так же, только позже, в Средние века, поэтому так не так чётко выражен процесс.

Цивилизованное отношение к любым текстам, догмам, канонам есть не отношение наивности, идолопоклонства перед ними, а отношение трезвое. Существование таких текстов — помощь в коммуникации. Если эти тексты отрываются от коммуникации и её подменяют, — это коммуникативная безграмотность или, говоря языком Библии, идолопоклонство.

Если вернуться к примеру с идеей, что почитание Бога настолько важнее почитание родителей, что можно последних и на сухой паёк посадить, — так ведь и тут грех не только в неуважении к родителям, а в замкнутости на себе. Ты сам решаешь, или ты ищешь кого-то, кто решит. А нужно решать вместе, сообща. Совершенно не исключено, что ответы будут разные в зависимости от ситуации. В конце концов, бывают родители миллиардеры, которые совершенно не нуждаются в помощи деньгами. А вот в другого рода помощи, может, нуждаются — надо их спросить. Может, и спрашивать не нужно, а нужно бежать — но спроси тогда Бога, спроси единоверцев. Фиксация, канонизация текстов — это не замена общения, а помощь в нём. Именно этому учат учителя в первую очередь. Учебник — не догма, а помощь в учёбе. Так и христианские догмы — не догмы, а помощь в вере и общении с Богом и единоверцами.

Если говорить о той части христианской догматики, которую одну только и знают верующие хоть сколько-нибудь — о Символе веры — то он ведь и не пытается описать всю веру или всё в вере. Он описывает то, что было предметом споров, и излагает достигнутое решение споров. Понятно, что споры велись о малой части того, о чём можно ещё поспорить. Малой, но важной чем-то для верующих. Символ веры поют в церкви, символ веры читают во время молитвы как молитву, хотя он никоим образом не молитва. В этом есть ровно столько же смысла, сколько в возгласе «Доброе утро». Доброе ли оно? Спорный вопрос, пока мы не задумаемся, что оно могло бы быть без нашего

участия. Вот так и с догматами — они защищают наше участие в жизни Церкви. Не более, но и не менее.

18. ОТ ОБЩЕГО К ВСЕОБЩЕМУ: ЦАРСТВО БОЖИЕ, ЕВАНГЕЛИЕ, НОВЫЙ ЗАВЕТ

«И говоря, что исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15).

Налицо странность, о которой часто забывают даже верующие в Христа. Иисус проповедует Царство Божие или Царство Небесное, но не Царство Иисусово, не Царство Христово. «Евангелие» — это благая весть, торжественная весть не о Христе, не о Спасителе, а о чём-то другом. «Спаситель» — тот, кто вытаскивает из гибели и помещает куда-то, где всё нормально. В рай. Вытащить тонущего из воды и — на берег. Искусственное дыхание, спасённый встаёт и идёт по своим делам, ура. Спаситель идёт по своим делам или, если это штатный спасатель, садится и ждёт, когда придётся спасти следующего заплывшего за буйки.

Иисус не вытаскивает, конечно, никого. Он бросился к утопающим и с утопающими остался. Иисус — анти-Ной, Церковь — корабль спасения, но это затонувший корабль. Подводная лодка. «Царство Божие приблизилось» означает, что райская жизнь каким-то непонятным образом втиснулась в обычное земное существование. Не отдельная «обетованная земля», не «избранники», отделённые и обособленные от всех других людей, а новое измерение жизнь. Двойное гражданство. Шпионы неба. Пятая колонна (считая первыми четырьмя колоннами четырёх евангелистов).

Понятно, что при этом меняется само понятие о вере. Одно дело верить, что где-то впереди Обетованная земля, а ты — часть избранного народа, другое дело верить, что обетованная земля уже тут, хотя её никто не видит, что ты не часть, а целое, существующее безо всякого народа, зато с Богом.

Насколько различаются это Царство Приблизившееся и Обетованная Земля? Заповеди Божии одни? Да, конечно. Тогда в чём проблема, собственно? Да ни в чём, кроме того, что «Царство Божие» — это всё-таки псевдоним Бога. Бог приблизился, Ему приготовить дорогу в

своей жизни. Я думал, Земля Обетованная это мой дом, в которой есть уголок — Иерусалим, а в нём местечко для Бога — Храм Соломонов. Но оказывается, «Земля Обетованная» это как забавные растворимые полотенца — бросишь шарик в воду, он превращается в кусок материи. А шарик-то исчезает! Зерно умирает — и в этом спасение для колоса! «Приблизилось Царство Небесное» — не очень хорошая новость для земного царства. Оно сейчас растворится... Оказывается, это была колыбель...

В принципе, это издевательство — или поэзия. Ну какое ж это «царство»? Это воздушный замок. Ну какой Иисус царь, если Он никому голову не может приказать отрубить? Да что там «не может» — не хочет! И мне запрещает рубить головы или хотя бы хотеть рубки.

Земля Обетованная, Царство Израиля — это понятно. Царь где-то там в Иерусалиме, меня обороняет и для меня расширяет границы и всякие торговые связи с разными савскими царицами, а я спокойно живу себе на хуторе, никто ко мне не лезет, шлепаю с любовью детей, жена мне обед готовит... А Царство Небесное — непонятно. Хутор исчезает, никто меня не защищает, более того — я должен, видите ли, нести свой крест. Даже шлёпать детей не имею права, говорит мне вдруг сердце — ну, не сразу, но лет эдак через пару тысяч после слов «Царство Божие приблизилось». Жена вообще поступает в университет, я должен сам готовить себе ужин... Что происходит?!

Происходит спасение. Настоящее спасение — не подготовка к спасению, подготовка через упаковку, замыкание, завёртывание, помещение в парник. Спасение через размыкание, деколлективизацию, фонтанирование семенами во все стороны. Любовь к ближнему из простого и понятного — и высокомерного — делания добра слабейшему оказывается хождением в мире, где не должно быть слабейших вообще. Царство Божие похоже на Землю Обетованную как Нью-Йорк похож на пещеру первобытного человека. Головокружительно! Люди те же, этика та же, но как же всё сложнее, иначе и — интереснее. Продуктивнее. Справедливее. Веселее. Человечнее. Непредсказуемее.

Меняется предмет веры — точнее, предмет оживает. Меняется содержание слова «договор», «завет». Новый Завет из договора владельца земли с батраком превращается, скорее, в договор издателя с писателем.

В наши дни выражение «новый завет» иным кажется антисемитским, воплощающим отречение христиан от веры «ветхого завета». Антисемитизмом грешат и христиане, но выражение «новый завет» к этому отношения не имеет.

Парадоксальным образом, выражение «новый завет» даже старше Ветхого Завета, старше самой Торы. «Ветхий Завет» — обозначение целого комплекса книг, написанных в течение первого тысячелетия до рождения Христова. Из этих книг самые древние — это сочинения пророков, а выражение «новый завет» употребил именно пророк, Иеремия. Конечно, Иеремия прекрасно знал об Аврааме, Исааке и Иакове, но знал он устную традицию, записанную спустя десятилетия. Это нормально — Илиада тоже бытовала веками, заученная наизусть, и ко всем великим книгам древности это относится.

«Завет», конечно, это всего лишь «договор». В русском языке «договор» не так возвышенно и величественно как «завет», но в языке Библии такого различия нет. Более того, «договор» для еврея было понятием очень возвышенным. Всё-таки «избранный народ» был, как он отлично знал, избран не за высокие достижения в культуре. Скорее, евреи были выбраны Богом как в сказках цари назначают строптивой дочери в женихи первого встречного — а первые встречные обычно нищие, попрошайки. Архаика, бедность... Письменность была несравненно более распространена в Египте и Вавилоне — могучих соседях Израиля, великих цивилизациях. От них остались сотни договоров — на папирусных листах или глиняных табличках. Без письменного брачного договора у вавилонян союз мужчины и женщины вообще не признавался браком, у евреев же такие договоры были редкостью, уделом богачей.

Письменный договор — это из обихода элиты, что-то из международных отношений, простые люди ударят по рукам и зарежут барашка в знак нерушимого согласия. А договор с Богом был именно написан, причём на камнях — это по нынешним временам как подписать договор между Россией и Америкой перьевой ручкой за 100 тысяч долларов, сплошь в золоте и алмазах.

Договор Бога с Израилем тем более походил на международный, что это был договор неравных сторон. Ближайший аналог из русской истории — приглашение немцев в Россию императрицей Екатериной. Императрица давала нечто абсолютно ценное — землю и свободу (немцы-то были из меннонитов, которых на родине давили и гнобили

за пацифизм). От немцев требовалось, собственно, ровно то же, что от евреев — жить по заповедям. Не убивать, не воровать, не прелюбодействовать...

Договор Бога с Израилем, как и подобает международным соглашениям, был составлен в двух экземплярах — «две таблицы» это не две страницы в одном документе, это один документ в двух экземплярах. Хранились они, правда, в одной коробке — и знаменитый «ковчег завета» это всего лишь упаковка для договора. Зато хранились в Храме — точнее, где они хранились, там и была Святая Святых.

Доски договора — «скрижали завета» — погибли во время разрушения Иерусалима за шесть веков до Христа. Для Иеремии, однако, эти доски были осязаемой вещью, и довольно увесистой. Именно этой каменной увесистости он и противопоставил «новый договор», который высечен в сердце. «На сердцах их напишу», — говорит Бог.

Тут уже, конечно, совсем другие ассоциации. Может, в анатомии не очень раньше разбирались, но что «написать на сердце» — значит, кровь пойдёт, это всегда разбирались. Тут уже не барашка зарезать, тут себя зарезать. Вот оно где — «кровь нового завета». И это, между прочим, не только кровь Христа, это кровь христианина. Хочешь любить — изволь истечь кровью. Та ещё Ромео с Джульеттой.

«Новый договор» оказывается не договором двух государств — Царства Небесного с царством Израиля, а между Богом и человеком. Не раз в год повспоминать — было дело, заключили договор, а каждый день ходить, схватившись за сердце. Что такое «кровь Христова», какая связь с вином, — это совершенно второстепенная проблема в сравнении с моей собственной кровью, которой, оказывается, написано «не убий», «не кради», «не завидуй».

Тему договора хозяина с подёнщиками Иисус любит. Тут и о работниках, которых нанимают за час до конца рабочего дня, тут и притча о талантах, и сразу несколько притч про работников, нанятых для сбора урожая. Да, вся история человечества с точки зрения вечности — как один день. Однако, есть тут и обратная сторона, поприятнее: один день может быть как вечность.

Пророки имели наглость сравнить отношения Бога и Израиля с отношениями отнюдь не двух государств, а мужа и жены. Жена изображалась похотливой бабой, которая алчно жаждет сексуального

гиганта — египтянина или вавилонянина, сидит, раздвинув ноги... В общем, текст в оригинале абсолютно непристойен.

Однако, если муж так ругает жену, то уж верно потому, что хочет её? Любит Бог, любит, а когда любишь — один день начинает светиться светом вечного бытия.

Вот потому в «ветхий» Завет добавили «Песнь Песней», где, между прочим, ни слова о браке, только о любви.

Нового в евангельском договоре как раз то, что он больше похож на брачный договор. В эпоху Иисуса, естественно, такие договора были куда более распространены, чем во времена Моисея. Составлялись они, между прочим, в интересах женщины, и прежде всего — чтобы предотвратить развод. Теоретически мужчина мог развестись с лёгкостью, достойной лучшего применения, безо всяких объяснений — кстати, как и завести вторую жену. Практически брачный договор оставлял единственную возможность развода — если доказана измена жены. Во всех остальных случаях муж должен был платить бывшей жене столько...

Впрочем, Иисус даже не рассматривает возможность развода Бога с Израилем. Дело в том, что развод возможен только после того, как муж и жена соединяются, а вот брачный договор вступает в силу до этого. Прямая противоположность тому, как это делается сегодня. Ситуация не совсем понятная современному человеку. Нам нужно подробно разъяснять о договоре то, что две тысячи лет разъяснялось именно выражением «договор».

Брачный договор в древности был не частью помолвки, он был браком. Именно поэтому были возможны браки с детьми. Никто не собирался укладывать в постель годовалую девочку, но, если отец девочки заключал договор о её браке, то брак считался заключённым. Именно в этом драма Марии с Иосифом: Мария не просто невеста Иосифа, она его жена. Они не спали вместе, но договор был заключён, и теперь Иосиф имеет право на развод. Это не расторжение помолвки!

Вот почему такое значение приобретало целомудрие невесты — это было целомудрие не до брака, а в браке. Девушка жила с родителями, в определённый момент переезжала в дом жениха, но и до переезда она числилась женой.

Так что именно о Новом Брачном Контракте говорил Иоанн Предтеча, когда сравнивал себя с другом Жениха. Именно о Новом Дого-

воре говорит притча о царе, который женит сына и созывает гостей. Именно о Новом Завете притча о глупых подругах невесты. Бог даёт человечеству в мужа Своего Сына.

Этот образ не только объясняет, чем реальный мессия отличается от месии, которого хотели видеть. Хотели видеть всего лишь того, кто выполнит Божьи обязательства по Синайскому Договору — обязательства насчёт земли. Вот почему Иисус — шок. Вы рассчитывали получить квартиру, а Вам предлагают выйти замуж. Господи, спасибо, конечно, но мы же не просили, так?

Просили, не просили, но у Бога такая точка зрения, что первый Договор включает в себя второй, «ветхий» включает «новый». Он должен был предупредить? Ну, во-первых, Бог никому ничего не должен — этим Он похож на Свой образ и подобие. Во-вторых, Он, кажется, полагает, что люди должны были понимать, о чём речь. Ах, мы воображали себя мужчинами, у которых одна проблема — чтобы жёны исправно рожали? Так это наша проблема. В отношениях с Богом и мужчина — всего лишь невеста.

«Невеста» — более точный термин, если переносить древнее выражение в современность. Всё-таки сегодня статус «жена» отсчитывают с момента первой брачной ночи, а не с подписания какой-то бумаги, о скольких бы миллионах в ней не говорилось. Важнее другое, есть в отношениях с Богом, даже, точнее, в отношениях с Христом, некая дополнительная точка, дополнительный этап. Как в отношениях Исаака с Ревеккой, когда Ревекка считалась женой Исаака с момента заключения брачного контракта, но первая брачная ночь наступила лишь через семь лет.

Понимать его можно по-разному. Можно беспокоиться о Втором Пришествии как о конце света. Можно радоваться этому пришествию как началу настоящего света. Можно радоваться тому, что до Страшного суда будет тысяча лет прямого правления Иисуса на Земле. Но это всё мужские, мачистские, даже прямо-таки солдатские мечтания. Иисус явно имеет в виду другое, какую-то встречу с Ним, подобную встрече жены, никогда не видевшей своего мужа, с этим самым мужем. В наше время не то что подобную жену — подобную невесту не найти, во всяком случае, в той части мира, которая не так давно нагло позволяла себе именоваться христианской. Вот пока именовалась — бывали заочные браки, которые теперь ничего, кроме омерзения, вы-

звать не могут. Так что теперь христианства, возможно, не больше, чем в Средние века, но уж псевдо-христианства точно меньше.

Новый Договор — это всё тот же договор Отца Небесного, что был высечен на камне три тысячи лет назад. Десять заповедей просто на просто записали не на камнях, а на сердце Иисуса — и хранить этот договор в здании уже никак нельзя, только в собственном сердце. Это уже договор не о земле, а о человеке на земле. О каждом человеке. Да, этот договор по-прежнему можно сравнить с деловым предприятием, разве что это уже не закрытое акционерное общество, а открытое.

«Закрытое» — когда все акции у избранного числа акционеров, посторонние не допускаются, отвечают совладельцы. «Открытое» — когда акции выставляются на продажу кому угодно, и теперь уже их стоимость зависит лишь от успешного ведения дела. Возможности у такого бизнеса больше, но и риски выше — причём, риски не только тех, кто ведёт бизнес, но и тех, кто участвует в бизнесе через акции. Новый Завет — общество, в котором акции есть даже у тех, кто о Боге давно забыл, где рискует один Бог — и в чём этот риск, напоминает Крест, а прибыль... Как сказал один христианин, Церковь — единственный кооператив, созданный для блага тех, кто в нём не состоит.

Можно сравнить это и с двумя разными типами семьи — и не случайно эти разные типы встречаются в очень разных обществах, в индустриальном и в архаичном, патриархальном.

Патриархальная семья — как закрытый бизнес. Всё делает муж, а жена — кулинарно-стирально-посудомоечный комбайн. Таково домостроевое понимание отношений с Богом. Люди с готовностью берут на себя роль жены — исполнительницы, жены, которая и на костре еретиков сожжет, как сжигает мусор, и крестовый поход затеет, как закатывает огурцы в банки, а Богу — почётная роль Мужика, который приносит получку и ни во что более не вмешивается.

Современная семья — о, тут нету «ролей», нету и их «распределения». Тут не механика, тут нечто настолько сложное, что никто понять не может, но жить, любить и творить — вполне получается. Хотя, конечно, может и наперекосяк всё пойти.

Может всё пойти наперекосяк и в Церкви — в семье человека и Бога. Только вот чудо — перекашивается-перекашивается, но не всё. Красной нитью продолжается Новый Договор. Вновь и вновь проис-

ходит чудо встречи, скрытой ото всех, но очевидной для того, к кому пришёл Тот, Кого уже давно любишь, но ещё не открывал Ему своё сердце. Ничего вроде бы не меняется — заповеди прежние, слова прежние. В то же время меняется всё. Иногда быстро, иногда медленно. Иногда в детстве, иногда за минуту до смерти, а иногда по десять раз в день. Что ж, бизнес или брак, но где договор дороже денег, там и интерес не денежный, а настоящий.

По договору с Авраам человек даёт Богу веру, Бог даёт человеку потомство настолько многочисленное, что окружающие народы никогда не смогут это потомство истребить, следовательно, Аврааму гарантируется бессмертие в потомках.

Довольно атеистические потребности были у Авраама, что греха таить. Современные неверующие люди готовы ограничиться именно этим — памятью потомков. Они более совершенные, потому что готовы усыновить всех, кто будет жить на земле после них, готовы считать себя живыми, пока в подлунном мире жив будет хоть один пиит, мореплаватель или плотник, помнящий о них.

Договор Иисуса — и с одним человеком конкретно и со всем человечеством вместе.

Бог даёт человеку веру, от человека требуется разве что не расплескать. Бог даёт человеку вечную жизнь не в чьей-то там памяти, а в Своем собственном бытии.

Человек даёт Богу... Всё, что человек пытается дать Богу, Бог вежливо и твёрдо переадресует вниз, другим людям.

От человека по Новому Договору требуется одно: считать залогом своего бессмертия не потомство и даже не Бога, а человечество в целом. Ради потомства или ради Бога можно убить. Ради человечества — нельзя.

Поэтому евангелисты упоминают Вававву. Не народ сделал выбор, Бог сделал выбор — пусть лучше Я умру, но не умрёт человек, вполне достойный смерти (а кто недостоин?!). Иисус бы с удовольствием был распят в одиночку, но у человеческого милосердия есть свои чётко очерченные границы. Ну любим мы симметрию — этого убить, и сбоку ещё двух развесить и убить, оно красивее, величественнее.

Соответственно содержанию Договора, меняется и обстановка. Никакие египтяне не гибнут. Никаких казней творящим зло. Никто

никуда не уходит и никакую землю не получает. Кончилась Обетованная Земля, началось Небо Обетованное.

Меняется и центральный символ. Резание баранов отменяется. Ни один кролик не должен пострадать. Хлеба и вина достаточно, потому что происходит совпадение цели и средства. Иисус это и средство воскресения, примирения с Богом. Иисус и цель — Бог.

Разница двух договоров (как и их единство) лучше всего видна из того, что древнее спасение началось с прохождения через воды Красного моря, а нынешнее — с омовения ног ученикам. Там чудо было в том, что вокруг вода, а людям сухо. Тут вокруг сухо, а ноги мокрые. Там мы опускались на колени перед Богом, тут Бог перед нами. И довольно категорично указал поступать так же с другими людьми. Не себе искать, где бы пройти к своему счастью и не замочиться, а другим помогать выловить Рыбку.

19. ХРИСТОС

«И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мк. 1, 11).

Современники Иисуса познакомились с Иисусом как с обычным человеком, а уже потом открывали — или не открывали — в Нём царя. Цари в эту эпоху воспринимались прежде всего как спасители («Сотер», «Спаситель» — это официальный титул нескольких египетских фараонов, живших незадолго до Рождества Христова). От чего спасали цари? От аристократии. Во всяком случае, Иисус был современником именно таких римских царей, которые воспринимались как спасители от анархии аристократического правления.

Иисус не аристократ, однако и не простолюдин. Он защищает и от аристократов, и от холопов, и от рабов, и от рабовладельцев. Точно — Царь, то есть, Христос, («Христос» — «помазанник», и обычай «помазывать» царя на царство унаследован от очень древних евреев). Сила царя в том, что царь не дворянин. Дворянин заботится о процветании дворянства, царь же не заботится о процветании царей. Царь потому и царь, что он — один. Царь заботится обо всех. Очень точно это выразил французский дворянин, пэр Анри де Токвиль в своей книге об американской демократии. Де Токвиль воспел американскую демократию, оставаясь аристократом, воспел тех, кто заботится о процветании всех, а не избранного аристократического меньшинства: «Естественно полагать, что отраднее создателю и хранителю людей видеть не процветание отдельных граждан, но возросшее благосостояние всех; то есть то, что мне кажется упадком, в его глазах представляется прогрессом».

Насколько это благороднее и аристократичнее причитаний младшего современника де Токвиля Константина Леонтьева и множества менее талантливых господ о гибели цивилизации под напором равенства. Иисус — Царь, и поэтому Христос — демократ. Он — Бог, Который хочет спасения всех, а не какого-либо социального или национального меньшинства. Конечно, некоторым меньшинствам это

кажется упадком, но, как говорит русская поговорка, «когда кажется — перекрестись».

Сегодня человек обречён знакомиться с Иисусом сперва как со Спасителем (сумасшедшим или самозванцем, но претендующим быть Богом), а потом уже открывать в Иисусе человека. Что естественнее: подойти к горе и начать подниматься на неё или вдруг оказаться на вершине горы и... И что, собственно? Человек «уверовал во Христа» и стоит на вершине. Спускаться — глупо. Подниматься — выше некуда.

Спасённый человек точно так же слаб и опошляет Христа, как грешник опошляет других людей и самого себя. Когда Бог открывается во Христе, человек сперва поражён, а через пять минут уже привыкает и начинает ворочать Христом, словно это половой коврик — в одну сторону, в другую переложит, ноги вытрет, веником почистит... В общем, надо «освежить». Не «освежить», а открыть заново — каждый день открывать заново Христа. Бог не ленится каждый день заново открыть человека, невежливо не ответить Христу тем же. Может быть, «хула на Духа Святого» не столько отрицание возможности Боговоплощения, сколько привыкание к Боговоплощению.

Слишком привычен Христос, слишком много слов христиане знают о Нём, и это надо преодолевать. Само слово «Христос» стало восприниматься как имя собственное, как фамилия, ничего не говорящая. Поэтому в название оперы добавили «Христос Супер Стар», хотя вообще-то «Христос» означает именно Того, кто «сверх», кто «супер». Поэтому в русском языке «Иисус Христос» звучит неприлично, словно о школьнике говорим Иване Иванове, и благочестивые люди не ленятся говорить писать «Господь Иисус Христос». Всё бесполезно: Иисус слишком открыт, слишком близок, и как Его ни возноси, Он спустится, догонит и пойдёт дружески рядом. Невидимо, как правило, но ведь и с настоящим другом, с действительно любимым человеком долго можно идти, не оглядываясь на него именно потому, что он — не оставит, что он — глядит на тебя.

Христос ничуть не более видим, чем Бог — Он ведь и есть Бог. Христос не «видим», как видно всё тварное. Он видим иначе. Между настоящим Христом и нашим представлением о Нём такая же дистанция, как между гением и представлением лакея о гении. Мы знаем Христа по Его отношениям с нами — а надо знать Его по Его отношениям с Отцом.

Величайшая опасность для человека — решить, что он «открыл Христа». Опасность в том, что Христос есть человек, и можно подумать, что, принимая Христа как Бога, мы принимаем Бога как Христа. Но Христос не облегчает путь к Богу — путь к Самому Себе. Он, правда, спасает от греха, Он побеждает смерть. Но это совсем другое, и это такая мелочь в сравнении с тем, что предстоит после спасения от греха, после воскресения. Евангелие не в том, что человек воскресает. Иначе Евангелие было бы сказка, заканчивающаяся пьяной свадьбой. Евангелие о том, что после воскресения — Царство Христово. Христос скромно называл Своё Царство — «Небесным», «Божииим», но оно именно Христово, и это Царство такое большое, что начинается ещё до воскресения, уже здесь.

20. РОЖДЕНИЕ И ТВОРЕНИЕ. НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ И БЕССЕМЕННОЕ ЗАЧАТИЕ. МАТЕРЬ БОЖИЯ. БОГОВОПЛОЩЕНИЕ.

«Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мк. 3, 35).

Сказать, что Иисус есть Христос, не самое трудное. Ведь «Христос», «Машиах», «Помазанник» — «Принц», «Избавитель», «Королевич» — это всё должности, призвания, прилагательные. С трудом верится, что Иисус есть Христос (точнее, «с трудом» — не верится, верится без труда, благодатью) — но если уж верится, что Иисус есть Христос, то встаёт закономерный вопрос, кто же такой Иисус. Не по делам, а по сути. Кто Он? Допустим, Ему не надо никого спасать, — кто Он тогда?

Одно из самых удивительных открытий человека — разница между рождением и творчеством. Это разница между воспроизводством и производством. Повторением и новизной.

В одном фантастическом рассказе автор изобразил Землю, на которой умерла промышленность, потому что нехорошие инопланетяне на каждом перекрёстке поставили машинку. Поставишь в машинку кастрюльку — машинка делает копию кастрюльки. Бесплатно.

Правда, копия всегда была самую малость хуже оригинала. Но самую малость!

В итоге через два столетия люди еле выживали, потому что все предметы вокруг них были уже копиями в десятом или сотом поколении, и ощутимо плоше, чем оригиналы. А оригиналы обветшали, как и всё материальное. Нового же не делали — зачем, если всегда можно сделать копию и этим удовлетвориться?

Такой была бы жизнь в мире без творчества, где бы всё только воспроизводилось. Рождалось, продолжая родителей. Авраам роди Исаака. Зевс роди Афину и ещё несколько тысяч божеств и полубожеств. И вообще божество рождает мир. В процесс накапливаются

ухудшения, что и объясняет, почему божество это божество, а мир это мир.

Именно здесь при всём сходстве терминов, сюжетов, обрядов пропасть между верой Израиля и окружавших его народов. Бог не рождает мир, Бог — творит мир. У Бога не может быть ни жены, ни детей.

Это абсолютно принципиально для психологии, которая считает, что происхождение определяет всё последующее. На яблоне не растут груши. На Боге не растёт ни-че-го. Все эти языческие разговоры про осирисов и дионисов, не говоря уж о божественных юлиях, — бррррр, какая гадость! Это же Бог! Единственное, что о Нём точно известно, — что Он иной. А отец — ну что в сыне такого, чего бы не было в отце? Сын так, копия. Чуть-чуть ухудшенная, как правила, а чаще сильно ухудшенная, почему Екклесиаст так и вздыхал о том, что всё суета сует, и наследник растратит то, что копил отец... Бога растратить нельзя! Богу наследники не нужны! Поэтому Бог не женщина, поэтому у Бога нет жены. Скорее уж, Бог холостой гончар, а люди — результат Его творчества. Горшки гончару не дети.

Противопоставление рождения и творения — причина, по которой догматы об Иисусе почти исключительно описывают Его рождение. Собственно, то, что Иисус — Сын Божий в самом строгом, не переносном смысле слова, и есть первый догмат. Все дети Божии в переносном смысле, а Этот — в буквальном. Он идентичен Отцу Небесному как земные сыновья идентичны земным отцам. Исаак идентичен Авраама, Исаак — это бессмертный Авраам.

Да, о Сарре при этом никто не думает, такая уж эпоха. Зато о Марии думали много, хотя эпоха была прежняя, вполне патриархальная, но в центре истории оказался не спасённый от гибели Исаак, а не спасённый от гибели Иисус.

Из четырёх Евангелий только два говорят о рождении Иисуса, делая это именно для того, чтобы описать Иисуса как Бога — Сына Божия в очень жёстком смысле слова. Не как второго бога, а как того же Единого Бога. Это абсолютно невыполнимая работа, которую надо было выполнить. Её и выполнили вот так — через описание Рождества. Означает ли это, что описание — выдумка? Да нет, это лишь означает, что описание — Откровение Божие и смелость человеческая. Кто-то побоялся говорить о Благовещении, ведь это верное обвинение в многобожии, язычестве, а кто-то не побоялся.

Любопытно, что Матфей, описывая отношение Иисуса к родным, передаёт слова Иисуса, упоминающие Отца: кто исполняет волю Отца Моего Небесного, тот мне мать, сестра и брат. Марк, который всячески, сознательно представляет Иисуса как Мистера Икс, чья личность неизвестна, чтобы держать читателя в напряжении, заменяет «Отца Моего Небесного» на «Бога». Пусть читатель понервничает, хотя бы понарошку — ведь читатель уже знает, что Иисус Богу — Сын, иначе бы и не стал читать, Марк пишет для верующих.

Через несколько веков желание подчеркнуть, что Иисус — не только человек, но и Бог, тоже выразилось в рассуждениях об обстоятельствах Его рождения. Так возникли два близких выражения «бессеменное зачатие» и «непорочное зачатие». Сегодня это всё кажется ужасной архаикой, и это и есть архаика, но «устарело» не означает «неверно». Просто это описание способами того времени.

«Непорочное зачатие» — это о зачатии Марии, и «непорочное» вовсе не означает, что Мария была зачата от Духа Святого. Нет, обычное было зачатие. Но по представлениям того времени, «обычное зачатие» — это зачатие, при котором передаётся грех Адама и Евы. Мария зачата так, что она от греха свободна. Что же, значит, Ей было легче жить? Значит, Ангелу она так мудро отвечала, потому что была лучше, непорочнее других людей?

А кто сказал, что без греха жизнь легче? Адам и Ева согрешили в безгрешном состоянии! Так что всё прямо наоборот — Марии тяжелее. Ей даже тяжелее, чем если бы она была в раю, потому что она ведь знает, что такое грех, она окружена им как воздухом, и грех тянет, манит... Она — не поддается. Она проходит обратно тот путь, который протоптала Ева.

«Бессеменное зачатие» — это уже не о том, как зачинали Марию, а о том, как зачинала Мария. Но это абсолютно не о зачатии, конечно, это — опять об Иисусе. Что Он родился человеком, это была данность и очевидность и для тех, кто не веровал в Него, и для неверующих. Историчность Иисуса подвергли сомнению только в XIX веке добропорядочные немецкие профессора, для которых было немыслимо представить себе роды без свидетельства о рождении. Нет бумажки — нет человека. Но с тех пор профессора остепенились и поуменьли, тем более, что как минимум одна находка подтвердила, что об Иисусе писал совершенно не веровавший в Него Тацит, писал именно как о человеке.

Человек по матери, Бог по Отцу, — об этом «бессеменное зачатие»? Да нет, конечно. Не мутант. Не кентавр. Не Геркулес и не император. Человек и человек. Бог и Бог. Одновременно. Как это может быть? Никак. Этого не может быть. «Этого» быть не может, а «Этот» — есть. Вот Он, перед верующим. Перед неверующим — нет, но ещё не вечер.

Догматы о том, как соотносятся человек и Бог в Иисусе, очень напоминают разговоры о том, на кого больше похож ребёнок — на папу или на маму. Губы точно бабушкины, а носик двоюродного дяди. Эти вполне невинные, не унижающие ребёнка разговоры, но всё же хорошо, что они обычно ведутся, пока ребёнок ещё не понимает речи. Это довольно унизительно — что тебя считают всего лишь комбинацией кого-то другого, пусть даже нежно любимых родителей. Такой анализ свидетельствует о том, что сами аналитики ещё не очень-то взрослые люди.

Со временем попытки описать Христа усложнялись. В дело пошла античная философия — слова «Троица», «природа», «ипостась» именно оттуда, они заимствованы христианами, а не выдуманы. Но за всеми этими спорами осталась наивная убеждённость, что человек и Бог могут быть определены и расписаны по графам. Вот это Иисус делал как человек, а это как Бог. Сказать, что эти догматы неверны, невозможно. Если уж какой-то язык выбран для ответа на вопрос, то ответы могут быть верные, а могут быть неверные. Главное помнить, что вопрос — не единственный возможный и, очень может быть, не самый главный и важный. Это вопрос о Христе, а не сам Христос.

Конечно, философские ответы на вопрос о Христе большинству верующих не слишком интересны. Люди, для которых Иисус не просто человек, не просто один из миллиардов сыновей Божьих, а Сын Божий и Бог, веруют в это не потому, что поверили догматам. В Средние века из-за разных толкований догматов происходили войны, в наши дни выясняется, что воевали вообще не из-за догматов, а за национальную независимость: армян от византийцев, византийцев от итальянцев, испанцев от неиспанцев. Формулировки разные, а вера одна. Это не означает, что все формулировки ничего не означают, бывают и неверные формулировки. Но бывает, что догматы верные, а веры вообще нет или она какая-то такая кривая, что почти и антихристова.

Может быть, самым человеческим способом описывать Иисуса остаётся описание Его окружения. Его братья и сёстры, упоминаемые в Евангелии, это родные или двоюродные? Может ли у абсолюта быть родной брат? Евангелисты этим вопросом не задавались, но у католиков и православных стало общим местом, что Мария родила только Иисуса, с Иосифом у неё отношения и после рождения Иисуса остались как у сестры с братом, а «братья и сёстры» — это дети Иосифа от предыдущего брака. Что вполне возможно. Важнее другое: когда человек начинает видеть в Иисусе не только ребёнка? Ведь все эти догматы и обсуждения порождены незрелым представлением о человеке — а незрелость и порождает незрелость. Господь Иисус предстаёт кем-то вроде Питер Пена, который навсегда застрял в детстве. Отец, мать, приёмный отец, братья и сёстры. А кто Он Сам?

Иисус не хочет быть вечным ребёнком и, главное, Он хочет спасти от такой вечной детскости человечество. Да, «будьте как дети» — чтобы вырасти. Да, «кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» — чтобы человек перешёл из мира, где всё определяется родственными связями, в мир Божий. Где не женятся и не выходят замуж не потому, что там нет любви, а потому что настоящая любовь не есть социальное явление, а «жениться» и «выходить замуж» — это социальное. Противоположности сходятся: в аду прелюбодейния так же не обходятся без регистрации, как и в раю вечной любви. Нет братства в аду, нет братства и в раю: в аду — потому что все друг другу чужие, в раю — потому что все друг другу Бог.

Детское сознание интересуется, кто у Иисуса Отец, мать, есть ли братья и сёстры. Кругозор у ребёнка такой, он так мир познаёт, и это нормально. Однако, горькая правда заключается в том, что у Иисуса нет Отца вообще. «Почему Ты Меня оставил». Иисус — один на Кресте. Вот — взрослость. Одиночество и единственность, в которых погибает ребёнок и из которых вырастает личность. Эта горькая правда отчасти уравнивается осознанием того, что Иисус и есть Отец. «Я и Отец одно». Нет какого-то особого старика на облаках, который посылает сына, чтобы защититься от претензий, навести порядок и вообще проявить себя. Есть Он. Один. Единственный. И вера в Него есть вхождение в ту жизнь, где верующий — единственный.

Спасение не в том, что Иисус что-то сделал. Спасение в том, что Иисус тот, Кто Он есть. Кусок вечности, упавший во время. Люди не Бога увидели — Бога увидеть невозможно, мы человека наконец-то

увидели. Или не увидели — если мы увидели в Иисусе человека, каков человек по замыслу Творца, то мы в любом человеке будем видеть замысел Творца и обращаться с этим человеком соответственно. Ну и как? Видим? Мы братья, сёстры и мать Богу? А это нам скажут окружающие — исполняем мы заповеди Божии или нет. Это ведь лишь со стороны можно оценить. Иисус Бог, потому что Он не со стороны смотрит, а в нас живёт, Иисус человек, потому что Он со всех сторон защищает нас и, что часто намного важнее, защищает от нас, как родители защищают своих детей от внешних угроз, но и не дают своим детям стать грозой для окружающих.

Фрейд совершенно правильно определил, что отношения людей с Богом часто лишь продолжение их отношений с родным отцом. Это невротическая религия, это идолопоклонство в чистом виде, это подлежит преодолению. По мере преодоления — а его даёт вера и та самая жизнь по заповедям Божиим, мы начинаем видеть в Боге не только Отца, а в Иисусе не только Сына. Мы просто любим Бога. Мы взрослеем. Мы уже не дети, не друзья юности. Вот он — мир, покой, зрелость. Тогда и спасение достигает своей молочной зрелости. Мы просто любим людей, любим себя, и благодаря этому вечность из жутковатого и невероятного кошмара бессмертия, которое ведь без Бога попросту ад, становится реальностью воскресения и вечной взрослой жизни не только без свадеб и разводов, но и без детства и старости, без рождения и смерти, без попыток разделить и противопоставить человеческое и божеское даже с такой благой целью как свидетельство об Иисусе. Свидетельство и наставления — детство веры, общение и любовь — зрелость верующего.

21. ВСЯ НАДЕЖДА НА ПОКАЯНИЕ

«Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня» (Мк. 10, 47).

Люди часто задумываются (а богословы часто спорили) о том, что сперва — любовь или свобода. Сперва любящий Бог призывает свободного человека или сперва свободный человек призывает Бога, а Бог отвечает.

Знаменита загадка «как звучит хлопок одной ладонью». Рассуждения о том, что сперва — воля Божья или воля человеческая — похожи на загадку «когда двое целуются, чьи губы первые коснулись другого».

Вопрос куда более важный: что сперва — покаяние или надежда? Евангелие не содержит особого призыва к надежде, а вот чёткий призыв к покаянию — пожалуйста, с этого Иоанн Предтеча начинает, крещение и есть символ, подтверждение покаяния.

Тем не менее, надежда всё-таки раньше покаяния. Покаяние без надежды будет лишь погружением в комплекс вины и психопатию разного уровня разрушительности. Самоубийство.

В этом смысле замечательно русское слово «помилуй». Тут напрочь отсутствует призыв «помажь» — в греческом-то корень «елей». «Мил» вообще непонятно что, как и любовь. Понятно, что не «полюби». Вроде бы «помилуй мя» это покаяние, постоянный припев у Великого покаянного канона, но это и просьба. А просьба означает надежду. Кто отчаялся, и просить не будет. Угрюмо молчит. Или весело разговаривает, скрывая отчаяние, или пьёт, но уж точно не просит и не кается.

Как ни странно, «покаяние» отсутствует в списке добродетелей. Так и воздух отсутствует в списке того, что надо брать с собой в поход! А надежда в этом списке — есть, потому что надежда есть не всегда. Надежда, как и вера, не есть нечто вечное, остроумно заметил апостол Павел — в раю уже не на что будет надеяться, и вера будет не нужна. Тем не менее, у надежды есть одно замечательное качество

— она вырабатывается внутренним усилием. Заставь себя любить — фуй, какая гадость! Постановить, что «я верую в то-то» — это нечестно по отношению к тому, во что решил верить. Заставлять же себя надеяться — совершенно нормально. Не я решаю, куда поплывёт кораблик жизни, не я решаю, пустят ли меня на борт, но я и только я могу надеяться, что — пустят, что поплывёт к любви.

В отличие от надежды, покаяние бесконечно. Поэтому настоящее покаяние не какое-то противное занятие, это вечность в нашей жизни. Ну не думаем же мы, что после Страшного суда праведники отряхиваются, как собаки, которых обдали ведром воды, и бегут себе к Богу? Вечная жизнь без вечного покаяния — это ад.

Это плохая новость? Только для тех, кто знаком с покаянием по садомазохистскому христианству. Настоящее покаяние — это не знакомство с Хайдом и Смердяковым, Дартом Вейдером и Фантмасом в себе, это знакомство с собой во Христе и одновременно знакомство во Христе с Богом. Потому что Бог есть Слово, и человеку дана способность цитировать это Слово, и когда человек говорит «согрешил я», творение слышит: «Да будет свет». И становится светло.

Каялся ли Христос? Конечно! Когда Он на кресте сказал «Прости им», это ведь было покаяние за всё то, в чём его упрекают неверующие — что не смог, не успел, не обратил. Бог кается, что бессилен перед человеком, и поэтому Бог прощает людей. Всех. Только одни распоряжаются этим прощением, чтобы вечно быть в аду, а другие — надевают это прощение на штык апостолу Петру и бегут в Рай. Ну его, прощение, Ты нам Себя подавай!

Бег в Рай начинается на земле. Это и есть Царство Небесное, пришедшее в силу. Начинается с прощения, разумеется. Бога простить, людей простить, себя простить. Себя? Не жирно ли будет? Не откроем ли врата самолюбованию? Так о том и речь — есть у покаяния начало, нет у покаяния конца. Но — только покаянию за себя, а не его антиподу и подмене — покаянию в чужих грехах.

22. МОЛИТВА

«Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мк. 14, 38).

Молитва похожа на человека. Сколько у человека измерений, свойств, характеристик, столько у молитвы. Начиная с самой простой: у молитвы есть тело. Можно лежать пластом и молиться. Горе человеку, который не научится молитве пластом: скучно ему будет в больничной палате, в реанимации, в коме. У римо-католиков один из высших способов молитвы — пластом, но на животике (или на животе, это как у кого). Перед рукоположением в священники кандидаты простираются на полу, раскинув руки крестом. Именно так, впрочем, молился св. Димитрий Ростовский, вполне православный украинец.

Человек движется и замирает — движется и замирает молитва. Замирает, не останавливаясь. Молитва на ходу и молитва стоя или сидя, — это три разных молитвы, даже если слова одни и те же. Да и не три — ведь сидят люди очень по-разному. На Востоке, в той же православной Греции, часто усаживались прямо на пол церкви, да и по всему Средиземноморью это было в обычае, благо климат и позволяет, и прерасполагает. В России стойкое предубеждение против молитвы сидя, исключение делается для слабых, но предубеждение это суеверное. Попад в Америку, русские быстро привыкают молиться сидя.

Глядя из Кремля не верится, что можно молиться, закинув ногу на ногу, это кажется знаком презрения и отгораживания, но нет ведь никаких знаков «от природы», человек делает тот или иной жест знаком — или не делает. Наверное, можно молиться и положив ноги на стол, и уж точно можно молиться, протягивая ноги. А уж как молиться, положив зубы на полку!

Это ещё только о позвоночнике поговорили, а ведь есть ещё конечности! Можно молиться на коленях, можно молиться, подняв руки — судя по количеству древних статуэток, статуй, изображений, это вообще древнейшая форма молитвы. Коленопреклонённых таких ста-

туэток почти нет. А вот самое привычное движение ладоней — «умоляюще» сложенные вместе, как на знаменитом рисунке Дюрера — это, кажется, относительно новый способ молитвы. Что уж говорить о такой бесконечной конечности как голова! Легко отличить православного от протестанта уже по тому, что протестант при слове «помолимся» опускает голову, а православный приподымает; протестант закрывает глаза, а православный раскрывает, словно просыпается.

Конечно, в человеке есть кое-что помимо тела, чего не отрицают даже материалисты. Но ещё больше в человеке того, чего в человеке вообще нет, а нужно — вот тогда и начинается молитва как выпрашивание. Любопытно, что перечисленные выше жесты и позы мало связаны именно с просьбами. Ну, лежит человек и лежит, сидит (тем более, если нога на ногу). Разве что сложенные ладони — но это ведь может быть и жест приветствия, как и поднятые руки (которые, впрочем, могут быть и молитвой о пощаде, и выражением удивления — а в Боге есть чему и Кому удивляться).

Самый рабский жест в молитве — это, между прочим, не стоять на коленях (на коленях — скорее жест подчинения, готовности умереть, подставив голову палачу), а молиться, скрестив руки на груди. По православному обычаю именно так подходят причащаться, но у старообрядцев так стоят во время молитвы. Правда, с течением веков положение рук чуть-чуть изменилось — они теперь у старообрядцев не сложены в виде буквы «х», правая поверх левой, а переплетены совершенно наполеоновским образом. В светской культуре это вообще-то выражение горделивого отгораживания от собеседника, но, как уже было сказано, знак дело условное, и у старообрядцев это выражение смирения перед Богом.

Если молитва похожа на человека, а человек похож на Бога, то разумно спросить: а Бог молится? Для христианина ответ обманчиво ясен: Иисус же молился! Так ведь можно сказать, что, если Иисус молился Богу, то Иисус вовсе и не Бог. Если оставить Спасителя в покое (на короткое время, потому что Спаситель тогда спокоен, когда мы Его беспокоим молитвой), то Бог как абсолютное совершенство не может молиться. Ему ничего не нужно. У Него нет убылей, недостатков. У Него всё есть.

Здесь молитва Богу учит понимать Бога. Высшая молитва — не выпрашивание чего-то недостающего. Высшая молитва — даже не созерцание и вслушивание. Высшая молитва — от избытка в себе че-

го-то невероятно мощного, радостного, жизненного. Это не Дух Божий, это, скорее, Его плоды. Входя в человеческую душу, благодать Духа словно вытесняет то главное, что опустилось, слежалось, спрессовалось из-за неиспользования, и вот это подымается и ищет себе выхода — и этот выход в молитве. Это — Богу нужно? Это человеку нужно, чтобы стать собой, как вулкану нужно извержение, чтобы не превратиться в простую мёртвую гору.

Бог молится не потому, что Ему чего-то не хватает, а потому что Ему есть, чем поделиться. Дух Божий — молитва Бога людям. Есть тайна Святой Троицы — молитвы внутри Бога. Радостная тайна: люди не нужны Богу, чтобы молиться, Бог и без нас Бог, а значит, если Он всё-таки к нам обращается, значит это совсем по любви, не по нужде.

Конечно, человек всего лишь слабое подобие Бога. Если бы «образ»! Образина... Наши молитвы как пирамиды Маслоу — в основном, это именно челобитья. Ничего страшного — из этого лимона эгоизма, вечной нехватки сил и здоровья можно сделать лимонад, молясь о других, о чужих нуждах. Это язык, детка! Сколько в языке склонений? Три? В молитве не меньше! Просительное склонение, благодарственное преклонение, созерцательное наклонение. А ещё молитва освящения, молитва посвящения, молитва рассеянная и молитва сосредоточенная. Да-да, рассеянная молитва — тоже молитва, слава Богу. Как евреи — они и в рассеянии евреи. Просто надо вовремя понять, что молитва рассеятельная и помолиться о даровании молитвы сосредоточенной.

Человек-тело, человек-слово и, наконец, человек-человечество. Вот где начинается то, что с чего обычно начинаются вопросы о молитве: молиться своими словами или чужими? Позвольте, а с какой стати слова молитвы другого верующего — чужие? Мы во время застолья отказываемся есть, потому что вино чужое, оливье чужой?! Разве у человека в принципе есть какие-либо слова, кроме чужих?

Конечно, есть. Между любящими людьми, между друзьями, даже между сокамерниками постоянно образуются какие-то слова, не предназначенные для посторонних. Жаргон тюрьмы, аргументы дружбы, жаргонетки любви. Конечно, и в беседе с Богом горе тому человеку, который всегда твердит одни и те же зазубренные слова, словно режет Богу сердце зазубренным ножом.

Конечно, надо молиться и своими словами, и своим молчанием, и своим бормотанием, и своим фырчанием и пением, вздохами и прицокиваниями. Кто чем горазд, кто чем богат. Только проблема в том, чтобы понять, как молиться именно сейчас. Вот на такие сложные случаи и придумано записывать чужие молитвы. На страховом случае, на крайний — а какая минута жизни не крайний случай? Да довольно многие, к счастью! Но всегда должен быть запасной парашют, и молитвенник или любая заученная молитва вроде «Господи, помилуй», и есть такой запасной парашют с земли на небо.

Самое интересное не это. Человек довольно быстро понимает, что молитва своими словами не прихоть, а необходимость. Он может этого стесняться, но убежать от этого невозможно. В конце концов, даже «Господи Иисусе Христе, милостив буди мне, грешной» каждая (или каждый) произносит со своей неповторимой интонацией, да ещё и меняет эту интонацию постоянно. Самое интересное, что молиться одному и молиться с другими — совершенно разные состояния. Слова вроде бы одни, а вот разные.

Переход от молитвы одному к совместной, общей очень часто даётся с огромным трудом, как переезд на другую квартиру — а тут ведь надо не забыть обратно вернуться, а то бывают казусы, когда люди молятся только вместе с другими (не путать с молитвой напоказ, которая вообще не молитва), а в одиночку отвыкают или не научаются. Может быть, самое проблемное слово в религии — «богослужение». «Служение» это слово из глубины веков, обычно подразумевающее довольно бессловесное состояние. «Собачки служат». Часовой несёт службу — молча. Богослужение, во-первых, это не столько мы Богу служим, сколько Бог нам, во-вторых, это не какое-то стояние в карауле, это разговор. Застольный — если это литургия, на застолье — любая другая служба. Вот мы сидим (даже если стоим) на скамейке с друзьями, а Бог стоит (даже если Он на кресте), и мы душевно так разговариваем. Говорим так и говорим то, что никогда не скажем с глазу на глаз. Потому что «двое или трое» — это не переход количества в качество, это исход качества в новое качество.

Молитва похожа на человека ещё в одном отношении: она имеет свой конец. Если молитва заканчивается вместе с жизнью человека, это не беда. Беда, если между концом молитвы и концом жизни оказывается необмоленное пространство. К счастью, весь опыт веры говорит, что у молитвы есть ещё одно сходство с человеком: она есть

часть человечества. Человек умирает, а молитва о нём продолжается. Продолжается его собственная молитва — пока на земле есть хоть один молящийся, он молится от имени всех, кто когда-либо кому-либо молился.

Общность не в пространстве, совместность во времени — и «общая молитва» есть молитва поверх крематория и могил. Да, человек — прах, но человек и пух — Пух пыхтящий, пух летящий, пух заботливо-неловкий. Мы заботливо расписываем, кто живой, кто мёртвый, задумываемся, как это «молиться об умерших», коли с ними уже всё порешили... Про нас, живых, нам кажется понятным, зачем молиться — брось в Бога молитву, выкатится бутылочка. Да о мёртвых куда рациональнее молиться, они только этого и ждут от нас, не стаканчика же с водочкой, не решётки с камнем повнушительнее! Вот как о себе и о других как бы каживых молиться, когда у нас для свободы и духа столько препятствий, что стипльчез с овчинку покажется... Да-да, свобода воли наша драгоценная это ведь свобода безволия, да и не свобода, а хорошо законсервированное рабство. «Хорошо» в смысле «основательно» закрутили.

К счастью, есть не только молитва живых о живых и мёртвых, но и молитва воскресших и Воскрешающего о живых и мёртвых душах. Всю жизнь мы учимся в школе молитвы, чтобы обнаружить, что преподают в этой школе люди, выпущенные в нашу жизнь из университета, который на небесах. Воскресение — это не возвращение на второй год, это приём в почётные студенты богослужения, а по нечётным вечностям — в первоклашек молитв.

23. РИСКИ ДОБРОТЫ

«Он сказал им в ответ: вы дайте им есть. И сказали Ему: разве нам пойти купить хлеба динариев на двести и дать им есть?» (Мк. 6, 37).

Евангелие от Марка не содержит призывов давать милостыню. В нём есть о любви к ближнему, но там, где в евангелии от Луки любовь к ближнему иллюстрируется притчей о милосердном самарянине, у Марка — дыра. Нету у Марка и «малого Апокалипсиса» Матфея с призывами кормить голодных и поить жаждущих, потому что через них у нас просит Бог. Нету в евангелии от Марка и рассказа Иоанна о милосердии — «иди и больше не греши». Правда, этот, о грешнице рассказ вставлен в евангелие от Иоанна через два века после его написания, но вот Иоанн такой, что там эта вставка органична, а у Марка смотрелась бы странно.

Всё потому, что у Христа не было никакого особого отношения к милосердию и милостыне. Особого в сравнении с Его современниками, да и с теми, кто жил задолго до Него или после Него, зная о Нём или не зная. Во всех религиях помощь людям — одна из аксиом. Не потому, что религии хорошие, а потому что люди — человечны. Атеисты и агностики тоже любят и умеют помогать ближним. Человек может переменить религию, но не этику. Понижения и повышения морального уровня происходят в душе одного человека, а все мировоззрения одинаково альтруистичны. О, конечно, можно встретить атеиста, призывающего убивать неполноценных детей, но ведь это эпатаж, стёб. Опасны не стёбщики, опасны альтруисты в рамках.

Рамки альтруизма хорошо известны. Все призывы помогать нуждающимся не привели к исчезновению нужды, нищеты, разрыва между богатыми, не очень богатыми и просто отчаянно нуждающимися в куске хлеба и в глотке воды. Благотворительность поддерживает некоторое равновесие в обществе, но не более того.

Самое паршивое, что добрые дела могут быть очень бесчеловечными. Именно поэтому великий и добрый Лев Толстой, да и не менее великий и добрый Антон Чехов занимались филантропией, но недо-

любили её и критиковали. Слишком часто филантропия превращает людей в вещи, предметы. Нужно накормить голодного — и неважно, человек голоден или попугай. Нужно напоить жаждущего — и неважно, человеку нужна вода или цветку. Нужно помыть — и неважно, сиротку или окно. У меня есть, у другого нет — и другой превращается в объект моего попечения. Вот почему самые бесчеловечные деспоты, самые звероподобные насильники и садисты часто очень сентиментальны и щедры на благодеяния. Ведь они тем самым утверждают о себе, что они люди, а об объектах своей доброты, что те — объекты. Вроде коллекции марок, о которой нужно заботиться.

Благотворительность может быть бесчеловечной и в свободной стране. Бюрократической, государственной. Но это отнюдь не худший вариант, часто это лучший вариант — куда лучше, чем благотворительность религиозная. Это бесчеловечность уважения к другому, когда другой получает необходимое просто потому, что соответствует каким-то критериям. Никто не лезет в душу, просто выдаёт талоны на питание. За этой простотой такой горький опыт христианского милосердия — с работными домами, с настоящими пытками в обмен на продовольствие, физическими пытками и моральными... Даже и в наши дни полно добрых христиан, которые возмущаются тем, что государство «плодит иждивенцев», поощряет лодырей и пьяниц. Милосердие должно быть требовательным! Что уж говорить о такой благотворительности, которая всерьёз рассматривает страдание как средство улучшить человека. Благотворители прислали обезболивающие таблетки, а они портятся в подвале, потому что, видите ли, страдание необходимо больным, оно их к Богу приближает.

При этом само христианское милосердие часто оказывается разновидностью наркомании или даже бизнесом с гарантированным доходом и безо всякого риска. Наркоманией в смысле бегания по кругу. Нищету ведь очень трудно ликвидировать, почему она и существует тысячелетиями, став постоянной тенью цивилизации и прогресса. Ликвидировать трудно, а подкармливать как рыбок в аквариуме легко. А сколько крадут на благотворительности те, кто берёт у богатых пожертвования и отдаёт бедным! Но даже если не крадут, даже, если жертвуют свои и жертвуют собой, всем своим временем и жизнью, —

как часто это впустую. Сколько людей жертвуют то, что могут, а не то, что нужно, и это ещё лучший вариант.

Систему нужно менять, систему. Чтобы не просто накормить-напоить-вылечить, а дать возможность полноценно жить. А то сколько же жертвователей внимательно следят, чтобы жертвуемые не выходили за рамки. Вылечат ребёночка от рака, ребёночек вырастет взрослым — и в армию, без вариантов. Вылечат наркомана, а свободного интернета ему не дадут, и бесцензурной печати ему не дадут — из милосердия, конечно, чтобы не метался. Доброта в железных рукавицах.

Вот тут мы и подходим к тому единственному случаю, когда Иисус сделал что-то, похожее на кормление голодных. Сходство, конечно, поверхностное — да, люди хотели есть. В Кане, кстати, не сказано, что люди хотели пить. Вино, знаете ли, не для утоления жажды. Хозяева хотели щегольнуть, что «не хуже других» — это да. Понятно, почему Иисус с больной неохотой напоил гостей вином — правда, отличным, видимо, Бог иначе как отлично работать не умеет. Был (и в каком-то смысле остаётся) казус, когда Иисус кормил апостолов, можно сказать, с руки, как голубей — «Примите, ешьте, это Тело Моё». Но там точно никто не был голоден и вовсе не жаждал даже вина. Дело было под конец трапезы, довольно плотной, праздничной. А тут — с «умножением хлебом», тут да, голодные налицо.

Ученики, предлагая сбегать в деревню и купить хлеба на 200 динариев, шутят, и довольно саркастически. Откуда в деревне хлеба на пять тысяч человек? К вопросу о юморе в Евангелии. Есть он, есть. Чем меньше еды, тем больше юмора, это космический закон. Да и не хватит двухсот динариев для пяти тысяч, динарий — это плата подёнщику, 200 динариев — хлеб для двухсот, ну, для тысячи человек.

Похоже, что как раз 200 динариев, — всё, что у Христа с апостолами в пресловутом ящике для пожертвований, который носил Иуда. Немного, прямо скажем. Хотя всё равно встаёт вопрос о двойном стандарте — ведь Иисус однажды, посылая апостолов на первую самостоятельную проповедь, велел не брать им с собой денег вообще. А Сам-то, Сам-то... Ну вот — впритык, но имел.

Имел, но был! Проблема с милосердием та, что человеку легче поделиться тем, что он имеет, чем самим собой. Чтобы поделиться самим собой, надо быть самим собой, а кто же это умеет?

Бог это умеет. Это и есть Евангелие. Бог поделился с нами Самим Собой. Кто предпочитает наличными или едой — свободны. Вон, Иисус накормил слушателей и отпустил. Евангелист не утверждает, что хотя бы один из них стал подался в ученики или хотя бы задержался поблагодарить. Только объедков накидали. Ну, Бог не против, Ему и объедки сгодятся.

В сухом остатке всё просто. Голодных не прогонять, не попрекать ленью или пьянством, а кормить. Больных лечить. Не ждать, пока они попросят — искать, особенно искать тех, кто уже не в силах просить или стесняется. Не думать, что лучший способ поделиться собой — это распахнуть душу голодному, чтобы ел и слушал. Так можно самый лучший аппетит испортить. Милостыня, милосердие, благотворительность — это общение, значит, надо не только кормить, но и общаться. Вон, Иисус сперва общался, потом кормил — но делал это исключительно с согласия слушателей, которые ведь пришли Его послушать, специально пришли. А с креста Иисус не проповедовал, туда люди пришли не слушать Его, а распинать Его.

Очень часто пообщаться с человеком — высшая филантропия. Слава Богу, всё-таки какие-то зачатки государственного обеспечения стариков есть. Слава Богу, государство всё-таки не пытается выдавать сочувствие. Да и не сочувствие нужно человеку, а просто — быть человеком, разговаривать на равных. Не все это умеют, конечно, даже и в молодости или в зрелости, так вот и надо давать, чтобы человек пошёл во вкус.

Конечно, надо участвовать в коллективной благотворительности — включая и ту, которая и есть государство. Конечно, надо давать на хлеб просящему на дороге. Причём, с государства строгий отчёт, а с просящего на дороге — ну какой отчёт-мотчёт? Подозреваешь в обмане, не давай, но в душу не лезь. Но между «поручить государству» и «дать в руку бродяжке» — огромное пространство, и это пространство надо исходить вдоль и поперёк с верой в Бога, с верой, что мы не просто укрепляем социум, не просто упражняемся в альтруизме, а летим в неизведанное. Потому что сейчас, как ученики Иисуса, мы раздаём, а завтра, как ученики Иисуса, получаем по шее, — и в обеих ситуациях сохраняем чувство юмора, чувство пропорций и чувство юмора.

24. ЛЮБОВЬ — ПЕРЕПОЛНЕННАЯ ПУСТОТА

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею, — вот первая заповедь! Вторая подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя. Иной большей сих заповеди нет» (Мк. 12, 30-31).

Любовь начинается с самолюбия. Самопознания начинается с самолюбования. Причина проста: самолюбование и самолюбие это остаток любви, которая и есть человек. Любование ведь противоречит любви и тогда, когда обращено на другого. Любования — девять десятых во влюблённости, да и в любви на её заре, но рост, развитие любви подразумевает переход от любования другим в любовь к другому.

Это справедливо даже в отношении любви к Богу, и прежде всего к ней. Религиозный фундаментализм, реакционная религиозность как раз делают акцент на любовании Богом, а Бог-то хочет не любования нашего, а любви. Различие как между монологом — «О, какой Ты великий и могучий утёс!» — и диалогом, и в этом смысле в простом «Боже, помоги сдать экзамен!» больше любви к Богу, чем в «Славословлю Тебя, Творца неба и земли!». Не говоря уж о «спасибо, Боже, что помог сдать экзамен, а теперь помоги экзамены сдавать своими силами, а с Тобой говорить о более важном!»

В диалоге, в любовном обмене взглядами и словами, каждый познаёт себя в другом как в зеркале. Нарциссизм возможен и тут. Самолюбленный человек созерцает в другом только себя, превращая другого просто в лужу воды, в кусок амальгамы под стеклом. Любовь, однако, не в том, чтобы видеть в другом себя («ты есть я»), и не в том, чтобы видеть себя отражением другого («я есмь ты»), -то и другое есть любование с потерей себя и другого. Любование — глухо и немо, оно ограничивается зрением, процессом однонаправленным, там, где необходим обмен. Самолюбование противоположно самопознанию, самолюбование есть потеря себя. Нарцисс любит себя не собой, а образом себя, себя же он не знает и боится узнать.

Страх узнать себя понятен — ведь человек недостаточно человечен, недотягивает до уровня, который сам признаёт единственно человеческим. Недостаточность не слишком велика, но очень болезненна. Мы боимся увидеть в другом, в зеркале, в себе то, что отравляет наше существование. Тьму. Зло. Настоящая Медуза Горгона со всеми своими гадюками внутри меня есть — как и Царство Божие. Чтобы справиться с этим страхом надо увидеть себя в отражении. Не потому, что отражение не страшно — оно страшно. Но отражение устанавливает дистанцию между мною и мною. Я расслаиваюсь и в интервале между слоями образуется воздух надежды.

Вот почему исповедь — отражение себя в другом (Боге, священнике) — это такой же исцеляющий диалог, как беседа с психотерапевтом. Ведь и хороший терапевт не учит, а лишь предлагает себя в качестве отражательной поверхности. Когда человек говорит, что ему не нужен священник для покаяния — он прав, для покаяния даже и Бог не нужен. Поэтому, однако, покаяние может быть разрушительным, самоубийственным явлением, как у Иуды. Это взгляд злу глаза в глаза и исчезновение, окаменение, фиксация во зле. Священник (или Бог) нужен не потому, что обладает волшебным свойством исцелять, а просто потому, что они — зеркало («свидетели»). Да, Сам Бог — лишь свидетель, во всяком случае, когда речь о покаянии. Свидетель слушающий, свидетель прощающий. Вот когда сказано, когда прощено — тогда Бог из зеркала становится страстным любовником, нежным другом, любящим Отцом.

«Люби ближнего как самого себя» в Евангелии повторяет уравнение «люби Бога и люби ближнего». В этом уравнении «самого себя» и «Бога» — одно неизвестное, выраженное по-разному. Я не бог, Бог — не я, но во мне та же способность любить, что и в Боге. Это очень странная, нетривиальная любовь, не требующая другого и в то же время творящая другого. «Я и Отец одно», — так описывает эту любовь Иисус, и все последующие попытки описать отношения любви в Боге хуже этого описания, всего лишь описывают это описание, а не реальность Бога. Точно так же любая психология лишь описывает то, что описывает о себе человек, но не описывает человека — во всяком случае, человека любящего.

Легко описать человека самовлюблённого, самолюбующегося, который составляет девять десятых человека, но который который есть лишь зародыш подлинного человека. Нарцисс — это то, что Павел

называл «плотским человеком», человек, похожим на кусок великолепного мяса на рыночном прилавке. Годен лишь на то, чтобы съесть — в постель с ним не ляжешь. А с любящим — ляжешь, и с Богом — ляжешь, и будет опять чудо библейских ночных поллюций Духа Святого, оплодотворяющих и творящих человека.

Алиса в Зазеркалье — это детская сказка, а реальность в том, что мы и есть зазеркалье, я — отражение Бога, призванное войти в Того, чьим отражением я создан. Самолюбование считает зазеркальем окружающих, любовь к себе рвётся к себе в Зеркалье, к Настоящему, к Оригину.

Любить другого как себя означает принятие другого не как ещё одного обитателя Зазеркалья, а как единого истинного Бога, подлинную реальность. Благоговейно, уважительно — и с полной готовностью порвать отношения, если другой перестанет быть другим, а повернётся к нам лицом карточной карты. Бывает и такое — это зло, и очень личное, личное зло, ровно такое же, как и во мне, зло, сделавшее добро и свет, Бога — всего лишь изнанкой, и пытающееся эту изнанку отодрать, хотя отдерёшь — умрёшь, исчезнешь совсем. В Боге этого зла нет, и любовь к Богу — источник любви к себе без примеси самолюбования, без глухоты и немоты к другому, животворящей и просто творящей.

Самое удивительное во фразе «люби ближнего как себя» — слово «люби». Оно превращает пошлость в парадокс, золотёное правило этики — в изысканную заповедь.

Делать другому то, что хотел бы, чтобы делали тебе — это даже не этика, это механика. Песчинка песчинке, облако облаку, но уже на уровне амёбы это невозможно, ненужно и комично. «Ты есть я» — так молекулы могут рассуждать, не более. Бог в деталях, а человеческое в различиях между людьми. Все люди равны несхожестью друг с другом — поэтому необходимо равенство перед законом, оберегающим несхожесть. Человек отличается от другого куда больше, чем иглолка от воздушного шарика или журавль от лисицы. С физиологической точки зрения — в том числе. Именно это бросается в глаза при взгляде на «делай другому» — оно ужасно асексуальное, даже гомосексуальное. В формулировке «сэр, сделайте другой то, что хочешь, чтобы делали вам, сэр» оно просто идиотично.

Даже в бизнесе принцип взаимности нельзя понимать буквально — он бы означал, что я меняю свой товар на аналогичный товар. Но-

шенные тапочки на ношенные тапочки, не на новые. Никаких денег! Понятно, что речь идёт об абстрактных принципах — будь честен с другим, будь нежен с другой, не кантуй ближнего — в смысле, по Канту, не манипулируй другим, превращая его в средство достижения своих целей.

Только вот любовь — не абстрактный принцип. Любовь вся стоит на асимметрии, на больших и малых различиях, перекосах, нестыковках, включая, между прочим, и взаимные манипуляции. Ничего страшного — любовь всё «покрывает», лишь бы в меру, к месту и вовремя, с юмором, не всерьёз. Правда, «юмор», «невсерьёз», «любовь» непригодны для построения универсальной системы. Так именно универсальность и есть первый грех против любви. Не может единичное быть всеобщим. Никто не воспевает любовь вообще — каждый воспевает свою любовь к совершенно конкретному человеку. Нет человека — нет любви, это и есть «любви ближнего, как самого себя». Нет тебя — нет ближнего, это и есть ад.

Любовь к себе точно так же растёт, увядает, изменяется, как и любовь к любому человеку. Она так же проходит через искушения, так же может быть разрушена обманом и предательством, так же нуждается в терпении, вере и надежде, в разнообразии. Проблема с людьми, которые дисциплинированы, ответственны, набожны, милосердны, образованы, кротки, смиренны — и при этом прекрасно вписываются в какую-нибудь людоедскую систему, вроде нацистской Германии или рашистской России — в том, что они любят себя, как любят ближних, тогда как надо наоборот. Ведь самый ближний всё-таки дальше от меня, чем я сам, его бездны от меня надёжно укрыты, чтобы я со своими безднами разобрался. Для этого нужно делать себе не то, что нужно ближнему, и любить себя надо иначе, а как — это уж каждый должен и может открыть сам. Для своей Америки каждый должен сам быть Колумбом.

Любовь неразрывно связано с прощением, хотя прощение не любовь, да и любовь не прощение. Любящий даже и не хочет, чтобы любимый его прощал, любящий хочет, чтобы его любили. Если простит, но разлюбит — не нужно! Лучше пусть не прощает, лишь бы любил. «Простить» не случайно в русском языке отсылает к образу развязывания, отпуска на свободу («развязать», «разрешить от грехов»). Грех сковывает, прощение раскрепощает. Только вот любовь как раз соединяет — и в этом смысле, она скорее рабство, чем свобо-

да. Правда, рабство — взаимное, а взаимное рабство лучше свободы в одиночку.

Разгадка в том, что любовь не только вытряхивает из любимого грех, прощая. Любовь опустошает самого любящего. Вот почему любовь к Богу — условие любви к ближнему, вот почему любящий ближнего тем самым любит и Бога, пусть сам об этом не подозревает. Любовь переполняет человека — и человек становится подобен Богу, Который так любит, что кажется несуществующим, не имеющим Своей Жизни. Фонтан никогда не полон, он всегда пуст, выталкивая из себя воду, как только она в него попадает. Это и есть вечность любви — вечность прощения, которое выводит из пустоты зла, и вечность творения, которое вводит в безбрежность света.

25. АСКЕТИКА: ИСКУССТВЕННЫЙ АД

«Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих, и ел акриды и дикий мед» (Мк. 1, 6).

Это — адский ад, ад на земле. Сразу вспоминается острота Бернарда Шоу: «Ад существует. Находится в Чикаго». Конечно, Шоу имел в виду не Чикаго миллионеров, небоскрёбов, особняков в стиле модерн, он имел в виду печально знаменитые чикагские бойни, на которых работникам было почти так же плохо, как скоту, почему там и зародилось Первое мая.

Чтобы не устроить ад ближнему своему, надо создавать ад себе. Как Иоанн Предтеча. Одежду из верблюжьего волоса в Москве продают задорого — хорошо по холоду, а когда жара? Говорят, при плюс 30 из неё какой-то полезный жир выделяется, но слабое утешение. Тем более, тут добавлено про кожаный пояс, и сразу вспоминаются христианские аскеты в том же климатическом регионе, но через несколько веков, которые утром надевали на себя кожух и — внимание! — смачивали его. Под жарой кожа начинала высыхать и коробиться, сжимая подвижника тисками.

Ирландские аскеты побывали в Сирии, понравилось, а поскольку с жарой и верблюдами в Ирландии плохо, они просто залезали в болото и давали комарам себя кушать.

Любой пост — ровно то же самое. Ад на земле. Может быть, первый круг, может, второй, а может, и девятый, но — ад.

Зачем этот мазохизм?

Во-первых, не совсем мазохизм. Мазохисту боль нравится, постящемуся пост не нравится. Если вдруг кому-то нравится не есть мяса, таковой постом да ест мясо, — давится, но ест.

Во-вторых, «ад» — это громко сказано. Ну, комары... Ну, верблюжья овчина... Всё-таки это не то, что ходить каждый день на работу перекладывать бессмысленные бумажки. Такого Иоанн Предтеча себе и представить не мог, а если бы представил, ужаснулся бы и потуже затянул кожаный пояс.

В-третьих и в главных, это прививочный ад. Ад на земле нужен именно для того, чтобы ада на земле не было, как минимум — для других, как максимум — для меня.

Конечно, ад у каждого свой. В знаменитом романе Орвелла тайная политическая полиция прежде всего узнавала, чего больше всего боится человек. Боится крыс? А вот мы ему к лицу клетку привяжем, запустим в клетку крысу, и он так запаникует, что разлюбит любимую женщину.

Аскеза, даже в самом облегчённом варианте — это предъявление себе своих самых больших страхов. Так от страха перед пауками лечат, показывая человеку сперва рисунок, изображающий паука, потом фотографию, потом паука из резинок или верёвочек, розового или даже радужного...

Поэтому в современном мире исчезает не аскеза, исчезает общеобязательная норма аскезы. Люди перестают «соблюдать пост». Катастрофа? Да нет. Лучше бы, конечно, соблюдать — просто из солидарности, обозначая невидимым на тарелке мясом своё единство с другими в невидимом царстве духа. Тем не менее, это «лучше» всё-таки символическое. В реальности же в современном мире не меньше, а больше аскезы — в том числе, у неверующих — только она стала очень личной, персональной, разнообразной не только от человека к человеку, но и для одного и того же человека. Человек ведь меняется, меняются и его страхи.

Чем сильна архаическая аскеза — тот же «диетарный» пост? Тем, что есть общие для всех людей страхи, страхи утратить общие для всех ценности.

Высшие ценности — любовь, свобода, свет, тепло, безопасность, сытость. Соответственно, страхи: меня не любят, мной командуют или манипулируют, меня насилуют, мне холодно и голодно, некому руку пожать, меня разбил паралич, я не могу пальцем шевельнуть.

Что делает Иоанн Предтеча, что делает любой монах-аскет? Обет бедности (я разорился, банкрот, нищий, живу подаянием). Обет послушания (у меня нет своей воли, я овощ, идущий за мною идёт впереди меня). Обет воздержания (ну да, меня никто не любит). Главное — каким бы тяжёлым ни был обет, помнить, что это — игра, прививка, понарошку, так что в строгом смысле слова абсолютно верно утверждение, что «я раб ничего не стоящий, ничегошеньки ровным счётом не сделал, просто неядением плюшек балуемся».

Какой самый большой страх современного человека — то есть, современного образованного горожанина? Остаться без интернета. До интернета — остаться без газет, радио, телевидения, но интернет включил в себя газеты, радио, телевидение, да ещё расширил, и прибавил к этому обратную связь, да и просто связь с людьми не по принципу материальному — родства, соседства, работы общей — а по принципу настоящей, духовной близости. Это же милость Божия, что есть такое чудо! Это освобождение из темницы узости, тесноты, безвыборности!!

Значит, и пост для современного человека — отрубить интернет, телевизор, радио, газеты. О, конечно, надо знать меру, помнить о принципе прививки, «плохого помаленьку».

Второй большой страх современного человека — остаться без шоппинга. Потребительство это ведь своего рода чтение для неграмотных, товары — слова. Шоппинг — это путешествие, лизание витрин — как обзор Гималаев с Эвереста, покорение молла за моллом это альпинизм, обшаривание полок взглядом — как Ливингстон в поисках истока Нила. А зимой тут ещё просто и светло, войдёшь в супермаркет — как встречать восход на Пике Альтруизма (так сейчас, наверное, именуют Пик Коммунизма). Покупать что-либо даже несколько пошло, это примитив, высший пилотаж потребительства — ни к чему даже не прикасаться, но всё вобрать в себя духом.

Следовательно, как ни тяжело это признать, надо того... сделать паузу... Как будто ты под капельницей...

Понятно, какой кошмар, что в Средние века пост — это дополнительные молитвы? Что когда-то вообще прочесть «Отче наш» было наказанием? Значит, тогда у людей был страх перед молитвой — действием недобровольным настолько, насколько традиционным. Сейчас такого, слава Богу, нет или намного меньше, чем раньше. Сейчас верующий — всегда добровольно верует. Это вовсе не означает, однако, добровольной, спонтанной, радостно-лучезарной молитвы. Более того: именно у верующего, по-настоящему верующего, именно у человека с опытом есть и страх молитвы.

Страх современного верующего перед молитвой это уже совершенно не тот страх, что у школьника, которого за невызубленную молитву поставят коленями на горох. Это страх человека, который прикоснулся к ящику с изображением молнии — и тряхнуло! Не в шутку тряхнуло! Так тряхнуло, что ты сам не свой, ты — Божий, но

всё же это встряска, то есть, по-русски говоря, стресс и травма. Ты заново родился — но и родиться тоже травма, и причём страшно именно то, ради чего ты родился, жизнь вне мамы страшна. Вот люди, вполне верующие люди и перестают молиться. Вроде бы полегчало. Вера есть, но без риска услышать от Того, в Кого веруешь, что-то неприятное вроде «встань и иди» или «ну что ж ты, Сашенька...». Мы-то думаем, что это мы «поминаем» других, когда за кого-то молимся, а это ведь Бог напоминает нам о других, когда мы их имена произносим. Мы произнесли, а Он от Себя — тук по сердцу! тук по сердцу! И всё в самый миокард целится.

Посты приходят и уходят, а принцип остаётся. Меняются формы аскезы, но жизнь христианина не может не быть аскезой. Так или иначе, мы делаем себе укол ужаса, чтобы не ужасать и не ужасаться, а если не делаем, то заболеваем. Тут укол, там укол... Иногда иголку есть смысл оставить надолго, будет нечто вроде иглоукалывания. На самом деле, у всякого нормального человека есть такие невидимые иглы, но у верующего их, может, не больше, но они осознаннее и цель — не крепкое психическое здоровье, а — как сказал Иоанн Предтеча? — чтобы идущий за мною шёл впереди меня, чтобы я не мешал ему ходить, а помогал — шнурки там завязать, ботинки почистить. Это вторая, самая древняя часть аскезы — сам не съем, отдам голодающему. Голод, конечно, разный бывает.

Теоретически добровольный, персональный ад на земле должен воспитывать истинных арийцев с чистыми руками и холодным всем. На гвоздях спим и кнопками укрываемся. Ведь у человека такая способность к адаптации, такая способность привыкать ко всему, такая... Такая-растакая, да не эдакая! То есть, конечно, бывает, что аскеза сатанизируется, что к ней не просто привыкают, но и деформируются до степени обесчеловечивания. Хрестоматийный пример — Великий Инквизитор у Достоевского. Феликс Дзержинский, ходячий радиоактивный пепел испепеляющий на наши головы. Вам это надо? Вот потому на всякую аскезу есть своя деаскетизация.

Надо уметь вовремя остановиться, сделать паузу, съесть что-нибудь совершенно запретное, в общем, сделать себе укол бесстрашия. Перестать страшиться страхов до такой степени, что даже и не лечиться от них. Тогда исполнится саркастическое «ешьте что угодно, кроме людей» — именно это, в конце концов, имел в виду Господь Иисус Христос, когда назвал кусок хлеба Своим Телом.

26. АСКЕТИКА: ИСКУССТВЕННЫЙ РАЙ

«Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру; (Мк. 13, 35)».

Аскетика это искусственный ад, но без искусственного рая искусственный ад не работает.

Это и к настоящему аду относится — единственное вечное страдание это созерцание рая и длящийся отказ от рая. Вижу иссиня-чёрный виноград, но твержу, что зелен виноград. Что праведники в раю наслаждаются мучениями грешников — вздор, а вот обратное справедливо.

Нести крест — вот что такое искусственный рай. Крест в самом простом смысле — неудачи, тревоги, болезни, безработицу, безденежье, свои психологические проблемы. Легко быть терпеливым в настоящем раю, но в настоящем раю не нужно терпения, веры и надежды. Надо быть терпеливым в аду, каковым часто является наша жизнь — это и будет искусственный рай. На меня начальник кричит, а я улыбаюсь, потому что это Бог со мной говорит. Победа веры над средой и над сознанием. На душе кошки скребут, окружающие кажутся противными донельзя, а я со всеми нежно разговариваю, потому что психика моя — это одно, это среда, это не я, а нежно говорить с окружающими — это другое. Это не лицемерие, это воспитанность — воспитанность евангельская.

Искусственный ад — пост, воздержание, самодисциплина, самопонижение — помогает не упасть, но нимало не помогает не то что взлететь, а хотя бы стоять на ногах, тем более — ходить и говорить по-человечески, а не полузадушенным голосом Иудушки. Искусственный ад сам по себе даже опасен, он порождает великих инквизиторов, он лишь половина аскетики.

Искусственный рай — это когда ад адский, настоящий, вокруг и в тебе, а ты всё же благодушествуешь. Надежда — не пошлая, мелкая надежда как хорошо просчитанный оптимизм или наивность от балды, а надежда с чётким осознанием того, что надеяться бесполезно,

что даже три русских бога — Авось, Небось да Как-нибудь — не могут.

Искусственный рай возможен только среди настоящего, не искусственного ада. К сожалению, ад — это бесчеловечность, которая всегда с тобой. Иногда физиологическая — в виде боли, чаще — психологическая, иногда, правда, сливаются, тогда уже и до эвтаназии рукой подать, а эвтаназия — это не искусственная смерть, это всё тот же искусственный рай, только это не настоящий искусственный рай. Настоящий ненастоящий рай — не извне, не от химикатов и обстоятельств, а изнутри. Конечно, не стоит пренебрегать и ненастоящими ненастоящими раем — по лесу прогуляться, бутылочку вина уговорить, с нимфами, тудыть их в качель, в салки поиграть. Однако, только настоящий ненастоящий рай — действительно рай.

Именно об этом ненастоящем рае знаменитое «стяжай Духа Святого, и тысячи вокруг тебя спасутся». Понятно, что никакие тысячи не спасутся, и вокруг сказавшего эти слова никакие тысячи не спаслись, к сожалению (или всё-таки к счастью? Неча в рай на чужом горбе переть!). Однако, ты будешь видеть вокруг не тысячи мерзавцев, подонков, подлецов, шалав, а тысячи святых. Это тебе не мескалин с метадоном, это — кротость, благодушие, милосердие, доброта, причём именно в момент, когда всё мешает кротости, благодушию, милосердию и доброте.

Вот почему «подставь щёку» — не острое словцо, а довольно практический совет. Почувствуй, что жизнь — не сон! Проснись, засоня — так надо переводить библейское «воскресни, спяй» (Еф. 5, 14). Вставайте, граф, вас ждут великие — да не дела, а мысли. Мысль о том, что жизнь прекрасна, хотя всё болит, в голове гудит и жжётся, всё вокруг плывёт и качается, в общем, смерть моя пришла... Ну, пришла, очень приятно, но жизнь-то прекрасна! Особенно на фоне смерти — как бриллиант на чёрном бархате.

Искусственный рай — это взгляд на мир как на Туринскую плащаницу, с перефокусировкой взгляда. Для этого даже не обязательно превращать её в негативное — а на самом деле, глубоко позитивное — изображение. Теперь, когда уже видели «выворотку» Туринской плащаницы, смотрят на «негатив», а видят — позитив. Выворотка существует, её печатают, но она менее впечатляет, чем подлинник этого фальшака.

Достаточно один раз увидеть мир глазами Бога — и... О нет, это не останется навсегда, навсегда останется знание, что мир хорош. Исходя из этого настоящего знания, из этого откровения о настоящем настоящем, и строится понуждение к миру. Себя, только себя! Понуждение к миру другого — сатанизм, понуждение к миру себя — аскетизм.

Скажи миру «да», когда мир — война, когда мир — страдание, когда весь мир сосредоточился в больном зубе, радирующем во всю вселенную, в друге, который предал, в ребёнке, который не пришёл к тебе в больницу, а то и отправил туда одним ударом справа. Узнаю тебя, смерть, но приветствую Тебя, Жизнь! Аллилуйя! Слава Богу — людям слава. Предателям и подлецам, пьющим и бьющим, равнодушным обывателям и равнодушным насильникам, — всем слава ныне, и присно, и во веки веков.

Ключевое тут — «слава Богу». Если Бога нет, какие же люди — люди? Так, обезьянки, и это в лучшем случае. Аскетика и есть умение прославлять Бога в любой ситуации — и эту любую ситуацию опережать, моделируя. Тебя ещё не гонят, но ты уже благословляешь гонителя. Тёща или свекровь молчат, а ты уже ими восхищаешься. Зуб ещё не болит, но ты радуешься, что он уже не болит. Век уже вывихнут, но ты идёшь прямо.

Если Бога нет, это довольно глупо, но Он же есть — и Он не прочь помочь в искусственном раю. Это в настоящем Раю Бог где-то там, деликатно делает вид, что не смотрит, какое такое «Отче наш» читают Адам с Евой. А в искусственном раю — всегда под боком, всегда под Богом.

Если в искусственном аду — воздержание, то в искусственном раю — целомудрие. Как во время воздержания, так и во всё остальное время. Если в искусственном аду — пост, то в искусственном раю — освящение еды, воды и всего, что под кропило подвернётся. В искусственном аду всё — чужое, в искусственном раю всё — Божие, ведь когда что-то освящается и благословляется, оно передаётся в собственность Богу.

Искусственный ад — всегда в той или иной степени монашество, искусственный рай всегда в той или иной степени — свадебное торжество. А то на свадьбе не бывает неприятностей — но к ним относятся совсем не так, как в любой другой ситуации. Свадьба же! Смикшируем!! Не ко мне в гости пришли, к жениху пришли, что я

буду портить Ему настроение!!! Понятно становится, почему одному молодому монаху-невротiku Бог сказал: «Держи свой ум во аде и не отчаивайся». Ад был у монашка совершенно искусственный, «от балды», так и хорошо — не доставало только настоящих страданий! Пожалуйста, тревожься вволю, считай, что всё пропало, — и не отчаивайся, веди себя так, словно ты в раю.

Ты на операционном столе, на смертном одре, — ну, тебе так кажется — хорошо, не будем разубеждать, тем более, что в какой-то момент все там будем — ну так и веди себя на этом столе и на этом одре как Дон Кихот на своём одре. Весело, с решимостью защитить свою любовь, не отчаиваться! Великаны не настоящие, но ты-то настоящий — атакуй мельницы, только мельников не убий.

Вот почему христианская аскеза не только в том, чтобы отвечать на зло добром, но и в том, чтобы отвечать добром вообще на всё подряд. Вот почему христианская аскеза вобрала в себя античную философию, да не одну какую-то, а все сразу, как явление. Не мудрствуй лукаво, мудрствуй нелукаво! Мудрствуй во Христе, в Духе, в Отце, мудрствуй так, чтобы весь мир заурчал и шерсть у него улеглась, и он вытянулся и прижался бы к тебе. Освящай, почёсывай у мира за ушком из последних сил, и тогда явятся силы пост-последние, они же ангельские, и на руках возьмут тебя, и поволокут через игольное ушко... А остальное уже зависит от того, какое богатство мы сочинили себе в нашем искусственном раю — крепко держим в руке золотое яблоко или крепко отвечаем на настоящее зло настоящего вечным добром вечности.

Конечно, искусственный рай может быть фальшивым.

Можно выращивать розу на подоконнике — и это будет настоящий искусственный рай. Раем будет не сама по себе роза, а комната, которая преобразилась, жизнь, в которой Маленький Принц, живущий в каждом, заботится о своей розе. Это будет не настоящий рай — ведь вокруг стужа, грязь, в общем, баобабы, а не розарий. Рай искусственный, а роза — настоящая. Вера, надежда, любовь — настоящие.

Можно поставить на подоконник засушенную розу, под стеклянным колпаком, в вакууме, не нуждающуюся в поливе и уходе — это будет фальшивый рай. Разница как между верой и ханжеством.

27. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ГРЕХА

«И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам Своим: как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие!» (Мк. 10, 23).

У Иисуса не было какой-то особой «трудовой этики», Он же не был протестантом, да и христианином. Обычная даже не иудейская, а просто архаичная мораль, простая как огурец и незатейливая как грабли. Ровно ту же мораль ясно выразил апостол Павел. В позитивном виде — не заграждай рта у вола молотящего. Плати работнику сполна и вовремя. В негативном виде — кто не работает, да не ест. Что делать с тем, кто не платит? Ну, геенна...

На этом бесхитростном фоне Господь Иисус Христос вышел несколько свойственных Ему парадоксов.

С точки зрения современного активизма Господь был сомнительным идеалом для подражания. Он нимало не занимался помощью страждущим, не бросал для помощи нуждающимся Своего основного занятия — проповеди определённых идей, далеко не простых по форме изложения. Всякие исцеления для Него были только подсобным средством проповеди. В общем, не доктор Гааз, отнюдь; потому доктор Гааз и был последователем Христа.

Парадокс Христа — следствие Его фантастической веры в Бога и не менее фантастического неверия в то, что человечество способно, если очень напряжётся, укусить собственный локоть. Как в отдалённой перспективе, так и в сегодняшней. Вера в беспредельность Божьей справедливости и неприятие человеческой справедливости — той самой «трудовой этики», которая не помогает тунеядцам и благодарит Бога за богатство, вознаграждающее труды праведные.

Иисусу неинтересно, праведно или неправедно богач нажил деньги. Неинтересно в обоих смыслах, Он явно исходит из предпосылки, что — праведно. Всё равно — не делишься с Лазарем, так пошёл в ад. Накорми голодного, сука, пока не помер! Да не голодный пока не помер — ты пока не помер!

К голодным Иисус не обращается и причинами голода не интересуется. Это, между прочим, очень типично для аграрного архаического общества, в котором голод — закономерность, а сытость — счастливая случайность. Любое процветание висело на тоненькой ниточке.

Кто не работает, да не ест — сказано именно потому, что в таком обществе еда часто вовсе не у работающих, а у воюющих, правящих. Забавно, но в древних социумах не считали управление работой. Это сейчас «менеджмент» — почётная профессия, а тогда всё было как-то откровеннее — работа удел рабов, включая рабов, которые управляют рабами, сочиняют и исполняют музыку, высекают статуи и секут, опять же, рабов. Свободный человек не работает! Он воюет и отдыхает между воеваниями.

Павел не подвергает сомнению нормальность такого общества, он всего лишь настоятельно рекомендует не завидовать юлиам цезарям, а пахать. Работать. Вкалывать. Мораль дяди Тома. Она противостоит не морали Спартака, а морали Иуды, это важно понимать — и в «Кабине дяди Тома» (на английском именно «Кабина», не хижина из прутьев, а нечто вроде наших дачных домиков) дяде Тому противопоставлены подлые и гнусные рабы, которые презирают собратьев по несчастью, угнетают их хлеще любого рабовладельца.

Иисус призывает кормить голодных не потому, что голодные хорошие и достойные люди, а потому что Бог — голодный. Бог изголодался по человечности — прояви её.

Современное общество сложнее. Не «современный человек»! Человек остался прежним, но человечество изменилось — и это изменение есть результат того, что Христос не верил в человечество, а верил в Бога. Так корабль во льдах раньше двигался, занося якорь на сотню метров вперёд и накручиваясь на этот якорь. Потому «якорь спасения».

Современное общество сложнее не всюду. Собственно, «современность», «общество» — это не в каждой стране. Уровень «современности» измеряется производительностью труда, качеством труда и, соответственно, качеством жизни. Физиологически потребности людей всюду одинаковы. Однако, в современных странах производительность труда в разы выше, чем в несовременных (не путать с «не современными»). В США производительность труда в 4 раза выше, чем в России. Российские эмигранты — кто с ужасом, кто с востор-

гом — прозвали Америку концлагерем с усиленным питанием. Какой месячный отпуск?! Какое три года сидеть с ребёнком?!

И вот американцы шлют, по чистой христианской любви, гуманитарную помощь голодным русским. Как же — накорми голодного! Голодный учавкивает эту гумпом и идёт вкалывать. Что там в России наевшийся производит? Колючую проволоку, бомбы, отравляющие вещества. Если он учитель — производит кадетов, санитарок и прочих юных застрельщиков американского, украинского, сирийского будущего.

Есть производительность труда, а есть производительность греха. Грех — это не только пьянство, наркомания и прочее ничегонеделание и растрата ресурсов. Это полбеда. Ну, не делает ничего человек, просто сосёт кровь и деньги из окружающих. Даже в современной России таких людей — не ужасно много. То есть, их несравненно больше, чем в нормальных странах, но прокормить их вполне по-сильно. Так ведь есть ещё грех милитаризма, грех пропагандистской лжи. О грехе казнокрадства речи нет — это грех традиционный и не-большой. Не от казнокрадства Россия — страшный сон человечества, а от того, что оставшиеся в казне деньги, не украденные никем деньги идут на людоедство и кровопийство в планетарном масштабе.

Это — политика, а не религия? Это и не политика, и не религия, а печальная правда, которую российские вежливые работающие человечки пытаются скрыть неустанной ложью о людоедских замыслах американцев и прочих европейцев. Хорошо было при царе — просто и откровенно завоёвывали окружающих. Хорошо было при Ленине и до Горбачёва — просто и откровенно боролись с капитализмом. Окружающие, капитализм — это реально. А вот намерение Запада поработить весь мир — нереально. Милитаристский миф.

В этом контексте пьяница, наркоман и тунеядец — почти святой, апофатический святой. Он хотя бы ни на кого бомбу не роняет. Некоторым надо платить, чтобы ничего не делали, привычного для них. Так ведь они же и не согласятся. Это ещё счастье, что в России производительность труда во столько раз ниже нормальной — а то бы жертв российского милитаризма было бы в разы больше. А так то ракета не взлетит, то отравляющие вещества стухнут. Тем не менее, в XXI века только Россия, пока над ней хихикают, умудрилась расширить свои границы, и здорово расширить.

Политика по определению разнообразна, милитаризм однообразен. Однообразная лживость, пакостничество, крысятничество и прочие прелести солдатчины. Может быть, самое неприятное — в современной России — казарменная набожность. Вместо портретов Ленина опять в казармах иконы. Христа жалче, чем Ленина, Христос не заслужил... Он ведь не только сказал накормить голодного, но и щеку подставить. Представляете, что сделали бы с реальным Иисусом в реальной конкретной российской казарме? Ну, а так делают с Иисусом символически. Опускают Христа, прямо скажем. До своего уровня и ниже.

А всё-таки Христос воскресает и повторяет. Голодного кормить не потому, что он хороший, а потому что голодного надо кормить. Вооружать голодного — не надо! Самому тоже не надо вооружаться. Если есть деньги на оружие — раздай нищим, спали в печке, что угодно, но не на оружие. И не бойся, что тебя Россия или Америка завоюет. Ты же верующий, так? Выбирай — как говорил Бердяев — либо вера, либо атомная бомба.

Тут уже не российская проблема начинается. Вот если все западные, свободные страны избавятся от атомного оружия в одностороннем порядке — что, они обречены на завоевание людоедскими странами, у которых атомные бомбы останутся? Значит, не разоружаться?

Казалось бы, какая связь трудовой этики, благотворительности и вооружения! Да вот Христа распяли-то не безоружные. Безоружным бы это не удалось, женщины бы Иисуса отбили.

Невидимая, но осязаемая грань отделяет христианскую этику от нормальной. На 99% они совпадают, конечно. Работать, вкалывать, не рассчитывать на дядю, а быть «дядей». Руководить, творить, изобретать, читать, писать, рисовать, разносить пиццу, читать лекции, мыть полы и посуду (но не одной тряпкой!), ставить эксперименты, пасти овец, решать уравнения, преподавать, шить, — в общем, обычная мормонская или кальвинистская мораль, если подыскивать наиболее яркие христианские модели. Разбогатеешь — не пыжься, это уже из православной модели, понимай, что твоё богатство далеко не только твоё, но ещё и Его и тех, кто Ему дорог, и что семья есть не только у тебя, но и у Него, и эта семья — все.

Только вот ещё: не убий никого и никогда. Работа на войну, работа на угнетение и порабощение, у которых всегда смерть последний

аргумент, невидимый фундамент — это работа не для христианина. Это грех. Чем производительнее грех, тем хуже. Как и высокая производительность у сутенёра, у государственного лжеца, у политических (да и не только политических) людей лёгкого поведения, не к ночи будь помянуты, у изготовителей колючей проволоки — и не только из металла, но и из законов, предписаний, инструкций. У изготовителей и у исполнителей смерти и несвободы. А ведь как они любят кормить голодных, слов нет! Любят и умеют изготавливать нуждающихся, болящих, спившихся от тоски и несвободы, а потом этих несчастных десятилетиями поддерживать в безумном состоянии созависимости от гнусной и порочной власти. Как сказала святая Евфросиния Керсновская, «умереть не дадут, но и жить не позволят». А если кто попытается жить — убьют, это они умеют, это их основное занятие. Или посадят, как ту же св. Евфросинию, которую в норильские рудники отправили, так она там норму перевыполняла. Потому что христианка!

У надзирателей и у их овчарок нет производительности труда — только производительность смерти. Вот тут и появляется собственно христианская работа — производительность воскресения, любви и надежды.

28. НЕСЕНИЕ КРЕСТА

«И, подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк 8, 34).

Любая аскетика, будь то аскетика через выработку у себя способности в самых райских условиях не благодушествовать и в самых адских условиях не озлобливаться, есть дело личное. Собственное решение собственных проблем.

«Несение креста» — решение проблем другого, других.

У Андерсена человек посылает свою тень, свою тёмную часть, к принцессе. Заканчивается тем, что тень женится на принцессе и приказывает казнить человека. Мораль проста: любимый человек заслуживает твоей подлинной, светлой натуры.

Любовь Божия посылает к человечеству Свою подлинность, Свой Свет, Сына, который Отцу дороже Себя.

Сын просит от Своих последователей только этого. Не замыкаться в себе, идти за другим. За другим с маленькой буквы, за Другим с большой буквы. За его болью, за его страданием, за его проблемой.

То, что «несение креста» стало в русском языке синонимом терпения, это чистое недоразумение, недопонимание. Как «нищий духом» стало обозначением дебилов, а не святых.

«Свой крест» это не свои проблемы. Разве Христос взял крест, потому что у Него были проблемы? Проблемы были у нас. Мы дерёмся, а у Спасителя кости трещат. Он взял наш крест, который мы заслужили. Перехватил.

«Несение креста» не есть исполнение неприятного долга. Чистить зубы, ходить на работу, не ругаться на тех, кого нужно бы обругать, не бунтовать, — это не несение креста. Иногда это просто жизнь, иногда, кстати, и грех (бунтовать между по-разному, отвечать на зло добром это страшнейший бунт, с точки зрения зла). Это не долг, это просто жизнь. Никто никому ничего не должен.

Никто никому ничего не должен, поэтому несение креста и есть несение креста, а не исполнение долга. Другой болеет — он не крест несёт, а болеет, это его болезнь. Ты можешь ему помочь и помогаешь — так и это не несение креста, а просто помощь. Несение же креста — когда другой болеет, а ты ему ничем помочь не можешь, хотя и хочешь.

Здесь тайна подражания Христу не как аскету, который сорок дней постился в пустыне, не как уравновешенному проповеднику, который и столы менял опрокидывал без истерики, а и слова «ехидны» произносил не ехидно, а просто использовал все средства наглядной агитации и пропаганды, а подражания Христу как Тому, Кто нёс крест, хотя это было совершенно бессмысленное занятие. Кому от этого стало легче? Ну последовал бы уговорам близких, того же кузена Якова, да и Мама, ну пошёл бы не в Гефсиманский сад, а взял бы на север, к автобусной стоянке около Сада Гордона, сели бы все в автобус и в Иерихон, что ли. Остался бы жив.

Несение креста бессмысленно и бесполезно — именно поэтому несение креста и только оно есть высшая степень обустройства верующего в мире. Когда все аскетические упражнения упражнились, когда душевное равновесие уравновесилось, когда спас сам себя, так что тысячи вокруг тебя начали спасаться, — и вот тогда-то и говоришь, как советовал Господь, что ты ничегошенько-то не сделал, не достиг, и самое главное впереди. Это так по той простой причине, что грех и зло — бессмысленны, и отвечать на грех и зло такими осмысленными делами как аскетика и филантропия совершенно бесполезно.

Адам и Ева согрешили не потому, что забыли помолиться, нарушили пост или не напоили страждущего змия. Они согрешили не «потому что», а просто согрешили. Бессмысленно и беспощадно. Они отказались нести крест, который несёт Бог. Это крест всякого творца, всякого создателя, всякого, кто любит другого более себя. Крест любви, крест свободы, крест бессилия — ты ставишь себя целиком в зависимость от того, кто может избрать ненависть, рабство, насилие. И вот он избрал — что делать? Ничего. Просто страдать от того, что бессмыслица восторжествовала над смыслом.

«Нести крест» — все равно, что «нести электрический стул». Крест — неподвижность, «нести крест» означает «стой всякий, кто идет». Почему есть неправда в фантазиях, которые изображают

Иисуса, идущим по миру в обличи современного человека, на которого никто не обращает внимания, и есть правда Достоевского: если Иисус придет в таком обличи, Его дом — тюрьма. Заметят! Никто Ему разгуливать не даст. Иисус — на кресте, и следовать за ним означает быть вкопанным в землю рядом и «следовать» разве что духом — в Царство Божие. Так что «нести крест» означает не страдать, не быть бедным, а только — отвечать на зло добром и (для тех, кто умудрится сделать подлинное добро) прощать тех, кто на добро, пришедшее в мир через нас, отвечает злом. Обычно размышляют над тем, что Христос призвал взять крест. Но Христос призвал взять крест и идти, и не вообще идти, а за Собой. Свой крест есть у каждого, и большинство несет этот крест в противоположном от Христа направлении.

Между прочим, с правовой точки зрения крест является собственностью не распинаемого, а распинателя. Так что мы поклоняемся собственности административно-хозяйственного управления 5 когорты 6 легиона личной его императорского и принцепского величества армии. И колесо святой Екатерины казённое имущество. И стакан с цикутой, который дали Сократу, с точки зрения Сократа был наполовину полон, а с точки зрения завхоза, который наливал цикуту, был наполовину пуст — сэкономил общенародное достояние, видел, что Сократ хилый, ему и ста грамм хватит, чтобы отбросить копыта. Оказался прав.

Много их было и есть — палачей, которые полагают, что «возьми свой крест и следуй за Мною» есть призыв распинать злодеев. Добро должно быть с кулаками, с крестами, с револьверами, с бомбами — лишь бы следовало за истинными высокими идеалами. Почему так получается, о Добро-с-Кулаками, что ты вечно оказываешься на подхвате у сатаны? Может, это потому, что обзаведшийся бомбой заботится прежде всего о том, чтобы никто эту бомбу не мог отобрать, чтобы утвердить своё право на бесконтрольное использование бомбы? Ну в самом деле, может ли нищий советовать богачу, куда вкладывать деньги? Может ли не имеющий бомбы советовать имеющему, куда засовывать бомбу?

Самое трудное — делать именно то, что говорит Иисус, не финтя. Образ предельно ясный. Три глагола. Отвергнись, возьми, следуй. Ты неподвижен — начинай двигаться. Ты статуя, идол, окаменевшее величие собственного эго, — сбрось эту статую с пьедестала. Не мо-

жешь сбросить (что не исключено, уж очень забронзовела), просто плюнь и начинай движение. Куда? А куда хочешь, главное — по-дальше от себя-идола. И не размахивай руками! Тебе же сказали — «возьми крест». Да не тот крест, который нательный или наперстный. Поперечину тебе на Голгофе выдадут, а ты бери вот это бревно. Что значит, чем это от субботника отличается? Ничем, разумеется! Субботник был пародией на Евангелие.

Так что берёшь вот это бревно — в центре тяжести, один берёшь, у нас-то не пародия — и идёшь. Оно кажется тебе надутым? Ну, в общем, оно, конечно, надутное... Главное, как и было сказано, занять твои ручонки шаловливые. Чтобы никому подзатыльник не дал ненароком, чтобы не вскидывался в нацистском приветствии и не подымал длани для благословений. А как говорить, если руки заняты? А ты помолчи. И иди, иди, иди... Движение всё, цель — ничто, поскольку цель — это ты сам и есть... Станет тяжело — скажи. Захочешь присесть и отдохнуть — скажи. Захочешь в туалет — скажи. Слушай, всё это затеяно исключительно ради того, чтобы ты научился говорить с Богом, ну не ради же таскания этой балясины с места на место!

Главным врагом становится тот, кто советует разжать кулаки — а это Он, Христос, и есть?

Древние спартанцы, сидя за древними партами, хором повторяли за учителем: «Со щитом или на щите. Со щитом или на щите». Кто произносил «ша» вместо «ща», тому привязывали лисёнка на шею и сбрасывали со скалы.

Христианину же следует выбирать — со крестом или на кресте. Да, в Церкви почитают тех, кто распинал Христа — потому что они раскаялись и предпочли оказаться на кресте, а не со крестом.

Добро не должно быть с кулаками, должно не должно быть у подножия креста с епитрахилью и крестом в руках, вознося молитвы о раскаянии казнимого и прощении ему грехов, добро не должно быть разумным в использовании силы. Добро должно просто быть. Беспомощное, агонизирующее, бессмысленное, не могущее ничем никому помочь, не в силах сойти с креста, но и не желающее бросать крест. Ответ великой бессмыслицы Бога Любви на ничтожный смысл тьмы, ненависти и зла. Ответ беспомощности, когда можно отвечать лишь собой, не каким-либо действием, и знаешь, что ответ не поможет, но другого пути нет.

29. ВОСКРЕСЕНИЕ БЕЗ ДУХА — БЛАГОДАТЬ НА ВЕТЕР

«Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых» (Мк. 12, 27).

Воскресение — очень позднее заимствование в иудаизме. Фарисеи в воскресение веровали, саддукеи — нет. За неверующими в воскресение правда древней традиции и здравый смысл. Ещё патриотизм: зачем заимствовать-та?

Только вот патриотизм сам — заимствование. Всё коллективное — заимствование. Ничего плохого в заимствовании нет, без него прогресса не будет, только желательно знать источник, а если требуется, оплачивать авторские права. Авторские права на веру, на религиозные идеи вроде бы не оплачиваются, разве что распятием или побоем камнями. Автор — всегда личность, человек, единица. Гордятся же — всегда многие, коллектив, народ. Это всегда смешно с точки зрения думающего человека, а иногда граничит с кощунством.

Всякий народ считает себя избранным, богоизбранным. Мы и древнее всех, мы умнее, изобретательнее, добрее, красивее, мы несчастнее всех, но мы и терпеливее всех, лучше всех умеем из кидаемых в нас помидоров делать кетчуп.

Бог избрал Авраама не потому, что тот был Эйнштейн. Прямо наоборот. Избрал «неможное мира», как выразился один еврей, и через всю историю Израиля это тянется — не лучшие, а худшие, не сильнейшие, а слабейшие, чтобы всем было очевидно, что победы — от Бога, а не от большого ума или великолепной армии. Если уж евреи что-то изобрели, так это послушание Богу. Но изобретатель редко сам пользуется своим изобретением. Не писатель изобрёл письменность, Элисон не пел на фонограф. Что ж, всё логично и разумно: передай добро по кругу.

Евреи заимствовали всё: письменность, язык, законы, праздники, даже идолов не брезговали воровать, саму землю заимствовали — ну, как бы по воле Божией. Бог же сказал — веруй в Меня, и у тебя многочисленное потомство в роскошной, изумительной земле.

Бог-то сказал, но что именно сказал Бог? Что Бог имел в виду? Сплошь и рядом Бог говорит одно, а потом всю жизнь выясняешь, что же Бог имел в виду. Обычно совсем не то, что подумалось вначале, именно потому, что в начале ты был далёк от Бога, ты был с Ним еле знаком, понимал Его плохо, считая Бога чем-то вроде самого себя, только покрупнее, ты истолковывал Слово Божие в угоду своим представлениям о мире. А пожил — и, если не просто крутил педали на велотренажёре, а куда-то двигался, то стал лучше понимать Бога.

* * *

Вера в воскресение отсутствовала у Авраама, Исаака, Иакова, далее везде вплоть до Екклесиаста, который вполне саддукей и в воскресение нимало не верит, а только удивляется, что с человеком после смерти? Как с животным — то есть, никак, или что-то другое?

Впрочем, Екклесиаст всё-таки это Авраам уже сильно повзрослевший. Это Авраам, который очень скептически относится к потомству. Исаак вырастет и будет Исаак, а не Авраам! Какое там бессмертие в потомстве — дай Бог, чтобы эти детки не свели тебя в могилу преждевременно. А ведь на бессмертии в потомстве держится вся идея Земли Обетованной и многочисленности песка на пляже. Если Бога нет, то на пляже будут нежиться финикийцы и прочая нежить, но Бог есть, так что пляж будет как кильками забит потомками и потомками Авраама.

Ага, а сам Авраам будет сидеть в доме для престарелых на 12 этаже и смотреть телевизор. Вот счастье-то!

Формально, если по-детски наивно относиться к словам, Иисус совершенно вздорным, идиотским образом выводит из выражения «Бог Авраама» идею воскресения. Аксиома: мертвецы гадость, табу, падаль оскверняет. Следствие: Если Авраам мёртв, то Бог Авраама это Бог падали, Бог скверны. Вторая аксиома: Бог свят, а не гадость. Вывод: следовательно, Авраам не мёртв, он был мёртв, но воскрес.

Идея воскресения есть идея очень творческая, очень новая, она плохо стыкуется как с иудейскими, так и с любыми языческими представлениями о жизни, мире, человеке. Древнейшая часть Библии исходит из того, что человек либо жив, либо человека нет. Вообще нет. Остаётся разве что тело. Жизнь есть дыхание. Есть дыхание человеческое, есть дыхание Божие. Бог вечен, Он дышит всегда. Человек перестаёт дышать — всё, точка. Счастлив человек, который успел завести потомство — его дыхание теперь осуществляют его потомки.

У соседей евреев взгляд чуть иной, поутончённое (и Екклесиаст уже разделяет этот взгляд): не столько дыхание, сколько душа. Душа человека отличается от души Бога. Душа, жизнь человека — психика, душа и жизнь Бога — пневма. Эта конструкция неплохо ложится на миф о творении человека из глины плюс дыхание Божие. В человеке тогда есть три части: тело (глина, «адама»), душа и Дух Божий. Дух, душа, тело. Смерть — это уничтожение тела, возвращение Духа Божия к Богу, а неуничтожимая, бессмертная душа мается где-то там. В серости. Шеол. Елисейские поля. Она — бессмертна, ей даже воскресать не нужно. Кровушки бы попить!

Воскресение при этом оказывается перемещением из серости в свет, из бескровности в полнокровность Авраама, да просто, наконец, попить кровушки — ну, небесной такой кровушки, типа амброзии, древнейшая мифологема: вечность это всего лишь бесконечная сытость и напоенность.

Под всем этим нешуточный духовный прорыв. О, совершенно не религиозный — человек открывает себя. Я — Авраам, но именно поэтому Исаак — не я. Многочисленное как песок потомство так же не я, как песок в почках, и так же мешает жить. Как горб. Как шест-балансир в руках канатоходца, когда канатоходец ходит не по канату, а по улице, в магазин за хлебом, в час пик — ну зачем ему шест? Вот оно — «всё суeta суeta и всяческая суeta» — всю жизнь мы сооружаем себе шест подлиннее, помассивнее, подрагоценнее, а потом удивляемся, почему жить так тяжело, почему все от нас шарахаются и держатся на отдалении, но при этом всё равно мешают.

Вера в воскресение есть отрицание воскресения себя в потомстве, воскресения себя в своих стихах, прозе, симфониях, монументах. Вера в воскресение есть неверие в то, что другой может меня заменить. У нас незаменимых есть!

* * *

Иисус не производит никакой революции этим замечанием. Не Он внёс в мир идею личности, Он пришёл в мир, где ощущение себя как незаменимой личности уже нащупывается. Всего лишь нащупывается, но Бог не ждёт, пока всё будет готово — не будет готово, если Он не придёт как можно быстрее.

Бог вообще поступает как американские филантропы (исторически, конечно, наоборот): даёт доллар, если нуждающийся вложит свой доллар. Может и десять долларов на один доллар дать. Сто дол-

ларов на один цент. Пропорции разные, смысл один: жизнь есть товарищество на вере. На вере, но — товарищество. Если ты лишь просишь пожертвования на храм своей религии, а сам не жертвуешь, значит, ты неверующий на самом деле.

Иисус не борется с коллективизмом. Коллективизм, родовое сознание, оно же национальное, сектантское, партийное и т.п., — слабый враг, детская болезнь, пройдет по мере взросления. Иисус борется со смертью. Борется не тем, что умирает, упаси Бог! Умереть дело нехитрое — оба разбойника, распятые с Ним, умерли, да и распинавшие Его умерли, и Понтий Пилат, все умерли, вот такие чудеса. Иисус борется со смертью тем, что ловит смерть и вытаскивает её за шкуру оттуда, где она притаилась — а притаилась она в той самой личности.

Смерть коренится вовсе не в государстве, не в организациях, даже не в семье. Эти благородные институты хранят смерть, пользуются смертью, убивают, но смерть в них не живёт ввиду их полного отсутствия. Они же абстракции.

Смерть смертствует в человеке. Вот что с самого начала звучит в Евангелии инфразвуком.

- Преврати эти камни в хлеб, — говорит смерть Иисусу.

- Закон Божий попей и Любовью Божьей закуси, — говорит Иисус (обращается, заметим, не к смерти, а к нам — к жизни в нас). — Этот хлеб Мой Закон, это вино моя Любовь.

- Защити ближнего, ударь, — говорит смерть.

- Подставь щёку, — говорит Иисус.

- Жизнь она в чём, брат? — говорит смерть. — Жизнь она в деньгах!

- Блаженны нищие духом, — говорит Иисус. — Брось ты свой шест, если привык что-то таскать — возьми вон то бревно, перекладину от Моего креста, всё меньше беспокойства окружающим будет.

- Труп жив! — говорит смерть. — Только окоченевшая, умершая жизнь есть настоящая жизнь! Пошли на могилку праведника помолимся!

- Живой труп... — говорит Иисус. Впрочем, нет, это говорит Лев Толстой и ещё Николай Васильевич Гоголь из-за его широкой спины шепчет: «Мёртвые души... Я в гробу живее всех живых, не потому, что я жив, а потому что все живые мертвее мёртвых...».

- Мавзолеи вы в побелке! — в сердцах бросает Иисус. — Одного купоросу сколько ушло... А внутри...

- А внутри будешь Ты! — отвечает смерть и подзывает свою троицу: Иуду, первосвященника и Пилата. Трус, Бывалый и Балбес.

Иисус живой внутри смерти, тогда как мы мертвы внутри жизни. Сошествие во ад началось в день Рождества, и этот ад — личность, которая не хочет обретать лицо, хочет стереть даже то слабое подобие лица, которое у неё намечается, хочет родиться обратно, а это и есть смерть духовная, а иногда и убийство духовное — когда другого рожают в рабство, в ответственность, в подчинение.

* * *

Воскресение начинается задолго до того, что произошло в Иерусалиме две тысячи лет назад. Да и что тогда произошло? Разве это чудо — воскресение Христово? Это норма жизни. Вот наше воскресение — это будет чудо! И будет, и есть. Когда живой труп перестанет командовать. Когда мёртвая душа отпустит крепостных рабов на свободу. Когда забравшийся внутрь безопасности и стабильности вылупится на волю.

Это называется благодать. Воскресение первой ступенью имеет исчезновение Бога из гробницы, второй — исчезновение Бога с глаз наших долой, третьей — Пятидесятницу, появление Бога в нас, над нами, вокруг нас как невидимого огня, согревающего озноба, понимания всего и умения всем всё объяснить, остаться непонятым, самому не понять, что ты такое сказал, как на тебя Дух сошёл — и это всё и есть жизнь.

Отправная точка духовной жизни — открытие в себе Кого-то, Кто вовсе не ты, но Кто делает тебя тобой. Дух Божий. Сила. Мана. Благодать. Есть это — есть я, нет — я мёртв. Точнее, когда я мёртв — этого нет.

Вера в воскресение есть шаг вперёд, шаг в пропасть. Это вера в то, что совершенно недостаточно быть собой, чтобы быть собой. «Да пребудет с тобою сила»? Ну, есть она со мной, и что с того? Врагов победил, вселенную спас, мир приобрёл, — и что? А ничего! Смерть. Мертвяк. Оказывается, тот Дух Божий, который делает меня живым, этот же Дух высвечивает, что вовсе я не жив. Какой там шеол-меол, Елисейские шанзелизе и прочие исподние! Мне до ада расти и расти!

Благодать, Дух Святой — это, конечно, некоторая данность, без которой человек просто физически уже не человек. Можно ли эту

благодать, силу, передать — то, что Библия называет благословением? Да конечно! Хорош ли этот подарочек? А вот это совсем другой вопрос! Мы думаем, что Святой Дух — гарантия получения Святой Земли, но разве Духу прикажешь? Книга Иова — тоже ведь о благодати, не о той благодати, которая даёт материальные блага, а о той благодати, которая пробуждает в богаче богослова, в счастливом — мудрого, в мудром — верующего.

Человек не горшок, куда можно засыпать камней — и останется место для песка, засыпать песок — останется место для воды. Человеку нужен воздух Божий — и деньги, успех, дети, всё то, что принято было называть «благословение Божие» — они вытесняют этот самый Воздух Божий. Бог в человеке начинает задыхаться от человеческого благополучия.

Воскресение без благодати — человечность на ветер. Дух Божий в человеке без человека в Духе Святом — божественность на ветер. А есть Дух Божий — так уже и воскресения не нужно, уже на вопль «Христос воскрес!» отвечают: «Человек воскрес!» Побездены стражи, которых мы выставляем себя сторожить, чтобы нас не обидели — и которые не пускают душу наружу. Сорвана печать, которой мы опечатываем свою жизнь, чтобы сохранить равновесие и присутствие духа — и дух, задохнувшийся в сейфе безопасности, охватывает и несёт. Приходят друзья, близкие, любящие нас и спрашивают, где же труп, который мы так любили, с которым сжились, который хотим вот маслицом помазать, чтобы смердел поменьше, а им в ответ: а его тут нет, он живой, ждёт вас, догоняйте!

30. ТРОИЧНОСТЬ, БОГОЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

«И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте» (Мк. 9, 7).

Символ веры не упоминает Троицу, не называет Иисуса богочеловеком, даже не говорит «верую в Бога Духа Святого», просто «верую в Духа Святого». Самые умные и боговдохновенные из святых отцов хотели упоминание о том, что Дух Святой — Бог, но вселенский собор струсил. Вселенский собор можно понять!

Даже и в наши дни большинство христиан не понимает веры в Троицу и в богочеловечность, а многие христиане — именно христиане, настоящие — прямо отвергают веру в Троицу и веру в богочеловечность, как её формулирует так называемый «халкидонский догмат» V века. Например, вся Армянская Церковь — формально она еретическая, неправославная. Хотя, как сказал один очень православный мудрец (Никита Струве): католики формально не еретики, а еретики, армяне формально еретики, а — не еретики.

Историки (и «простые люди» с высшим образованием) говорят о трёх мировых религиях, «авраамических», «религиях Книги» — христианство, иудаизм, ислам. Но ведь ни один иудей, ни один мусульманин не считают христиан монотеистами. Христиане с их точки зрения многобожники — именно из-за веры в Троицу.

Казалось бы — почему бы не вернуться к христианству первых двух столетий? Именно это пытаются сделать Свидетели Иеговы. Вообще не использовать слова «Троица». «Да и нет не говорите». В православии по сей день во многих церковных гимнах Иисус называется очень скромно — всего лишь ангелом. «Предвечного совета ангел». Да и «сын Божий» — вовсе не «Бог» в первоначальном смысле слова, как «сын сатаны» — отнюдь не сатана. Просто в древних языках словом «сын такого-то» возмещали недостаток прилагательных. Не «светлый», а «сын света».

Была чистая вера первых христиан, а потом пришли — далее можно подставить самые разные имена: апостол Павел, Ориген, Василий

Великий, — в общем, пришли всякие разные и всё изменили. Может, из этого вышло количественное прибавление, а качество, качество?! Предали веру Авраама! Не монотеисты, а тритеисты!

* * *

Слово «троица», «триада» вошло в мировую культуру через греческого мыслителя начала III столетия Плотина. Правда, оно вошло с лёгкостью необычайной, потому что мышление в значительной степени основано на умении мыслить «трёхтактно». В России это когда-то даже в школе детей заставляли выучивать: тезис, антитезис, синтез. Бог Отец — тезис, Иисус — антитезис, Дух — синтез. Очень красиво, даже кажется, что мы что-то начали понимать! Только это ошибка. Учение о Троице не помогает пониманию, оно не начало понимания. Прямо наоборот: оно взрывает ту видимость понимания, которая есть в учении о Единстве Божиим. Чего ведь проще и понятнее: один Бог! Все другие «боги» — в кавычках, ненастоящие, иллюзии.

Если бы христианство было тритеизмом, верой в трёх богов — оно было бы проще монотеизма. Но христианство — это монотеизм, как бы ни уверяли себя в обратном иудеи и мусульмане. Может ли вера в Троицу стать извращением монотеизма, верой в трёх богов? Конечно! Но извратиться может всё. Как вера в Троицу в наименьшей степени служила причиной для извращения веры в Единство Божие. Суеверы от христианства иногда веруют в трёх богов — Христа, Марию, Николая Чудотворца, иногда — в блаженную Матронушку, преподобного Сергия и в Христа, но уж меньше и реже всего они паразитируют на вере в Троицу. Слишком сложно и абстрактно.

Учение о Троице призвано не разъяснить, а описать. Не напасть на монотеизм, а защитить монотеизм. Если никто не нападает — ну и ладушки, можно о Троице не вспоминать, и большинство христиан о Троице никогда и не вспоминает, не говорят уж о «богочеловеке». Единственное — постоянное упоминание «Отца, и Сына, и Святого Духа». Это словосочетание потому и упоминается в молитвах так часто, что люди отгораживались от тех, кто Троицу отрицал — у тех были другие формулы: «Отца через Сына в Духе Святом». Человек входил в церковь, слушал, какой именно формулой заканчивается молитва, и сразу понимал, он среди «своих» или «чужих». Но понимать Троицу он не начинал по любому! Учение о Троице как раз защищает непонимание, оно в этом смысле более любых других

догматов христианства соответствует самой передовой форме атеизма — агностицизму, которая что видит, то видит, а гипотез на этом основании не придумывает.

* * *

Что же видит верующий в Троицу? Да всё то же: невысокий — метров полтораста — разлапистый холм, Иисус, свет, в ушах звенит «Это Мой Сын», рядом вроде бы Моисей и Илия, но кто их разберёт, ведь ты весь в этом оглушительном звоне и ослепляющем свете. Потом всё проходит, и опять невысокий — метров полтораста — разлапистый холм, рядом старые друзья, Иисус... Хотя какой Иисус? Да и какой холм, очнись! Улица, аптека, ларёк с газетами, прохожие, девочка с воздушным шариком...

«Троица» — это ведь не про то, что разобрались с Иисусом — Он богочеловек, Сын Божий, переходим к высшим тайнам. «Троица» — это продолжение попыток описать Иисуса. Опыт Бога есть опыт присутствия отсутствующего физически Иисуса, присутствия вполне физического — благодать, Дух Святой это же затрагивает меня, а я не струйка дыма, я это моё тело прежде всего, я цельное явление. Вот и пойми — как это так, что Иисуса нет, а ведь Он есть. Исчез? Это деньги со счёта исчезают, а Иисус не исчез!

«Христос», «Машиах» — это описание Иисуса по отношению к сообществу людей, к группе, нации, всему человечеству.

«Богочеловек» — это описание Иисуса по отношению лично к себе.

«Сын Божий» — описание Иисуса по отношению к Богу.

«Троица» — описание Иисуса по отношению к Духу Святому.

«Троица» — это описание Бога как победителя всякого иерархизма, победителя всякой власти, всякого неравенства, всякого отчуждения. Победа над разобщённостью не через единичность, а через единство. Победа над отчаянием человека, над попыткой человека самого себя сделать иерархией, ввести бурю собственной внутренней и внешней жизни в чёткие рамки — попытка такая всегда ведёт к самоокаменению, к утрате себя. Да-да, как и во всех других случаях, описание Бога есть прежде всего описание себя. Ничего страшного, напротив, это и есть то, чего хочет от человека Бог, сотворивший человека по Своему образу и подобию. Это победа над антропоморфизмом, который пытается понять Бога и потому описывает Бога как человека, тогда как надо описать Бога, чтобы понять человека.

Драма веры — не только христианской — что часто описание есть, карта составлена, а движения по местности нет. Тогда начинается «идолопоклонство», «формализм». Человек вроде бы верует в Бога — но толку в этой вере нет, он ведь не молится, не живёт по заповедям. Так — просто вместе со всеми принадлежит к некоей традиции, к традиции иметь на стене карту — карту Америки, или Израиля, или России. Как российские демократы одно время вешали на стену портреты Ганди или Хемингуэя. Понятно, что из этого реальной борьбы за реальную демократию не выходило, уж очень Ганди с Хемингуэем не имели отношения к российской реальности. Только многие спились, думая, что у Хемингуэя «выпивка» — это стакан, а у него «выпивка» — это 50 грамм всего.

Христианские мыслители потому ухватились за слово «троица», что именно тогда, в III веке, начался количественный рост верующих, в том числе, ко Христу стали обращаться и образованные люди, и очень высоко образованные. Для них было очевидно, что вера в Единого Бога и вера в Христа одна вера, но на уровне языка — это два разных языка, две разные веры. Вновь встала та же проблема, что у самых первых учеников Христа: кто Он? Сказать «Бог» — язык не поворачивается, но «сын Божий» — сказать легко, а ведь не то, не совсем то... Есть какая-то новизна, и в этой новизне новая жизнь, новый факт веры, в этой новизне смысл воскресения и вознесения, сошествия Духа тогда и сейчас...

Греческая цивилизация — иногда её называют греко-римской, но всё-таки в античном симбиозе Афин и Рима культурная, словесная часть была прежде всего уделом греков — греческая цивилизация была намного более развитой в информационном отношении, чем цивилизация Израиля. Больше текстов, больше диалогичности, больше пишущих и читающих людей. Совсем другой уровень, качественно намного выше. Поэтому и подчёркивал апостол Павел, что Бог начал спасение не с греков — не с профессором, а с первоклашек. Первоклашки лучше профессоров только одним — у них чувства острее, они более чутки к происходящему вокруг, они — ходячий опыт, локаторы, наблюдатели. Профессора — осмысляют этот опыт, опыт своего собственного первоклашничества. Или чужого.

Что греки стояли на более высоком уровне информационного развития, не означает, что они были лучше или умнее евреев. Просто в истории всё стоит на неравномерности развития и достижений. В III

веке греки стали осмыслять опыт, полученный благодаря вере в Иисуса — вере вполне иудейской. Собственно, «более высокий уровень» означает прежде всего более высокую степень открытости чужому опыту — открытости не наивной, а критической, умеющей разделять истинный опыт и отвергать ложный. Вот греки и разделили веру в Иисуса, но стали осмыслять её, пользуясь развитым языковым аппаратом своей философии, своей литературы. Так и появилось учение о Троице и богочеловеке, сами слова появились. Изменилась ли вера? Конечно, нет. Двухлетний ребёнок потерялся в магазине и плачет: «Мама пропала!» Его спрашивают, как маму зовут, а он прямо и твёрдо говорит: «Маму зовут мама!» Всё просто как «Бог един». Пройдёт 60 лет, сын будет искать потерявшуюся в магазине маму, у которой тяжёлый Альцгеймер, и он будет говорить, что ищет Сидорову Марию Ивановну, 87 лет, рост такой-то, глаза такие-то... И это будет та же самая мама!

«Троица», «богочеловек» — эти слова расширяют наш, верующих, словарный запас. Они не изменяют Бога, они изменяют язык, которым мы фиксируем свой опыт Бога. Отказаться от языка вообще? Родиться назад, в глубину души? Вздор. Но как далеко можно зайти в изобретении новых слов, в новых описаниях? Это общий вопрос о языке веры, а ответ здесь простой: надо идти столько, сколько нужно. В истории человечества — и в истории Церкви — вновь и вновь люди пытались сказать: «Мы дополняем язык своей веры, и это дополнение последнее, других быть не может». Говорили, писали такое, подписывались. Проходило сто лет, двести — и приходилось дописывать. Кто-то возмущался и не соглашался, уходил, а кто-то соглашался. Кто прав, кто нет? Где тот суд — настоящий суд, окончательный — чтобы определил правых и заблуждающихся? А нету его! Это же вера!! Судить может лишь Бог, но Он-то как раз всегда — рядом с нами, Он же участник Откровения, Его Автор, заинтересованное лицо, Он страдает и восхищается нашими открытиями вместе с нами.

Что такого дают слова «богочеловек», «Троица», что нужно обязательно дать? Ничего! Обязательно в религии вообще ничего быть не может, а уж там, где Христос и Дух Святой — особенно. Именно это и выражают слова «богочеловек», «Троица». Бог — Один и Един, но это не означает, что Иисус обязательно не Бог, что Дух Святой — не Бог, что молитва — только Отцу через Сына в Духе, а не Отцу, и Сы-

ну, и Духу Святому. Кто-то молится только Отцу? Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу! Кто-то молится только Отцу и добавляет, что Сын Божий — не Бог? Ну, что поделаешь — Бог такого молящегося молнией поразил? Нет, значит, и мы можем не поражать и не поражаться, а продолжать молиться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, потому что вот же Он — Бог. Точнее, вот он — я, оказавшийся перед лицом Божиим.

Вера в Троицу есть резкое смещение самой точки отсчёта. Не я центр системы координат, точка, из которой исходят высота, глубина и длина. Высота, глубина и длина — это точка, а моя жизнь вся отсчитывается от этой точки. Эта точка — Троица, богочеловек — объёмнее всей моей жизни. Она её порождает, не наоборот. Я, картина, пытаюсь описать своего Художника? Пожалуйста. Вот и выходит «Троица», «Богочеловек». Я — двумерное полотно, мёртвое в сравнении с Ним, а Он — и Отец, и Сын, и Дух Святой, единый в каждое мгновение и в каждое мгновение наполненный жизнью и полнотой, которые я не могу представить, но могу выдохнуть в этих словах — «Отец, Сын и Дух Святой».

31. ДУХ БОЖИЙ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЦЕРКВИ

«Иисус сказал: не запрещайте ему, ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня» (Мк. 9, 39).

Как часто бывает, очень красиво на латыни: «*Nolite prohibere!*» Это ведь совершенно как лозунг 1968 года: «Запрещено запрещать». За этим следуют знаменитые слова: «Кто не против вас, тот с вами».

Запрет — это простейшая форма проведения границы. Вот я кладу прутик, не заходи за него. Моя кожа — это запрет другому касаться меня, так что моя кожа это граница моего тела. На самом деле, всё куда сложнее — во всяком случае, когда речь идёт о человеке. Если в полупустой вагон метро зайдут двое людей, незнакомых друг с другом, они сядут друг от друга на расстоянии вытянутой руки. Так мы отмеряем наше «психологическое пространство», зону комфорта.

Ученики исходят из того, что последователи Иисуса — это общность, отличная от других общностей. У Церкви есть границы. Не надо думать, что если ученики были иудеи, то они не имели представления о границах между религиями и конфессиями. Как и в любую эпоху, как и в любое время, как и в любой религии, иудаизм не был монолитен. Он был даже более поделен на разнообразные течения, чем современный иудаизм, который изрядно сплотился, стал однороднее за века гонений.

Граница между учениками Иоанна Предтечи и учениками Иисуса, между учениками Гиллея и учениками Шаммая — была! При этом были и другие, более обширные границы — между иудаизмом евреев, живущих в Израиле, и иудаизмом евреев, эмигрировавших в Египет, Италию, да вплоть до Китая. Эмиграция была в течение веков — Израиль маленькая страна, прокормиться там было трудно, вот и приходилось искать лучшей доли, совершенно нормальный процесс. И над всеми этими границами — граница между иудаизмом и язычеством. Это ещё атеистов не было, а то была и граница между религиозными людьми, к какой бы религии они ни относились, и атеистами, агностиками, безбожниками.

Впрочем, минуточку: конечно, были атеисты, были безбожники. Они были внутри любой религии. Говорить об этом было не принято, афишировать это боялись, но если по совести сказать — большинство людей были вполне неверующие, только формально принадлежали к «религии предков». В общем, примерно как и в наши дни. Так что границы были довольно лицемерные, такими и остаются. Хоть в Израиле, хоть в США, хоть в Болгарии — поскреби верующих, и выйдет как с лотерейными билетами, где надо соскрести напыление, чтобы обнаружить, что выигрыша-то нет в тысяче случаев из тысячи ста.

Мало того, что так называемые «границы Церкви» слишком легко вмещают в себя абсолютно неверующих людей. Лицемерие, лукавство и формализм известны с глубокой древности, это не новость. А вот что новость — так это то, что границы Церкви не вмещают в себя носителей ровно того же Духа, который делает церковь — Церковью. Это стало понятно сравнительно недавно, когда стал быстро расширяться кругозор человека. Ведь один кругозор у крестьянина, для которого даже соседняя изба — замкнутая вселенная, где с соседом поговоришь пару раз в год, а остальное время поглощает изнуряющий труд, а другой кругозор у современного горожанина (а большинство людей теперь живёт в городах), у которого работа иногда прямо требует знаний о том, как живут люди в самых странах, контактов с этими людьми. А где контакт — там вдруг оказывается, что границы-то нет, во всяком случае, такой, как представляется в архаическом обществе, что другой не какой-то злодей, режущий детей в угоду своему идолу, а такой же человек, как и ты.

«Такой же» не означает «такой же плохой». Надо быть очень дурным человеком, отчаявшимся циником или жлобом, чтобы во всех видеть дурное. Нормальный человек при знакомстве — личном, сколько-нибудь основательном — знакомстве с другим, обнаруживает, что и другой вполне нормален. А ненормальному и родной брат кажется чудачком — Каин хрестоматийный пример.

Оказывается, спасение от ненависти, боязни чужого, страха перед другим, вполне может быть не от Бога, а от знания. Не страшно войти в вагон с китайцем, индусом или даже с русским. Но, если есть возможность, всё равно сесть постараемся на расстоянии вытянутой руки — не потому что рука китайская, а потому рука человеческая. Популярно изречение: «Свобода моего кулака заканчивается там, где начинается щека другого». Но это ведь неверно — во-первых, другой

с его свободой начинается за метр до щеки другого, во-вторых, нету у моего кулака никакой свободы. Есть свобода у моей ладони, у моих пальцев. Свобода гладить, свобода писать, свобода изготавливать что-то. А свобода бить — не существует вообще, «свобода бить» это «жареный лёд». Я бью, следовательно, я несвободен.

Ученики не спрашивают Иисуса о границах Церкви, они уверены, что границы эти чёткие и простые, как границы между фарисеями и саддукеями, иудеями и язычниками. Учеников беспокоит очень конкретный случай, который сегодня назвали бы «незаконное использование товарного знака». Так ведь и сегодня главная проблема не та, как относиться к отвергающим Христа, а как относиться к тем, кто ничего против Христа не имеет и спокойно включает Его в число «великих учителей человечества», «Божьих пророков» и т.п., и т.д. Кто Христа отвергает, тот сам границу Церкви и обозначает, а кто принимает — тот вроде бы нашу границу размывает. Он ведь в церковь-то не ходит, а Христа уважает, паразит.

Иисус отвечает на очень конкретную ситуацию, но ответ Его в высшей степени странен и универсален. Странен — потому что критерием оказывается всего лишь имя. «Всего лишь» — это с точки зрения тех, для кого имя так, условность. Имя — не рука и не нога, и не какая-то, как очень неприлично выражается Джульетта, «другая часть мужчины». Обменяй своё имя на моё тело!

Иисус утверждает нечто прямо противоположное. Он нимало не отрицает условности имени, чем отличается от легиона людей, которые из имени сделали идола. Он «всего лишь» совершает нечто, аналогичное тому, что Он совершил на Тайной вечери. Он словно говорит: «Это имя — Тело Моё и Кровь Моя. Если другой произнёс это Имя, другой стал частью Меня». Исчезает ли граница, когда двое любящих сближаются так, что уже нет «протянутой руки»? Конечно, нет — как не исчезают хлеб и вино во время литургии. Граница остаётся, но изменяется так, что она не разделяет, а соединяет. Идеальный пример такой границы — бревно. Если бревно положить поперёк — это будет баррикада, препятствие. Если воткнуть — это прямо орудие казни вроде кола. А если перекинуть бревно через ров или пропасть, то это уже не бревно, а мост. Граница Церкви — это старая добрая граница между разными традициями, но граница повёрнутая через пропасть, не отгораживающая, а соединяющая. «Запрещено запрещать» — значит, запрещено использовать бревно для отгораживания,

для изготовления шлагбаума. Если у тебя есть бревно в глазу — сделай из него мост!

На самом деле, всё ещё хуже для фанатиков, потому что и те, кто отвергают Христа, могут быть во Христе. Ведь Иисус говорит о тех, кто «против вас». Он не говорит «против Меня». Если человек поносит Христа — он действительно поносит Христа? Ну, во-первых, даже если действительно, в лоб, именно поносит Христа — и это простится, об этом Иисус отдельно сказал. А если «простится» — значит, человек уже внутри Церкви, внутри спасённого человечества. Во-вторых, ну кому вдруг взбредёт в голову ругать Христа как Христа? Ругают Христа как символ. Для кого-то Иисус — символ предательство единобожия, привнесения в иудаизма политеизма, ложного мессианства. Для кого-то Иисус — символ крестовых походов, инквизиции и прочих излишеств нехороших. Так ведь это ругань в адрес Христа, исходящее от бурления в человеке именно Духа Христова. Человек вырос в мире, где обитатели помойки называли свою помойку розой, и теперь ненавидит розы, ругает их, кто бы их ни упоминал. А настоящей розы не довелось видеть — но не он же в этом виноват! А может, он сам садовник и розы выращивает, только называет их иначе — именно об этом слова Иисуса, что невозможно сотворить чудо помимо Бога. Где жизнь, где добро, где человечность — там и Христос, пусть под другим именем, и надо стремиться не только к тому, чтобы знать, как звучало имя Иисуса в устах его Матери, но и к тому, чтобы узнавать имя Иисуса в делах мусульман, индуистов, буддистов, да просто любого доброго человека. Иной говорит «Иисус», а выходит — «Ленин», а иной говорит — ну, не Ленин, конечно, Ленин это за пределами, а, предположим, Ницше — но выходит Иисус.

Впрочем, что значит «Ленин это за пределами»? За границей, отделяющей Церковь от ада? Так ведь и этого нет. Ленин не был членом Церкви, потому что его сделали членом Церкви насильно, заставили учить Библию и сдавать экзамены по заповедям. Но даже Ленин был членом Церкви, потому что и Ленин знал любовь, и Ленин жаждал справедливости. Хотел хорошего, как сказал Фазиль Искандер, но не успел. Не в ту сторону поехал, крюка дал — и на этом крюке повисли и погибли десятки миллионов людей. А всё же — человек, и поэтому образ Божий был и ему не чужд.

Много было хулящих Иисуса, но был ли, возможен ли хоть один человек хулящий Духа и этим ставящий себя за пределы рая? Да нет, конечно. Самый злодейский злодей злодействует во имя Духа, даже если строит из себя бездушного циника. Духом Божиим жив человек — и если жив, то и носитель Духа. Даже те, кому Иисус пригрозил — мол, если будете хулить Духа, то ой-ой-ой — даже они хулят не Духа, а хулят, как им кажется, ложное понимание Духа. Иисуса распяли для защиты Духа Божия — почему Он и сказал, что «не ведают, что творят». Но есть творят нечто прямо противоположное тому, что им кажется.

Иисус много раз запрещал нечистым духам жить в людях, владеть людьми. Но нигде и ни разу Иисус не запрещал Духу Святому жить за границами Церкви — потому что такой запрет противоречил бы Его Миссии, Его делу — создать Церковь, в которой граница не разделяла бы людей, а соединяла, и этой границей стал Он Сам. Кто видит эту границу изнутри веры в Иисуса, счастлив, но кто не видит — не проклят, а всего лишь в листе ожидания, а ждать Бог умеет — у Него вечность, и Он знает, как ею поделиться, не нарушая самой нерушимой границы — границы человеческого «я», человеческой свободы, человеческого разума.

32. ОТ МЕГА-СВЯТЫНЬ К НАНО-СВЯТЫМ

«И сказал им Иисус: идите за Мною, и Я сделаю, что вы будете ловцами человеков» (Мк. 1, 17).

Вера начинается с потрясения, шока, открытия. В мире словно обнаруживается дыра. «В мире» или «в себе»? Немножко и в себе, но и вне себя. Если человек убеждён, что Бог, о котором говорят верующие, «глубоко в душе», значит, он, скорее всего, с верующими уже встречался, а с Богом нет. «В человеке есть дырочка в бесконечность» — выражение Николая Бердяева, но Бердяев в церковь ходил, хотя его там один раз священником аж антихристом назвал. Ходил, потому что внутри-то внутри, но то, что внутри, ведёт к бесконечности, которая снаружи. Или наоборот — встреча с Богом снаружи выбивает пробку, которая закупоривает душу внутри.

Первое, что делает человек (возможно, и не только человек) при столкновении со странным — он его помечает. Для памяти. Авраам после ночного откровения кладёт кучку камней в память о Встрече. Кучка, наверное, была маленькая — но любые пирамиды и соборы это ровно та же самая кучка. Потом Авраам от этого места далеко ушёл, но, где бы ни жил верующий человек, он всегда выделяет Богу особое место.

Особое, выделенное место для Бога может быть всего лишь полочка в книжном шкафу, как при советской власти, когда старались даже друзьям не показывать иконы. Это может быть красный угол в избе, может быть храм, может быть роща, луг, дерево, ручей, куда люди собираются помолиться вместе или поодиночке. Может быть целая гора — Синай, куда один Моисей смел ступить, а для других она была «табу», «запрет», «гарем». Да, «гарем» — это всего-навсего «посторонним В.», «private», то есть, «запретка». Сугубо негативное понятие. Так маленький ребёнок устраивает «секрет»: зарывает в землю что-нибудь, хотя бы стёклышко, и он один владеет этим секретом. Если с кем поделится — то лишь с самым близким, и сам факт

того, что поделился, будет допуском в своё самое приватное, святое пространство.

Вера начинается с признания, что в этом мире, где Богу так же нет места, как художнику нет места в картине, программисту — в компьютере, должно быть место для Невместимого. Это и есть «святое». «Святость» — это выделенность, особость, запретность не всего остального, «мирского», «профанного», «несвященного».

Верующий, однако, выделяет место для Святого, но именно потому, что он — верующий, верующий верует, что место это не случайное. Бог указал! Бог тут мне явился ночью, — сказал бы, наверное, Авраам, поэтому это место святое. Не я его выбрал — Бог выбрал. Сколько легенд о том, что икона появилась на месте, где следовало построить храм или создать монастырь! Сперва выбирает Бог, человек лишь следует Божьему выбору. Это даже и к полочке в книжном шкафу относится.

Неверующий скажет, что это суеверие. А то Богу нечего делать, кроме как выбирать место для храмов, икон, Библии! Ему-то какая разница?

Смотря какой Бог! Богу Библии явно не всё равно. Не потому, что Библия так говорит — Библия не скрывает, что в течение многих поколений евреи молились в самых разных местах, Иерусалим вообще им не принадлежал, был завоёван. Но Библия говорит и о том, что Богу этот Храм безразличен не был. Это — проекция на Бога человеческих представлений о том, что «мой дом — моя крепость», частная собственность — дело неприкосновенное, без спросу не тронь, и на Синай не подымайся — гора святая, запретная зона Божия?

Конечно, проекций много и в религии, и в атеизме, но верующий-то пытается через эти проекции прорваться, и Бог есть первый и самый главный прорыв через проекции, иллюзии, стереотипы, предрассудки. Богу — не всё равно. Творцу вселенной интересны сопли сапиенса! Странно? Отчего ж! Только плохой творец, халтурщик, не обращает внимания на детали. Левша-то не ковал подкову, которой блоху подковали, он выковывал гвоздики, которыми подковывали! Человек — гвоздик, на котором космос держится.

У святости есть своя и нетривиальная история. Она начинается с мегалитов, с огромных многотонных блоков, из которых устраивали святилища, с колоссальных пирамид, на которые ушла куда больше сил, материала, веков, чем на любой исполинский собор наших вре-

мён. И в абсолютных цифрах, и в процентах люди каменного века на обустройство святилищ тратили в сотни раз больше сил и материалов, чем самые рьяные верующие в наши дни. Что же, вера ослабела? Или количество перешло в качество?

Христос одновременно говорил о том, что Храм — Дом Божий, Дом Молитвы, в котором не место суете, — и о том, что идёт время, когда Богу будут поклоняться не в зданиях, а в Духе, не на одной горе, а повсюду. В конце концов, Его за это и распяли — Он говорил о Себе как о Храме, как о Святыне, которую разрушат и которая вновь подымется в воскресении. Истолковали как призыв разрушить Храм — невинная уловка ради спасения святыни от явного экстремиста. Что же произошло?

Бог веками учил людей, что существует святость. Святость — Его свойство. Он — Свят, и только Он. Святость любого места, любого камня, воды, стены, текста — лишь от посвящения Ему, единственному подлинному Святому. Никакой физик не обнаружит ни малейшего отличия освящённой воды от обычной (не верьте суеверам, этим материалистам от религии!).

Бог открыл Себя людям как Святого, Запретного, Выделенного, Особого — чтобы затем перевернуть это открытие. Он повёл людей за Собой — к другим людям. Оказывается, «образ и подобие Божие» вовсе не в том, что у Бога так же две руки и две ноги, борода и аппендикс. Они в том, что человек так же свят. Такой же Особый, Отделённый, Выделенный. Такой же неприкосновенный для всех и вся. Такой же Свет, Истина и Жизнь. Такой же Путь — из Всего в Всего, из Ниоткуда в Никуда, из Вечность в Вечность. Такая же Любовь. И никто не смеет своими грязными руками — да и чистыми — влезать в чужую душу.

Что же тогда после этого религия? Было почитание святынь и Святого, а стало?

А стала «ловля человеков». Это лишь кажется, что метафора понятна. Рыбу — в сети, людей — в сети духовные. Духовные! Ага, только словечко «духовное» всё меняет. «Духовные сети» — это как «рабство у свободы». Ловить людей для Бога означает предоставлять людям бесконечную свободу, освобождать их. Бог Свят — стать уловом Божьим означает стать Святым. На ключке у Бога — это безумная, лихая вольность, не то, что на очень куцей и степенной свободе среди людей и степей, организмов и организаций.

Святость до Христа и после Христа — как негатив и позитив. До Христа святость есть нечто внешнее, за что можно и убить. После Христа святость — это глубоко внутреннее, твоё. А Божья святость что же — отменяется? Либо Бог свят, либо человек? Да с какой стати — Он же Бог, а не тришкин кафтан размером с космос. Он живой не как живо всё, Бог жив и свят не за счёт неравновесия, потребления, Бог жив и свят как источник бесконечного творчества и любви. От Него не убывает, сколько ни прибывает людям.

Святость из того, что относится лишь к Богу, становится судьбой, смыслом, предназначением каждого человека. Страшно сказать, но на практике всё не так уж трепетно, потому что всё равно это невыносимо. Ну какие из людей святые? Как из карася поросю. Летающие на бредущем крокодилы. Невыносимо, невозможно, смешно. Но ведь — есть такое дело! Святые стали случаться. Первые христиане вообще друг друга называли «святые». Все, без исключения — апостол Павел пишет письмо христианам в Эфес, и прямо так, в лоб — «святых пишу». Потому что мир вывернулся с Воскресением Христа. Инверсия! Невозможное стало не то, что возможным, а просто даже обязательным.

Святость такого рода — не воспоминание о встрече с Богом, а жизнь с Богом постоянная. Позволение Богу жить у нас за пазухой. Открыть форточку в душе, да все окна распахнуть, чтобы Дух Божий не поразбивал стёкла, налетая на них. Трепетно, с благоговением касаться самого себя — вот это да! А как это? Ведь привыкает человек, подлец, ко всему, даже к тому, что он святой — если он святой. А это так, что нет святости без покаяния, потому что нет святости односторонней. Святость — всеобщая. Благоговение к себе — лишь миллиардная часть благоговения ко всем другим, к миллиардам человечества, а какое у нас благоговение к другим? Вот и приходится святым каяться, каяться и ещё раз каяться, иначе они вовсе и не святые. Оказывается, молиться не в Храме, а на любом месте — не такое уж бело-розовое занятие, молитва-то на три четверти покаянная, а на четверть благодарственная, что Бог спас, не даёт преуспеть в людоедстве, ежедневно не даёт.

Рыбаки обычные широко расставляют руки, показывая, какую рыбу выловили. Рыбаки Божьи делают этот жест, чтобы показать, какие у них грехи — у них, не у тех, кого они ловят для Бога. Была святость мегалитическая, стала святость нанометрическая. Была святость как

недоступность, стала святость как доступность предельная, доступность ужасная, невероятная, подкожная. Была святость монументальная — стала святость живая. Была святость монолога — стала святость диалога. И кто ещё знает, как развернутся святость Божия и святость человеческая дальше — ведь Царство Божие только «приблизилось», только начинается.

33. ЦЕРКОВЬ ИЗ ОДУВАНЧИКОВ

«И сказал им: для того ли приносится свеча, чтобы поставить ее под сосуд или под кровать? не для того ли, чтобы поставить ее на подсвечнике?» (Мк. 4, 21).

Слово «церковь» почти не упоминается в евангелиях, а то упоминание, которое есть, многие учёные рассматривают скептически: похоже на позднейшее дополнение. Такие учёные исходят из идеи, что, если Иисус ждал скорого конца света, Он бы не заморачивался организацией какого-то религиозного сообщества. Сообществ таких в тогдашнем мире было очень много и в рамках иудаизма, и в рамках греко-римской культуры. Сообщества были небольшие, но и населения было немногочисленное, так что и дюжина прихожан крошечной синагоги в селе из 30 домов — это внушительное явление.

Однако, учёные проецируют на Иисуса не какие-то научные истины, а свои психологические представления. «Если бы я ждал скорого конца света, я бы не стал заморачиваться...». Да почему ж? Хороший профессор, узнав о том, что ракеты с ядерными зарядами на подлёте к университету, не побежит в поля с бутылкой красного вина, оттянуться напоследок, а продолжит дискутировать с коллегами или, если он сидит над статьёй, оставит статью и поищет коллег для совместного наблюдения за атомным грибом.

Психология веры парадоксальна лишь потому, что парадоксальна психология человека в целом. Например, человеку часто нужно опуститься на дно, чтобы взлететь. Потерять надежду, чтобы вырваться из безнадёжности. Озвереть от одиночества, чтобы вырваться из одиночества к людям.

Конец света для Иисуса лишь повод поговорить о свете. Он ждал не конца света, а конца тьмы, Суда над тьмой и торжества света, поэтому и проповедовал, а не остался в пустыне.

Кстати, учёные сами занимаются наукой и потому, что не видят смысла тратить жизнь на суету и мелочи, но и потому, что хотят послужить как раз тем людям, которые суетятся и мелочатся. Вся со-

временная наука организована по образцу христианской Церкви, воспроизводит её методы объединения, её жажду истины, её структуру, соединяющую бескомпромиссность с дружелюбием. Конечно, в идеале, только в идеале Церковь именно такова, так ведь и учёные только в идеале такие учёные.

Две тысячи лет, как и сегодня, большинство верующих людей предпочитали веровать «в глубине души». Если же человек искал общества подобных себе религиозных людей, он предпочитал, чтобы это общество было замкнутым. Таковы были и «перушим» (фарисеи), и ессеи, и последователи Иоанна Предтечи. Объединиться, чтобы закрыть собой пламя свечи, не дать ему погаснуть, пронести через века. При этом естественным образом возникает определённая иерархия внутри объединения, от новичков до мудрецов.

Это и есть то, что Христос назвал «горшком». Можно назвать это сектантством, кружковщиной, церковью сатаны, закрытым обществом. По-славянски «горшок» это «спуд», так что именно эта евангельская фраза породила в русском языке выражение «под спудом». У меня на необитаемом острове две синагоги, в одну я хожу, а в другую нет. Чтобы объединиться, надо размежеваться.

Иисус совершенно сознательно и системно создаёт совершенно другого типа объединение — открытое. В этом объединении есть своя структура, иерархия — и даже иногда более изощрённая иерархия, чем в любой закрытой группе — но эта система по определению всего лишь подсвечник для Света Христова. Для Духа святого. Для Бога.

Авраама Линкольна однажды издевательски спросили, какой длины должны быть у человека ноги. «Чтобы до земли доставали», — ответил он. Какого размера должна быть Церковь? Такой, чтобы Свет Божий был виден каждому человеку. Свет Божий, не больше и не меньше!

Было бы материализмом (и есть такой материализм) считать, что Церковь должна быть такой, чтобы у каждого человека на планете в часе ходьбы от дома был христианский храм. Это уже не подсвечник получается, а какое-то паникадило, под которым стоять страшно, вдруг цепь не выдержит и рухнет тебе на голову. Что и бывало. Это перелёт.

Недолёт — когда люди заявляют, что хороший подсвечник — духовный подсвечник. В глубине души! Большого одного не собираться

— будет лицемерие!! Где двое или, упаси Боже, трое, — там и неискренность среди них!!! Напоминает портных из «Платья голого короля». Только голый король — правильно одетый король!

Хороший подсвечник тот, который делает свет видимым. Если свет — Божий, то его свет — слова. Подсвечник Церкви — это подсловник. По этой причине Иисус посылал учеников парами. Не для того, чтобы контролировали или вдохновляли друг друга, а чтобы друг с другом разговаривали. Где двое или трое разговаривают друг с другом, там и Бог Слово среди них. Церковь посеяна Словом и сеет Слова. Собственно, все притчи и образы Евангелия о вере — они ведь о Церкви. Верующий — колос, выросший из зерна, но колос — это тот же подсвечник, не только потому, что спелое зерно светится, а потому что и колос не для колоса, а чтобы кто-то срезал его, выбил из него зёрна, смолот хлеб, и мог поесть. Так ведь и скотину зерном кормят, но скотина мычит, чтобы есть, а человек ест, чтобы говорить.

Диалогическая, коммуникационная сущность Церкви есть всего лишь следствие и условие того, что Бог Слово хочет спасти человека от бессловесия и бессловесия. Формально Церковь — это просто общественная организация, как и клуб филателистов или кружок любителей жёлтой синевы. Исторически Церковь началась не просто с диалога, а с вспышки слов, с извержения слов, когда христиане на праздник Пятидесятницы вдруг из секты замкнутых в себе от шока после воскресения и вознесения Христова людей превратились в оживлённо говорящих людей, обращающихся к окружающим. О чём они говорили, было не так важно, — окружающих поразило, что все всё понимают, хотя среди окружающих была масса иностранцев.

Вот почему Церковь может быть большой или маленькой, жёстко централизованной или гуляй-полем, но она не может быть молчаливой, скрытной, неприступной, закрытой. Она должна говорить, и говорить понятно. В истории Церковь редко бывала на высоте своего Дня Рождения, Пятидесятницы. В наше время быстрее всего из разных церковных направлений растут как раз пятидесятники — и есть не только протестанты-пятидесятники, но и католики-пятидесятники, и православные-пятидесятники. Можно надеяться — и поэтому надо молиться — чтобы дальше было ещё пятидесятнее, чтобы не только окружающие понимали христиан, но чтобы и христиане начали понимать окружающих. Церковь исчезает всюду, где верующий мнит

себя богом и обращается с окружающими как бог — как бог безблагодатный, безлюбивый, глухой и самовлюблённый.

Именно то, что Церковь есть союз не меча, а Слова, объясняет существование в ней иерархии. Даже там, где иерархизм в Церкви выкорчёвывают — очень уж колючая штука — он всё равно образуется, потому что общение всегда начинается с обучения, и лишь на какой-то стадии превращается в качели, где на разных концах доски уместны люди одного примерно веса, и то один возносится, то другой, просто в разных сферах.

В русском языке с середины XX века появилось слово «церковность» как обозначение не просто формального членства в Церкви, но подлинной причастности человека к Церкви. Пока Церковь была государственной, общеобязательной для всех русских организацией, о церковности и не думали, разве что редкие энтузиасты говорили о «соборности», подразумевая особый способ принятия решений в Церкви. Но и соборности не было, одна мечтательность. Когда же тоталитаризм освободил Церковь, когда ходить в храм стало невыгодно и делом сугубо личного, сознательного выбора, тогда стало очевидно, что «бывать в церкви» и «быть в Церкви» очень разные вещи. Тогда и отчеканили слово «церковность» в подражание модному тогда слову «партийность».

Ничего зазорного в этом нет, ведь и слово «христиане» сперва было оскорбительным — мол, ты со своим Христом носишься как сторонники Цезаря, цезариане, со своим идолом. Зазорно понимать «церковность» как своего рода вхождение в круг избранных, настоящих членов партии, которые и Ленина (Евангелие) читают, и смысл обрядов понимают, и в субботах участвуют. Это — возвращение под спуд, стрижка «под горшок». От такой «церковности» поневоле расцерковишься, если душа не совсем омертвела. Это ведь обычный эгоизм, только коллективный и в шкуре свежееосвежёванного Бога. Никаким Светом Миру тут и не пахнет. Есть прожектор, ослепляющий всех, кто по неосторожности поглядит в его сторону. Понятно, почему людей тянет под горшок после этого. Понятно, но под горшком от омертвления и эгоизма не спастись. Надо искать — а иногда, даже и строить — подсвечник. Быть подсвечником. Заранее предсказать, куда ходить, куда не ходить, совершенно невозможно, потому что не подсвечник решает, а Свеча решает. Жизнь в Церкви — это

жизнь с Богом, и Бог не чучело, а несущий тебя — если ты не вырываешься, конечно.

Коммуникативная, словесная природа Церкви ни в чём так не проявляется, как в существовании богословия. Теоретически, возникновение богословия можно приписать влиянию античной цивилизации, которая — пока не рухнула — была невероятно развитой именно в отношении слов. Только для веры связь-то обратная: Бог так подгадал, чтобы Свет зажёгся как огонёк на мху — среди иудеев, а потом перекинулся на хворост намного более говорливой (и намного более диалогической) культуры. Апостол Павел много писал — потому что писал, как грек. Но ведь Иисус ещё и много говорил! Бог позаботился, чтобы это было записано, и записано было именно в формах античной литературы. Когда в IV веке христиане получили свободу, последовала вспышка конфликтов, ссор из-за денег и постов — но последовала и вспышка богословия, теологии, размышлений и споров о Боге.

Благосклонное внимание государства паразитировало на теологии и здорово теологам помешало, но государство пришло и ушло, а язык раскрепостился навсегда. Навсегда Церковь — это не только богослужение и благотворительность, но и богословие. Не для подготовки священников, вообще не для какой-то цели, а просто — слова о Боге. Это была революция в религии, да это и остаётся революция, единственная революция навсегда: человек стал говорить с человеком о Боге. Конечно, «о Боге» это, в конечном счёте, именно о самом важном в человеке, о самом таинственном и глубоком, Бог всё равно остаётся Богом неопишуемым и непознаваемым. Так ведь именно богословие делает непознаваемость Бога абсолютной, чётко описанной — а заодно открывает и непознаваемость человека.

Церковь начинается с краткого и ёмкого как зерно «Бог рядом». Церковь словно плод во чреве матери формируется в земной жизни Иисуса, когда апостолы ссорятся и мирятся, соревнуются и предают, трусят и хорохорятся. Церковь расцветает в день Сошествия Святого Духа, и словно пушинки из одуванчика разлетается во все стороны. Легкие и невесомые пушинки-слова. Церковь и в рёбрах, и в брёвнах, и в огромных соборах, и в крохотном чулане, и в жутком концлагере, и во дворце Ватикана, в молчании созерцателей и в многотомных сочинениях богословов. Церковь увядает лишь под горшком замкнутости, высокомерия, командного настроения, но увянет — а потом Дух

подует — и пушинки пробиваются сквозь глину и асфальт, через бюрократизм и усталость, и вновь творится вино из одуванчиков для застолья Божьего.

34. ОБЩИНА, ПРИХОД, ЭКУМЕНИЗМ

«И если дом разделится сам в себе, не может устоять дом тот;» (Мк. 3, 25).

Зло имитирует добро во всём. Кажется, что зло разнообразно, что зло саморазрушительно, что злодеи злодейски убивают не только хороших невинных людей, но и друг друга. Гитлер против Сталина, Хрущёв против Берии, Пол против Пота. Только зло — это меньше всего носители зла, люди. Зло — это невидимый, бесплотный, нематериальный вывих. Не какая-то часть творения, а морщина в творении, которая пытается распространиться на всё мироздание, собрать его в кривую ухмылку. Никакой не дантов ад, упорядоченный, иерархичный, а единство гниющей свалки, где невозможно отделить одну гниль от другой. Не может эта морщина начать себя разглаживать. Она может сменить одну складку на другую, ещё худшую, и в этом смысле победа Сталина над Гитлером укрепило Свалку Сатаны.

Иное дело Царство Божие, правление Божие, Церковь Божия. Пьер Безухов в пору своей незрелости сокрушался, что плохие люди объединяются, а хорошие не дружат между собой. Пройдя через ужасы войны и ненависти, он уже не сокрушался, он имел внутри себя мир. Он увидел, что единство тьмы это единство пустоты, единообразие небытия. Кажущаяся разъединённость хороших людей — это единство свободы, разнообразия, творческого изобилия. Не два города противостоят друг другу, город эгоизма и город любви к Богу, а свалка и огромный Божий Дом. На греческом языке «эко» — «дом», поэтому «экология», «эконом», но поэтому и вселенная для греков была «экосом», «домом» (да и «вселенная» означает именно «населённая», просто ухо так привыкло, что этого не замечает). Вселенная не просто материя, а место обитания, дом людей, а не морщина бесовщины. Дом красивый — «космос» ведь одного слова с «косметика».

Церковь есть единство множества комнат, домиков, многоквартирных домов, городов, деревушек, хуторов. Церковь едина, но это не единство времени и места, это единство общения. Церковь — общ-

ность, Церковь — общение, но не абстрактное, обобщённое, а существующее в предельно конкретных формах — общинах.

Во многих европейских языках община называется производными от греческого слова «парокия» (например, английское «пэриш») — и корень тут опять «эко», всё тот же «дом», «пара-дом», как «пара-шют». Но дом общины — вовсе не обязательно храм. Более того, вся драма Голгофы случилась из-за того, что Христос говорил о том, что Храм будет разрушен и на третий день восстанет вновь — и Он имел в виду Своё Тело, «восстание» и есть изначальный смысл «воскресения». Бог «восстал». Храм — не восстал. Это драма, не трагедия. Трагедия — если человек так и не понял слов Иисуса в беседе с самарянкой: поклоняться Богу означает не ждать, когда ты дойдёшь до храма. На всяком месте, где люди общаются в Духе Божиим, находится община. Ведь общность человечества — это общность людей в Боге.

Поэтому община — это и богослужебный союз, когда люди сходятся в одно место, чтобы помолиться и вспомнить слова Христа «это Моё Тело», но это и союз верующих даже, когда верующие расходятся по своим делам. Церковь — Тело Христово, и это Тело не только в таинстве воспоминания о Теле распятом, но и в жизни с Воскресшим. Община — это приход, прихождение куда-то на встречу с единоверцами для молитвы, но прихожане расходятся, а приход не расходится — приход расширяется. Если, конечно, и члены общины не забывают о Боге и выравнивают свою жизнь от складок и морщин так, чтобы Богу было легче быть с людьми.

Община похожа на все формы человеческих контактов, от армии и семьи до магазина и метро, однако, община не должна превращаться ни в армию, ни в семью, ни в магазин, ни в вагон метро. Община это всегда организация, но ведь она и организм — то есть, самоорганизация, а чтобы совсем всё усложнить, община — это самоорганизация, в которой Бог активнейший партнёр. Этим община отличается, между прочим, от семьи, и горе общине, которая скатится до семьи. Семьей должна быть семья, а не Церковь. Семья — для мира временного, Церковь — открыта в вечность, тут Отец за горизонтом и в то же время в самом сердце.

Понятно, что это идеал, который на практике достигается редко, а может быть, и вовсе недостижим вполне. Да и как можно достигнуть во времени — вечности? Людям по привычке хочется Церкви, похо-

жей на семью или род, на партию, на народ, в общем — на что-то стабильное, преемственное, что можно проследить по адресу или обрядам. Не получится! Церковь настолько жива, что её невозможно анализировать по кусочкам. Тут всё перетекает во всё, порождая новую жизнь, обогащая, раздвигая границы, которые к тому же пронизываемы для общения, света, единства. Всё равно что город, в котором дома и квартиры постоянно перемещаются, и при этом все окна и двери открыты, а у многих и стены двигаются или вовсе отсутствуют. Именно этому пытается подражать свалка своей слизью, именно это пытается подменить.

Свалка пытается добиться единства разложения, Церковь созидает единство жизни. Собственно, Церковь существует лишь потому, что Бог, как выразился апостол Павел, хочет всех спасти и привести в разум истины. Спасти всех не означает спасти всё население Земли в какой-то один момент в блаженном будущем. Спасти всех означает спасти всех, кто когда-либо жил и будет жить. Как можно спасти умерших, людей других вер и неверующих, которые уже за границами земного выбора? Мы не знаем, мы же не Бог. Мы знаем другое: Христос сравнивал верующих с крупичками соли, с дрожжевыми клетками, с зерном, которое вырастает в большое дерево, на котором живёт множество птиц. Это всё тот же образ города, в котором Вселенная лишь один из домов, но этот дом вмещает в себя бесконечность общения и калейдоскоп общностей.

Общины меняются, но люди в общинах сменяют друга обычно быстрее. Да и мало кто всю жизнь находится в одной-единственной общине, теперь уже не патриархальные деревенские времена, когда выбора не было. Впрочем, верующие и в аграрные времена бросали свою деревню, а то и страну, и шли, шли, шли в поисках того места, где их хочет видеть Бог. То ли дело теперь, когда иногда по всей планете люди кочуют. Понятно, что смена общины — дело серьёзное, а иногда и драматическое. Если муж и жена, члены одного прихода, развелись, и жена вышла замуж за другого прихожанина — что делать? Кого-то отлучить, кого-то оставить? Ответа не существует, его придётся создавать каждый раз с нуля. Спасти всех — не ишака купить, не еретика сжечь. Тут такие комбинации случаются... Собственно, человечество и есть такая «комбинация». Бог терпеливо комбинирует и комбинирует из человеческих комбинаций. Для Бога Церковь — это всё человечество, но именно «всё», не какой-то срез

во времени. Общность начинается там, где верующие умеют хоть немного любить всех так, как любит Бог. Христиане должны быть тут в первых рядах.

«Первые ряды», «соль земли», «кристаллы решётки», «узлы сети» звучит несбыточно, а то и саркастически. Реальная Церковь — всего лишь одна из многих религий, да к тому же «Церковь» — это нечто, во что веруют («верую во единую святую соборную и апостольскую Церковь»), а не что видят. Видят много разных христианских конфессий, некоторые из них претендуют быть единственной Церковью, а остальных христиан отметаю́т как неправильных. Хуже только, когда вообще с отчаяния машут рукой и убегают в наивность: мол, разницы нет, все одинаковые, не будем и пытаться быть общиной и общением. Книжку почитать, лекцию послушать, не более того.

Будем быть Церковью! Будем быть единой, святой и далее в бесконечность! Как? От слова «эко» есть ещё одно производное: «экуменизм». Слово родилось в начале XX века для обозначения довольно узкого явления: в Китае протестанты разных направлений попытались договориться друг с другом, да и с католиками и православными, хотя бы публично «сохранять лицо». Не говорить друг о друге гадостей — мол, католики идолопоклонники, только протестанты хорошие, но не все, а только кальвинисты... или только баптисты.

Идея была гниловата изначально и даже лукава — ведь речь шла исключительно о показной вежливости. Однако, в наши дни слово «экуменизм» обозначает не столько «экуменическое движение», формально — Всемирный Совет Церквей, в который не входят ни Католическая Церковь, ни православные (они там лишь «наблюдатели»), сколько сознание единства Церкви поверх всех границ, как в присутствии китайцев, так и без них.

«Сознание единства» похоже на единство как невеста на жену. Так ведь Господь Иисус Христос — Жених, а Церковь — Невеста. Человечество невестится. Засиделось в девках, прямо скажем. А не надо грызться между собою! Сперва стать настоящей Невестой, потом уже Жена, облачённая в Солнце. Злобная, бормочущая себе под нос невеста с явными признаками раздвоения личности, ожирения, с прокисшим ароматом изо рта... Понятно, почему Бог медлит? Общинам ещё жить и жить в странном единстве с барьерами, быстротечностью судеб и традиций, пока не наступит Церковь как Церковь, и Царство

Божие из приблизившегося станет единственной населённой реальностью.

35. ИУДАИЗМ, КАТОЛИЧЕСТВО, ПРАВОСЛАВИЕ, ПРОТЕСТАНТИЗМ

«Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали» (Мк. 2, 12).

Церковь это люди, прославляющие Бога. Не избравшие какое-то вероучение, не следующие национальной традиции, не ищущие утешения. Церковь даже не собрание верующих. Верующий, но не прославляющий, не благодарящий, не молящийся, — он не в Церкви. А если человек не чувствует себя верующим, но прославляет Бога словами, жестами (подняв руки, став на колени, наклонив голову, просто посмотрев ввысь), — он в Церкви. Вера это моё, молитва — это наше, а Церковь начинается там, где «моё» сливается с «наше».

Далеко не все начинают путь в Церковь с изумления перед чудом. Пожалуй, в наше время это скорее исключение, чем правило, да уже и в древности Иоанн Златоуст размышлял над тем, почему чудеса в Церкви так же не нужны, как парашют приземлившемуся парашютисту. Тем не менее, прославлять — не благодарить, благодарность это за случившееся с тобой или по твоему желанию — а именно прославлять — это суть Церкви. Прославлять за что-то невиданное — и открывшееся. Иногда — за то, что было, но не было видно. Человек вдруг понимает, что в мире есть смысл, невыразимый, но реальный, что есть в человеке нечто, несводимое к окружающей среде и внутренней биохимии, и не пугается этого, не отвергает это (что бывает, и очень часто бывает — бегство от вечности), а говорит «Слава Тебе!» Не «слава Богу!», а именно «слава Тебе». Если внутри «слава Богу» нет обращения в упор, лично — Личности, «слава Тебе», то это ещё зародыш молитвы, общения с Богом, Церкви.

«Ортодоксия» («ортодоксальный верующий») это соединение очень простого слова «орто» (ортопед, ортодонт, — «прямо») и очень непростого «докса». «Докса» — это и восклицание, и размышление. «Слава Богу» — это «доксология», прославляющее слово. Но для

греков «докса» — это и философское учение. Общее одно: «докса» — это нечто, объединяющее людей. Двусмысленность, двусмысленность совершенно нормальная и позитивная. Человек существо цельное: Кого прославляет, о Том и размышляет. Кто женщину целует, тот с ней и разговаривает, о ней разговаривает (к мужчинам это, естественно, тоже относится). Молитва — во всяком случае прославляющая — это же как поцелуй.

Казалось бы всё так просто: разные христиане по-разному прославляют Бога, поэтому одни католики, другие православные, третьи протестанты. Только вот незадача: вообще-то изначально христиан не было. «Все прославляли Бога» у евангелиста Марка — это не христиане, это иудеи. И смерть Христа, и воскресение Его ничего не изменили: верующие в воскресение славили Бога как были иудеи, так и остались. Славили за жизнь и за веру, за любовь и заповеди.

Первый вопрос: не о том, почему христиане разделены на конфессии, а почему иудеи разделились на иудеев и христиан. Где христиане потеряли изначальное название? Не один десяток лет прошёл, пока потеряли. Ну, веруют в воскресение Иисуса — и что? Ну, считают Иисуса мессией — и что? В тогдашнем Израиле было много разных религиозных течений, как и в современном. Как вдруг разделились?

Дело не в христианах. Верующие в Христа вовсе не собирались выделяться. Апостола Павла иногда называют создателем христианства особого типа — открытого, отказывающегося от каких-то обрядов и традиций иудаизма. Но ведь и апостол Павел оставался вполне иудеем. Он не отказывался от иудаизма, он создавал промежуточный вариант иудаизма. К тому же его взгляды вовсе не были преобладающими среди христиан. Разделение произошло вовсе не из-за универсализма Павла. Это иудаизм бы выдержал.

А почему произошло разделение?

Это неправильно поставленный вопрос. Правильно поставленный вопрос: можно ли преодолеть разделение? Да, конечно. Можно и нужно. Ровно то же относится и к разделению христиан на три конфессии (на самом деле, это лишь издалека кажется, что три — на самом деле, в сотни раз больше, и дробление продолжается).

Не христиане ушли из иудаизма — христиан выгнали. Отлучили. Точно так же, как потом из христианства выгнали ариан, антитринитариев, как выгнали из католичества протестантов. Иногда уходили

сами, не дожидаясь, пока выгонят (например, мормоны или Свидетели Иеговы — из протестантизма, но, между прочим, христианами и Церковью те и другие себя считают). А что ждать, пока тебя выгонят?

Почему иудеи обозвали тех иудеев, которые веровали в Воскресение и мессианство Иисуса, христианами, и выгнали, отлучили их — прошлое. Есть ли будущее? Будущего, может, и нет, а вечность — есть, и вечность одна на всех.

Чем христиане отличаются иудеев сейчас? Понятно — не обрезают детей, не соблюдают субботу (кроме адвентистов), едят свинину. А Бог — общий? С точки зрения христиан — да, с точки зрения иудеев — нет, христиане многобожники, ведь мы считаем Иисуса неразрывно единым с Богом. Другое дело, что в течение по меньшей мере нескольких десятилетий иудеи не видели в этом проблемы. Большинство. Конечно, были те, кто считал это недопустимым, кто травил будущих «христиан». Правда, тогда веровали в Иисуса, в Его Воскресение, но Богом — не называли. Это пришло потом, через несколько поколений, и это стало непреодолимой — по видимости — преградой. Но преградой для иудеев, не для христиан.

В прошлом христиане часто, обладая властью, оказавшись в большинстве, обрушивались на иудеев — факт, но это факт не из истории христианства, а из истории ненависти, национализма, фанатизма. Можно быть христианином и не считать, что «евреи Христа распяли», что евреи, поскольку они не считают Иисуса Христом, а ждут другого Мессию, враги Иисуса. Можно, но не нужно, безумно и греховно. Если первые поколения христиан так не считали, то и любой христианин может глядеть на иудеев как на единоверцев, которые просто почему-то оставлены Богом пожить без веры в воскресение Иисуса. Что тут ужасного? Все претензии к Богу. Можно подумать, мы обрели веру и храним её без проблем, без сомнений, без измен и грехов!

Для соотношения христианства с иудаизмом есть точный зеркальный аналог в соотношении христианства с исламом. Основатель ислама сперва подумывал о присоединении к Церкви, но был отвергнут. Есть и другие аналогии: отношения христиан к мормонам, которые не были отвергнуты, а сами ушли, потому что их новое откровение этого требовало. Что мусульмане и мормоны не собираются возвращаться (или «присоединяться») к христианству — так точно

так же христианство не собирается возвращаться к иудаизму. Самое большее — перестать ругаться и начать мирное сосуществование.

Что же это за болезнь раздробленности в организме, который должен быть безукоризненно здоровым? Что является носителем болезни, что противостоит Богу — а разделение есть именно противостояние Богу?

Да всё та же самая болезнь, которая есть главная проблема человечества: человечества-то нет, как нет и человека, человеков. Есть народы, нации, племена, культуры, государства, кружки, течения, движения, классы. Говорить о едином человечестве невозможно. «Человечество» такая же условность, как и Церковь, даже ещё условнее. Церковь всё-таки объединена верой, а чем объединено человечество? Интернетом? Международной торговлей? Интернет — да, существует и един, международная торговля торгует, не вполне единым образом, но всё-таки. А человечества-то пока нет... Потому что нет человека — человека как самостоятельного, свободного, не подчинённого никакому большинству существа.

Человека нет как того, кто определяет себя сам, а не того, кто не может быть, не примыкая к другим, не принимая на веру — безо всякой веры и даже без особого доверия — того, что создают и решают другие. Коллективы разнообразные есть, одиночество есть, а человека ещё надо освобождать, созидать, творить. В себе, конечно, иначе человек опять исчезнет, едва наметившись, и будет заменён руководителем, наставником, учителем.

Одиночество не спасает от коллективизма, только обостряет его. Каждый становится носителем всех пороков коллективизма — ксенофобии, властолюбия, глухоты — безо всяких положительных сторон, которые даёт объединение хотя бы в самый примитивный коллектив.

Отношения с Богом изначально строятся в мире греха — то есть, в мире, где коллективное более развито, чем личное. Люди в брак вступали, потому что родители нашли жениха или невесту! Да хотя бы и не родители — люди способны полюбить или разлюбить не от своего сердца, а от конформизма, что и описано у Андерсона в «Дюймовочке». Что уж говорить о вере: для многих людей естественно было отсутствие религиозного выбора, самостоятельного опыта веры, принятие веры на веру. Только в наши дни стало лучше, да и то не везде и не всегда.

В самом Евангелии, если приглядеться, нетрудно заметить разделение внутри самих иудеев, непосредственно повлиявшее на судьбу Иисуса. Это классическое противостояние жителей бедного, но набожного Юга с жителями зажиточного, но не слишком религиозного Севера.

Для жителей Иудеи и особенно Иерусалима — юга Святой Земли, «иудеев» в точном смысле слова — жители северной Галилеи, подбрюшья богатой Сирии, это высокомерные выскочки и невежды в религии. Приезжает мужик из Милана в Неаполь и объясняет, что кровь святого Януария вовсе не закипает, — может, его и не распнут, но фонарь под глазом обеспечен.

Таких противостояний было и есть множество, они как матрёшки, большие и маленькие, вложенные одна в другую или соседствующие. Узоры разные, лица разные, а суть одна — пус-то-та. Нежелание учить чужой язык, нежелание понимать, желание, чтобы тебя все вокруг понимали, как ты сам себя понимаешь, нежелание понять, что ты сам себя знаешь и понимаешь плохо, что уж о Боге говорить.

Иисуса ненавидели, потому что Он был с севера, из Галилеи. Апостола Павла ненавидели, потому что он был с ещё более дальнего Севера, из Малой Азии. Апостол Павел кажется победителем ксенофобии (еврей из Малой Азии в Иерусалиме был именно чужаком), но это не совсем точно. Он преодолел ксенофобию еврея по отношению к грекам — завоевателям и оккупантам Израиля, между прочим, ещё до римлян — но не более того. Хуже: греки, приняв эстафету Христа у Павла, не приняли его универсализма, они резко обрушились на иудеев. Так греческий антисемитизм из языческого стал христианским — что не означает, разумеется, что христианство причина антисемитизма. Так постепенно сформировалось худшее в византийском православии: поститься непременно не тогда, когда постятся иудеи, Пасху праздновать ни в коем случае не вместе с иудеями, свинину есть, даже если не хочется и т.п. Ну и погром время от времени, как без погрома!

Греческое православие и в наши дни остаётся националистическим, вплоть до того, что на Афоне стараются не допускать в монахи славян или грузин. Но греков постигло возмездие в лице итальянцев, они же древние римляне, после греков завоевавшие Израиль (Иерусалим несчастный город, кто его только не завоёвывал, вплоть до британцев в 1917 году). Римляне обратились в христианство — и

появилось католичество. При этом «католичество» — греческое слово, «ката-олос», «это-целое». Но в древнем Риме рассматривали греческую культуру как свою — трофей! Римлянин воюет, а его грек-раб читает ему пьесы вслух на ночь.

Теоретически в течение по крайней мере 7 веков, до 1054 года, католичество и православие были едины. На практике, это были две очень разные — нет, не религии, конечно, а церкви, две разные языковые традиции, обрядовые традиции. Теоретически, между прочим, так называемое «разделение церквей» 1054 года вовсе не было разделением церквей: папский посол, который тогда отлучил от Церкви византийского патриарха, не знал, что пославший его Папа умер, так что полномочий отлучать он уже не имеет. Но даже это ничтожное «отлучение» было торжественно аннулировано в 1965 году тогдашними папой римским и патриархом константинопольским. Никакого значения это не возымело. Культурные различия остались. И это не столько культурные, сколько именно национальные различия. «Католичество» в течение многих веков было прежде всего латинским языком и римской традицией. Постепенно, не вдруг, эта традиция утверждала себя как единственную и общеобязательную для всех верующих. Кто не верует так, тот схизматик, а то и еретик. Византиец, «ромей» (византийцы ведь считали себя римлянами), «грек»? Подозрительно! Византийцы отвечали ровно тем же.

Национальное стало имперским, и это имперское выдавало себя за вселенское. Каждая империя мнит себя вселенной, экуменой. Католичество сегодня воспринимается как нечто надгосударственное, но это не космополитизм, не сама по себе вселенскость, это трансформированная римская имперскость. Просто в какой-то момент императорский Рим стал Римом римских пап. Церковь поглотила империю, стала империей. Появление Италии как государства в XIX веке сделало эту империю совсем виртуальной, но структура осталась именно имперской, и это даёт, к сожалению, себя знать. Православие пошло сразу по двум путям. Одно православие имперское, как и римское — это православие Стамбула, Константинопольского патриархата, который представляет уже несуществующую империю. Другое православие националистическое — православие Афин. Оба греческие, но очень разные. У православия в каждой стране есть свои особенности, далеко не всюду Церковь подчинена государству так сильно, как в России. Но главное в другом: настоящей вселенскости, настоящей

«католичности», «экуменичности» ещё очень и очень мало. Словно у динозавра, у Церкви тяжеленный хвост. Он ничего не уравнивает, этот хвост из опыта власти, доминирования, насилия. Он лишь тормозит, опрокидывает.

Вот откуда появляется протестантизм. Он пытается избавиться от средневекового насилия, и во многом преуспевает. Но ведь мало избавиться от хвоста, надо сохранить голову и лапы. Вот с этим есть проблемы. Протестантизм родился внутри Католической Церкви, во многом из-за той глупости, которую порождает абсолютистская власть. Но свой протестантизм породило и православие — и речь не только о старообрядцах, этом православном аналоге амишей. В сегодняшнем мире есть множество православных, выступающих против пережитков средневековья и национализма в сознании верующих. Правда, как раз в России таких православных очень мало, но причины тому вне Церкви, в России.

Такое разнообразие — иногда прикрытое формальным единством (в Католической Церкви существуют сотни разных течений и направлений), иногда нет — его нужно преодолевать? Или это разнообразие — как течения в Мировом Океане, нечто неизбежное и продуктивное? Ответ на этот вопрос не так важен, как понимание того, что единобразие и единство вещи разные. На самом деле, бытовые представления о «католической культуре», «православной культуре» абсолютно не отражают действительности.

Так христиане говорят о единой «исламской культуре», а ведь исламской культуры нет. Ислам есть, есть сильнейшая арабизация разных народов, исповедующих ислам — точно такой же феномен, как латинизация народов «католических». Но ислам исповедуют регионы, где сотни и тысячи разных культур, движений и течений. Только для поверхностного стороннего наблюдателя все мусульмане на одно лицо.

Самое страшное — стать поверхностным христианином, для которого важно, чтобы все христиане были на одно лицо, в один день праздновали Рождество и Пасху, служили всюду на одном языке. Евхаристия — не гамбургер, который должен быть одного вкуса по всему миру. Цель веры — освободить творческие силы людей, сделать их едиными через личное своеобразие и разнообразие, а не вернуться в первобытную мегалитическую монолитность.

36. МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ И СЕКТОЙ

«Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о Нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем» (Мк, 6, 3-4).

Древние римляне называли сумерки временем «между волком и собаком»: достаточно света, чтобы увидеть четвероное, но недостаточно, чтобы понять, это четвероногий друг или наоборот.

Свет Откровения, как ни странно, с точки зрения мира сего — сумерки. Не случайно одна из самых древних, ещё античных христианских песен до сих пор поётся именно на вечерних богослужениях: «Свете тихий, святые славы, Безсмертного Отца Небесного, Иисусе Христе...» Это специально поётся, когда освещение притушено. Сумерки света. В Евангелии от Матфея говорится, что Иисус — Спаситель, потому что Иисус похож на Спасителя, как его описывает пророк Исайя. Слабак, который не может даже загасить дымящегося мха, сломать спичку.

На каждом этапе духовного пути, в каждой сфере духовной жизни по-своему обнаруживается противоречие между формой и содержанием, количеством и качеством. Вера открывает новое качество? Не вполне. Вера открывает Бога. Бог не есть одно из свойств, качеств материального мира. Бог — Творец. Качество и форма есть лишь у веры. Это наше, человеческое. Бога мы не можем не обозначит словом «великий», «большой», «сильный», но одновременно мы понимаем, что Он не материально большой, не физически сильный. Вот с верой и Церковью дело обстоит иначе. Мы спокойно говорим о «сильной вере», «большой», «крепкой». Но разве вера бывает большой, сильной, крепкой? Вера всегда лишь отпечаток Бога, Его Духа, Его благодати. Разве отпечаток тяжёлой золотой печати — тяжёл или хотя бы позолочен?

Материальное, животное начало в человеке всё время побуждает упрощать Бога (и это называется идолопоклонством), побуждает оно

упрощать и Церковь, Народ Божий, Спасённое Человечество. Подменять качество количеством.

Самый простой способ: считать, что истина всегда побеждает, прокладывает себе дорогу, так что истинная та религия, у которой больше последователей. Гы-гы-гы, всех английских православных можно уместить в одну телефонную будку, — издевался один апологет российской госрелигии. Или берётся другое измерение — ось времени. Истинна та религия, которая самая древняя. Кто пришёл раньше, уйдёт позже. Стоунхедж. Друиды. Да мало ли что! Наконец, можно взять пространственное измерение: правильная вера, которая повсюду.

В наши часто меняют знаки на противоположные. Мал золотник, да дорог. Бедняки отовариваются в огромных супермаркетах, миллионеры в крошечных бутиках еды и портков. Большая церковь для плебса, для истинных знатоков миниатюрные общины. Где двое или трое, там истина, а больше — там лицемерие и дешёвка. Время? Прогресс есть во всём, так что истина там, что сформировалось недавно. Никто же не изучает физику по учебникам столетней давности. Пространство? Точечно, точечно! Большие религии такую стандартизированную, безвкусную подделку распространяют как планетарные сети быстрого питания.

Вот откуда у современного человека очень острая смесь скепсиса и любопытства сразу во всех направлениях. Боятся и больших старых религий, и маленьких новых. И крошечных «сект», и огромных госрелигий. Но и тянет попробовать всюду. Совместить плюсы элитного ресторана с плюсами придорожной закусочной.

В России классическим образцом проблем, связанных с материалистическим взглядом на религию является отношение к старообрядчеству. Уважительно-опасливое отношение. Когда-то главной причиной уважения к старообрядцам было то, что их было много. Формально, больше было новообрядцев — то есть номинальных православных госцеркви, но старообрядцы-то веровали не формально. Формальная вера не будет жертвовать комфортом и удобством. В современной России старообрядцы очевидное меньшинство. Большевики истребили 20 миллионов крестьян-старообрядцев. Старообрядчество стало верой горожан, часто очень хорошо образованных гуманитариев.

Старообрядчество при этом — отнюдь не за реформы, даже резко против, на этой почве оно и возникло. Однако, будучи против реформы богослужебной, против всякой новации богословской, старообрядчество резко реформационно в самосознании верующего. Это религия не коллективная, не конформистская, а покоящаяся на личном выборе и личной инициативе. Никакой государственной поддержки, активное дистанцирование от государства — это чрезвычайная новация для России, это реформа.

Историки сегодня избегают термина «секта», оно оскорбительно как термин «жид». Предпочитают выражение, устоявшееся в западной науке: «новые религиозные движения». Ведь «секта» в течение многих веков обозначало движение, отколовшееся от государственной религии, осуждённое церковной и светской властью. Но если светская власть и церковная разделены, то «секта» становится бессмысленным термином. Исчезает третейский судья, остаются двое верующих с разными позициями.

Все попытки изнутри религии отличить секту от церкви бесплодны. Критерии эти стоит перечислить. Размер — понятно, в чём ошибочность. Понятно, что любая религия начинается с одного, а потом идёт цепная реакция. Или не идёт. Но не голосованием же определяется истина, хоть научная, хоть духовная! Древность? Аналогично.

Самый смешной критерий: атмосфера. В «сектанты» могут записать и тех, кто «слишком вежлив» («заманивает»), и тех, кто слишком суров («подбирают мазохистов», «создают зависимость»).

«Секта» — это и организация, где руководитель слишком у вне подозрений, весь из себя ангел, и где у него нечистое прошлое. Церковь тогда дважды секта, потому Господь Иисус абсолютно чист и одновременно — был осуждён законным судом на смертную казнь.

«Секта» требует от своих последователей всё бросить, уводит их от «нормальной жизни». Как в Евангелии? «Кто не оставит отца и мать... Раздай имение нищим...». «Секта» агрессивно относится к тем, кто из неё уходит, проклинает их... Как Льва Толстого.

В «секте» запрещена критика руководства. Важный критерий, что и говорить! Но «почитайте наставников ваших» — апостол Павел сказал. В некоторых религиозных общинах с самокритикой, прозрачностью и толерантностью всё отлично, в других — не слишком. Но прямой зависимости от вероучения никак не просматривается.

Может быть большая, древняя, всей нацией почитаемая Церковь, а по всем прочим признакам — секта, и быть в ней очень не хочется. А может быть маленькая группа, которая сегодня есть, а через полвека вымрет начисто — а там настолько идеально — человеечно-божественно — насколько может быть. Например, великий английский физик Фарадей был священником в такой крохотной группе.

В конечном счёте, ничто, никакие внешние признаки не могут освободить человека от необходимости вникать, думать, решать. Отсюда замечательный религиозный тип старообрядца, который мог раньше за жизнь сменить не один десяток «согласий» — так называли разные конфессии старообрядцев. Собственно, «кон-фессии» и есть на латыни «со-гласие».

Может показаться, что положение безнадежно. Это как с поиском своей половины. В мире миллиарды людей, а любовь, скорее всего, окажется с кем-то, кто чуть ли не в детском саду с тобой познакомился. Так, может, это и не любовь, а морковь? Но кто сказал, что в одном детском саду люди оказались случайно? Что мир случаен и иррационален? Ах, это атеисты сказали!..

То же относится к поиску своих единомышленников, к обретению своего места в Церкви. Теоретически безнадежно, на практике всё не так уж плохо. Редко кто совершает более двух-трёх переходов, и обычно это переходы — результат выбора не между разными богословскими или обрядовыми традициями, а между местом, где хорошо молится, и местом, где стало невозможно, невыносимо молиться. Откуда невыносимость? Да по-разному. Сменился священник. Сменился человек. Сменился состав прихода.

Важно помнить, что Бог — отдельно, а мухи — отдельно. Он — мёд, мы — мухи. Бердяев назвал эту принципом «достоинства христианства и недостойности христиан». Перелетая с места на место, надо помнить, что всё равно мёд у всех один, а местечко на нём всё равно нам не принадлежит. Навозная лепёшка наше место, а на меду мы так, «по благодати». Поэтому летать — летай, а в тех, от кого улетишь, не плюй, тех, к кому перелетишь, не идеализируй. Всё-таки мухи, хоть и с крыльями, а не херувимы.

В современном мире редко действует принцип «где родился, там и пригодился». Люди все чаще переезжают в другие города, даже в другие страны. Не всюду есть отделения «своей Церкви», а если и есть — может оказаться неудобным. Да хоть бы и на одном месте всю

жизнь прожить — священник, с которым сроднился, умрёт, а новый совсем какой-то окажется не родной. Что ж, терпеть? Господь терпел издевательства палачей, врагов, а от родных издевательства терпеть не стал, между прочим, ответил довольно резко. Заранее предвидеть все ситуации невозможно. Конечно, нужно смотреть на жизнь философски и понимать, что лучше хоть какая-то община, чем никакой, что идеально нигде не будет. В любом случае, не бросать камни в тех, кто ушёл, чтобы не вернулся камень, облетев вокруг земли. Все мы живём в одном стеклянном доме.

В общении — а Церковь это всегда общение — существует равновесие между минусами и плюсами. Любимому человеку мы всё готовы простить. Если нас в метро толкнули, мы поворачиваемся, чтобы возмутиться, и вдруг видим любимого актёра или писателя — простим! Очень даже простим! В самом скучном и недружном приходе может быть один прихожанин — или, увы для мужчин, чаще прихожанка, которая «светится». Не сильно ласковая, а просто вот светится, чёрт её побери, и ради неё мы никогда не покинем этой общины, в какие бы «ереси» та ни впадала. Вот и надо быть таким прихожанином или прихожанкой, чтобы ради нас не бросали нашей Церкви, чтобы свет Божий через нас проходил и помогал видеть, что это сектантство тут, если и есть, то случайно и неопасно, вроде экземы, а это именно Церковь.

37. КРЕЩЕНИЕ И ПРИЧАЩЕНИЕ

«Крещение Иоанново с небес было, или от человеков? отвечайте Мне» (Мк. 11, 30).

Крещение и Причащение — два главных таинства Церкви, поэтому вокруг них больше всего недоразумений и даже суеверий. Диапазон большой, но в основном связан с материальной частью. Главные же вопросы (и главные ответы) совсем о другом. Это даже не вопрос о том, кто совершает таинство — люди или Бог, благодать «с небес или от человеков». Главное: над кем совершается? Над человеком? Но кто есть человек? Дух, душа, тело?

Евфросиния Керсновская, православная и социалистка, когда чекист требовал от неё подписи о неразглашении того, что с ней было в коммунистических концлагерях (а на её долю выпали норильские рудники), отказалась. Потом она и написала, и проиллюстрировала свои воспоминания, в том числе, о каторге. Между прочим, чекист отступился, её освободили, как и требовалось законом. Он только с отчаянием спросил, почему она из-за такой малости упёрлась, ведь все подписывают. «У меня ничего нет, — ответила она. — Вы отобрали у меня всё, даже одежду. Я — это только моё имя».

Таинство крещения начинается с обряда оглашения. Сейчас они обычно соединяются, но в античность христиане иногда годами ходили в статусе «оглашенных», только перед самой смертью крестились. Оглашение — это во всей голос заявить, что ты отворачиваешься от сатаны и присоединяешься к Богу.

В православной литургии сохраняется возглас «оглашённые, изыдите!»: оглашённые ведь ещё не имеют возможности причащаться. Отсюда русское понимание слова «оглашённые» как обозначение каких-то кликуш, которые могут своими возгласами нарушить благоговение во время причащения, отсюда выражение «что кричишь как оглашенный».

Этот сбой в понимании, как ни странно, помогает понять, почему в той же античности был обычай в некоторых общинах после оглаше-

ния годами проводить обряд изгнания беса из человека. Были специальные экзорцисты, которые периодически встречались с оглашенными, читали молитвы об изгнании бесов из человека (и сейчас «чин оглашения» это прежде всего такие молитвы).

Человек не бился в истерике, не плевал в крест — наоборот, он же заявил о желании креститься, он благоговейно слушает и повторяет: «Отрекаюсь от сатаны». В знак очищения ему клали на кончик языка немножко соли. Считалось, что соль очищает и поэтому засоленные продукты долго не портятся; отсюда слова Иисуса о том, что соль может «потерять силу» — ведь и засоленные продукты всё-таки в конце концов портятся, словно соль «обессилела».

Что же очищается в очищении, хоть солью, хоть водой? Человек, не тело же крестится, не тело разговаривает, не тело причащается. А человек — это имя.

Крещение есть очищение. Душ. Баня. Ванна. Сауна. Русское «крещение» от «крест» — результат поверхностного, принудительного крещения славян немецкими миссионерами во время святых Кирилла и Мефодия, даже пораньше. Говорили молитвы на латыни, проповедовали на немецком, славянин ничего не понимал, но князь приказал — надо. Главным элементом обряда сочли не воду, а крест, который целовали, который вручали для ношения, вот и называли очищение — «крещением».

На самом же деле, крещение есть именно омовение, только извращённое. Нормальное омовение — когда человек моется сам. Интимное же дело! Только сам знаешь, с какой силой себя тереть. До Иоанна Предтечи омовение — это регулярно производимый именно религиозный обряд, очищение от телесной нечистоты, символизирующее очищение от грехов. Грехи-то изначально понимались прежде всего как действия абсолютно физические: украл, изнасиловал, поклонился не тому божеству.

С Иоанна Предтечи омовение — это принятие другого человека в качестве того, кто «потрёт спинку». Революция духовная! «Не плоть, а дух растлился» — и растление прежде всего в самоизоляции, в эгоизме. Пусть тогда другой польёт! Я передаю другому себя — и это искупление, преодоление моего эгоизма.

Понятно, что не тело очищается — душа очищается. Но «душа» — понятие странное и, в общем, неуловимое. Никто не называет себя «душой». У каждого есть имя. Поэтому крещение очень быстро со-

единилось с обрядом дарования человеку имени. Поэтому оно стало совершаться и над детьми. Поэтому стали иногда менять имя в знак вступления в новые отношения с Творцом и людьми. Имя при крещении всегда — новое, даже если звучит оно как старое. Крещение — таинство обретения имени. Имени, которым меня позвал Бог, имени, которое и есть моё истинное и вечное я. Имя, которым меня позовёт Воскресение.

Понятно, что это имя — не набор звуков. Человек богоподобен, имя человеческое, как и Имя Божие — не звучит, а живёт. Это не имя-обозначение, это Имя, которое само обозначает, называет, призывает. Имя-в-общении, имя-во-взаимности, имя-в-любви.

Это имя нельзя предавать, это имя нельзя подписывать под грехом, под обязательством молчать, превращаясь в покорную бессловесную скотину. Это имя, конечно, будет ещё осквернено и предано мною самим, так что откладывать крещение на предсмертную минуту совершенно бессмысленно — и за секунду предам, и именно в предсмертную, может быть, секунду и предам из-за агонии, но это имя можно вновь и очистить. Но тут мы уже у таинства Причащения, Евхаристии, Литургии.

Сегодня, как и в древности, большинство христиан причащаются без исповеди. Только в России сохраняется поздний обычай перед причащением обязательно исповедоваться, но он уйдёт, это неизбежно. Не потому уйдёт исповедь как прелюдия к Евхаристии, что покаяние неважно, а потому, что Евхаристия важна. Не потому можно без исповеди к Телу и Крови Христа, что со свиньями ничего не поделаешь, ладно уж, пускай с ногами на стол забираются, а потому что Бог — не бифштекс и не кукуруза, которые кто смел, тот и съел. Бог — Огонь. Не шашлык на углях, а уголь, и уголь раскалённый.

Известно поверье, что, если узнать Имя Божие, то можно повелевать Богом или, по крайней мере, обрести всё, что хочется, от мерседеса до маракуйи. В общем, бессмертное счастье. Все умрут, а я нет!

Так вот нет у Бога Имени! Вообще нет! Нечего Богу нам открывать, называть, нечего у Него выведывать, и повелевать Им не получится. Имя — это человеческое. Не животное, а только человеческое, и за то, что человек есть, слава Богу.

У Бога нет имени, как нет у Бога тела, но — происходит Иисус. Случается Христос. Рождается тело. Человеческое тело? Да нет, животное, примат, какая-то там ступенька на эволюционной лестнице.

Но хотя бы имя Иисуса — оно имя Божие? Да нет, у Бога же не может быть имени, как у Бога не может быть тела. Это вполне человеческое имя, условное, как все человеческие имена. Евангелие даже говорит, что Иисуса звали и Иисус, и Эм-ману-ил, что означает — добавляет евангелист Матфей для слушателей, не знающих иврита — «с-нами-Бог». У Спасителя и ещё россыпь имён: Палайас, Саршалом, Абиад, наконец, почти из Толкина — Эльгебур, «Сильный Бог» (Исайя 9,6). Ну что делать — когда не может быть имени, на свободном месте расцветает множество условных имён.

У Бога не может быть имени, не может быть и тела. Но — вот оно. Тело, которое можно родить — и родили. Тело, которому можно вlepить затрещину — вlepили. Тело, в которое можно вбить гвозди — и потекла кровь, и лёгкие стали тяжёлыми, и лимфатическая жидкость... В общем, лучше без подробностей.

Так вот, чтобы ни в одно тело, никто, никогда не забивал гвоздей, не плевал в лицо, не выносил смертного приговора, — «возьмите, ешьте, этот хлеб — Моё Тело, это вино — Моя Кровь».

Конечно, тут Бог пользовался образом спасения, который Сам и создавал у иудеев в течение веков: Пасха, Исход, выход из рабства в Землю Обетованную, в Израиль. Но Израиль — одновременно и имя родоначальника народа, и имя земли. Израиль — народное тело. Нет земли — нет народа. И это тело — от Бога. Примите, живите, это есть земля Моя, вам отдаваемая, реки мои, для вас изливаемые.

Но вот в этой земле, на берегах этих рек — убивают, лгут, творят кумиров направо, налево и ещё вглубь и ввысь. В общем, гибнут. Очень успешно гибнут, надменно держа голову высоко и прямо даже после погружения в полное д...о. Потому что земля — это лишь ещё одна ступень к спасению. Это спасение от рабства, но не свобода, спасение от чужого, но не обретение Божьего. Но зато на этой земле Бог может рассчитывать, что хотя бы один человек согласится выносить тело Его Сына, поделиться кровью с Его Сыном, родить, услышать, понять, подхватить, послушаться и даже пойти с Ним в Иерусалим на Пасху — и на верную смерть и на такое неверное, ненадёжное, невероятное Воскресение.

Вот об этом теперь помните — не красивые нагорья, покрытые весенними цветами, ни извилистые речушки, не чудные пляжи и заснеженные горы, а вот эта лепёшка и это отнюдь не лучшее в мире вино

— это Моё Тело, это Моя Кровь. Не страна, а личность — вот где совершается спасение и обретение себя.

Крещение и Причащение — как рождение и жизнь. Рождаются однажды, чтобы дышать всегда. Крещение — однажды, Причащение — всегда.

Вот почему крещение и причащение — два главных события в жизни христианина. Одно — уникальное, другое — хоть ежедневное, но никогда не повседневное.

Конечно, как и всё главное, эти таинства — таинство дать Богу своё неизвестное самому себе имя и таинство принять от Бога невысказанное для Него тело — в истории христианство обросли клубком споров и суеверий.

Для кого-то крещение действительно только, если в проточной воде, да молитвы читаются трижды, да церковь чтобы правильная, да окунать с головой, да то, да сё. Кому-то и вода не нужна — пришёл Дух и крестил. Или причащение: как его понимать? А если понимание неправильное — оно причащение? А если молитвы неправильные совсем или хотя бы чуть-чуть? А если зубы почистил с утра, можно причащаться?

Во всём этом можно (а кому-то и нужно) разбираться, но краеугольным камнем остаётся опыт веры, когда вдруг ясно, что камень может быть беззвучным именем «христианин», куском хлеба и капель вина, а человек может отдавать сердце каменное и получить сердце Божие, принять чистоту и жизнь, не просто реставрировать старое, а получить нечто совершенно невысказанное, новое, непредсказуемое и головокружительно прекрасное.

38. ТАИНСТВА СИЛЫ: МИРОПОМАЗАНИЕ, ВЕНЧАНИЕ, РУКОПОЛОЖЕНИЕ

«И проповедывал, говоря: идет за мною Сильнейший меня, у Которого я недостойн, наклонившись, развязать ремень обуви Его;» (Мк. 1, 7).

Безуспешно пытаются люди провести различие между силой и насилием, самообороной и агрессией. Нет этой границы, потому что человечество едино. Убивающий другого убивает себя, убивающий себя убивает всё человечество. Змея не может себя пожрать, заглатывая собственный хвост, а человечество — запросто.

Спасение не отвергает силу как принцип жизни, как содержание жизни. Жизнь должна быть сильной, иначе какая же это жизнь. Три церковных таинства можно назвать таинствами силы. Миропомазание делает человека царём, взрослым, повелителем жизни. Венчание делает человека главой семьи, властителем любви. Рукоположение делает человека священником: пастырем, руководителем, учителем.

Миропомазание у православных слито с таинством крещения. Оно так в нём затеряно среди троекратного хождения вокруг купели, что его легко можно и не заметить. У католиков как в старину: крещение и миропомазание разделены, миропомазание — «кон-фирмация», «под-тверждение». Человек не просто умер, утонул в воде крещения и воскрес. Он не «вернулся к жизни», он «родился к новой жизни». Умер балбес — родился гений. Умер садист — родился добрый и нежный святой. Умер сексуально озабоченный кролик — родился принц с алыми парусами. Всё чудесно, только вот пуповину надо обрезать и завязать, чтоб назад не вытекло.

Запри за собой, чтобы в новый дом не протиснулся старый грех. Сатана запечатывает тебя в склепе, пещере, гробницы своей печатью — Бог запечатывает за тобой небо Своей, «печатью дара Духа Святого», говорит священник, помазывая миром человека. Помазывает уши, руки, ноги. Корсет Духа. Чтобы слышал не только звуки, но и смысл, невысказанное, невыразимое. Чтобы видел не только внешнее,

но и внутреннее, чтобы ходил «по пути правды», а не только по пути, где продукты подешевле, а зарплата повыше.

«Миро», как его ни «вари», это просто смесь масел и отдушек. Миноваренная палата в Кремле — да, где изготавливали миро на всю страну — до сих пор благоухает, хотя там давно музей. «Все мы одним миром мазаны» — много-то мира было не нужно, несколько капель всего. Драгоценное-то миро получается в стране, где подсолнечного масла до открытия Америки не было, оливковое было на вес золота, а какие были, вроде репейного — те как-то не сильно благоухают. В Израиле же иначе: когда пророк Самуил хотел обозначить, что царём иудейским станет Саул, он щедро, от души полил его оливковым маслом — и Саул не обиделся. Это же масло! Для еврея той эпохи оно как нефть для современных русских, один из главных источников жизни. Отсюда странный для нашего уха оборот в псалме: дружить это так здорово, так здорово... как если бы тебе на голову вылили столько масла, что оно стекает, пропитывая всю одежду!

Любой христианин — царь, любая христианка — царица. Помазаны на Царство. Царство, правда, Небесное. Вот здесь и начинается вера — та вера, которую выразил Иоанн Предтеча: я силен, потому что за мной идёт Намного Более Сильный. Вот у гавайских лодок делали балансир — вынесенное далеко за борт бревно уравнивало борт, когда на высоких скоростях или крутых поворотах лодочка кренится. На яхтах таким балансиrom яхтсмены делают собственное тело, резко откидываясь, держась за верёвку.

Не сорваться, не задавить никого, не саморазрушиться от избытка силы, — такое возможно только, если у тебя, Великого и Могучего, есть балансир, который не равен тебе по весу, а неизмеримо тебя превосходит. Ты кренишься в тоталитаризм — Он тебя возвращает в вертикаль творчества. Тебя клонит придать другому ускорению — Он тебя за воротник оттаскивает. А то бывали случаи... прецеденты... Ох, бывали! И в результате — «кто хочет быть первым, будь последним».

Ты Царь? Очень приятно, становись на колени и мой ноги своему дворнику. Как и Господь Иисус Христос апостолу Петру. Сила Божия в слабости совершается. Какое миропомазание было самым первым-то? А вот когда Иисусу перед распятием шанель номер пять на ноги вылили... А без распятия самодержавие личности недействительно.

Ровно то же с венчанием. Венчание — последнее по времени появления таинство-обряд. Понятно, что женились христиане всегда, дай Бог каждому так жениться. Понятно, что женились с молитвой. Женились по-разному, потому свадебные обычаи у всех народов разные. Сходны эти обычаи в одном: брак — это тоже смерть и новое рождение. Двое неполноценных умирают, рождается один полноценный. Были Машка с Ивашкой, стали «государь и государыня». Венец — он и для крепостных жениха с невестой царский венец. Перед Богом и друг другом они — цари не меньше Николая Александровича и Александры Фёдоровны.

Почему ж тогда в молитвах венчания то и дело «святые мученицы, молитесь Бога о нас» — в смысле, о новобрачных? Медовый месяц или желаем помучаться? В истории христианства — как и в истории человечества вообще — отношение к браку как к мучению отнюдь не редкость. Плачем, воём, но лезем на кактус. А что делать — хозяйство-то вести надо? В старости от кого-нибудь стакан воды получить надо, пусть даже совсем не хочется пить? Пенсию обеспечить в виде законных детей надо?

Нет, не надо. Святые мученики никого не мучали, ни от кого стакана воды не ожидали, хозяйством пренебрегали. Кто не пренебрегал — тот и не мучился, а хозяйствовал. Да и пенсия мученикам не положена.

Мученики к браку имеют лишь одно отношение: они готовы пожертвовать собой ради Бога. Не женой и не детьми, а собой. Но и не ради жены и не ради детей. Кто готов всем, включая себя, пожертвовать ради семьи — скверный семьянин, опасный муж и никуда не годный отец. Таинство венчания — это получение силы, но на что сила? На любовь? Ну, любовь и есть сила, ей больше ничего не надо, кроме самой себя. Получение силы на отказ от силы! Получение силы на то, чтобы уметь быть слабым. Не «быть слабым», а «уметь быть слабым», качественная разница! Сильный человек тот, который умеет быть слабым — быть с умом, с юмором, с принятием слабости как любовного приключения или приключения в любви. А вот сила приключением быть не может. На танке не сделать тех пируэтов, которые делают на коньках.

Сила слабости нужна любви, чтобы справиться с силой насилия. Таинств семь, число в европейской традиции священное со времён

доевропейских, вавилонских, поэтому монашество — постриг в монашество — таинством не стало, хотя очень, очень хотелось многим богословам его зачислить в таинство. А зачем? В таинстве брака предостаточно монашества. Это называется «целомудрие». Взаимное послушание, взаимная бедность. Всё принадлежит — нет, не другому. Если считать, что в браке всё принадлежит любимому человеку, это не целомудрие, а уловка, как у коррумпированных деятелей, которые записывают бриллианты на жену, а яхты на сына.

Имущество супругов нераздельно, но если супруги христианские, то имущество не их, а то ли Божье, то ли любого, кому понадобится. Заранее не скажешь. Поэтому таинство брака и возможно только с верой — с постоянной открытостью Богу, с постоянным прислушиванием к Богу, общением с Богом, молитвой Ему, принятием Его воли, которая редко выражается в словах, а чаще в разных происшествиях — отнюдь не всегда приятных.

Есть в таинстве браке и взаимное послушание, обоюдное самоотречение, но главное — есть постоянное воздержание. Воздержание от секса? Не совсем. Представления о том, что секс нечист, что постом секс недопустим — это из того средневекового фарисейства, которое и к менструациям относилось, как будто апостола Павла не существовало, и вообще утопало в суевериях. Что же, секс чист? Да нет его, секса! Есть много разных сексов. Самое важное — есть секс-для-другого, а есть секс-для-себя, и речь вовсе не об онанизме, который из всех сексуальных грехов самый безобидный. Речь об использовании другого. Для чего? Неважно, ключевое слово «использование». Любовь пользы не имеет!

Польза и любовь несовместимы как стиральная машина с бракосочетанием. Не венчают стиральную машину на мерседесе! Людей венчают, не резиновых кукол! В том и чудо любви, что секс она превращает... превращает секс... Ну как «превращает секс»... Молнию туда-сюда, туда-сюда... Что-то мешает. Да не «что-то», а «кто-то» — я сам и мешаю. Потому что параллельно с любовью-к-другому у меня идет любовь-к-себе, любовь на своих условиях, со своими привычками. Воду в вино превратить легче. Но всё же — превращает! Таинство брака, как и все прочие таинства, лишь начинается в обряде венчания — а длится всю жизнь. В каждом браке, если он настоящее таинство, всегда есть место монашеству, воздержанию, целомудрию.

«Невеста», «царь», наконец, «священник» — всеми этими образами жонглирует Евангелия, пытаясь выразить то новое, что происходит с человеком в Христе. Таинство рукоположения — не о том, что в Церкви есть свои пастыри, жрецы, иереи. В Церкви им не место. Крест мешает, отфильтровывает. Рукоположение делает человека священником? А как же. Формальный жест, возложение рук, тоже, естественно, из времён Авраама, Исаака и Иакова. Но что делается со священником после Голгофы и Воскресения? Вновь и вновь — ничего не делается. Просто возрождается дохристианский феномен: есть Бог, есть покупатели Бога, есть священники.

Покупатель даёт мясо, священник принимает и передаёт взамен благодать и прочие вкусности духовности. Да, это осквернение и кощунства таинства Благодарности, Причащения, Памяти о Смерти и Воскресении. Так Церковь вовсе не гарантирована от кощунства, иначе бы она не была победой над кощунством. Гарантии убивают, свобода животворит.

Сила священника (епископа, патриарха — все они лишь вариации на тему священства, или, если угодно, наоборот: священник есть зазипованный вариант епископа) — в силе Божией. Если священник не слаб перед Богом, то он не священник, а антихрист. Поскольку Бог — в каждом человеке, то и священник вовсе не «пастух», ни «лидер», не «руководитель» и уж подавно не «духовный директор», а уборщица духовная, что ли... Если и директор, то сугубо в смысле директории, справочника, дорожного указателя. Дворник? Да, и дворник. Дживс при Вустере. Даже не шофёр, а дворник на лобовом стекле — туда-сюда, туда-сюда, чтобы дорога была видна.

Священник — среди всех детей ничтожных мира всех ничтожней он. Без «может быть». Поэт — «может быть», а священник — точно. Только поэтому его можно подпускать к совершению таинств. Чтобы не заслонить Бога. О, конечно, заслонит всё равно — но тут уж на первое место выходит мирянин, да и мирянки, в общем — овцы. Церковь — единственное овцеводческое хозяйство, где овцы могут и должны контролировать пастухов. Потому что Христос так велел! Опять парадокс первых и последних. У язычников пастухи пасут овец, а у Христа овцы должны пасти пастухов. Чтобы не прелюбодействовали, не ввали, не крали... А те в благодарность — то повен-

чают, то крестят, то ещё что... Чаще-то священники нужно не для таинств сила, а для таинств слабости...

39. ТАИНСТВА СЛАБОСТИ: ПОКАЯНИЕ, СОБОРОВАНИЕ

«И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо;» (Мк. 2, 3).

Это ведь прямо детская загадка: куда один на четверых едет, чтобы одному без четверых ходить. Если священник — дворники на автомобильном стекле, то Церковь это автомобиль, и каждый в Церкви кому-то одно из колёс, кому-то приборная доска, кому-то мотор, но и для каждого Церковь — и колёса, и руль, и мотор. А бензинчик-то Дух Божий! Сидит человек в автомобиле, и автомобиль его, и если он мотор не заведёт, то не поедет. Священник тоже может не помочь — как и стеклоочистители не стеклоочистят ничего, если не залить жидкости, чтобы прыскать. Без жидкости просто размажется грязь по лобовому стеклу. Что

Зачем нужно исповедоваться перед священником, если кается человек Богу? Ну да, зачем нужно колёса, если едет машина по дороге. Почему Христос не пришёл к расслабленному на дом? Да потому что это человек, физически расслабленный, а духовно-то явно был не слаб. Разыскал людей, готовых ради него землю рыть (буквально, потому что крыша была не деревянная, а настил из веток, соломы, земли). Убедил их, что есть смысл напрячься. Убедил и себя, между прочим.

К расслабленному духом Бог, конечно, приходит на дом. Слушает, утешает, прощает, исцеляет. Вот поэтому-то человек и идёт на исповедь — он исцелён. Он здоров, поэтому идёт исповедовать грехи. Больной духом не исповедуется в грехах, больной духом грешит. Грешит, думая, что третий не нужен. Грешит, думая, что все сволочи, а попы особенно. Грешит, замыкаясь в себе — это замыкание и есть эталонный грех. Это не уединение, это одиночество, и преозлобленное.

Исповедь — это даже не первый шаг к выздоровлению, это уже здоровье. Духовно мёртвые не исповедуются. Хотя каются, возможно, каждый вечер, и грызут себя, и пьют, а толку нет, потому что они

сильно больны. Больны силой. Они мужественно сражаются с собой и своими проблемами. А расслабленный — искал, кто бы его к Богу подтащил, признав, что слаб, не Маресьев нимало, ни доползёт.

Покаяние — не таинство, а исповедь — таинство. Таинство не тем, что человек преодолевает стеснительность и говорит другому о своих слабостях, а тем, что человек видит в другом не судью, а помощника и спутника. В человеке видит — в слабом человеке. Значит, верует в Бога! Исцеление начинается в момент, когда о своей оторванности от человечества говорят человеку. Но если нет Бога — исцеления не будет. Будет выздоровление, может быть, будет психотерапия, будет утешение. Но силы Божией — не будет. А человек без силы Божией — эволюция на ветер. Хорошо модерированная обезьяна, не более.

Исповедь родилась у сильных людей. Это были монахи, которые жили в раскалённых пустынях Египта или в кишках мошкарной болотной Ирландии, люди гордые и самостоятельные, способные голыми выжить там, куда десантники без пуда снаряжения не сунутся. Потому что они пошли не убивать, а убиваться о своей слабости — о том, что сил много только на то, чтобы портить жизнь другим. Кирпичи об голову разбивать, когда нужно из кирпичей дом строить. Другой оказался для них не целью, а спутником. Один другому говорил, о чём вчера в одиночку каялся, а другой клал ему руку на шею и отвечал: «Твои грехи слились на меня, брат». Или сын. Или отец. Или мать. Кстати, женщины часто бывали и бывают исповедниками мужчин, хотя прочесть отпустительную молитву в православии пока — прерогатива священников.

В течение многих веков православные причащались один раз в год, а то и реже (хотя по древним правилам — не реже раза в месяц), а исповедовались и того реже. Это были весьма Средние века. Чем более зрелым и свободным становился человек, тем чаще он приходил исповедоваться. В России накануне революции многие даже чаще исповедовались, чем причащались. А затем вдруг всё изменилось — там, где люди остались свободными, они постепенно стали исповедоваться всё реже и реже, и сегодня опять у католиков раз в год, а у православных, возможно, чаще, но только эти частые исповеди как раз не совсем исповеди. Как говорил американский православный священник Александр Шмеман, русские эмигранты используют батюшку в качестве бесплатного психотерапевта. Это как автомобильным дворником очки протирать. Всем плохо.

Таинство исповеди не в исповеди, не в человеческих словах, будь то слова кающегося или священника, молящегося о прощении кающегося. Таинство исповеди в прощении. Просить и принять прощение может лишь сильный слабый человек. Но чтобы стать сильным слабым человеком, надо перестать быть слабым сильным человеком, который убить запросто, а признать, что убил — не в силах. Изнасиловать — пожалуйста, а признать, что изнасиловал, а не «она юбку короткую надела» — нет сил.

На самом деле, даже искренне кающийся человек всё же не достоин прощения. Простишь — а он за старое. Вырабатывается даже привычка каяться, когда грешишь — и уже заранее вписываешься в колею «я грешу, Бог прощает, слава Богу». Нельзя прощать человека! Вредно это ему! Наказать его надо! Ну вот приносят Христу расслабленного, а Он ему: отжаться десять раз в знак покаяния! Вот почему «епитимья» — на греческом это всего-навсего «по-учение», по старославянски «на-казание» — вовсе не обязательная часть таинства исповеди. А что обязательная? А обязательной части нет вообще. Твёрдо можно сказать, что исповедь — не о чужих грехах разговор, не «согрешил ненавистью-завистью к соседу, который берёт взятки, сволочь». Этому выучиться нетрудно, не более 30-40 лет уйдёт. Вот как так вздохнуть, чтобы выдохнуть себя и вдохнуть прощение — этому не научиться, а произойти может в любой момент. Ощутить это можно? Ну... Таинство оно потому и таинство, что оно далеко не всегда ощутимо. Иногда после прощения такая слабость... И слава Богу, окружающие целее будут! А то пойдёшь опять косячить...

Вот почему последнее из семи таинств — соборование — такое редкое. В современной России оно стало не таким уж редким, Великим постом по несколько раз проводят, а раньше соборование — это как крещение, только впритык перед смертью, а не после родов. Лучше всего, как это обычно и бывает, описано соборование у Льва Толстого, с этой сцены роскошной начинается «Война и мир» (как венчание лучше всего описано им же, в «Анне Карениной»). «Соборование» — потому что это единственное таинство, которое должен проводить сбор священников, собор, собрание из семи человек. Семеро молятся о здоровье восьмого — одного или многих восьмых. Семеро читают семь евангельских рассказов об исцелениях. Семеро помазывают больного — или, по крайней мере, чувствующего себя

больным, в общем, слабого человека — маслом, «елеем», почему это таинство называет ещё «елеосвящением».

На деле, конечно, во многих обстоятельствах семерых священников не набрать, обходятся тем, что один читает молитвы за семерых. О чём молятся? Об исцелении? О том, чтобы человек никогда не умирал? А если Бог вдруг станет на каждое таинство соборование отвечать исцелением, на что будет похоже существование верующих счастливчиков? На пародийную увертюру, где завершающие возвышенные аккорды взметались — а потом опадали, и так раз сорок не могли закончить.

Как и в таинстве покаяния, тут другой — один священник, четверо или семеро — это друзья, через которых несут к Богу свою слабость, своё бессилие, и одно то, что человек молится при друзьях указывает на силу этой слабости и на силу его веры. Академик Сахаров сказал однажды, что любого политика можно поддерживать лишь условно. Вера говорит человеку не то, что Бог поддержит его безусловно и всегда, а прямо наоборот: Бог, может, и готов поддержать меня безусловно, но я прошу о другом. Собственно, я прошу, а не требую.

Я могу и даже должен требовать от Бога объяснений — как Иов требовал, но я не могу требовать бессмертия. Я могу и должен требовать от Бога безусловной любви, но было бы неверием требовать от Бога счастья без всяких условий. Любовь по определению безусловна, а всё остальное — условно.

Таинство соборования не есть таинство безусловного исцеления. Как, между прочим, и таинство исповеди не есть таинство безусловного прощения. Бывает, что прочтёт священник молитву о прощении, скажет, что «прощает Бог все прегрешения твои», а Бог вовсе и не простил. Не потому что Бог дурной, а потому что покаяние было дурное. Приоткрылся Богу не до конца — а прощение в щель не пролезает, ему нужно распахнуть душу. Это можно сказать и о любом другом таинстве, как и обо всём, что есть подлинно вечного в жизни человека.

Любое таинство, и таинство венчания может быть фикцией. Может, и священник из рукоположения не получился, может, и человек не крестился. Не потому, что какие-то условия не были соблюдены, а потому что человек принимает безусловную любовь, безусловную благодать и разменивает на пользу, уют, спокойствие, счастье, а то и карьеру. Бог может заступить место предателя — и защитит жену, де-

тей, прихожан, заполнит Собой обрыв, свяжет провода. Только это слабое утешение, потому что не ради же галочки в отчёте живём, а чтобы каждый был жив и никто не был мёртв, ни душой, ни телом.

Таинство соборования именно тогда, когда оно совершалось над тяжело больными, вполне показывало настоящий смысл любого таинства. Статистически, конечно, результат был, мягко говоря, почти нулевой. Как с предсмертным причащением: получается, что Евхаристия — предисловие смерти. Уж на что суеверны суеверы, а рассказов про целительную силу предсмертных таинств немного. Тут и обнаруживается, что Бог — это Бог. Не протянуть подольше, не устроиться получше, а прильнуть покрепче и обнять посильнее. Будь что будет, но быть вместе. В здоровье и в смерти, в богатстве и в нищете, в силе и в слабости Бог остаётся с человеком, и это таинство, потому что механизма соединительного нет, а единение — есть. Вечность не просматривается нигде и ни в чём, а любовь есть, когда исцеляющая, когда нет, но всегда — именно вечная и именно Божья.

40. КАНОНЫ, ИЕРАРХИЯ, АНАФЕМА

«И заповедал им ничего не брать в дорогу, кроме одного посоха: ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе» (Мк. 6, 8).

Бога не выбирают, Бог выбирает и ставит перед выбором. Человеку хочется приватизировать Бога, сделать Бога частью своей жизни, чтобы жизнь стала спокойнее, гармоничнее, уравновешеннее. Окружающим тоже станет от этого лучше. Я сыт, так и другим перепадёт.

Бог выбирает человека не для спокойствия, а для спасения. Это не только к апостолам относится. Ведь Иисус посылает учеников проповедовать конец света с покаянием, а не гомеостаз с умиротворением. Ученики люди не богатые, но и не бомжи, благоразумные, не буратины, у них с собой было. Они этим и Иисуса кормили, между прочим. Но теперь Иисус предлагает им всё бросить и идти, надеясь то ли на Бога, то ли на людей. Примут, выслушают, согласятся, накормят — хорошо. Пошлют куда подальше — идите куда подальше. В животе бурчит? Ну, проповедуйте соответственно. Сытый голодного не разумеет, а сытого никто не разумеет. От сытого пахнет сладковатостью морга, от голодного пахнет Богом.

Ходить по воде — безобидное развлечение в сравнении с хождением проповедника среди мещан. Но других людей у Бога для апостолов нет. Только мещанин нуждается в спасении, тот мещанин, который сидит и в самом возвышенном мистике или философе, в Льве Толстом и в Лео Таксиле, как и в Смердякове и Ленине. Не убедишь мещанина? Иди к следующему мещанину, на твой век хватит. Мещанин тебя примет, выслушает, накормит? Не забудь сказать спасибо, попросить у него имейл, оставить свой, и двигай дальше.

С глубокой древности дорога — символ мысли и жизни. Иисус — учитель не потому, что учит, а потому что у Него есть учение, но слова «учение» в Евангелии нет, оно слишком абстрактное для той культуры, а есть слово «путь». Оказывается, Церковь — это не клуб по интересам, не сообщество верующих, Церковь — это правила, каноны, и первое правило: вперёд! Марш отсюда! Иди! Путешествуй!

Иоанн Предтеча призывал приготовить путь Богу, а идти по этому пути людям, верующим людям. Остановишься — всё, погиб. Надел рюкзак, взял в дорогу фургон, трактор, крестный ход — всё, погиб. Ты уже не на Бога надеешься, а на крестный ход надеешься, что с собой взяли, чем подкрепиться. Надеяться надо чудо — что другой поверит и в благодарность покормит.

Из этого первого канона вырастают все остальные. Конечно, не все каноны одинаково каноничны, но сам принцип каноничности никуда не деть. Правил нет лишь в абсолютно бесправном обществе, а Церковь, Царство Божие — это победа прав над бесправием, над обязанностями, над тоталитаризмом, над ответственностью.

Церковь — это победа самоорганизации над организацией. Ну что значит «победа»... Победа до Страшного Суда — это всегда поражение с точки зрения верующего. Верующий — он тоже человек, ему хочется такой победы, чтобы не осталось греха, чтобы хоть в Церкви было светло, сухо, мухи не летали, священники не насиловали детей и не полоскали мозги. А Церковь — Тело Божие, у Бога другие представления о победе, Богу и Голгофа победа, не только Воскресение. Бог очень даже умеет отличать победу от поражения, Бог не демагог, но Бог ценит поражение как освобождение от неприятной обязанности наказывать врага.

Как самоорганизация Церковь, естественно, ближе к организму, чем к организации. Страшный Суд не наступает, потому что реально пока Церковь ближе к организации, чем к организму. Христиане всё ещё надеются на чудо превращения организации в организм, но Бог может превратить воду в вино, но не может превратить чиновника в человека. Самоорганизация и есть умение не допустить чиновника в Церковь, и этого умения пока ещё очень мало.

Каноны могут быть разные. Исторически каноны в Церкви выросли из римского права, не из тех правил, которые запечатлены во Второзаконии и Левит. Разница, впрочем, не так уж велика, потому что право оно и есть право, в отличие от бесправия, которое причудливо и разнообразно-омерзительно. Попытка самоорганизоваться без правил, потому что они-де от лукавого, суть наивность, плавно доходящая до лукавства — просто каждый начинает свои представления о жизни возводить в каноны.

Каноны менялись, меняются и будут меняться. У католиков за один двадцатый век дважды составлялся новый кодекс канонического

права. У православных теоретически каноны сохраняются в неприкосновенности с античных времён. Но это чисто теоретически. Практически, разумеется, даже самые заиклинные на авторитете древности фанатики не смотрят врачу в... Нет, не в рот — канон запрещает лечиться у врача-иудея, а признаки иудейства не стоматолог определяет. В реальности именно у православных, как ни смешно, как раз потому, что каноны это просто набор ни на что негодных, кроме демагогии, лозунгов, даже сильнее элемент самоорганизации. Хочешь быть Церковью, приходится договариваться с другими о правилах — настоящих правилах, настоящих канонах. Всё это через пень-колоду, а если Церковь попадает под контроль государства, что бывает, то колода часто бывает типа эшафота. Что ж, путь Церкви — путь Христа, путь с палачами и пыточными орудиями. Преодолеем! Главное, быть на этом пути не палачом.

* * *

Отдельные каноны не так важны, как механизм реализации канонов. Механизм просто до ужаса — действительно, ужаса, буквально — это анафема. Отлучение! От чего отлучение? От Церкви? Ну как сказать... От самоорганизации отлучить нельзя, на то она и «само». Отлучают от участия в таинствах и обрядах. Например, самое знаменитое отлучение России — отлучение Льва Толстого — было запретом отпевать Льва Николаевича. Синод в своей мудрости додумался до идеи, что Толстой смертен. И вот умрёт — и надо его отпевать, он же по анкете православный. Синод мог рассчитывать на то, что вдова и дети на пушечный выстрел не подпустят священника ко гробу, но вдруг бы подпустили? Каково было бы отпевать человека, который всякий обряд заклеил как кощунство и формализм? Ну, подстраховались. Вышло — как и всё, то выходит у бюрократов и организации — что перестраховались. Дышло вышло.

Церковь до сих пор оправдывается, но неубедительно, потому что всем понятно, что двойной стандарт. Почему вдруг с Толстым решили применить каноны, а с ещё несколькими десятками миллионов человек — не применять? Ведь, как стало ясно уже через 7 лет после кончины великого писателя и великого религиозного мыслителя, в России минимум половина населения были ещё менее православный, чем Толстой.

Что же, отлучать всех, кого следует, или забыть об отлучении как методе вообще? Но самоорганизация невозможна без самоочищения.

Не всякий Иуда уйдёт и удавится. Тот Иуда был человек с совестью и сердцем, а большинство Иуд только встряхнутся и сделают вид, что ничего не было. Христос воскрес? Воскрес, так какие могут быть претензии, я только помогал процессу! Всякий посетитель публичного дома мнит себя борцом за сексуальную свободу.

Анафема — слово страшное, но страшное оно лишь для верующего человека. Ведь анафема это всего лишь отказ причастить. Просьба воздержаться. На протяжении тысячелетий большинство христианство причащались так редко, что фактически постоянно сами себя анафематствовали. Как можно отказаться причастить?

Простейшая ситуация: человек убил, убил публично, не делая из этого тайны и пришёл в воскресенье на литургию, как всегда — причащать? Он на фронте убил, не в подворотне, он орден от правительства получил. Но правительство — организация, а Церковь — самоорганизация. Правительство стоит на мече, а Церковь — на Кресте. Правительство — на тех, кто убивает, а Церковь — на Том, Кого убили, по приговору абсолютно законного правительственного деятеля. Понятно, почему святой Василий Великий, один из Отцов Церкви, предписывал отлучать солдата, убившего кого-то на фронте, на 3 (три) года?

Ситуация посложнее. Трое прихожан, муж и жена, а ещё одна прихожаночка. Муж ушёл от жены к прихожаночке. Что, причащать всех троих как ни в чём не бывало? Да они тогда все трое развернутся, уйдут и правильно сделают. Если не сделают, значит, совсем уж конец света близко, совсем православие порушилось. Сказать «разбирайтесь сами»? Да вот они поразбирались и доверяют священнику разобраться. Третейский судья.

В Средние века было просто — были преискуранты, где чётко указывалось, как компенсировать тот или иной грех. Есть такой «епитимийник» («наказывательник») XV века, принадлежал преподобному Кириллу Белозерскому. Там самое маленькое, крошечное наказание — десяток поклонов — за «аще кто похулит дождь или снег, Божье творение». Что ж теперь, и о погоде не поговорить?! Говори, да не ругай! Женщин не любить, с мужчинами не целоваться? Люби, целуйся, а не изменяй и не обманывай, и не обманывайся! Будешь обманывать и причащаться — как говорится в одной из молитвы, «ты же приговор свой съел». Ты на ступеньку в ад сошёл. Ты окаменел. Ты уже не вполне ты, а так...

Вот здесь в самоорганизации появляется страшное чудовище — иерархия. Неравенство. Вот апостолы без куска хлеба, даже без кредитки идут в путь — кто им епископ? Тот, кто их накормит. Он их причастит своего дома, своего труда, своего продукта, в общем, тоже «своего тела». Церковь есть свобода, анархия, но именно анархия знает цену архонтству, принципу старшинства.

Анархист потому анархист, что старшинство другого признаёт от сердца — от своего сердца. Организация подменяет иерархию доминированием, которое похоже на иерархию как вертикаль власти на яблоню. Конечно, в истории Церкви анархизма пока было не так много, как хотелось бы. Так в истории Церкви было мало и истории, и Церкви, в основном бардак и инквизиция, но это же не повод разбегаться. Наоборот — надо собраться и начать быть Церковью по-настоящему. Это означает полное равенство — а полное равенство подразумевает, что равный может принять суд равных себе. Суд пэров. Суд присяжных.

Суд одного или двенадцати? А это как договоримся. Вот в интернете все равны, но никто не отменяет провайдеров, международный орган, регулирующий раздачу доменных имён и т.п. Причём, этот орган — не государственный, хотя многие хотели бы сделать его именно государственным, пусть даже межгосударственным. Боже упаси! То же и с Церковью.

Бывало, что Церковь становилась государством, бывало, что государство становилось Церковью. Было и было, и быльём поросло. Сегодня это всё спитой чай, хвост динозавра. Конечно, может повториться, вот и надо принимать меры, чтобы не повторилось. И эти меры — не разбегания по квартирам, по глубинам души (есть ли что-либо бездушнее глубин души?! Нету!), это реформы, это перестроение, это жизнь в Церкви не потребительская, а нормальная, анархическая, творческая, свободная. С иерархией, конечно, и с обрядами, и с формами. Филателистам можно, а христианам нельзя? Наоборот!

Самоорганизация тем сложнее и тем более нуждается в правилах-канонах и иерархиях, чем более глубоких вопросов человеческой жизни касается. Если нужно поприветствовать вождя — достаточно флеш-моба. Собрались, гаркнули, разошлись. Если нужно любить — у, тут и обручальное кольцо может понадобится, и пару лет друг во-

круг друга круги писать. Если дети — тут уж точно без иерархии никак, дети же не равны родителям, они намного выше. Вот и получается Христос и Его Церковь, где, как ни смирайся, а всё равно глава Церкви — Христос, и Он бесконечно ниже тебя, и поглаживает тебе пятку, поглаживает, «кисонька, лапонька», и всё ждёшь, когда будет «брысь под лавку», а нету! Вот оно, счастье, канон, иерархия и вечное блаженство!

41. ВНУТРИ ЦЕРКОВНЫХ СТЕН: ОТ КЕЛЫИ ДО КОСМОСА

«А посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат» (Мк. 4, 20).

Опыт благодати, встречи, откровения — религиозный опыт — потому так часто сравнивают с влюблённостью, что это опыт восторга, который может доходить до эйфории. Какое там «тепло ему на свете»! Тепло батарее, а тут жар и трепет! Вода остаётся водой — ну и пусть! Гора с места не страгивается — не больно и хотелось! Я изменился, я стронулся!

Человек переживает даже не второе рождение — первое. Никто ведь не помнит своих переживаний при первом рождении, которые, судя по всему, были далеко не восторженные.

Радость эта потом уляжется, но не сказать, что человек «возвращается к норме». Даже если потом человек потеряет веру, прежним он уже не будет, как человек после развода не вернётся к состоянию «до». Не «реабилитируется». Любовь и вера — это не то, от чего нужно «реабилитироваться», «восстанавливаться».

Самый лёгкий путь потерять веру (и любовь) — быть пассивным потребителем. Марк Твен ехидничал: якобы он соорудил из бумаги модели синагоги, мечети и костёла. Положил внутрь синагоги кусочек сахара, выпустил на стол несколько муравьёв, принесённых из сада, и все муравьи побежали в синагогу. Переложил сахар в костёл — муравьи побежали в костёл, поместил в мечеть, так все муравьи приняли ислам.

А сахар-то не бесконечен, в отличие от Бога!

Вот почему всякая коллективная религиозность обречена на исчезновение (исчезновение коллективной религиозности называют секуляризацией). Длиться коллективное потребление религии может тысячи лет, но коллективы распадаются, сахар заканчивается, муравьи ищут другой муравейник.

Человек не муравей. Поэтому первый порыв человека, открывшего Бога, влюбившегося в Бога, наслаждающегося любовью Божьей — сделать что-то для Бога. Вот откуда в храмах сахар: фрески Микеланджело, музыка Моцарта, вдохновенные проповедники.

В пределе это вообще ведёт к монашеству. Монашество вовсе не обязательно — в монастыре. Монашество по определению — «моно», то есть, переход в одинокое состояние, уединение с Богом, посвящение всей своей жизни Богу. Как говорил один диакон, отказываясь петь для друзей своим замечательным голосом светскую музыку: «Пою Богу моему дондеже есмь». Бог существует, следовательно, петь нужно только для Бога. Пою Богу, следовательно, пою по-настоящему. Только творчество для Творца есть подлинное творчество.

Так появляется религия как форма. Не только христианство. Отнюдь не власть заставляет людей посвящать свои таланты и способности Богу. Конечно, кто-то работает для Церкви только за деньги, оставаясь вполне атеистом. Но всё лучшее в религии создано самими верующими, для Бога, не для себя. Кстати, многое исчезло — именно потому, что не ради славы своей, а ради славы Божией, которая не нуждается в публике.

По мере освобождения Церкви от государственной ласки, изменяется и монашество. Появляется идея «монашества в миру». А как иначе, если построить большой монастырь с роскошными зданиями мыслимо только в ситуации, когда государство поощряет набожность, причём избирательно. Все считают себя православными, но внутри люди чувствуют противоречие между свободой, которая неотъемлема от веры, и принуждением, которое неотъемлемо от всеобщности, насаждаемой властью. Тогда человек бежит от власти, бежит в лес, в пустыню, отгораживается от власти. Тогда к этому человеку идут другие, подобные ему — вместе легче выжить. Наконец, к этим монахам начинают идти — на время, не навсегда, идти в поисках настоящей веры — начинают идти и суеверы, так и те, кто, подобно Льву Толстому, и хотел бы покинуть лицемерный и рабский мир, но насовсем уйти не решается, так хотя бы в отпуск, в паломничество.

Когда государство оставляет верующих в покое, не нужно никуда убегать. Живи себе в городе. Так жили первые христианские подвижники, часто — общинами. Так и сейчас живут настоящие монахи — в

городе, на жизнь зарабатывают как все: преподаванием, программированием, да мало ли чем. Редко крестьянствуют — плетением корзин в современном городе много не заработаешь. Врачами работают. Но вечером встречаются в монастыре, который напоминает общежитие. Так ведь «общежитие» это термин как раз из истории монашества! Были монастыри «особножительные», где у каждого было своё имущество, своя пайка, а были — «общежительные». Коммуны, скажем прямо. Так ведь «коммуны», «коммунисты» — это отнюдь не те, кто положил жизнь на управление другими, которое всегда заканчивается банальным самоуправством, а те, кто положил жизнь на самоуправление.

Опыт монашества учит, что для того, чтобы стать «моно», надо сперва побыть «поли». Как в обычной жизни человек начинает с коллектива — семьи, а потом уже становится самостоятельным, так и в духовной — в «схиме», полное уединение идут лишь после опыта жизни в общине.

Монашества в современной Церкви мало, но желания жить для Бога немало. Здесь уже сама Церковь часто бьёт по рукам. Восторг от встречи с Богом всё-таки прежде всего — проекция религиозного опыта на эмоциональную сферу. Разум подтягивается потом. Оно и в любви так, и отнюдь не только в любви к Богу. Ничего плохого или подозрительного, свидетельствующего о самообмане, в этом нет, просто так уж устроен человек. Восторг Колумба при виде Америки не означает ведь, что Америки не существует. Просто Америка больше, чем ожидалось.

Восторг от веры часто имеет эхо: отвращение к тому, что не Божье. Опять как с влюблённостью! Любовь — не морковь, не уборка квартиры, не деньги, не планирование... Полёт!

Этап полного погружения в религиозную жизнь, когда ни на что более человек не обращает внимания, бывает далеко не у всех. Проходит у всех. Во всяком случае, у тех, кто потом действительно посвящает себя Богу — должен пройти. Восторг первооткрывателя одно, а жизнь в первооткрытой Америке совсем-совсем другое. Человек понимает, что любовь к Богу — как и любовь к человеку — это не презрение ко всем, кто не Бог, не любимое существо. Это источник любви ко всему, кого любит Бог. Но источник должен источаться, течь, впадать то в Каспийское море, то в больницу, то в науку, в общем — наружу.

Вот почему неопиту так часто дают по рукам — если есть, кому дать — чтобы не бросал учёбу, не бросал семью или жену. Да, Господь Иисус сказал «оставить всё», но сказал это не всем и не навсегда. Люби Бога — и всё, бросок совершился. Всё осталось позади. Уходить никуда не надо. Надо идти к Богу — и вдруг за Богом начинается просвечивать и привычная работа, и поднадоевшая семья... Но их уже не узнать — ведь теперь человек видит их если не глазами Бога, то в свете Божьем. Всё преображается.

Оказывается, что можно быть и с Богом — и в семье, науке, творчестве. Даже в политике — христианские демократы это не пустой звук. Можно быть и христианским недемократом, христианским антидемократом, такое бывало и будет, к сожалению. Вот и надо быть таким христианином, чтобы свободы было побольше, а несвободы меньше.

В результате стрелка церковной жизни устанавливается обычно где-то посередине между маниакальным стремлением всё и вся посвятить не то что Богу, а прямо-таки религии и потребительским посещением храма, когда захочется. «Посередине» — это не на 50 (если по шкале от 1 до 100), это на 10. Отсюда библейская идея десятины. Десять процентов от дохода на религию — это очень много! На практике такое встречается крайне редко, у некоторых протестантских общин. Один американский бизнесмен поступал настолько радикально, что платил десятину до уплаты налогов. Что напоминает: жертвовать на добро только, если делают налоговое послабление, дело неплохое, только не имеющее ни малейшего отношения к вере.

В исламе и в иудаизме десятину часто трактуют как отдачу денег не на религию — обряды, здания и т.п. — а на помощь нуждающимся. Нуждающимся, конечно, помогать надо, но всё-таки десятин — это Богу. Нуждающимся, к сожалению, нужно намного больше — посмотрите на норвежцев, которые и сеют, и жнут, но отдают нуждающимся до 40 процентов.

Тем не менее, даже пять процентов, даже четыре процента на церковь — на церковные стены, скажем условно — это очень и очень много, если процент постоянный. Этого достаточно, чтобы двенадцать человек могли платить постоянную зарплату, равную своей собственной, тринадцатому, а духовенство обычно получает лишь половину от средней по региону. Этого достаточно, чтобы религиозная организация, которая бессмертна и не платит налогов на наслед-

ство, а иногда и никаких налогов, постепенно богатела, тогда как люди то богатеют, то беднеют.

В результате Церковь начинает напоминать лодку Робинзона Крузо. Первую лодку: Робинзон изготовил её из самого большого дерева, потратив несколько месяцев, и только потом сообразил, что не в силах стронуть её с места. Наследство тормозит, расплющивает наследника — такое и вне религии бывает сплошь и рядом.

Это справедливо не только для стен, но и для духа. Верующие пишут книги, сочиняют музыку, рисуют картины, — но верующие умирают, а их творчество остаётся, и что тогда? Даже если сохраняются верующие как преемники по религии, это верующие уже освоили бывшее прежде, новое стало для них знакомым, они ищут и жаждут нового нового. Достижения церковного хозяйства превращаются в обузу. Если нет жажды нового, если не превращаются, это ещё печальнее: значит, Церковь превратилась в музей.

Может быть, самое опасное для Церкви — хотя самое, казалось бы, естественное — это существование «освобождённых» служителей Церкви. Что плохого в том, что священник, тем более епископ целиком отдаются своему служению? У любой общественной организации, если она не совсем крошечная, есть свой административный аппарат. Да то плохо, что повышается риск отчуждения. Священник или епископ — не психолог, который хорошо, если профессионал.

С этим прямо связана другая проблема: споры о допуске женщин к церковным должностям. Во многих протестантских церквях спор уже давно завершён, есть женщины и среди епископов, и среди священников, не говоря уже о теологах. В православии с католичеством споры идут. Но зачем спорить о том, может ли женщина преподавать теологию, когда надо спорит о том, допустимо ли вообще преподавать теологию в государственном вузе?

Пока в Европе ещё сохраняются доставшиеся от Средневековья с его принудительным христианством нормы: новорожденных записывают в католики или протестанты, теологию считают нормальной гуманитарной дисциплиной... Всё это неизбежно исчезнет в ближайшие десятилетия, вопрос только в том, станет ли это для христиан несчастьем, которые они примут, сжав зубы, или христиане сами сделают рывок от средневековья к свободе.

Был совсем недавно в России, и не только в ней, феномен «старчества», когда какого-то монаха назначали вести приём приезжающих в

монастырь мирян и давать им советы. На Западе такой же феномен называли «директор духа». В Средние века такого феномена не было — он результат повышения и грамотности, и мобильности, и зрелости людей. Церковь оказалась при этом чем-то вроде огромного неврологического диспансера.

Ясно, что, когда Христос говорил о Церкви как о дрожжах, Он имел в виду совсем другое. Церковь часто больница, но больные выздоравливают, слава Богу, а Церковь остаётся. Люди уже научились жить самостоятельно, в старцах не нуждаются, и это и для потенциальных старцев очень хорошо, могут посвятить себя целиком тому, чему хотят себя посвятить. Но что же тогда можно и нужно делать для Церкви? Как ей служить?

Наверное, можно для Церкви и здания строить, и книги писать, и музыку сочинять. Ничто не запрещено. Просто это надо делать со смирением, понимая, что это нужно тебе, а не другим. Это не ради Бога, это самореализация. Ничего дурного в самореализации нет, просто религиозное творчество перестаёт быть самоцелью, идолом, вытесняющим Бога.

Исчезает и дамоклов меч пожизненности. С древнейших времён, задолго до Христа, верность Богу понималась как окончательность выбора. Священник, епископ, монах — так навсегда. Это не результат того, что Бог вечен, это результат проекции на Бога человеческих предрассудков.

Сила понимается как способность противостоять изменениям, а изменения понимаются исключительно как распад. Всё течёт, всё изменяется — это плохо, это предсмертная агония. Вечная жизнь есть неизменность, и в религии человек награждается способностью создавать островок неподвижности в бушующем океане гниения и смерти. Спасение есть замирание. Творчество есть преодоление движения. Бог — идеальная остановка. Вечная жизнь — вечная неподвижность. Идеальная любовь — это замершие в торжественных позах люди.

Иисус пришёл не остановить, а напротив, исцелить от неподвижности. Одно то, каков Он был, как проповедовал, каким Иисус не был — это наглядный пример, прорыв жизни вечной как движения в жизнь временную как вечного движения. Ничто материальное не может быть признаком Бога. Неподвижность? Мертвец тоже неподвижен. Движение — проявление несовершенства? Только

несовершенное движение или движение в сторону несовершенства. Огромный первичный испуг перед миром создал миф о неподвижности как святости, восприятие Бога как победителя не греха и смерти, разъединённости и злобы, а победителя какой-то одной черты мироздания.

Бог — Творец? Творчество — движение? Любовь — движение? Но это означает, что не всякое изменение — измена, что измена может заключаться как раз в отказе меняться. В истории отношений человека с Богом это сплошь и рядом. Всякое обрядоверие, всякое ханжество — подмена верности неизменяемостью.

Что же, и разводиться можно? И уйти из Церкви не грех? Покинуть монастырь? Может, и при крещении говорить, что «соединяюсь со Христом на пару лет, аминь»?

Покинуть монастырь точно не грех. Если, конечно, при этом никого не обмануть, ничего не украсть. Вот оставаться в монастыре, если ты стал атеистом или если ты завёл подругу на стороне, — точно грех. Грех лжи и измены. Да не монастырю — подруге!

А вот изменить жене или мужу — грех. И ныне, и присно, и как там — ах да, во веки веков. Потому что любимый человек — не часть мира сего, не секунда во времени, не этап, который можно пройти, а сама вечность, живая, стремительная, меняющаяся — не старящаяся, это лишь о том, чем врачи занимаются — а растущая, расширяющаяся, творящая. Как Бог. Образ и подобие!

Коллектив — явление статичное и потому увядающее, разлагающееся. Личность — динамична, потому что вечна. Вот почему жизнь с Богом отстёгивает десятину на церковные стены, но церковные стены — не только стены, меньше всего стены. Опять вспоминаем евангельское «дрожжи». Как перед входом в магазин ставят по морозу тепловую пушку: это пушка? Она убивает? Стена тёплого воздуха — стена?

Десятина — это часть не только от дохода, это часть от жизни, а жизнь-то не доход, жизнь — полёт. Посвятить Церкви лучшие свои порывы — и порывы вернутся сторицей, ещё и другим достанется. Быть верным Богу, Который идёт, а не лежит на печи. Идти с ним, слушая Его, расспрашивая Его, не боясь переспрашивать, радостно пересказывая друзьям, что услышал, — и тогда Церковь из сообщества станет сообщением, из спасательного круга — бесконечностью творчества, из кучки выживших — жизнью космоса.

42. ЦЕРКОВЬ И СВОБОДА: СЕКУЛЯРИЗМ, ГУМАНИЗМ, БИОЭТИКА ОТ ПРОБИРКИ ДО ЭВТАНАЗИИ

«И когда Он вошел в лодку, бесновавшийся просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус не дозволил ему, а сказал: иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя» (Мк. 5, 18-19).

Русское «город» означает место, окружённое стеной. Между тем, с XIX века все развитые города теряют стены. Сносят. Если стены остались — как в Иерусалиме или в Таллине — значит, было экономическое отставание. Стены мешают дорогам. Риск быть завоёванным оказывается ничтожно мал в сравнении с риском оказаться в изоляции и отстать.

Города стен лишились, а души нет. Доходит до смешного: мы повторяем молитву о восстановлении стен Иерусалима. Стены-то восстановлены, лучше прежних, в XVI веке турецким султаном. Самое же смешное: что, как сказал однажды Иисус по другому поводу, «не понимаете, о чём молитесь». Не нужны стены! Ну обходятся Париж, Лондон, Нью-Йорк без стен, и отлично живут!

Исчезновение городских стен — результат изменения отношений между людьми. Дело не только в торговле, конечно, торговля следствие. Люди стали свободнее, а стена — это ведь издревле символ не столько защищённости, сколько господства. Иерусалим — столица, господствующая над городами и городками, у которых не было таких роскошных стен.

Почему люди Западной Европы стали свободнее? Почему с XVI века утверждается идеал личной свободы, гуманизма, демонтируется система, которая уходит в незапамятную древность: в каждом государстве есть господствующая религия. Можно поменять религию (как Константин Великий поменял язычество на христианство), но принцип господства неизменен. И вдруг — отменяется!

Хочется верить, что и вера в Христа внесла свою каплю мёда в появление общества открытого, без стен, со свободой веровать или не

веровать. Смущает — прежде всего, смущает нехристиан — что многие христиане по сей день считают необходимым в той или иной мере восстановить стены. Чтобы защитить от зла и сохранить добро, конечно — но именно стены. Запреты. Например, пусть будут запрещены противозачаточных средств, зачатие в пробирке, однополые браки, аборт, разводы, эвтаназия.

Любопытно, что запрета разводов сегодня не требуют даже самые фанатичные противники «цивилизации смерти», как называют открытое общество, общество гуманизма и прав человека. Многие из этих фанатиков сами разводятся вовсю, но ещё больше просто не понимают, что, если выполняют программу по биоэтике — от запрета противозачаточных средств до запрета эвтаназии — то логика несвободы потребует вернуть времена, когда брак без венчания считался прелюбодеянием, дети от этого брака считались незаконнорожденными и лишались многих прав, у матерей-одиночек вообще отбирали детей в приюты, да и их самих тоже, если молодые, отправляли на вечное перевоспитание...

Если ещё дальше, то разве не разумно восстановить — к общему благу — государственную заботу о том, чтобы все правильно веровали? А те, кто производит неправильные идеи, разве не подлежат такому же наказанию как фальшивомонетчики? И не восстановить ли смертную казнь, а ювенильной полиции поручить пороть детей, когда этого пожелают родители — чтобы дети не таили зла на родителей и чтобы исполнялась фраза Библии, предписывающая не жалеть розог для детей.

На самом деле, пока ещё ни в одной стране мира не достигнут вполне идеал гуманизма и открытого общества. В наше время положение даже несколько ухудшилось в сравнении со второй половиной XX столетия, потому что в свободном мире выросла ненависть к мусульманам. Государственные религии во многих демократических странах сохраняются, хотя их государственность очень условна, как власть английской королевы. Правда, с каждым годом пространство религиозной свободы постепенно расширяется.

Свобода оказалась неожиданной для Церкви как целого. Всё казалось таким идеальным в «Высокое Средневековье». Все католики — если страна католическая, все православные — если страна православная, инаковерующие и инославные живут в анклавах, гетто, знают своё место, не лезут на глаза и во власть.

Что же плохого, кроме хорошего, в такой идиллии? Да то, что веру нельзя навязывать. В стране, где все должны быть христианами от рождения, все верующие — но одни верующие реально, а другие фиктивно. Причём, фиктивные верующие сами не догадываются, что их вера — не настоящая, а суеверие. Рано или поздно, однако, это даёт себя знать в абсолютно нехристианском, антихристианском поведении. Исправлять поведение? Нет. Отменять необходимость лицемерить. Религиозная несвобода — антирелигиозное явление. Первыми её жертвами становятся как раз верующие. Ведь фиктивно верующие лучше делают карьеру, они не ограничены стремлением следовать воле Божией. Они с чистой совестью отождествляют свою волю, свои представления о правде с волей Божией. Опыта богообщения у них нет, только опыт навязывания убеждений. Их принудили — и они убеждены, что принуждение и есть источник веры. Какая уж там благодать...

Это не со Средневековья началось, и не с христианства, а наверное, уже и в палеолите было так, только письменности в палеолите не было и не сохранилось протоколов тогдашней инквизиции.

Средневековая Церковь выкопала могилу средневековому христианству своей проповедью Евангелия? Или средневековый экономический взлёт дал возможность людям обрести уверенность в себе? Или средневековое просвещение, начиная с университетов, которые именно в Средние века появились, открыло людям путь к личному росту, самопознанию, освобождению от дикарских представлений о религии и государстве?

Наверное, все эти причины и многие другие. Важнее другое: как сегодня христианам строить отношения с обществом. Поняли и приняла христиане, что они — общество, не совпадающие со страной, государством, народом, нацией, с обществом?

Христиане уже были (в первые три века после Воскресения) маленьким обществом внутри большого нехристианского, даже антихристианского общества. Сегодня мы стремительно возвращаемся в это положение, возвращаемся математически. Но душой возвращаться не следует. Страдание не обогащает, опыт страдания обогащает, сказал Николай Бердяев.

Опыт господства — это не опыт победы, а опыт страдания, это опыт болезни, это опыт патологического повторения христианами той ошибки, которую совершали все другие религии — расчёт на си-

лу. Страдание нехристиан, но и страдание христиан, потому что христиан с совестью не может не страдать, глядя на костры инквизиции и понуждение к вере огнём и мечом. Этот опыт нельзя забывать, чтобы не повторить ошибку. Не мечтать о возвращении в средневековье, даже в самом миниатюрном виде. Понимать, почему это страдание — и для людей, которых силой обращают в христианство, и для Небесного Отца. Для Христа. Для Духа Божия.

Как же тогда относиться к тому, что составляет суть современного мира и может быть обозначено словами «гуманизм», «секуляризм»? Гуманизм родился как христианское движение, но очень быстро стал вполне секулярным, сегодня он даже антирелигиозное обычно явление.

Секуляризм — это название политики конфискации церковных земель в XVII-XIX веках, теперь слово обозначение конфискацию — отобрание у Церкви полномочий по участию в управлении государствами и обществом. Не просто «отделение Церкви от государства» — от общества тоже. Особенно от школы, с яслей до университета. Это вопрос простого соблюдения принципа «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали с тобой». Хочет христианин, чтобы мусульмане или индуисты, если они вдруг в государстве составляют большинство, учили его, христианина, как жить и веровать? Вот этого наивного высокомерия и спасает секуляризм.

Гуманизм разный, отношение к гуманизму и секуляризму может быть разное. Это неважно. Важно, что это отношение не может выражаться ни в каких насильственных действиях против гуманизма, атеизма, воинствующего безбожия, противозачаточных средств, абортов и т.п. Кто применяет силу для борьбы со злом, хоть свою личную, хоть государственную, тот уже по ту сторону Нагорной проповеди.

А как насчёт силы слова, убеждения? О, пожалуйста! Одно маленькое условие: слово должно быть личным, а не обезличенным, не «Церковь учит», а «я уверен». Хоть у папы римского, хоть у проповедника техасского, хоть у патриарха стамбульского. Не потому, что Церковь учит иначе, а потому от себя — действеннее. Сто человек, ухватившись за одну нитку, не смогут вдеть её в игольное ушко — а один человек сможет! И блоху подковать — не к миллиону людей надо обращаться.

На количество, а не на качество уповают те христиане, которые стремятся выстроить нечто вроде пирамиды или цепной реакции атомного взрыва: есть правда христианства, а христиане обязаны её транслировать. Кто не транслирует, тот предатель. Христианин в парламенте голосует за разрешение разводов или аборт? Так он сам себя отлучил от христианства.

Это плохая новость для тех, кто сделал смыслом своей жизни борьбу с разводами, абортами и т.п. Для них есть и хорошая новость: если они не присоединяются к христианам, проповедующим запрет войны и смертной казни, это не грех, не предательство, не отсутствие солидарности церковной, это вполне допустимый личный выбор. Кто-то против аборт, кто-то против войны. Одни пикетируют у клиник, другие у военных министерств.

Не совсем понятно, где пикетировать против гуманизма. Только зачем против него пикетировать? Что в гуманизме атеистического — это не гуманизм, а атеизм, можно пикетировать против атеистов, если найдётся их коварное гнездо. Что в гуманизме гуманистического — человечность, доброта, уважение к жизни, отношение к человеку как к явлению, которое важнее любой организации и любого учения — заслуживает не пикета, а глубокой признательности. Так оно и есть. Свобода? Конечно! Права человека? А мы что ж, без прав хотим остаться? Или мы избирательные права человека? Мы за то, чтобы у нас было право избирать — какие права каких людей соблюдать, а какие нет?

У христиан нет авторских прав на доброту, любовь, человечность. Автор — Бог. Если Бог даёт эти качества неверующим или даже атеистам — Его решение, не верующим с Ним спорить. Принять волю Божию и пользоваться: если голодного можно покормить только на паях с гуманистом — спаиваться. Если жаждущему можно дать воду только из-под крана секуляризма — давать. Не требовать указывать на каждом куске хлеба и на каждой бутылке воды, сколько процентов — от гуманистов, а сколько — от христиан. Всё — от Бога, все — курьеры Божии, кто сам про себя этого не знает, не виноват, а виноват, кто эти гордится и это выпячивает. Делай добро так, словно ты не верующий, проповедуй так, словно от веры никому не было добра, — щепетильному и смиренному скорее поверят.

Нет «цивилизации смерти» и «цивилизации жизни». Все хотят жизни. У кого-то из этого желания получается аборт, у кого-то —

тюрьма для еретиков, у кого-то — мировая война и Освенцим. Представления о жизни разные, и надо радоваться, а не ужасаться тому, что прямых сатанистов почти нет. Злу и смерти в открытых формах поклоняются обычно подростки с проблемами или не вполне вменяемые взрослые.

Смерть сеяли и сеют очень приличные люди, часто христиане или верующих других религий, но часто и атеисты, агностики, даже учёные. Сеют из лучших побуждений — чтобы победить смерть. Только смерть победил Христос. Эти слова многим кажутся бессмысленными — допустим, даже если Иисус воскрес, говорят они, какое отношение это имеет к моей жизни? Бог мне пособия на ребёнка не назначит, от коричневой (жёлтой, чёрной, зелёной) чему не защитит. На Бога надейся, а сам не плошай. Запрети, посади, возьми под контроль.

Единым фронтом выступить против презервативов... Сплотиться всем как один перед наступающей эвтаназией... Ответим единением и соборностью на зачатие в пробирках...

Только вот разные есть мнения о зачатии в пробирках, не говоря уж о презервативах. Разница не между верующими и неверующими, а между христианами и иудеями, индуистами, мусульманами. Разница между католиками, протестантами и православными. Да между католиками — самой, казалось бы, сплочённой из больших конфессий Церковью — тоже не без разногласий. Просто одни не скрывают разногласий, а другие предлагают считать, что кто разногласит — не католик. Иногда в результате такого счёта остаются два-три человека, которые даже папу римского считают неадекватом, только себя — настоящими римо-католиками.

Соборность и единство Церкви в социальном вопросе вовсе не в том, чтобы стать партией, где есть единые ответы, обязательные для произнесения всеми членами партии. Церковь есть единство в общении, Церковь там, где люди больше общаются и лучше общаются, потому что Христос — воскресший Иисус — посредник в общении. Не всегда явный, но всегда реальный в общении и отсутствующий в подчинении, этом главном тормозе общения. Аборты, войны, инквизиция, эвтаназия плохи именно тем, что создают ситуацию, в которой общение более невозможно. Общение с нерождённым, казнённым, умершим. Родить — и на всю жизнь посадить в карцер, это хуже

аборта, это бесконечная агония, когда быстро станут умолять об эвтаназии, кто не превратится в овоща.

Самое скверное — когда лукаво перекладывают убийство на другого. Инквизитор — на светскую власть, мучающийся от боли — на врача... С абортom опять всё очень сложно, потому что сам себе человек не может сделать аборт, это почти стопроцентное самоубийство или жуткое самокалечение. Помогать? Плакать! Для начала — плакать. Потом — думать. Потом ещё плакать. Предлагать денег, просить отдать на усыновление-удочерение, ещё плакать... Общаться, разговаривать, обсуждать... Но не запрещать, любой запрет — тот же аборт, только нематериальный. Но для верующего это, пожалуй, даже хуже — убийство души.

Общество — не Иерихон, который нужно обходить хороводом, трубя о том, какие мы великие и какой великий наш Бог, чтобы рухнули стены и захватить, истребить, заселить собой. Общество — это общая земля, стен давно никаких нет и не нужно их строить, а нужно, как сказал Иисус бывшему бесноватому — рассказывать, что сотворил с тобою Господь и как помиловал тебя. Лично тебя. Не убедил? Расскажи иначе. Опять не убедил? Молись Богу, чтобы найти говорящих лучше тебя. И вместе не убедили? Проси Духа Святого рассказывать и обращаться. Но никогда, никого, ни за что не насилуй, не возвращайся в беснование, которое пытается всех подчинить и в итоге порабощает лишь бесноватого.

43. ЦЕРКОВЬ И РАВЕНСТВО: ПОЛИТИКА, ВЫБОРЫ, ДЕМОКРАТИЯ

«Иисус же, подозревая их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мк. 10, 42-45).

Свобода это не жизнь, это одно из условий жизни. Споры о том, должна ли Церковь — через духовенство или через христиан-политиков — влиять на жизнь людей, ограничивая или, напротив, расширяя их возможности и права, это спор об условиях жизни. Можно представить, что спор этот придёт к какому-то завершению. Будут рождаться все, кто должен родиться. Кто не хочет рожать, не будет рожать. Разберёмся с браками, многополыми и однополыми, разберёмся с местом религии в государстве и в школе. Что дальше?

Дальше то же, что было и бывает в самых разных странах и эпохах. Идеальной свободы пока не бывало на земле, а государства бывали и будут, разные формы правления и социальной жизни были и будут. Кому жить — один вопрос, а что делать тем, кто жив — другой вопрос, и его решать надо само собой.

Со времён Французской революции этот вопрос обычно формулируют как вопрос о равенстве. Не о равенстве физических или умственных способностей, конечно, а о равенстве перед законом. Разные политические формы — самодержавие, демократия, олигархия, аристократия, тоталитаризм — это разное отношение к равенству перед законом. При монархии царь не просто стоит выше закона — он является источником закона. Поэтому царя или короля нельзя судить. При тоталитаризме закон вообще исчезает, все равны перед беззаконием. Между этими двумя полюсами огромное пространство

разнообразных вариантов. Есть ли какой-то предпочтительный для веры вообще и для веры в Христа в частности?

Современный человек хорошо знает, что Церковь поддерживала монархию, что было торжественное помазание царей священным миром, коронование в соборах. Однако, это явление сравнительно недавнее. В Библии монархия появляется поздно, причём пророк Самуил от имени Бога сообщает, что монархия — это неправильно, что царь соперник Богу и будет угнетать народ. Монархия для евреев это прежде всего обычай языческих империй, которые постоянно угрожали Израилю, разоряли его, делали из евреев рабов. Царей терпели, но никак не считали монархию лучшим способом правления. Сохранялась ностальгия по патриархальному обществу. Это сходно с политическим идеалом ислама, для которого цари — халифы, шейхи, султаны — это отнюдь не идеал. Как у древних евреев, у арабов эпохи Мухаммеда монархия — это прежде всего строй жизни враждебных империй, Византийской и Персидской, угрожающих свободным жителям Аравии.

Кроме того, отношения Церкви, точнее, церковных иерархов с монархами, царями, короля всегда были не идеальными. Провозглашался идеал «симфонии», «двух мечей», когда у светской власти своя сфера влияния, у духовной своя. На практике, обе власти постоянно конфликтовали. Это относится и к православию, и к католицизму, и к протестантизму. Всегда шло перетягивание каната. Принято считать, что православные в этом перетягивании обычно проигрывали, у них сложился «цезаропапизм», когда церковь превращалась в одно из ведомств государства, а вот у католиков был якобы «папоцезаризм», когда церковный аппарат превращался в подобие надгосударственной структуры, имевшей и собственное небольшое государство («Вотчина апостола Петра», центральная Италия). На деле, и католическая Церковь никогда не была полноценным государством или чем-то вроде ООН, и православные церкви отнюдь не были только марионетками царей. К тому же со временем всё больше католиков, православных, протестантов стали жить в странах Азии и Африки, где господствовали представители других религий.

В современном мире, где в большинстве стран с христианским прошлым религия отделена от государства, проблема уже не в том, должны ли иерархи Церкви по должности заседать в парламенте. Кое-где, кстати, ещё заседают, но вряд ли это продлится долго. Про-

блема в том, за кого голосовать христианам, да и голосовать ли вообще. Не лучше ли система, при которой управление — удел специалистов, элиты. Может быть, не стоит давать право голоса тем, у кого нет образования или кто не имеет работы, или дать право голоса только бизнесменам, людям, доказавшим, что они инициативны, не иждивенцы. Да хотя бы и давали право голоса — нужно ли им пользоваться, если, как сказал Черчилль, демократия лишь наименее плохая форма управления из всех возможных. Христианин не должен выбирать из зол, он должен выбирать между разными видами добра.

Черчилль, хотя и организовывал сопротивление Гитлеру, был не демократ, что и видно из его остроты. Он был аристократ, более того — гусар. Имеет право христианин быть аристократом? Конечно! Как имеет право христианин быть и королём, и демократом. Ещё христианин имеет право отречься от престола, отказаться от всей своей собственности, поместий, крепостных, отказаться от титулов. Имеет ли право христианин отказаться от свободы? От своей — конечно. Найти себе рабовладельца — тоже есть такое право. Себе, не другому! Кто верит в существование таких людей, которым можно навсегда доверить руководство окружающими, — пусть доверяет им себя. За других решать не следует.

Заметим, что монашеское послушание, самоотречение — вовсе не проявление доверия к свободно избранному начальнику. Давая обет послушания, монах отлично понимал, что игумен или аббат такой же грешный человек, как он, и на смену этого архимандриту придёт другой, тоже не совершенство. От своей воли отказывались не из доверия другому человеку, а из доверия Богу. Кто раздавал имущество нищим, делал это не потому, что был уверен, что нищие сумеют распорядиться неожиданным богатством, а потому что был уверен, что сам не должен больше им распоряжаться. Это психология прямо противоположная психологии самоуверенного человека, убеждённого, что его успехи — доказательство того, что он лучше нищего может руководить государством.

Идеального политического строя быть не может по определению. К патриархальному обществу это тоже относится. Оно формально напоминает идеал анархистов, либертариан, но и патриархальное общество, даже одна-единственная семья Адама и Евы — это уже союз грешных людей. Почему Каин убил Авеля? Любой психолог напомнит, что проблемы детей — это проблемы родителей. Что было не так

в отношениях Адамы и Евы? Грех тут проявился сразу и ярко — в неравенстве. Ева составляет меню, Адам покорно ест, что дадут, но зато в какой-нибудь другой сфере будет приказывать Еве. Вот и микромодель гнилой политики. Сделка, где обе стороны выигрывают самоутверждение, а проигрывают любовь, уважение, свободу.

Вот почему не только о государстве, но о любой семье — и не только о семье, но и любой форме социального взаимодействия, от кружка любителей кино до государства — Иисус сказал: есть общежитие через господство друг над другом, а есть через служение друг другу. Можно даже стать рабом — но самому. Впрочем, а зачем становиться рабом? Чтобы отдать за другого жизнь, сравняться с Господом Иисусом Христом? Кому это нужно, кроме своего тщеславия? Может, лучше изобрести, наконец, таблетку от насморка — самой мучительной болезни человечества (если не считать грех)?

Знаменитые слова Спасителя про «кесарю кесарево, Божие Богу» (Мк. 12, 17) это, конечно, лёгкая насмешка над «кесарем». Характерно еврейская насмешка — ведь для еврея изображать людей (и вообще живых существ) был грех, «кумиротворение». На этой монете такая гадость — ну и отдайте её тому, кто эту гадость придумал. Это именно ирония, это не цинизм, не отрицание возможности государства (и денег) вообще, как изгнание торгующих из Храма — не отрицание торговли.

«Кесарю кесарево» потому и стало популярным, что это простой и чёткий лозунг сопротивления всякой власти, которая заходит слишком далеко. Но где начинается «слишком»? Что такое, наконец, «Божие — Богу»? Понятно, что Богу от человека нужно одно — человек. Любящему от любимого нужно одно — любимого. Означает ли это, что вся любовь Богу, людям кукиш? Наоборот, любовь к Богу укрепляет любовь к людям.

Бог — Слово, любовь к Нему может быть выражена одним — словом. Так и в отношениях с людьми так же — слова, слова, слова. И это замечательно! Ну не «булки, булки, булки», не «знания, знания, знания». Конечно, именно слова — слова любви, слова доверия, разные слова.

Тогда становится понятен критерий в политическом поведении людей: политика есть искусство слов. Не бомб, не насилия, а именно слов. Какой бы вопрос ни предстояло решить — ввинтить лампочку в подъезде или отразить падение астероида — без слов не обойтись.

Политика есть состязание словами, обещания словами, планы словами, наконец — обратная связь, тоже словами. Слова — это вовсе не обязательно звуки, пространственные речи. Словом может быть галочка в избирательном бюллетене. Свободные и равные выборы — это та же речь, когда говорят все, кто хочет, все равны возможностью поставить галочку там или в другом квадратике. Обратная связь может быть и без всяких галочек, просто руки поднять, если школьники выбирают, куда в поход идти. Обратная связь может даже выражаться взглядом или вздохом, если это в семье. Важно, чтобы обратная связь была, её формы, уровень точности и охвата, — бесконечно разнообразны, как бесконечно разнообразна жизнь людей вместе.

Обратная связь, как и всякое общение, всякий обмен словами — добро, в отличие от начальственной немоты, тоталитарной глухоты, насилия и войн, которые всегда зло и только зло. Выбирать тут можно только внутри общения, а не между общением и разобщением, и равенство людей — это равенство в общении, а не повиновении. Политическое развитие человечество ещё далеко не закончилось, потому что люди ещё только начинают говорить и общаться по-настоящему, и лучший способ послужить Богу и людям — это общаться с Богом и с людьми на равных, и это равенство явлено было Христом: равенство с людьми в смерти, равенство с Богом в воскресении.

44. ЦЕРКОВЬ И БРАТСТВО: ТВОРЧЕСТВО В МИРЕ ВОЙНЫ

«Мир имейте между собою» (Мк. 9, 50).

В греческом оригинале тут глагол. «Мирствуйте». Когда для всех достигнута свобода от дискриминации, когда все равны перед законом, начинается настоящая жизнь и настоящие проблемы. Свобода и равенство — как выпить и закусить. Дальше-то что? Поели, попили... Сколько же убийств совершается именно на излёте дружеских пирушек и семейных посиделок!

Мир есть война всех против всех. Если «все» ограничиваются, условно скажем, Адамом и Евой, будет война полов. Если война полов имела хотя бы два перемирия и в результате налицо, условно скажем, Авель и Каин, будет война Каина против Авеля.

Война Каина и Авеля превентивная, война справедливая — с точки зрения Каина. Война цивилизаций, война экономическая, война классовая. Один земледелец, другой пастух. Уважительная причина бояться нападения? Ничуть не хуже любых других — и ничуть не лучше. Любая причина для война — не причина, а повод. К ссорам, самым пустяковым, это тоже относится.

Поводы для войн эволюционируют и совершенствуются. Рыжий Исав и нерыжий Иаков — и вот уже налицо тысячелетняя война арабов и евреев. Автомобилистов и пешеходов, остроконечников и тупоконечников, северян и южан.

Мир без дискриминации, мир свободы — возможен, как и мир равенства. Это решаемая проблема — коли уж ликвидировано рабовладение или публичные дома, страсти успокаиваются и становится непонятным, как вообще можно было опускаться до такого непотребства.

Мир без братства, мир как мир — проблема нерешаемая в принципе. Как есть глаголы совершенного вида, есть несовершенного, так «мирствуйте», «миряйтесь» — вид несовершенный, не перфект, а нескончаемое действие. Технически невозможно выключить войны и

рознь, хотя технически возможно исключить рабство и дискриминацию.

Мир не есть отсутствие войны, мир есть какое-то постоянное усилие, как ходьба, еда или чтение. Война так же калечит и убивает человека как пролежни и инфекции убивают того, кто не двигается, как голод убивает того, кто не ест, как невежество убивает того, кто не читает. Не всегда физически, далеко не всегда быстро, но — убивает.

Евангелие начинается с утверждения, что теперь, когда Рождество, «на земле — мир», но Иисус Иисус настойчиво говорит, что враги человеку «домашние его», братья и сёстры, мать и отец. «Не мир, но меч» относится именно к этому — это не призыв к мечу, это предупреждение: появление мира вызывает сопротивление. Люди нервно себя чувствуют рядом с теми, кто «мирствует». Не надо обманываться: жить мирно не означает пользоваться симпатиями окружающих. Добрых любят, миротворцев — нет. Все заповеди блаженства — парадоксы, противопоставления: кого выгнали люди — того примет Бог. Довели до слёз — Бог утешит. Выгнали — Бог даст приют. Где противопоставление в «блаженны миротворцы»? Ведь им самое лакомое достаётся — они будут приравнены ко Христу, «сына Божьими нарекутся»? Да потому что быть миротворцем означает принимать на себя шишки и синяки. Все будут считать тебя предателем и дезертиром — Христа таким считали.

«Мирствовать» означает не бесконфликтный конформизм, не бесхребтничество, а умение предвидеть конфликты, творчески смягчать и преодолевать конфликты и, наконец, готовность стать жертвой конфликта — лишь бы не уничтожить того, с кем конфликт. Бог с людьми не воюет — вот образец мира. Рождение Христа — не появление Бога в стане врага — человечества, для инфицирования, заражения, внутреннего преодоления. Просто жертва Собой. Отказ воевать, более того, отдача себя в заложники.

Призыв «мирствовать» повторен в Новом Завете несколько раз, в послании к римлянам (12, 18) с добавлением страшной оговорки: «Если возможно». Что страшного? «Если невозможно» — как это обычно бывает — то воевать? Да нет, «если невозможно» — то умирать. Не всегда физически, но всегда душой. Это и есть «погубивший свою душу спасёт её». На самом деле, всё не так плохо — «невозможное людям, возможно для Бога» (Лк. 18, 19). Свобода и равенство

и без Бога вполне возможны, вот мир — только с Ним. Это хорошая новость — для верующего.

В современном мире многие христиане боятся глобализации. Да и не только христиане: как не бояться огромного пространства без защиты от произвола богатых, хитрых и алчных. Своё государство, где можно призвать чиновника к ответу, люди, язык которых ты понимаешь, психологию которых ты понимаешь, — хорошая защита от угроз. Мир без границ — угроза даже не войны, а результата войны: поражения и порабощения. Свой мир с чёткими границами — спасительный «домик».

Только на самом деле границы — средство не защиты и мира, а результат проигрыша, шрам от какой-то проигранной или выигранной войны. Где-то поступательное движение людей к нормальной мирной жизни было прервано войной, ссорой, и вот появились пограничники — а это та же армия. Разделение по нациям и государствам — разделение, при котором одним покровительствуют, других ограничивают — это не средство защиты от других, это средство нападения на других. Война заградительных торговых пошлин, поощрение «своих», «своего» языка, «своей» культуры. Пусть книжка бесталанная, зато язык «свой» — ей предпочтение, а если «чужой» автор — то нехорошо, нехорошо.

Именно для христианина такая война — в виде защиты «своих» — неприемлема, как и любая другая война. Нет «своего», есть Царство Божье, есть «народ христианский» — и где ни живёт христианин, он христианин. Глобализация — возможность где угодно быть, и быть собой, возможность откуда угодно получать информацию и передавать информацию — это плод христианства, результат выхода благодати из колыбели на простор космоса.

Конечно, вполне возможно глобализация имперская, «вавилонская», глобализация рабства и угнетения. Многие люди считают себя достаточно умными и ответственными для того, чтобы объединит человечество под своим мудрым управлением. Такие люди всегда в состоянии третьей мировой войны — обдумывания, планирования, частичного осуществления. Их оружие — отнюдь не торговля, а вполне банальные солдаты и оружие, пусть и очень усовершенствованное, но всё равно средство уничтожения, не средство торговли и просвещения.

Глобализация как преодоление границ не столько снимает опасность войны, сколько переводит воинственность и агрессию на другие рельсы — в личную жизнь. Потребность в миротворчестве от этого не уменьшается, а возрастает. В концлагере не нужны экскурсоводы — они нужны там, где есть свобода передвижения. Настоящее миротворчество востребовано не во время войны, и не там, где все успешно отгорожены друг от друга колючей проволокой. Глобализация мира требует локализации мира, требует и поощряет — ведь становится легче обратиться к другому за помощью или с помощью, легче делиться миром. «Легче» не означает «проще»: «мирствовать» там, где нет колючей проволоки, нужно виртуознее ровно в той степени, в какой и война становится виртуознее, невидимее, перемещается из военных ведомств и фронтов на кухни и в спальни. Зато и миротворчество настоящее именно тут, а не там, где разговоры о Боге ведутся под сенью беспилотников. Ну как беспилотнику объяснить бессмысленность его действий? Пилоту надо объяснять. Высший пилотаж миротворчества — обращаться к пилоту войны без самолётов, без фронтов, даже без противника.

«Мирствовать», «творить мир» — это процесс и максимально личный, и максимально общий. Как и воевать. В истории христиане часто соединяли личное стремление к миру с соучастием в войне как общем деле. От себя — миротворец, от Церкви — танкотворец, ядернобомбоосвящатель и т.п. Был такой дворянский род с парадоксальнейшей фамилией «Святополк-Мирские». Мало того, что «святополк» — это как «хриstopилат», так ещё и «мирские», хотя по деяниям сего рода — совершенно воинские. Очень немногие христиане отказываются служить в армии, и на таких косятся свои же собратья по вере. Так ведь неслужение в армии — это лишь начало, это маленькое упражнение в «мирствовании».

Война как раковая опухоль пронизывает самые прогрессивные страны, и миллионы людей работают на военно-промышленный комплекс, сами того не сознавая. В России этот комплекс составляет три четверти промышленности. В оправдание ссылаются на то, что войны способствует развитию науки — это как утверждать, что сифилис способствует развитию медицины. Тормозит, отвлекает от настоящих проблем! Вот англиканская церковь — взяла и отказалась вкладывать средства пенсионного фонда в акции заводов, выпускающих военную технику. Там доход выше, чем в производстве санок. Пенсии у духо-

венства сразу стали меньше, а они и были небольшие. Вот это — «мирствовать».

Правда, уже после этого, в 2013 года выяснилось, что часть акций вкладывалась в фирму, которая производила посудомоечные машины, моторы, а ещё военные беспилотники. Всего три процента у этой фирмы — военная промышленность, но верующие возмутились — нельзя! Как выразился священник Кейт Хебден (его в Америке арестовывали за «нападение» на штаб управления беспилотниками): «Это означает, что мы заинтересованы в войне». Нет войны — нет производства оружия — нет прибылей.

Тут оказывается, что жить «в мире друг с другом» можно понимать не как «жить в мире со всеми людьми», а как жить в мире с друзьями. Тогда понятно, почему «жить в мире друг с другом» не сопровождается оговоркой «если возможно». С друзьями и самый мерзкий и порочный человек живёт в мире! Как Господь Иисус и сказал — друзей любить кому ума не доставало, вы врагов любите, как Бог всех любит. А если «всех» — то и «невозможно» сразу образуется.

«Мирствовать» трудно не только потому, что мир со всеми — это как квадратный круг. Мы же привыкли к выбору: либо — либо. Либо мир, либо со всеми. Проблема в том, что мы слишком слабы, чтобы жить в мире со всеми. Цену мира надо узнавать о военных, которые перестали быть военными. В истории Церкви такие бывали. Не ботаники. Вполне быть «в мире с кем-то», хотя бы со своими детьми или родителями, или даже с друзьями, может быть лишь человек, который может и воевать. Сильный, очень сильный человек. Слабый человек не «мирствует», он «слабствует». Евнух не может хвалиться воздержанием.

Здесь и источник надежды. Бог не зовёт быть слабым, Бог зовёт быть сильными. Звать человека к слабости бесполезно, человек не создан для слабости и поражений. Звать к силе можно и нужно — сила в человеке есть, вот с употреблением этой силы есть некоторые сложности. Точнее, человек настолько упрощает жизнь, что возникают сложности с миром. Например, среди определений справедливой войны было такое: справедлива та война, которая начинается, когда все средства к миру исчерпаны. Хороший такой критерий, он в принципе делает всякую войну несправедливой, ибо невозможно исчер-

пать все пути к миру. Нельзя исчерпать то, что нужно созидать, творить, а не просто искать по закоулкам.

Творческая сила человека — вот главное средство «жить в мире со всеми». Художники и изобретатели, балерины и политики, продавцы и бухгалтера, — все профессии творческие, на всяком рабочем месте производится мир — или война. Не прекращается производство и дома, и на пенсии, и даже в реанимации — и доктора, и умирающие, и выздоравливающие производят либо войну, либо мир. Только военные и те, кто работают на войну, ограничены в своих возможностях. У них — без выбора, в этом ужас войны, совершающийся и тогда, когда войны нет. Радость быть в Церкви — это радость быть в мире, в ситуации анти-войны, когда невозможно воевать ни с кем, ни за что. Не может сильный человек воевать, как не может слон гоняться за мышами. Пока гоняемся — мы слабы, мы не пользуемся силой Божией, а упражняемся в слабости человеческой. Мы не «мирствуем», мы «воинствуем». Впрочем, «воинствуем» — слово вполне обычное, привычное. «Церковь воинствующая» — вот до чего дошло. А Церковь начинается там, где заканчивается слабость войны и начинается сила мира, сила Божия.

45. ВЕРА В АД И ВЕРА В БОГА

«И если соблазняет тебя рука твоя, отсеки ее: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый,» (Мк. 9, 43).

Господь Иисус Христос говорит о геенне огненной. Это — не откровение Бога о загробной жизни, это — разговор Бога с людьми, которые убеждены, что геенна огненная существует.

Картина мира у древних евреев (и не только у них) была гееннальной. Был и свод небес, причём небес было несколько — апостол Павел говорит о семи. Хорошо хотя бы, что Павел не призывает — в отличие от митраистов — стараться последовательно восходить на эти небеса. Побывал на экскурсии — и достаточно.

Была и преисподняя. Притча о Лазаре и богаче помещает выдуманных персонажей в такой ад и в такую геенну, которые никто не считал выдуманными. Малоприятное место. Когда Христос говорит, что грешники пойдут в огонь вечный, Он абсолютно серьёзен. Другое дело, что Его серьёзность выражается не на Его языке — не на языке абсолютной Любви, не на языке абсолютного Знания — а на языке слушателей, людей очень относительно добрых и не менее относительно понятливых.

Древние евреи не были оригинальны в представлениях о загробной жизни, да и представления эти развивались синхронно с представлениями других народов этой части света. У всех были представления о некоем суде, о месте, где бестелесные остатки людей мучаются в жажде настоящей, полнокровной жизни — и о месте высшем, где умерший живёт в теле, а потому ест и пьёт в своё удовольствие и в отличной компании. За вечно праздничным столом подают всякие вкусняшки — например, левиафана, огромное чудовище, воплощение зла, которое хорошо тем, что его на всех хватит — как на всех хватало искушений зла тут, на земле. А кому не хватит, так у левиафана есть и женский вариант, самка, «бегемот», тоже очень не-

дурно, особенно если хорошо потушить, а для соуса использовать не красное, а белое вино.

Это преставления, уходящие в глубокую — то есть, шумерскую, угаритскую, вавилонскую, египетскую — древность. Но жизнь не стояла на месте, как и представления о смерти. Апокалипсис Иоанна рисует совсем другой загробный мир, чем Апокалипсис Варуха (есть такой среди апокрифов) или «Малый Апокалипсис» в Евангелии от Матфея. Образ рая, в котором 144 тысячи праведников стоят перед алтарём, увенчанным Агнцем, изображался художниками тысячи раз. Но этот пряник как-то не очень вдохновлял и вдохновляет даже верующих. Редкий христианин дочитает Данте даже до «Чистилища», а в Раю просто сдохнуть можно от скуки — то ли дело девять кругов Ада, хоть в исполнении Данте, хоть в исполнении Босха.

Для современного человека «загробная жизнь» представляет не одну, а две больших проблемы. Одна материальная, другая духовная, и духовная, как всегда, больше.

Материальная — потому что современная, научная картина мира никак не совместима с представлениями о делении мира на небеса, землю и подземелье (преисподнюю). Но это проблема чисто техническая. Ведь именно современный человек — по-настоящему современный — умен не механически, умен методологически, понимает, что любое описание реальности и сама реальность не совпадают, более того — не могут совпасть. Это не беда, беда была бы принимать описание за реальность, не чувствовать разрыва, вечного отставания нашего восприятия от бытия.

Спасение, счастье, смысл не в том, чтобы человек идеальным локатором, датчиком, точно воспринимающим и отражающим космос, а в том, чтобы человек стал, наконец, вполне человеком. Как это будет в смысле расположения молекул, атомов, аппендикса, какие бактерии тогда нас будут населять, какие извилины и как будут извиваться, — это мелкие технические детали.

Духовная проблема есть проблема справедливости, и это, видимо, изначально. Покойников боялись (отсюда языческая благоглупость — «о покойниках либо хорошо, либо ничего»), потому что первое острое чувство, которое пронзает, когда умирает близкий человек — как же я виноват! Чем виноват, почему виноват, где виноват? Виноват — и всё! Я виноват уж тем, что я живой. Справедливость в том, чтобы он был жив, как и я.

Это — когда умирает близкий человек. «Близкий» — по Евангелию — тот, который, по выражению Жуковского, «животворил» нашу жизнь. «О милых спутниках, которые наш свет Своим сопутствием для нас животворили, Не говори с тоской: их нет, Но с благодарностию: были.

Когда умирает тот, кто нашу жизнь, скажем мягко, не совсем животворил, первая реакция другая: «Наконец-то!» Никто не скажет о собаке: «собаке собачья смерть», а о том, кто мучал и истязал, и это скажут, и геенну огненную для него обустроят, и скрежету зубовного подбавят. Всё по справедливости!

Только это несправедливая справедливость. Справедливость равновесия. Око за око. Только равновесие — свойство не духовного, а материального мира. Творец и творение — разного веса, ведь Творец не весит ничего. Любовь — неравновесное явление, в любви каждый весит больше другого. Так что к механической несправедливости, которая на поверхности (нельзя за временное зло расплачиваться вечно, будь ты хоть трижды Ленин), прибавляется несправедливость духа. Она двойная: не может грешник расплачиваться за грех бесконечно, не может праведник кушать гефилте бехемот, пока кто-то не кушает. Авраам и Лазарь не получают ни малейшего удовольствия от рая, пока богач в аду. Спасение в том, что Иисус по дороге в рай забегает в ад и за этим богачом, и за всякой сволочью. Вместе страшно, врозь противно.

Христиане по разному решают эту проблему. Традиционное решение — как-то так истолковать тексты Библии, чтобы вышло и нашим, и вашим.

Неплохая попытка у Свидетелей Иеговы, которые все тексты о геенне, вечной зубной боли и сковородках объявили метафорами (что, между прочим, абсолютно верно, а это у Свидетелей Иеговы нечасто), а идеалом объявили полное и безоговорочное исчезновение грешников. Был мыльный пузырь — и лопнул. Это же не мучение — взять и исчезнуть? Мучается тот, кто существует, а нет человека — нет и проблемы.

Правда, Свидетелей Иеговы не хватило на то, чтобы своё решение объявить именно своим. Они попытались найти ему обоснование в Библии, вышло неудачно: слово «олэтхрон» (2 Фес. 1,9) означает вовсе не аннигиляцию. У Софокла один герой просит другого «олэтхрон» отсюда, что, конечно, можно перевести как «сгинь», но в ещё

менее буквальном смысле, чем «скрежет зубов». Великий Демосфен обозвал не вовремя подвернувшегося Эсхина «олэтхрон грамматеус», — ну, тут уж классикое «проклятый», а не «несуществующий». Проклятый писака.

Впрочем, в эсхатологии (так называется учение о жизни в вечности) Свидетелей Иеговы это не самое печальное. Те, кто не исчезнет, резко делятся на две категории — одни повыше, другие пониже, и большой вопрос, кому лучше — дюжине дюжин тысяч праведников, которые мучаются, непрестанно изображая хор, невзирая на наличие или отсутствие у себя слуха и голоса, или тем, кому посчастливиться остаться внизу, на Земле. Конечно, это лучше Данте, это даже лучше «Мастера и Маргариты», где человек «упокояется» за вечной застольной беседой с друзьями, тёмные аллеи, просекко и пармезан... канделбьяры... павлины духа... Тьфу, какая гадость эта ваша заливная рыба! Кому-то нескончаемый салат оливье и вечный Рязанов по телевизору — рай; вот бедолаги! Ад — это место, где люди не подозревают, что возможна нормальная жизнь.

В теологии Свидетелей Иеговы всего лишь как в лупе фокусируют все слабые и глупые стороны более традиционных христианских представлений о счастье, блаженстве, загробной жизни. К счастью, христианство это не совокупность наших представлений, а представление одного-единственного Бога. Представление не в смысле «представления к награде», а в смысле «выйти на сцену». Временная жизнь — это театр, не сознающий своей театральности, временности, условности, ограниченности. Балаган, который мечтает длиться вечно. Рай — это вечность, которая мечтает спасти время, а если Бог о чём-то мечтает, это совершается. Не быстро — с нашей точки зрения, из времени, зато справедливо — с точки зрения вечности.

Справедливость не по ту сторону смерти, она по эту, и она не в том, чтобы установить равновесие или, тем паче, всех людей превратить в белых пушистиков, а в том, чтобы каждый не растворился, а влился в разговор — бесконечный разговор Творца и людей, где Творец — не Тот, Кто замкнул на себе внимание, купаясь в аллилуйе, а Тот, Кто присутствию в любом диалоге, стоит между бывшим палачом и бывшей жертвой, принимая на Себя все удары, всю ненависть, гася их и превращая — возвращая — в любовь, понимание, открытость. Только здесь и сейчас люди свободны не видеть этого райского блаженства, или видеть и отвергать его, а там и навсегда — люди бу-

дуг свободны по-настоящему, свободны не в смысле выбора из двух и более зол, а свободны творить, свободны прощать, свободны любить, наконец.

46. БЕССМЕРТНОЕ ОБЩЕНИЕ И ОБЩИТЕЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

«И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте» (Мк. 14, 34).

Жизнь не делится на вечную и не вечную. Если жизнь не вечная, то это смерть. Христос уничтожает традиционное представление о рае как о месте, которому противоположно другое место. Иисус рассказывает притчу о богаче, который из ада просит послать из рая кого-нибудь на землю, предупредить об адских мучениях, и получает отказ: уже посылали, бесполезно. Иисус рассказывает эту притчу, но ведь это же глубокий парадокс, это как сказать «все мои утверждения лживы, включая и это». Иисус ведь послан, Иисус-то пришёл! Пришедший разбудить заверяет, что разбудить невозможно — зачем? Да чтобы разбудить! Есть абсурд греха: человек не может грешить, в принципе не может и не должен. Он же человек! На абсурд греха Бог отвечает абсурдом Христа: спасает тех, кого нельзя спасти, спасает так, как спасти невозможно. Словом спасает! Острым, парадоксальным, но всего лишь словом. Иногда словом с высоты горы, иногда словом с креста, иногда — разговором, иногда просьбой просто побыть рядом и бодрствовать. Не разговаривать, не присоединиться к Его молитве, просто бодрствовать.

Кстати, «бодрствуйте» — образчик отличного перевода. На латыни это «вигилате», а на греческом — «грегорейте», ровно от того же корня, что имя «Григорий». Стражник. Стражник, конечно, бодрствует, паялится в темноту, но переводчик из всего, что заложено в «сторожить» выбрал именно усилие не заснуть.

Бодрствующий не обязательно бодр, но обязательно делает усилие. Это усилие делает Иисус, обращаясь к Отцу в последние минуты перед арестом. Он не впадает в транс, не уходит в экстаз, Он — говорит. От апостолов не требуется даже этого. Просто силиться быть.

«Быть или не быть» интуитивно понимается людьми пространственно. Быть там-то или быть в другом месте. На этом и основано

представление о делении жизни на посюстороннюю и потустороннюю, а потусторонней на низ («ад») и верх («рай»). У Бога другой взгляд — да и любой нормальный человек понимает, что «рядом» не есть «вместе». Поэтому наибольшее одиночество человек испытывает часто в «толпе» — а «толпа» есть любое количество людей, хотя бы и один, если ты чем-либо не объединён с этим человеком.

Пространственное представление о жизни (и смерти) достигает апогея в «Божественной комедии» Данте. Каждому сверчку свой шесток. Точнее, каждому грешку. Страшный суд оказывается всего лишь механическим процессом, похожим на селекцию в Освенциме: этот совсем плох, в огонь, а этот крепкий, пусть послужит. Попоёт Богу.

Понятно, почему даже верующие иногда повторяют остроумное «в раю погода лучше, в аду кампания повеселее».

Правда же заключается в том, что жизнь — это общение. Иногда словами, иногда — усилием не заснуть, иногда — едой. Чем домохозяйка, положившая жизнь на то, чтобы все были вовремя и вкусно накормлены и чувствовали себя согретыми и утешенными, отличается от Христа, на Тайной вечере и на каждой литургии говорящего «Примите и ешьте, Сие есть Тело Мое»? Ничем. Господь это Сам и подтвердил, сказав, что на Страшном суде спасутся те, кто кормил, а не те, кто болтал. В течение Своей земной жизни Христос обличал не домохозяек, не безмолвных обывателей, мещан, пастухов, а как раз высоколобых и длиннородых проповедников. «Ты заботишься и суетишься о многом» — это о ком? О говорливых, а тех, кто полагает, что без их руководства и проповедей Бог не Бог, заповеди не заповеди. Женщина, всю жизнь тихо обслуживавшая этого деятеля, это как раз Мария, а он — Марфа.

Всё зло в мире — от обывателей, мещан, тихих и мирных людей, потому что и всё добро в мире — от них же. Они не ходят на демонстрации, они даже и на выборы ходят редко. Тем не менее, именно они — те, кто в решающий момент и выйдет, и проголосует, и закроет своей грудью кого-то, не видя в этом особого подвига. Они хранят кусочки разбитого андерсеновского зеркала не для себя, а для других. Они работают на Бога, часто не подозревая этого, вполне неверующие, а то и атеисты.

Зачем же тогда верить? Как тогда понимать последнюю фразу Евангелия от Марка: «Кто будет верить и креститься, спасен будет»;

а кто не будет верить, осужден будет»? Во-первых, понимать, что эта фраза — не Марком написана, а приписано спустя, как и несколько предыдущих. Заметим, что «не будет креститься» всё-таки отсутствует, полной симметрии нет. Во-вторых, понимать, что, когда слово «верить» приобретает столь мощное значение, то оно приобретает и другой смысл. Верует ли Великий Инквизитор? Субъективно — конечно. Как и Каиафа с Иудой. Спасутся ли они? Будем надеяться, ведь тогда и у нас появляется шанс! Мы же не лучше их, спросим себя вкрадчиво.

Можно ли человека, который до седьмого пота вкалывает день и ночь, чтобы прокормить семью, назвать неверующим? Иисус так никогда не делал. Таким Он просто открывал объятья, чтобы утешить и подставить плечо. Таким Он просто говорит слова поддержки и любви. Не обязательно через ангелов — через жизнь, через обстоятельства. Что уж говорить о семье бедолаги!

А если бедолага поступает работать в Освенцим истопником? А если бедолага убивает по пьянке жену, а то и всех детей, бывает ведь и такое? Каково ему будет, если на Страшном суде Бог простит и пригласит в рай? Ему ж мучительно будет, разве нет?

Это любимая мысль многих проповедников христианства. Мол, сказано же в Евангелии, что между праведниками и грешниками непреодолимая пропасть — непреодолимая в обоих направлений. Мы к вам, вы к нам — не ходоки.

Сказано в Евангелии такое. А сделано — прямо противоположное. Описать это невозможно, а выражено это словами «Христос сошёл во ад». За святыми, за праведниками — да. Но кто сказал, что там кто-то остался?

Просто мы вновь мыслим пространственно. Бог — большой, Рай — огромный, а грешник-то маааленький. Ему будет страшно в раю. Бог — Огонь, а грешник — бумажный тигр, ему в раю будет нестерпимо жарко и он убежит. Не втыкают европейский штепсель в американскую розетку.

А Бог — не большой, Бог — живой. Бог — Слово. Быть лиллипутом среди великанов плохо, но быть лиллипутом среди говорящих великанов — ничего страшного. Неужели Бог-Слово не найдёт таких слов, которые самого распоследнего обывателя — условно говоря, Ленина или Гитлера — не образумят, не сделают безболезненным вхождение в Рай? А святые в раю — они что, немые, как их обычно и

воображали, и рисовали. Знают лишь слово «аллилуйя» и его воспевают? Боже, какой кошмар эта ваша проекция своих представлений о рае на Рай! Ах да — ещё святые урчат, глядя на мучения грешников в аду.

Если человек способ получить удовлетворение от мучений другого — хоть Сталина, хоть Бен Ладена — этот человек уже в аду. Но и его Бог спасёт! Уговорит! Уболтает!

«Мне отмщение и Аз воздам» есть совершенно особое представление о мести. Бог не говорит людям, что мстить бесчеловечно, Он обещает отомстить, но Его месть — это Христос. Воплощённое Слово. Не меч, а «Прости им, ибо не ведают, что творят». Так это — о творящих зло, но ведь большинство людей вовсе не творит зло. Грешим — да, но чтобы вот эдак торжественно творить зло, геноцид и прочее, так это нет.

Означает ли это, что Церковь и всякую религию нужно распустить, священные книги сжечь, и всем сидеть по домам и друг друга кормить?

Кстати, вечную жизнь часто представляли в виде вечного пира. Конечно, это большой шаг вперёд по сравнению с идеей кинозала, где крутят ужастик про ад, но всё же еда — это всего лишь прообраз общения, условие общения, но не само общение.

Когда Иисус шёл последний раз в Иерусалим и предупредил учеников, что Ему предстоит гибель, апостол Пётр стал убеждать Его повернуть назад (Мк. 8, 32). Тут Иисус ответил крайне резко, даже резче, чем в Гефсиманском саду, когда Он упрекнул учеников, что они не настолько Ему сопереживают, чтобы не задремать. «Сам иди прочь», — это если смягчить сказанное Петру, а вообще-то «пошёл к чёрту». Видимо, Петра перекосило и он сказал что-то про то, что во все не имел в виду, не бросит, и пойдёт за Ним куда угодно, потому что Иисус буквально прокричал через его голову всем: «Кто хочет идти за мной, должен отвергнуться себя и взять себе крест».

«Отвергнуться себя» не означает убить себя. Это даже не означает замолчать. Это означает всего лишь понять, что быть человеком иногда означает смерть, но смерть — не вечна.

Беда в том, что чаще всего человек, который хочет сберечь себя, свой дом, свою жизнь, рассуждает не как личность, а как «все». «Все», «народ», «семья», «коллектив», просто «мы» — это нечто несуществующее, но могучее. Это средство освобождения и защиты,

становящееся целью, ради которой и убивают, и лгут, и просто насупленно молчат и уходят в сторону. «Мы» — последнее прибежище несостоявшегося «я», «я» испуганного, незрелого, струсившего, не находящего слов, чтобы выразить себя, не имеющего достаточного словарного запаса, чтобы понять слова другого, ближнего, дальнего, Бога.

«Мы» не может спасти от эгоизма и гордыни. «Мы» это и есть эгоизм с гордыней, только склеившиеся с чужими эгоизмом и гордыней. Спасает «я», нашедшее общий язык с другим «я». Общий язык, а не общую территорию, не общего врага, не общую кормушку. И язык этот — Бог.

Бог спасает нас только тем, что даёт нам Себя. Всё остальное — мелочи. Бог есть общий язык человечества и человечности. Осваивая этот язык, человек из «мы» становится «я». Это означает, что если человек «я», а не «мы» — он знает Бога. Не язык определяет, каков человек, а Бог определяет.

Тут ответ на вопрос о том, возможны ли «анонимные христиане», возможны ли праведники, даже святые, не верующие в Бога, а то и атеисты. Они не возможны, они — необходимы!

Бог не спасает человека от человечности. Бог не спасает человека от дара речи. Бог спасает человека от безличности, от замены дара речи болтологией, штампами, клише. Речь превращается в болтологию постоянно, ежедневно и ежеминутно. Человек обладает способностью и опошливать свою человечность, превращать её в пустую форму, — и тогда он величайший преступник, обладает человек и способностью воскрешать в себе дар слова. Есть слово — есть Бог.

Это не означает, что слово есть Бог. Бог есть слово с большой буквы. Бог есть сама возможность человеку говорить и общаться от себя, от сердца, а не от безликих абстракций. Вот — норма, вот — рай. Ад там, где человек, мучается он или наслаждается, сопровождает это чужими, заимствованными словами, не превращая их в свои. Рай там, где «здрасьте» звучит как только что рождённое, неповторимое, оригинальное слово.

Критерием отличия мёртвого слова от живого, разобщения от общения является не форма слов, а дух. Никаких других, формальных критериев в речи быть не может. Вот почему иногда живое слово — это молчание, иногда — слёзы, иногда еда, афоризм, а иногда длинный монолог. Но никогда слово не может быть ненавистью.

Если слово ненависти — значит, не слово, а пустой звук. Другое дело, что бывает фальшивое добро, бывает и игровая ненависть, игрушечная и вовсе не ненависть на самом деле, но только в общении выявляется, каким является то или иное слово. Не один человек это определяет — двое. Вот это — в общении с Богом — и называется верой. Вера есть признание человеком Слова Божия — Богом. Может быть, Слово Божие горькое, обидное, неяркое, странное, доказать, обмерив и сравнив со словарём, тут ничего нельзя, но вера — знает и признаёт.

Спасает не вера в Бога, спасает Бог, и далеко не всякий спасённый верует, но всякий спасённый жив Богом — опять возвращаемся «вы накормили Меня». Очень жаль, что некоторые живы только верой в Бога, но и это лучше, чем ничего, и это, кажется, просто часть огромного Труда Спасения.

Понятно, что менее всего говорят Богом люди, которые заявляют, что вера «в глубине души», где слов вообще нет, что все слова — это негодные средства, а уж за Символ веры вообще в аду люди будут гореть. Это тот же догматизм, та же глухота к Богу, что и у фанатиков слов, только вывернутый наизнанку.

Молчать о Боге так же само по себе не спасает, как и говорить о Боге. Это физиология. Спасает молчать — если молчишь с Богом, если бодрствуешь, пока Христос Сам с Собой спорит о последней чаше. Спасает говорить — если говоришь с Богом. Или с тем, Кого Бог пошлёт поговорить. Как отличить самозванцев (случаются и такие) от посланцев? А никак! Приходится то верить, то проверять, а чаще — просто идти на риск. Кто не рискует открыться людям, тот рискует тем, что ему Бог не откроется.

Притча о сеятеле говорит о семенах, которые по-разному прорастают. Иисус объясняет: семена — это слово Божие. Прорастает оно по-разному. А вот чего Иисус не объясняет: что такое «прорасти». Пойти в Храм? Застелить кровать? Поговорить с внучкой? Эмигрировать? Накормить голодного? Может быть и то, и другое, а может что-то ещё и кое-что из этого. Непредсказуемо именно потому, что слово — Божие. Это не «щёлкни кобылу в нос, она махнёт хвостом». Именно поэтому святость — это ещё и терпеть непознаваемость спасения, разнообразие воли Божией, безмерную сложность вытаскивания человечества из бесчеловечности в вечность. «Станут последние первыми», — пошутил однажды Иисус, но не сказал, что

новоиспечённые последние не пойдут в рай. Просто с первыми часто больше хлопот, именно потому, что они все такие набожные и говорливые, вроде бы святые, а в глубине хуже — и агрессивнее, и конформистее — среднего обывателя. Только в раю мы будем вполне говорить Богом, понимать Богом, это, а не погода или кампания, и будет райское блаженство — райское, потому что живое, живое — потому что вечное, вечное — потому что только безусловный, неистощимый Бог есть условие бесконечной человечности.

47. ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ — ДЫРА ВО ВРЕМЕНИ

«На всякий же праздник отпускал он им одного узника, о котором просили» (Мк. 15, 6).

«Праздник» — от корня «праздный», «порозжий», «пустой». День, пустой — свободный — от работы.

Вообще в жизни человека, в материальной жизни, очень много если не праздников, то разнообразных знаков свободы. Фотография любимого человека. Плакат на рабочем месте. Пирсинг. Фиолетовые волосы. Свитер, зауженные брюки или мини-юбка. Знаки меняются, потребность в том, чтобы среди серости обыденности, нужды, суеты была форточка в свободу — остаётся.

Такое форточки-дырочки есть и у неверующих, разумеется, но вполне они обретают наполнение для тех, кому жизнь вечная не фантазия, а мать родная. Главное — удержаться от идолопоклонства и обрядоверия, чтобы дырочка оставалась дырочкой, а не закупоривалась со временем. Простейший пример — крестик. Нательный крестик. Он же легко превращается в идола, не в напоминание о Голгофе и Воскресении, а в сигнал окружающим и самому себе: «Я хороший, я правильный, я следую традициям». Вообще крест — знак не специфически христианский, дохристианский, это одна из простейших для изображения геометрических фигур, у многих древних язычников начертить пальцем или ладонью крест было знаком, защищающим от зла. Поэтому благословение в виде креста или крест на груди довольно быстро распространились. Осталась самая малость: чтобы крест был не решёткой, через которую злу не прорваться, а чтобы он оставался напоминанием о свободе, купленной смертью Господа Иисуса Христа. Крест и крестное знамение — не о бессилии зла и тьмы, а о неуничтожимой свободе добра и света.

Свобода должна быть свободной. Вот почему столько было (и есть) споров вокруг икон. Совершенно справедливы опасения, что иконы могут стать чем-то, порабащающим человека. Становились! Не Богу молились, а распределителю в виде иконы. Между прочим,

если уничтожить иконы — будут молиться Богу как распределителю. Дело не в том, что иконой заменяют Бога, а в том, что Бога приспособливают под свои нужды. Свобода же — не в победе над нуждой, а в том, чтобы нуждаться в Боге больше, чем в жизни.

Икона не порабощает человека. Человек порабощает себя рабству, а икона может оказаться средством такого порабощения. А может — бутылка водки. А может — конфета. А может — любовь. Почти всё может быть извращено. «Почти» — потому что бутылку водки и извращать не надо, она по сути извратизм. Человек порабощает себе икону — если он идолопоклонник. Разумно ли отказываться от икон? Чтобы не вводить себя в искушение? Жили же первые поколения христиан без икон, без изображений, и были уж верно не хуже нас? Верно. Сегодня протестанты не хуже православных или католиков, хотя обходятся без икон. Но и не лучше — во всяком случае, если и лучше, то не поэтому.

В английском языке слово «иконоборец» обозначает человека, который мыслит свободно, отнюдь не протестанта (кстати, именно Англиканская церковь не отвергла икон, она вообще сохранила многие католические формы). Свободно мыслить — удивительное дело. Свободная мысль может прийти как раз к тому, что идолопоклонство одно, а иконопочитание совсем другое, и что идолопоклонство грех, а иконопочитание — если не добродетель, то всё же свободное явление свободы в мире, освобождение искусства, а не порабощение человека.

При этом надо помнить, что водораздел сегодня проходит довольно витиевато. Во многих протестантских храмах висят репродукции православных икон, особенно Владимирской и Рублёва. В католических — само собой, но в католических храмах множество икон, написанных в Средние века вполне в традициях византийской иконописи, тогда это был единый поток искусства. Однако, католики не целуют иконы, как это принято у православных. У католиков вообще реже целуют святыни, это чаще делают священники, хранящие древний обычай. Современные люди в принципе, охраняя свою личную свободу, осторожнее во всех телесных соприкосновениях. Однако, поцелуй — он ведь тоже явление свободы в мире разобщённости, и как раз римо-католики возродили обычай во время литургии либо обмениваться «поцелуем мира», либо пожимать друг другу руки. Интересно, эскимосы трутся носами на литургии?

Одним из самых шокирующих христианских обычаев для современных атеистов является почитание мощей. Обычай, возникший — как и иконописание — лишь через несколько веков после Воскресения Христова. Обычай, кажется, довольно редкий в истории религий, обычно останков умерших сторонятся. В христианстве же утвердился обычай обязательно иметь хотя бы маленькую часть кости от останков какого-нибудь святого или святой на престоле во время литургии. У православных такую частицу мощей вшивают в специальный платок («антиминс»), который расстилают на алтаре. Иногда алтарь устраивают на могиле святого — весь римский собор св. Петра стоит над древним некрополем.

Кажется, когда современные атеисты морщатся и кривятся, описывая этот обычай как «варварский», они всё-таки немного лукавят. Гамлет на сцене с черепом — культурно, а тот же череп на алтаре — некультурно? Как сказал апостол, для чистого всё чисто. Прядь волос любимой девушки — романтично? Первые состриженные ноготочки ребёнка мать хранит — трогательно? Так и то кальций, и то кальций, и это кальций, в чём проблема? Учитывая, что история духовной жизни людей начиналась с панического страха перед покойниками, с попытками от них обособиться, — обычай почитания мощей, останков не только совершенно логичен для верующих в воскресение, но и вполне, как сегодня принято говорить, экологичен. Сломан барьер между мёртвыми и живыми, у Бога все живы. Сейчас из праха покойников искусственные драгоценности делают и никто не ужасается, только денег жалко. А торфяной горшочек для саженца из праха папочки — всем нравится. Чем же люди хуже деревьев? Что-то тут у атеистов невротическое... Не у всех, конечно, не у всех. У тех, которые в горшочек не влезают.

Главным же окном свободы для христианина является время — время праздника. Хорошо, когда это время ещё и с пространством соединяется, когда есть место, куда можно поспражновать. Но совсем недавно были времена, когда священники и верующие молились в крошечных, замаскированных от посторонних взглядов, кладовках. Тут уж только время остаётся. Сегодня во многих странах мира даже и дома запрещают христианам молиться. А в других странах молись — не хочу, а как-то недосуг.

Формально христианские праздники повторяют по структуре праздники иудаизма. Раз в неделю день молитвы, праздники на каж-

дое время года, часто и по названию совпадающие с предписанными Библией. Дело не в иудаизме — его праздники тоже отзвуки, отзвуки древних земледельческих праздников. Прежде всего, об этом напоминают лунный календарь, который по сей день — в основе определения даты Пасхи. Седьмой день для Бога — это ведь остаток глубокой древности (как и 60 секунд и минут). Понятно и то, что под каждым религиозным торжеством лежит какой-нибудь древний праздник посева или жатвы. Ничего зазорного в этом нет. Вот если бы военные какие-то победы и одоления, это было бы нехорошо. Крестьянские праздники — это ведь тоже о свободе, о свободе от самого древнего и беспощадного царя: голода.

При всём внешнем сходстве — вплоть до того, что в основе христианских гимнов вполне иудейские псалмы — есть и огромное различие. Христианские праздники — это свобода не в Земле Обетованной, а в Христе. Христос — страна христиан. Пасха теперь — воспоминание не о прорыве к Земле Обетованной, а о прорыве Неба к людям. Не мы приблизились к вожделенному царству человеческому — Царство Божие к нам приблизилось. Седьмой день теперь — не чтение Пятикнижия, не о заповедях и Исходе, а о смерти и воскресении Иисуса, не маца, а Евхаристия. Очень близко — но и различие очевидно. Праздники вроде бы те же — но они уже и не о свободе от голода, не о свободе от рабства. Христианские праздники вообще оторвались от тех, кто празднует — это праздники Другого и других, это о Христе и Его святых.

Двенадцать самых больших праздников (Пасха в их счёт не входит, она — выше всего) — тех, которые считается грехом пропустить — это всё праздники, посвящённые событиям из жизни Иисуса. Они начинаются с дня рождения Его Матери — «Рождество Богородицы» — но ведь это день рождения именно Его Матери, не какой-либо другой. Как и праздник Воздвижения Креста — посвящённый находке в Иерусалиме креста, на котором был распят Господь — это же не о дереве, не об орудии пытки (да и крест, возможно, был всё-таки не тот), это опять — о Христе. Только это и важно, а не то, действительно ли Марию девочкой ввели вдруг, нарушая все законы, в запретное для всех помещение Храма Соломонова. Это («Введение во Храм») воспоминание не о нарушении правил, а всё о той же свободе, свободе, которая всегда — нарушение законов земных и небесных, хотя —

и вот здесь возникает Дух Святой — далеко не всякое, мягко говоря, нарушение законов есть свобода.

Древний обычай на праздник Пасхи освобождать одного приговорённого к смерти напоминает не только о том, что Сына Божия — не освободили, что Богу не дали той свободы, Которую Он даёт людям. Он напоминает о том, что веровать в Христа означает веровать в свободу, которая одна для всех. Принимать свободу для всех без страха погибнуть и в надежде любить и быть любимым всеми. Открывать во времени свободу для вечности, прощения, для Бога — и для себя в Боге. Открывать вместе, открыть постоянно, потому что форточки обладают неприятной способностью захлопываться от сквозняков — и свобода схлопывается, если не устраивать праздников Духу Божию, проветривая дух человеческий.

48. ВЕРА И НЕВЕРИЕ: ВМЕСТЕ ПРОТИВ СУЕВЕРИЙ

«А Он заповедал им, говоря: смотрите, берегитесь закваски фарисейской и закваски Иродовой» (Мк. 8, 15).

Вера появляется из неверия как дети из матери. Верующими не рождаются, рождаются неверующими. Потом могут происходить разнообразные изменения, однако в одной точке вера и неверия соединяются: в борьбе с суевериями.

Суеверие — не просто ложная вера. Суеверие — неточная вера, напрасная вера. Суеверие паразитирует на истинной вере. В этом смысле, суеверие как закваска, дрожжи — только анти-закваска, анти-дрожжи (именно это имел в виду Господь). Просто дрожжи — с которыми Иисус сравнил верующих в Себя — это небольшое количество микроорганизмов, которые живут, выделяют кислород и благодаря этому сухая мука становится хлебом. Анти-дрожжи суеверности поглощают кислород веры, так что сама вера омертвляется. Как раковые клетки паразитируют на живом организме, убивая его.

К счастью, большинство суеверий — это уже мёртвые вирусы, неспособные убивать. Им даже уже и носитель не нужен, они на неверующих даже лучше себя чувствуют. Таковы суеверия, известные как «приметы». Пережитки древней «симпатической магии», веры в то, что сходство всегда не случайно. Упала ложка — жди женщину в гости, нож — мужчина (суеверие явно возникло до изобретения вилок). Таких суеверий и атеисты не стесняются, стараются не здороваться через порог. Христианину же подобает активно здороваться через порог и заказывать себе в поезде 13 место в 13 вагоне, чтобы не недоумённый кассирши сказать: «А вы знаете, что в 13 стихе 13 главы первого послания к коринфянам сказано о любви?»

К несчастью, предостаточно вполне живых суеверий. Это огромный пласт «народного благочестия» самого разного рода, от почитания святых источников и деревьев — пережитки язычества — до веры в то, что посвящение страны Богородице поможет стране. Суеверия могут паразитировать на ложных святынях или на том, что с

точки зрения христианина вообще не святыня (как те же источники), но может паразитировать и на подлинных святых. Борьба с иконопочитанием началась с борьбы с суеверного отношения к иконам, когда краску с икон соскабливали и подсыпали в чашу с причастием или просто в питьё. Освящение воды — акт веры, акт глубокой веры. Но суеверное отношение к святой воде — акт суеверия. Где проходит граница? Отчасти — в количестве, когда святой водой заправляют поливальные машины и опрыскивают город. Или когда воздвигают исполинскую статую Христа. Да-да, туристам развлечение, а христианину сущее мучение. Иногда размер имеет значение. Большая вера — это большая вера, а слишком большая вера — суеверие. Как определить, где начинается «лишнее»? Как всегда — постом, молитвой, размышлением, общением с Богом и людьми.

Не только гипертрофированный размер — симптом суеверия. Точнее, чрезмерность размера определяется не математически — чрезмерно всё, что в ущерб свободе. Показывать надо веру, а не чудеса. Уверять, что святая вода непременно поможет, что паломничество туда-то непременно исцелит то-то, а в другом направлении — другую болезнь, — очевидное суеверие. Это уже даже не напрасная или ложная вера, это вообще не вера, а знание. К тому же знание ошибочное, ложное.

Суеверие как ложное знание (а именно таковы архаические суеверия) заметно отличается от суеверия как веры в чудо. Суевер первого типа — своеобразный учёный, претендующий на некое знание. Суевер второго типа отлично знает, что ложка с женщиной никак не связаны, но верует в возможность превращения ложки в женщину. Или наоборот. Древние суеверия вовсе не нуждались в Боге как источнике сверхъестественного, для них вообще не был «сверх». Суеверия «новые» — побочный продукт знания о том, что далеко не всё «естественно», что бывает нечто невозможное — и вот за этим невозможным новые суеверы и охотятся. Им позарез нужны именно чудеса. Даже результат им, возможно, не так уж и нужен, как само явление чуда. Реальность вызывает у таких суеверов страх и отвращение.

Вот два примера из разных — и вовсе не религиозных — сфер. Сколько в мире людей, желающих что-нибудь запретить! Им ведь знамение нужно: запретили — помогло! Запретим коррупцию — люди станут лучше жить! Запретим глупость и грех — люди поумнеют

и станет добродетельнее! Это вера — именно вера — в запрет, в сверхъестественную силу насилия, ограничения, принуждения. Если брать религиозный пример: давайте запретим кощунства, или сатанизм, или «тоталитарные секты». Вера в «табу», в ограду — худшее суеверие. Паразитирует это суеверие на истине Закона. Только выворачивает наизнанку. Вместо «не убий» — «убью, если ты убьёшь». Вместо «не укради» — «накажу, если украдёшь». Более того, суеверие запрещённости пытается не просто запретить, но уничтожить саму возможность зла. Это как если бы в «Отче наш» была фраза «и уничтожь все искушения, тем самым избавив нас от зла».

Второй феномен на первый взгляд противоположен: не запретить, а разрешить, да так разрешить, чтобы мало не казалось — предписать! Ещё лучше — добровольно пусть все на себя примут какое-нибудь обязательство. Таков самый невинный патриотизм. Не ура-патриотизм, не горе-патриотизм, а обычная «гордость за свою страну». Не горе-патриоты всех стран призывают иметь национальные (государственные) флаги, иметь национальный гимн, склонять головы или прижимать руку к сердцу, когда гимн исполняют.

Оба сценария — грех суеверия, рождающийся из нарушения заповеди о недопустимости идолопоклонства. В случае с флагами и гимнами это более прозрачно, хотя те христианские конфессии, которые отказываются «присягать флагу», мотивируют это заповедью «не клянись», против патриотизма ничего против не имеют.

Идолопоклонство — на современном языке это «объективация». Идолопоклонство есть не только и не столько попытка превращения мёртвого в живого, идолопоклонство есть и попытка превращения живого в мёртвое. «Сатанизм» — это ведь живые люди. Почему вдруг они ударились в такое странное занятие как служение чёрных месс — вопрос к историкам. Ударились и ударились. Кошек не мучают? Младенцев не убивают? Не мучают и не убивают (если говорить о нормальных сатанистах). Ну так зачем демонизировать сатанизм? Пока сатанист не совершает уголовных преступлений — пусть живёт.

Демонизация поклоняющегося демонам — это ведь омертвление демонопоклонника. Он якобы уже и не человек, а бесноватый, игрушка сатаны, марионетка ада. Ой да ладно! У ада бывают марионетки и игрушки, бывают и бесноватые, но они точно в сатанисты не записываются. Бывают сумасшедшие, которые объявляют себя сата-

нистами — но они вряд ли нужны и выгодны сатане. Они больны. Сатанизм же осуществляется обычно через приличных людей, умных, а иногда и набожных. Достоевский Великого инквизитора ведь не из пальца высосал.

Превращение живого в предмет, в мёртвого идола с негативным знаком, требование разбить этого идола. Такое «иконоборчество» — в британском смысле слова, то есть «вольномыслие», только вольномыслие деланое, реактивное, игровое — вовсе не есть правдолюбие. Оно — попытка компенсировать какую-то свою слабость. Как человек, склонный к рассматриванию порнографии, как раз часто обличает порнографию и распутство. Свою слабость объясняют силой другого. Вот запретят порнографию — я не буду её смотреть, и другие не будут. Это — не знание, а вера, и вера пустая, то есть, суеверие. Это «закваска Иродова», дрожжи анти-жизни. Надежда на «знамение» силы, на то, что камни превратятся в хлеба, если приказ о превращении будет отдан полномочным лицом и уверенным тоном. Надо только создать такое лицо и выработать такой тон, и люди станут хорошими, потому что цензура или другие виды государственной заботы оградят их от зла и оделят добром.

Это высмеяно Достоевским в «Легенде о Великом Инквизиторе». Великому инквизитору не нужен Иисус на кресте, не нужен всесильный Бог, становящийся бессильным Младенцем, ему нужен некто, кто превращает камни в хлеба, жаждет править миром, кто жаждет такой безопасности, чтобы ангелы не давали ему даже споткнуться.

Желание запрета — это суеверие политическое, это обожествление насилия. Закваска фарисейская — это желание идеала, суеверие религиозное. Пусть идеал из идеального станет реальным! Пусть облик Христа явится в спиле дерева, в форме пятна на стекле! Пусть Бог станет дважды и трижды Богом!

Вся культура патриотизма, патриотизм как явление, сформировавшееся в борьбе с разнообразными видами угнетения — прежде всего, феодальным, патриотизм как объединение людей против дискриминации и неравенства перед законом, — есть культура со своими идеалами, обрядами, своего рода светская религия. Это не кощунство, потому что обряды самой религии есть заимствование у светской жизни, перенос на отношения с Богом того, что рождается в отношениях между людьми. В патриотизме происходит возврат уже обогащённой руды владельцу: не просто семья, а многомиллионная страна

оказывается сообществом бессмертным, структурой, означающей больше простой суммы её элементов. Но это неверно! Любое человеческое сообщество — даже человечество — меньше одного-единственного пьяного агрессивного насильника. Или даже и трезвого. Вот — идолопоклонство, преклонение перед мёртвой абстракцией. Идолопоклонство, которое постоянно продуцирует суеверия — убеждённость в том, что своему народу, своей стране, своему государству свойственно аккумулировать некую энергию, иметь самостоятельное бытие, которое благодетельно и ради которого многим можно пожертвовать. Тут не запрет, тут добровольная жертва — хотя бы в виде исполнения государственного гимна, хотя бы в виде гордости от того, что «совершили наши предки». Чудеса они совершили! Камни стали хлебами, пустыня зацвела, люди расправили плечи, дети лучше родителей и т.п. и т.д. Слава Огогондии! Чудо! Знамение!

Конечно, в Евангелии тоже говорится «просите и дано будет вам» (хотя там и говорится и «раздай», «погуби душу свою»). Но просить не запретов, просить не богатства. Единственный пример, который приводит Иисус — гору передвинуть. Может, Иисус говорил это, глядя на гору с возвышающимся на ней Храмом Иродовым (ведь «Храм Соломонов» был разрушен, а то, что видел Иисус — строилось Иродом). Может, глядя на Голгофу. Все эти горы остались на месте. Единственная гора, которую можно и нужно сдвинуть — человек. Но человек тогда может быть сдвинут, когда убраны горы суеверий — религиозных, культурных, политических, когда убрана суеверность как ориентированность на внешнее, на силу закона, страны, чувства, плаката, организации и т.п.

Суеверие омертвляет всё. Оно омертвляет Библию — и самое страшное суеверие не гадать на Библии, а твёрдо, уверенно вещать от имени Библии. Закваска фарисейская и одновременно Иродова! У каждого солдата в ранце фельдмаршальский жезл, у каждого фарисея под талесом царская мантия. Суеверие омертвляет Самого Бога, превращая Его в коробку для своих страхов и желаний. Суеверие, наконец, убивает суевера. Человек самого себя оценивает не по тому, человечен он или нет, а по тому, соответствует ли он чему-то, что выбрал нормой. Сколько читает, сколько благодворит, скольких врагов разъяснил, сколько разъяснений произнёс.

Зачем изобретать искусственный интеллект — люди успешно превращают свой природный, Богом данный интеллект в совершенно ис-

кусственный, пластиковый. Но было бы суеверием считать суеверие непобедимой силой. Суеверие — это непобедимая слабость. Так и не надо её побеждать, просто не разделять, не поддерживать, и что бы ни просыпалось — знать, что это лишь к примирению с людьми и Богом, к просыпанию в душе неудержимого стремления к истине и готовности расстаться со всем, чтобы прийти к Творцу всего.

ХРИСТИАНСТВО В АНЕКДОТАХ

Грех и смех

Мамай пришел в Москву и отдал ее своим воинам на разграбление.

- Ну, как русские? — спрашивал он, лежа в шатре и попивая кумыс.

- Кричат и плачут, великий хан, — отвечали ему.

- Ага, значит у них припрятано много добра.

Через три дня грабежа Мамай повторил свой вопрос.

- Русские ходят хмурые, — отвечали ему.

- Пускай воины ищут, — разрешил хан. — Где-то еще припрятаны деньги.

Грабеж продолжался еще три дня и три ночи, и Мамай опять спросил:

- Ну, как русские?

- Удивительно: веселятся, рассказывают анекдоты, смеются.

Мамай отбросил чашку с кумысом и ударил в ладоши:

- Собираемся и уходим, больше здесь нечего взять!

Ни смех, ни слезы, никакое другое физиологическое явление не бывают и не могут быть однозначно скверны и злы. Слезы — признак и сострадания (и тогда — «блаженны плачущии»), и зависти (и тогда плачущий вовсе не блажен). Смех — признак и издевательской гордыни (и тогда — «горе вам, смеющиеся ныне»). Но смех может быть и признаком полнейшего освобождения человека от эгоистических забот, зависти и самолюбия. Тогда смеющийся не боится даже евангельского проклятия смеху — и правильно делает. Ибо Господь может осудить того, кто смеется над грехом ближнего, но не может осудить того, кто смеется над собственным грехом.

Что такое катехизис

Муж читает книгу и восторгается:

- Ну это ж надо!... Кто бы мог подумать!!... Просто удивительно!!! ... Никогда и не подозревал!

- Дорогой, что ты читаешь?

- Орфографический словарь, дорогая.

Если катехизис не вызывает таких чувств, то жаль. Потому что вообще-то катехизис — орфографический словарь духа.

От мысли к идее

На пляже новый русский разговорился с соседом, тот оказался психолог.

- Слушай, раз психолог, угадай, что я думаю. За каждую отгадку плачу сто баксов.

- Ну, раз отдыхаешь тут один, значит, думаешь, как хорошо, что жену оставил в Москве...

- Классно, бери сотню!...

- И еще думаешь, как не хочется домой...

- Бери еще сотню!

- И думаешь: убить эту стерву, что ли...

- Бери тысячу!

- Почему? Мысль как мысль...

- Нет, мужик, это уже не мысль. Это — идея.

Так и мысли о Боге отличаются от идеи помолиться.

Блаженны нищие

Пьяный вцепился в фонарный столб. К нему подходит девочка:

- Дяденька, который час?

Пьяница переводит взгляд со столба на девочку и саркастически отвечает:

- Щас, вот я всё брошу и буду рассказывать тебе, который час.

Блаженны те, кому не надо ничего бросать ради проповеди.

Библия — напев о Боге

- А мне не нравится, как поёт Карузо!

- Тебе удалось сходить на концерт Карузо?!

- Нет, но Рабинович сходил и мне напел.

Сколько людей заявляют, что более не веруют в Христа, хотя веровали они всего лишь в антихриста! Сходили в мюзик-холл, а разочаровались в Большом театре... Увлечённо слушали какого-нибудь отмороженного гоправославного, а расплевались с Иоанном Златоустом...

Жена по имени Бог

Сидят две чукчи, ловят рыбу.

- Ты апельсина пробовал? — спрашивает один.

- Да? — отвечает другой.
- Какая она?
- Вкусная.
- Вкусная как тюленина?
- Не-а.
- Вкусная как оленина?
- Не-а.
- А как что?
- А как жена.

Всякое слово о Боге хромает и неверно. Но Бог согласен даже на неверное слово о Себе, лишь бы помочь человеку жить. Бог сравнивает Свои отношения с людьми с браком, называет Церковь — Невестой, а Себя — Женихом. Это далеко от того, каков Бог на самом деле — далеко потому, что женихи и невесты, как бы горячо ни любили друг друга, бесконечно далеки от любви совершенной, преображающей и любящих, и мир. Поэтому Бог, в отличие от анекдотического «чукчи», сравнив Себя с Женихом, тут же сравнивает себя с Судьей, с Царем, с Отцом. Изобилие сравнений напоминает о том, что ни одно из них не верно на сто процентов, и о том, что неверное в сравнениях — беда людей, а не вина Бога.

Голос Божий

Поручик Ржевский проснулся и вышел из палатки на берег реки.

Огляделся: тихий восход освещал нежную зелень весеннего леса, чуть стрекотал кузнечик, утренняя прохлада приятно обвевала лицо...

- «Господи, как хорошо!» — выдохнул поручик Ржевский.

- «...мать! ...мать!! ...мать!!!» — привычно откликнулось эхо.

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, привычно откликаемся словами «согрешил», «недостойн», «молись и постись», вместо того, чтобы прислушаться: а что, собственно, нам говорят.

Какие анекдоты не любит Бог

У одного благочестивого крестьянина сгорел дом. «Бог дал, Бог взял, слава Богу!» — сказал он.

На следующий год у того же крестьянина погиб весь урожай. «Бог дал, Бог взял, слава Богу!» — сказал он.

Через год у крестьянина умер единственный сын. «Господи, ну я же молюсь и пощусь, почему же Ты так со мной поступаешь!» — взмолился крестьянин, и вдруг услышал с неба мощный голос:

- Ну не люблю Я тебя, не люблю!

Высший антропоморфизм: считать, что Бог может кого-то не любить. Библия открывает, что Бог может гневаться, может наказывать, но что Бог может не любить — такого в Библии не написано, ибо этого Бог не может. Человек в этом отношении разностороннее Творца.

Благовестие и зловестие

В 1960-е годы, когда шло соревнование за первенство в достижении Луны, рассказывали анекдот:

- Товарищ Брежнев, две новости: плохая и хорошая. Которую сперва:

- Давайте плохую, коммунисты привыкли встречать опасность лицом к лицу. Потом отдохнём.

- Китайцы высадились на Луне!

- Мда... А хорошая?

- Китай высадились на Луне все!!!

Хорошая новость: Бог милосерден. Плохая новость: Бог милосерден ко всем, включая наших злейших врагов.

Помни о банкирах!

Банкрот выбросился из окна своего шикарного кабинета на верху небоскреба. Пролетая мимо распахнутого окна, спрашивает стоящего там человека:

- Какой этаж?

- Восемнадцатый.

- Ну, еще можно жить...

Размышления о смысле жизни можно отложить на потом, а молитву — до другого раза.

Поисковики

- Дайте мне этого ситчику на ночную сорочку, — просит женщина в магазине. — Метров десять.

- Сударыня, зачем так много? — Продавец лукаво улыбается: — Ваш муж может заблудиться в складках...

- Мой муж ученый, — сухо ответила женщина. — Ему важен не результат, а поиск.

Размышления о смысле жизни можно отложить на потом, а молитву — до другого раза. Агностик, заведомо отвергающий возможность и необходимость через складки пробраться к истине, интересуется не истиной, а ситчиком.

Быть христианином

- Поручик, — кокетливо спрашивает Ржевского барышня, обходя с ним пруд, — а вы никогда не мечтаете быть лебедем?

- Голой ж... в мокрую воду? Ну уж нет-с! Увольте-с!

Быть христианином не означает только бухаться на грязный пол перед развратным попом.

Кивок — не поклон

Полночь. Жена ждет мужа. Звонок в дверь.

- Милый, это ты? — спрашивает на всякий случай жена.

Ответа нет. Жена ложится.

Звонок раздается опять.

- Милый, это ты? — подозрительно спрашивает жена. Не дождавшись ответа, она ложится спать.

Утром жена открывает дверь — на пороге, скорчившись, спит муж.

- Милый, что же ты не откликнулся, когда я тебя звала? — спрашивает жена.

Муж поднимает мутные от пьянства глаза:

- Я... я... я кивал...

Люди, которые считают, что Богу достаточно отвечать многозначительным шевелением чего-то в глубине души, странным образом учреждают в своей жизни двойной стандарт. Грешат и наслаждаются они всем существом, а Богу отвечают лишь фибрами души — в чем-бы фибры ни заключались.

Мелодия веры

Рабинович пожаловался раввину на Абрамовича: тот-де его оклеветал. Раввин рассмотрел дело и обязал Абрамовича при всех, в синагоге, сказать: «Рабинович человек порядочный и честный». Наступила суббота, Абрамович по знаку раввина поднимается с места:

- Рабинович — человек порядочный? и честный?!

- Э! — восклицает ребе. — Вы же не извиняетесь, а наоборот.

- Помилуйте, — отвечает Абрамович, — мы договорились о словах, а не о мелодии.

Иногда мы говорим слова о Христе, Спасителе мира, о Свете и радости Воскресения, но мелодия при этом такая, что люди отшатываются — и не от нас, от Церкви.

Грехопадение Люцифера

Мужика, пришедшего устраиваться на работу, испытывают:

- Что вы можете делать?

- Могу копать.

- А еще?

- Еще... Еще могу копать.

- Ну а еще?

- Копать могу, не понял?

- И ничего больше не можешь?

- Могу не копать.

Так и ангелы могут либо служить Богу, либо воевать с Ним. Вот объяснение того, что верховный ангел, Люцифер, не просто отпал от Бога, но стал рьяным Его противником.

Творение

- Кай, что ты делаешь?

- Складываю слово вечность, Герда!

- Но тут у тебя всего четыре буквы — а, ж, о, п...

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, пытаемся угодить Богу тем, что в нашем распоряжении, вместо того, чтобы воспользоваться тем, что в Его распоряжении?!

Грехопадение человека

В древности верили, что под Голгофой лежала голова Адама...

Удивительно, как люди не понимают, что у Адама не было головы! Была бы голова, он бы не согрешил. А из-за потери головы верх взяла другая часть тела.

Прожить без Бога

Царь Николай спросил у поручика Ржевского, чего он хочет в благодарность за героический вклад в победу над декабристами. Ржевский пожелал жениться на дочери принца Ольденбургского.

Вызвал царь Николай Павлович принца и говорит:

- Отдай дочь за поручика Ржевского!»

— Не хочу, — ответил принц.

Царь подумал и сказал:

- А я его в генералы произвожу!

- Не хочу, — ответил принц.

Подумал Николай Павлович и говорит:

- А я ему жалую двести тысяч душ с землицею.

- Не хочу, — ответил принц.

Задумался Николай Павлович, а тут поручик Ржевский хлопнул его по плечу и сказал:

- Да ладно, Коль, оставь ты это, что я — с такими деньгами да с генеральством без бабы не проживу!

Не так ли мы, дорогие братья и сестры — то есть, извините, только братья — готовы ради власти и денег пожертвовать даже любовью, и не только любовью к Богу.

Что главное в раю

- Солдат, что главное в танке?

- ...

- В танке, солдат, главное — не пукать!

Об актрисе, которая снималась в фильме, где недостаток таланта режиссёра возмещался недостатком одежды у актёров, Фаина Раневская сказала: «Снять в плохом фильме — всё равно, что пукнуть в вечность». Грехопадение и есть такой пук. Кажется, что вечность, поскольку бесконечна, выдержит любую гадость, а она именно потому, что бесконечна, на дух не переносит эгоизма.

Вернись, Он всё простит!

- Мой муж пьёт, бьёт детей и меня, изменяет мне, крадёт деньги у меня из кошелька, не ночует дома, — жалуется женщина полицейскому.

- Что же Вы хотите от меня?

- Верните мне его!

Ни один антисемит не сказал столько гадостей об Израиле, сколько Бог устами Своих пророков. Разница только та, что Бог говорит, строя спасение Израиля. Одними словами ругаются человек, толкающий врага в воду, и спасатель, вытаскивающий из воды покусившегося на самоубийство.

Выше некуда

- Молодые совсем стыд потеряли, — брюзжит старичок. — Я из окна каждый день вижу, как в доме напротив девчонка голая по квартире ходит.

- Иван Иванович, как вы это можете видеть, коли дом напротив от вашего чуть не в километре?

- Я же в бинокль смотрю!

Грехопадение начинается с того, что Ева оказывается у единственной в мире точки, где ей быть не следовало бы, и встречает тут сатану. Если бы Бог огородил запретное место колючей проволокой, она бы и ножницы изобрела. Грехопадение начинается раньше, чем грех, как и всякое падение начинается раньше, чем место, куда падает тело.

Наелись...

Два ковбоя ехали по прерии и увидели на дороге грудку бизоньего навоза. Остановились и стали разглядывать ее.

- Билл, съешь эту кучу за тысячу долларов?

Билл подумался и согласился. Не торопясь все съел. Джон отсчитал тысячу и поехали дальше.

Через пару часов они увидели еще одну грудку бизоньего навоза.

- Джон, а ты за тысячу долларов это сожрал бы?

Джон съел и получил тысячу. Поехали дальше.

Через пару часов Джон остановил лошадь и повернулся к Биллу:

- Послушай, а тебе не кажется, что мы оба наелись дерьма бесплатно?

Интересно, сколько времени понадобилось Адаму с Евой чтобы осознать ту же истину? Весь смысл грехопадения — в его бессмысленности.

Жизнь в мире

Ночью в купе поезда раздаётся грохот.

- Что такое? — вскрикивает пассажир с нижней полки.

- Ничего страшного, у меня брюки на пол упали.
- А что ж так загрохотало?
- Да в брюках был я.

Человек очень много говорит о том, как плох мир, какая скверная у него жена, какое жестокое начальство, какие злые люди мир населяют — забывает человек только сказать, что он сам — в этом мире, существеннейшая часть.

Быть братом брату своему

- Ну почему, — спрашивает брат брата, — мне так не везет в жизни? Я в войну партизанил, а ты полицаем был, я орден получил, ты в лагерь попал. Но меня даже сторожем в контору не берут, а ты уже в министерстве работаешь.

- А потом, — отвечает брат, — что про тебя думают: «А, это у него брат полицаем был», а про меня: «О, у него брат герой войны»...

Авелей надо холить и лелеять, убивать надо каинов. Но, если убить Каина, сам станешь Каином. Бессмыслица не терпит смысла, смысл видит смысл и в том, чтобы терпеть бессмыслицу.

Вернуть лицо

Изобретатель в патентном ведомстве:

- Я изобрел машину для бритья лица.

- Ну и как же она работает?

- Вот, видите, здесь отверстие, туда клиент всовывает голову, а там лезвия, они и бреют.

- Ага. Но, позвольте, ведь все лица имеют свои индивидуальные особенности...

- До первого раза — да!

Человек рождается без индивидуальности. Еще до первого вдоха он уже прошел через грех, сглаживающий индивидуальные особенности, и стать личностью — значит, преодолеть последствия грехопадения.

Бог за рулём!

Таксист мчит пассажира. Рраз — и проехал на красный свет. Пассажир тревожно:

- Вы заметили, что проехали на красный свет?

- Не волнуйтесь, за рулём — мастер!

Через пять минут опять проехал на красный. Пассажир только ойкнул.

- Не волнуйтесь, за рулём — мастер!

На следующем перекрёстке вдруг резко тормозит перед зелёным. Пассажир удивлённо:

- А теперь что?

- А вдруг поперёк едет мастер!

Так и мы, дорогие братья и сёстры, должны быть свободны во всех путях своих, преодолевать запреты, не бояться ничего — но не красть, не убивать, не лгать, даже когда можно это безнаказанно делать (а всегда можно ускользнуть от наказания, мы же понимаем, что «сколько верёвочке ни виться» — агитка МВД, не более), потому что наперерез тоже ведь может двигаться свободный бесстрашный человек или даже Бог!

Жизнь во грехе

Еврея ведут на расстрел.

- Простите, — пристаёт он к палачу, — Вы не подскажете, какой сегодня день недели?

- Ты что, с ума сошел?

- Нет, а все-таки?

- Ну, понедельник.

- Ай, как неудачно неделя начинается!..

Смерть могилой только заканчивается, а начинается — грехом. Грехопадение произошло в понедельник, и смерть у каждого человека не впереди, а позади — мы уже вкусили ее, начав неудачно свою жизнь.

Игры кончились

- Дорогой, — спрашивает жена, — почему ты перестал играть с соседом в карты?

- А ты стала бы играть с человеком, который все время жульничает и к тому же еще и оскорбляет партнера?

- Разумеется, нет!

- Вот он и перестал играть со мной...

Также кончилась райская жизнь и началась жизнь во грехе.

Ну, за ближнего!

Бармен любил посетителя, о котором знал трогательную историю: тот всегда заказывал две стопочки виски, следуя договоренности с другом. Тот уехал в дальнюю страну, но в знак неразрывности дружеских уз друзья и в разлуке выпивали всегда одну стопочку за себя, другую за отсутствующего. Но однажды бармен услышал заказ на одно виски: грустно сидел посетитель над одинокой рюмкой.

- Простите, — не выдержал бармен чужой печали, — уж не умер ли Ваш друг?

- Нет. Это я бросил пить.

Таков первородный грех: мы можем бросить грешить и начать самосовершенствоваться, но «чужой» грех будет стоять перед нами и, если только мы люди, а не скотины, мы будем пить его горечь.

Азбука добра

Учительница просит детей составить предложения со словом «наверняка». Первым тянет руку Вовочка:

- Дед взял газету, наверняка в туалет пойдет.

- Вовочка, да почему же обязательно в туалет, а не почитать!

- Так ведь он неграмотный.

Человек родился — наверняка будет грешить, ведь он греховен. Он не знает азбуки добра. Грехопадение проявляется как необходимость учиться тому, что должно бы происходить само — как дыхание. Слава Богу, что хотя дышать младенцу нет нужды учиться: иначе бы человечество завершилось на Каине.

Любовь к трём ошибкам

В субботу, когда в синагоге читают раздел «Валак» — о моавитском царе, который уговорил пророка Валаама проклять израильтян — один юноша спросил раввина:

— Почему раздел назван по имени царя, который был врагом Израиля, отнюдь не святым?

— А потому что Валак, «влк» — это сокращение от слов «веоһавто лереяхо комойхо» — «люби ближнего как себя».

— Ээ, а как же это? — опешил хосид. — Веоһавто начинается с «вов», а Болок — с «бейс»; ламед, конечно, — ламед и тут и там, но

Болок заканчивается буквой «куф», а первая буква «комойхо» — «коф»?!

— Так в том-то и суть, — ответил раввин. — Чтобы любить ближнего, надо прощать ему ошибки.

А чтобы любить Бога, дорогие братья и сёстры, надо избегать ошибок.

Время грешить

Сватья перечисляет всевозможные достоинства жениха.

- Есть, конечно, и у него недостаток, один-единственный, маленький: заикается.

Обеспокоенная мать невесты:

- Что, всегда?

- Упаси Бог! Только когда говорит.

Человек тоже грешит не всегда. Только, когда не кается. Впрочем, многие грешат даже тем, как каются.

Ногами — по небу

В бар заходит джентльмен, выпивает виски с содовой, закусывает селедкой. Пройдя по стенке и потолку, он выходит на улицу. — Работаю здесь двадцать лет, — говорит бармен, — но никогда не видел, чтобы джентльмен, выпив виски, закусывал селедкой.

Когда мы очень сердимся на чужие грехи, когда мы очень довольны тем, как каемся в собственных грехах, давайте вспоминать, что есть еще и неведомые грехи, которые слишком велики, чтобы мы их увидели: мы легко понимаем, что нельзя закусывать виски селедкой, но с трудом понимаем, что вся наша жизнь есть хождение по потолку.

Иерархия ценностей

- Ребе! — вбегая к раввину в комнату, кричит еврей, — мой сын сошел с ума!

- Что случилось?!

- Я вхожу в его комнату, а у него в постели христианская барышня, а на тарелке — ветчина.

- Тогда успокойтесь! Вот если бы ветчина лежала в постели, а девушка — на тарелке, тогда это было бы сумасшествие.

Самый главный грех — думать, что мы не несем ответственности за свои грехи, и вменять их в вину природе или обществу, прики-

дываясь невменяемыми. То в нашей жизни, в чем виноваты природа и общество — не грех, а безобразие.

Безотцовщина

Встречает Илья Муромец Змея Горыныча: скукожился Змей, плачет.

- Ну чего плачешь, — смягчился богатырь, — иди к папке, он тебя пожалеет.

- Я папку своего... того...- всхлипывает дракон, — сожрал...

- Ну к мамке беги, она тебя приглубит.

- Я мамку того... слопал...

Осерчал Илья Муромец:

- Да кто ж ты после всего этого!

- Си... си... сиротинушка!..

Так и мы, изничтожив все и вся вокруг себя, сокрушаемся лишь о том, что остались в одиночестве.

Айболитинг

- Доктор, — говорит больной, — не поверите, вот куда у себя на теле ни нажму пальцем, всюду болит.

- Голубчик, — говорит доктор, осмотрев больного, — организм у вас на редкость здоров. Только палец сломан.

Наше «я» — тот самый палец, и напрасно мы жалуемся, что вокруг все плохо и все плохие. Сломан палец, а не мир.

Дары волхвов

В зале ожидания аэропорта сели бок о бок две дамы, одна явно богаче и эгоцентричнее другой.

- Когда я родила первого ребёнка, — прощebetала богачка, — муж подарил мне кашемировую шаль.

- Как мило! — сказала вторая дама.

- Когда я родила второго ребёнка, муж подарил мне автомобиль!

- Как мило! — сказала вторая дама.

- Когда я родила третьего ребёнка, муж подарил мне бриллиантовый браслет!!

- Как мило! — сказала вторая дама.

- А у вас, милочка, дети есть? Муж им радовался, дарил вам подарки?

- Сын. Когда он родился, муж записал меня на курсы хорошего тона.

- Только-то? И чему же вас там научили?

- Меня научили говорить «как мило» вместо «пошли к чёрту!».

Бог дарит нам способность говорить греху «как мило».

Искушение

Иллюзионист предлагает директору цирка новый номер.

- Представляете: приятный расслабляющий полумрак, оркестр играет вальс, над ареной на стальном тросе раскручивают бочку, наполненную навозной жижей, администратор поднимает пистолет, прицеливается, стреляет...

- Ну?!

- Ну, администратор в дерьме, зрители в дерьме, оркестр в дерьме, и тут вспыхивает луч прожектора и освещает меня — в белоснежном костюме.

Господь поступил прямо наоборот: принял всю грязь на себя.

Перед крещением

Герр Мюллер купил новые ботинки, но целую неделю даже не вынимал их коробки.

- Почему ты их не надеваешь? — спросила, наконец, жена.

- Завтра можно будет надеть. Продавец предупредил, что первую неделю они будут немного жать.

Люди откладывают крещение, боясь — и справедливо — что в Церкви им будет на первых порах тяжело. Но Церковь — не ботинки: она будет жать постоянно, ведь духовно человек может и должен расти непрерывно. Господь мудро рассудил, что лучше, чтобы христианину было тесно в Духе, нежели чтобы он вовсе не чувствовал Духа и болтался в нем, как нога в шлепанце.

Крещение

Абрам женился на Саре и поселился в доме ее родителей. Не прошло и года, как тесть заметил, что Абрам увивается и вокруг младшей сестры Сары — Ривы. Он решил строго поговорить с зятем:

- Абрам, как ты можешь делать такое?

- Но, папа! Если бы, не дай Бог, не про нас будь сказано, Сарочка бы умерла, вы бы ведь позволили мне жениться на Ривочке?

- Ну, если бы, не дай Бог, не про нас будь сказано, тогда, конечно, разрешил бы — так велит обычай.

- Ну так что, папа, вам жалко, что Сарочка жива?

Когда нам напоминают, что в крещении человек вообще-то умирает, умирает для греха, умирает как грешник, мы морщимся: неужели жалко, что способность грешить в нас осталась?..

Ограничить Бога

Учитель в воскресной школе рассказывает о том, как один святой увидел голодного мальчика, но не имел ни куска хлеба, ни денег, чтобы купить съестного. Он помолился Богу, и вдруг у него выросли женские груди, набухшие молоком, которым он и насытил страждущего.

- А почему Господь Бог не мог просто послать ему денег? — робко спрашивает ученик.

- Ну зачем же Богу рисковать, вдруг святой потратил бы эти деньги на выпивку для себя.

«Не введи нас во искушение», — вот молитва, ограничивающая (хотя мы не всегда это понимаем) всемогущество Божие. Но пусть лучше Бог будет ограничен нашим смирением и готовностью жить без чуда, чем нашей гордыней и жадностью.

Цигель!

Оперный певец и оперная певица на ложе предаются страсти. Звонит телефон. Оперный певец берёт трубку, отлипается от оперной певицы, одевается поспешно, уже на пороге...

- Что случилось? — с ужасом спрашивает оперная певица.

- Через полгода я в «Аиде», — отвечает оперный певец. — Времени на репетиции в обрез!

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры (сестры без «ё») не должны не терять ни минуты, понеже Страшный Суд может начаться уже в этом тысячелетии?!

Скорая помощь

Записка на дверях лифта:

»Лифт вниз не поднимает».

И Бог греху не помогает, хотя многие наши молитвы косвенно рассчитывают на обратное — когда мы просим себе чего-то, что можно получить только за счет другого.

Грех нам только снится

Женщина видит во сне, как она идет по плохо освещенной улице и вдруг видит мужчину. Он становится у нее на дороге. Женщина останавливается. Мужчина стоит. Наконец, она не выдерживает:

- Ну, и что Вы собираетесь делать?

Мужчина удивленно отвечает:

- Мадам, это же Ваш сон, а не мой, Вам и решать.

Сатана, к сожалению, не столь любезен и «забывает» напомнить нам, что искушение — это наш сон и нам решать, что будет дальше.

Теоретическая святость

- Папа, а что такое «теоретически», «практически»?

- Ну, сынок... Доченька, вот скажи, ты бы отдалась за миллион долларов нелюбимому человеку?

- Папа, ну что ты за гадости такие говоришь?

- Нет, вот чисто теоретически, скажем, чтобы спасти нас от голода?

- Ну, если чисто теоретически... Может быть...

- А ты, жена моя, отдалась бы за миллион долларов — чисто теоретически — скажем, чтобы спасти меня от тюрьмы?

- Ой, Вань, какие тебе глупости в голову лезут! Ну, если теоретически... Может быть...

- Вот видишь, сынок: теоретически у нас есть два миллиона долларов, а практически в доме две б...ди.

Теоретически в Церкви миллиард людей: выходят многотысячными тиражами книги, конференции проводятся, сотни тысяч людей рассуждают о Боге, спорят друг с другом, в интернете, в том числе в русском, сотни людей щеголяют богословскими знаниями, мистическими откровениями, пронциательными моральными суждениями. Практически в храме стоят три старушки и священник, причём старушки не знают, с какого бока подойти к компьютеру.

Добро с кулаками

- Можем предложить рябчика с кониной, — радуется посетителя официант в московском ресторане в 1919 году.

- ???

- Половина рябчика на половину лошадиной туши.

Был бы я художник, нарисовал бы добро с кулаками: добродиллипут с кулаками великана.

За честные выборы!

На вечеринке хозяйка угощала гостей пуншем. Подошла она и к мужу, беседовавшему с настоятелем местной церкви, налила пунша мужу и с улыбкой предложила выпить священнику.

- Да я скорее совершу прелюбодеяние, чем позволю устам моим прикоснуться к алкоголю, — возмутился тот.

Услышав это, муж поспешно вылил свой пунш обратно в чашу, сказав:

- Спасибо за разъяснение! Я и не знал, что, можно выбирать.

Делить грехи по степени тяжести (хотя бы на смертные и не смертные) не только неразумно с богословской точки зрения (ведь всякий грех ведет к смерти). Это и практически опасно: вместо того, чтобы испугаться тяжелого греха, душа может махнуть рукой на легкие прегрешения и пуститься во все тяжкие.

Выше свечи!

Английский лорд в первую брачную ночь приказал камердинеру стоять в изголовье кровати с зажженным канделябром. Минут через десять после того, как он приступил к исполнению супружеского долга, лорд спросил у новобрачной:

- Дорогая, тебе хорошо?

- Откровенно говоря, ты мне мешаешь заснуть.

Лорд поднялся с постели, взял у камердинера канделябр, а ему приказал занять свое место. Минут через десять лорд опять спросил у новобрачной:

- Дорогая, а теперь тебе хорошо?

- О да, да!

- Ага! — воскликнул лорд. — Вот видите, как важно правильно держать канделябр!

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, часто полагаем, что в Церкви все зависит лишь от того, кто и как держит свечку...

Корабль спасения

Одна леди была в постели с возлюбленным, когда её муж неожиданно позвонил в дверь. «Господи, — взмолилась леди, — пусть я пострадаю, но мой любимый пусть сейчас спасётся». «Да будет так, — услышала она глас небесный, — но через три года тебя поглотит морская пучина». В сей же миг возлюблённый её превратился в девушку, каковую она и представила мужу как свою родственницу, приехавшую погостить.

Через три леди предложили бесплатную путёвку в Софи. Она подумала, что, пребывая в Сочи, может и не подходить к морю, и поехала. Однако, во время отдыха, ей предложили принять участие в общей поездке на лайнере. Она подумала, что может вести осторожно во время катания, и согласилась, рассудив, что будет надёжно защищена пребыванием среди сотен людей невинных. Когда же лайнер сей был посреди моря, то начал тонуть, хотя был штиль.

- Господи, — взмолилась несчастная. — Я виновата, знаю, но пощади невинных, кои неизбежно погибнут, если утонет корабль.

И вновь был голос небесный:

- Я вас, гулён, пять лет собирал.

Церковь и называют «корабль спасения», ибо она объединяет не праведных, но грешных, не желающих погибать.

Сокращённое христианство

Хрущев умер и попал в рай. Апостол Петр поставил ему на лоб штамп «ТК». Идет Хрущев и видит Маркса — на лбу ТК, Ленина — ТК, Сталин — тоже ТК! Вернулся Хрущев к воротам и спрашивает:

- Товарищ апостол, а что означает «ТК»?

- Маркс — теоретик коммунизма, Ленин — творец коммунизма, Сталин — тиран коммунизма.

- А я? — спросил Хрущев, приосаниваясь.

- А ты — Тупица Кукурузная.

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, должны понимать, что имя «христианин» может применительно к нам означать совсем не то, что применительно к святым...

Самцы

Мальчик и девочка подходят к бабушке.

- Бабушка! Ты можешь иметь детей? — выпалил внук.

- Ну что ты, дорогой, конечно, нет.

- Вот видишь, — торжествуя обратился мальчик к сестре, — я же говорил, что она — самец.

Умудрённые, просвещённые, всё знающие христиане, — все мы, таковые, достигли возраста бесплодной смоковницы.

Как можно?

На похоронах к вдове подходит ее любовник.

- Мои соболезнования. Вечером у меня или у вас?

- В такой день!.. Как можно!..

- Можно медленно и печально.

Многие христиане передвигаются медленно, печально, с потупленными глазами, все в черном.

Разорваться?

Лев собрал зверей и приказал разделить: умные — направо, красивые — налево. Через час все разобрались, только мартышка осталась в центре поляны.

- А ты что, колеблешься? — ласково спросил лев.

- Не могу же я разорваться!

Гордыня приводит к одиночеству, смирение — к уединению.

За здоровый стыд!

- Маша, о чем ты сейчас думаешь?

- О том же, о чем и ты, любимый!

- Как же тебе не стыдно!

К этому и сводится любая агрессия — хоть атеизма против веры, хоть инквизиторов против «еретиков». Каков допрос, таков приговор.

Сало и святость

Один банкир объяснял бедняку, откуда взял богатство:

- Смотри, вот кусочек сала. Это деньги вкладчиков. Возьми!

Бедняк взял кусочек сала.

- А теперь отдай!

Бедняк отдал кусочек сала.

- Видишь, у тебя пальцы стали сальными!

Нищие духом те, кто передаёт другим то, что получил от Бога.

Подвижничество

Сидит муравей на рельсе. К нему подползает второй муравей.

- А ну-ка, подвинься.

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, постоянно думаем, будто нас ущемляют, когда на самом деле мы ущемляем других завистью и неспособностью увидеть, что счастья хватит на всех. А ведь рельсы уже гудят — приближается поезд...

Скорость звука

Команда одной ешивы постоянно проигрывала соревнования студентам Гарварда по гребле. Послали неудачники Хаима в Гарвард. Тот стал студентом, записался в команду гребцов. Через месяц он позвонил друзьям и сообщил:

- Вы не поверите! Уж не знаю, как они до этого додумались и как себя переломили!! У них восемь человек гребут, а орёт лишь один!!!

Дорогие братья и сестры, вы не думайте, что это про различие православных и католиков! Это про то, что во время богослужения не все должны галдеть!

Герменевтика

В автобусе:

- Рыбонька, передай на билет!

- «Рыбонька», значит — щука. Значит, с зубами! значит, собака!! если собака, так сука... — Граждане, он меня проституткой обозвал!

Фантазировать умеет и добродетель, и грех: что фантазирует в нас вид из того, как мы истолковываем происходящее с нами.

Жертва или возврат

Умер богач, оказывается перед апостолом Петром.

- В ад, извините, — говорит апостол Пётр.

- Как в ад?! Я сколько на церковь жертвовал?

- О, не беспокойтесь, деньги мы Вам вернём!

Нищие духом — это те, кто не жертвует деньги, а возвращает деньги первым.

Молитве час

- Ребе, какие же всё-таки мы, евреи, непорядочный народ! У меня вчера была дружеская пирушка, и люди все такие почтенные, образованные, а вечером хватился — нет золотых часов.

- Вы попробуйте собрать их всех снова, только прежде выпивки и закуски предложите почитать Закон, и как дойдёте до заповеди «Не укради» — остановитесь, сделайте паузу, обведите всех взглядом... Вор непременно себя выдаст!

На следующий день.

- Ребе, ребе, какой же Вы мудрец! Вот они, золотые мои!! Всё вышло точно по Вашему: стал я читать Закон и как только прочёл «Не прелюбодействуй» — вспомнил, где забыл часы!!!

А часы-то надо забывать в церкви и вспоминать об этом, читая первую заповедь...

Вон из Церкви!

Врач-онколог:

- Я должен вас огорчить. У вас рак в последней стадии. Оперировать бесполезно.

- Помогите мне!

- А что я могу сделать? Последняя стадия. Все...

- Но я не хочу умирать!

- Я вас прекрасно понимаю, но вы же понимаете — неоперабельно...

- Сделайте же хоть что-нибудь, мне страшно даже подумать о могиле.

- Ну хорошо, хорошо. Я вам выпишу направление на грязевые ванны.

- А это поможет?

- Нет, но к земле привыкнете.

Кто ходит в Церковь лишь потому, что боится смерти, обречен на вечное купание в собственной грязи.

Обмен

Один маркиз, придя домой неожиданно для жены, застал ее в объятиях епископа. После минутного колебания маркиз подошел к окну, распахнул его и стал осенять прохожих крестным знаменiem.

- Что ты делаешь? — закричала жена.

- Монсеньор выполняет мои функции, — ответил маркиз, — а я — его.

Когда христианин видит, как грешат его собраты по Церкви, его пастыри или архипастыри, он должен не только простить их, не только назидательно сказать себе: «Сам так не делай», но и сделать все те добрые дела, которые не успевают сделать те, кто занят грехами.

Берегись!

В одной финской семье родился немой мальчик. Рос он крепким и здоровым, когда подрос — помогал отцу рубить дрова. Мальчику было лет десять, когда однажды он увидел, что трухлявое, но тяжелое дерево ломается и падает прямо на голову отца.

- Папа, берегись! — крикнул мальчик.

Отец отскочил в сторону и удивленно посмотрел на сына.

- Ты что же, умеешь говорить? — спросил он.

- Да.

- А что же раньше молчал?

- Раньше всё было в порядке.

Святой Андрей Критский до семи лет тоже считался немым. А потом написал Великий Покаянный Канон, который читают четыре дня подряд.

Святость

- Товарищ политрук, а крокодилы летают?

- Иванов, не задавай дурацких вопросов!

- А товарищ полковник недавно говорил, что летают...

- Ну... Крокодилы, действительно, летают — но так низенько, низенько...

Чтобы быть поближе к небу, надо быть поближе к людям.

Промазл тов!

- Ребе, у меня бутерброд упал маслом вверх. Это же неправильно?

- Почему?

- Я слышал, что в Талмуде сказано, что бутерброд всегда падает маслом вниз.

- Талмуд не может ошибаться, а вот ты ошибся и намазал бутерброд маслом с неправильной стороны.

Не так ли и Бог, дорогие братья и сёстры, помазывает нас Духом Святым в таинстве миропомазания, но мы падаем, падаем, падаем... Дух всё вверх, вверх, вверх, а мы об землю лицом вниз, вниз, вниз...

Долой курение!

Мужики привязывают сигаретку. Верёвочка дёргается, дёргается, но не поднимается. Голос сверху ещё жалостливее:

- Вы что, и спичку привязали?

Не так ли и мы, братья и сестры, подозреваем, что Создатель требует от нас поднять слишком тяжёлый крест!

Развести курок!

- Ребе, а можно в субботу прыгать с парашютом?

- Прыгать можно, раскрывать нельзя.

Идти на фронт можно — стрелять нельзя.

Отсюда и до воскресенья

Интеллигент идет по пустыне. Встречает бедуина.

- Извините, пожалуйста, вы не подскажете, где здесь туалет?

- А какой сегодня день?

- Понедельник.

- Тогда идите прямо, а в воскресенье свернете направо.

Христианин тоже должен терпеть, хотя часто кажется, что грех наш и ущерб никому не причинит, да и не заметит его никто. В отличие же от притчи, если мы стерпим и не согрешим, тогда и в воскресенье не понадобится куда сворачивать — путь будет прямым.

Пони не будет!

На Рождество один богатый отец положил в комнату старшему сыну дорогой велосипед и портативный, но еще более дорогой компьютер. А второму сыну, оптимисту от рождения, шутки ради привёз тачку лошадиного навоза и вывал прямо на ковёр. На следующее утро отец пошёл посмотреть на детей. Старший сын был недоволен: велосипед оказался не той марки, о которой он мечтал, а у компьютера оказались слишком маленькие клавиши. Младший сын своей крошечной лопаткой ковырялся в навозе, с энтузиазмом разбрасывая его во все стороны. «Папа, папа, — закричал он, увидев отца, — смотри, сколько навоза, тут наверняка где-то есть и пони!»

Не так ли и мы, дорогие братья и сёстры, готовы терпеть сколько угодно неприятностей от царства кесаря, в надежде, что где-то будет от него и польза, но не готовы подождать хотя немного, пока не привыкнем к сокровищам Царства Христова...

Небо в клетку

Заклученный — своему соседу по камере:

- Одного не понимаю: зачем на окнах решетки? Ну кто сюда полезет?

Заповеди — всегда и только для нас. Когда мы думаем, что заповеди — для других, начинаются пересуды, сплетни, осуждение, высокомерие и прочие горделивые благоглупости.

Не покупаться!

Москва, 1970-е. В кабинет к директору продмага врывается приятель: — Исаак Абгамович, Вы с ума сошли? Там висит объявление: «Евреям сметану не продавать!»

- Мойше, успокойся! Ты не видел эту сметану!

»Не красть», «не прелюбодействовать», «не убивать», «не лгать», «не завидовать», из той же категории объявления. Просто мы не видели истинное лицо воровства, прелюбодеяния, убийства и лжи.

Вкуснятина

На дипломатическом приеме русский дипломат торопливо поглощает огромные количества еды и выпивки. Вдруг он замечает спокойно стоящего у стола с закусками испанского дипломата.

- Синьор, а ты чего не ешь?

- Спасибо, я не хочу.

- Так ведь бесплатно!

- Нет, спасибо, я все-таки ем лишь тогда, когда мне хочется.

- Ну, синьор, ты и животное!

Человеку, стремящемуся к Царству Божьему, тоже не следует всегда делать лишь то, что хочется — ведь что нормально для животного, не всегда хорошо для святого.

Выше!

Мужчина, поверх костюма подпоясанный толстой бельевой веревкой, идет по улице. Все оглядываются. Попавшийся навстречу ему милиционер спрашивает:

- В чем дело? Что это вы с веревкой?

- Жена бросила, вот я и вешаюсь.

- Кто вешается, тот вокруг шеи веревку завязывает.

- Пробовал! Задыхаюсь...

Посты и долгие церковные службы у иных людей вызывают такое же ощущение — но, в отличие от веревки, они не удушают человека. Надо потерпеть и помнить, что аскетика, которая не давит — не аскетика.

За изобилие!

- Дея, что, твоя дочка родила?

- С чего ты взяла! Она девушка!!!

- Но я вчера сама видела, как она сидела на бульваре и кормила грудью какого-то ребенка.

- Ну и почему бы не покормить чужого ребенка, если у девушки много молока и золотое сердце?

Почему бы и нам не любить ближнего своего как самого себя — у нас ли мало молока? у нас ли сердце не золотое?

Любовь и людоедство

- Вань, ты помидоры любишь?

- Есть люблю, а вообще нет.

Любить ближнего надо не только тогда, когда мы с ним наедине в лодке посреди безбрежного океана и ближний есть единственное спасение от голодной смерти.

Любовь к ближнему

В купе скорого поезда едут две супружеские пары: совсем юная и постарше. Молодая пара целуется, не переставая, вторая пара внимательно за ними наблюдает.

- Как он ее целует! — вполголоса говорит дама своему мужу. — Почему бы тебе не взять с него пример?

Муж растерянно улыбается:

- Но я-то эту девушку совсем не знаю!

Во-первых, не обязательно «знать» ближнего, чтобы его любить. А во-вторых, дальних любить легче: не так заметны морщины.

Приватизация

Молодая женщина спит и видит сон:

Она идет ночью по темному переулку и вдруг слышит за собой шаги. Оборачивается и видит как за ней идет мужчина. Она ускоряет шаг. Он тоже. Она еще быстрее. И он не отстает. Она бежит! И сзади шаги побежали... Она забегает в тупик. Он ее хватает, разворачивает...

- Что вы будете делать? — кричит она.

- Не знаю, мадам, — вежливо отвечает мужчина, — ведь это ваш сон...

Любить ближнего как самого себя означает помнить, что страшны не ближние, а наши представления о ближних.

Царский туннель

Строители тоннелей из разных стран сравнивают точность, с которой встречаются они при проходке «вслепую», с разных концов горы. «У нас, — говорит англичанин, — отклонение от запроектированной оси тоннеля составляет два метра». «А у нас, — радуется француз, —

всего метр». «А у нас, — говорит русский, — либо тютелька в тютельку, либо два тоннеля».

На духовном пути первое и самое продолжительное искушение: желать святости полной, чистой, совершенства «тютелька в тютельку» — а при первом же падении отчаяваться и опускать руки, так что получается два тоннеля: один уж для святых, а другой, греховненький, для себя. Истина же лежит посередине, святые отцы называют ее «средним путем». На современном языке, это — мостовая, в древности она именовалась еще и путем «царским», ибо предназначалась для царей. Да, отклонения от оси будут, но нужно смириться с этим, а не бить свой отдельный тоннель, который будет точно следовать направлению — но направлению греха.

Не жалеи!

- Чей это окурок? — вопрошает сержант выстроившуюся на плацу роту.

- Ничей, товарищ сержант, докуривайте.

Блаженнее давать, чем брать...

Свобода воли Божией

Если дипломат говорит «да», он имеет в виду «может быть». Если дипломат говорит «может быть», он имеет в виду «нет». Когда дипломат говорит «нет»... Но что же это за дипломат, который говорит «нет»?!

Если девушка говорит «нет», это означает «может быть». Если девушка говорит «может быть», это означает «да». Если девушка говорит «да»... Но что же это за девушка, которая говорит «да»?!

Если атеист говорит Богу «может быть», он агностик. Если атеист говорит Богу «да», он ханжа. Если атеист говорит Богу «нет»... Но что же это за атеист, который говорит с Богом?!

Если Бог говорит «да», Он имеет в виду «давно пора, весь Рай тебя заждался». Если Бог говорит «может быть», Он имеет в виду «может быть, ты соизволишь обратить на Меня внимание хотя бы теперь». Если Бог говорит «нет», Он имеет в виду «Нет, ты можешь забиться хоть в самое очко ада, всё равно Я тебя вытащу, а насчёт свободы воли в Раю поговорим». Не Бог недоговаривает — человек недослышивает.

Ответственность

Мужчина со спущенными штанами никогда не догонит женщину с задранной юбкой.

Нечего списывать предательство на тех, кто заставляет предавать.

Первый ученик

Сидит щуплый ковбой в салуне, перед ним стопка виски. Входит другой ковбой — амбал, качок — садится рядом, берет эту стопку и выпивает. Щуплый ковбой в слезах выбегает из салуна, бросается на мостовую и бьёт кулаками по булыжникам. Встаёт, уходит, поступает на курсы самообороны, заканчивает курсы. Через полгода в том же салуне он высматривает ковбоя-амбала, садится рядом с ним и заказывает себе стопку виски. Когда бармен ставит ему стопку, амбал опять ее берет и опрокидывает себе в пасть. Щуплый ковбой в слезах выбегает из салуна, бросается на мостовую и бьёт кулаками по булыжникам и булыжники в порошок, в порошок...

Не может промахнуться лишь тот, кто подставляет щёку.

В осаде

Зять звонит тестю: «Спасибо, что навестили нас вчера! Очень хорошо посидели-поговорили!! Правда, когда вы ушли, мы обнаружили пропажу наших серебряных ложечек. Два часа искали, наконец нашли. Но осадок остался!»

Бог и ложечки несовместимы.

Асимметрия

Сочи, солнце, переполненный пляж. Вдруг кто-то из отдыхающих поднимает тревогу — человек без сознания. Скорая, врачи... Констатируют смерть. Начинают опрашивать окружающих. Рядом компания преферансистов режется в карты, как ни в чём не бывало. «Вы ничего не заметили?» — спрашивает врач. — «Да нет. Мы играем и играем.

Он в какой-то момент захрипел, застонал: «Ох, тяжело мне!» Ну, а кому сейчас легко??»

Другому всегда тяжелее — ведь на другом ещё и моё присутствие или моё отсутствие.

Обрезание

Международные соревнования по владению мечом.

Выходит японец. Судья выпускает из коробочки шмеля. Вжик — шмель разрублен на две половинки.

Выходит китаец. Судья выпускает шмеля. Вжик, вжик — шмель разрублен на четвертинки.

Выходит еврей. Судья выпускает шмеля. Вжик. Шмель летает.

Судья неудоменно:

- Он живой!

Еврей, тоже недоуменно:

- От обрезания еще никто не умирал!

А то все думают, что с 13 на 14 января — это всего лишь старый новый год.

Всем молчать!

Всех служащих конторы собрали на открытое партийное собрание для обсуждения планов следующей пятилетки. Ведущий собрание обращает внимание на кислое выражение лица у Рабиновича.

- Рабинович! Не хотите выступить, поделиться с товарищами? Или у вас нет мыслей по поводу пятилетнего плана?

- Отчего же, есть.

- Так давайте, давайте!

- Я со своими мыслями категорически не согласен, так что лучше помолчу.

»О блаженство молчания! О молчаливое блаженство!« Пусть искушения говорят — мы будем молчать.

Брат и сестра

- Сестра, — обращается очень пожилой пациент к дежурной, — Вы не взвесите меня?

Механические, времён Брежнева весы стоят рядом с постом медсестры.

- Сами взвешивайтесь. Видите же, я пишу.

- Я вчера пробовал, но у меня не получилось.

- Потому что они не работают, — назидательно сообщает сестра.

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, превращаем в украшение духовной жизни то, что должно работать, а то, что должно быть украшением, превращаем в работу?

Слышать голоса

Ковбой скачет, спасаясь от банды разбойников, дорога выводит его к перекрестку в совершенно незнакомой местности. Вдруг он слышит внутри себя отчетливый голос:

- Выбери правую дорогу.

Ковбой поворачивает направо. Дорога приводит его к заброшенной ферме. Погоня приближается.

- Слезай с лошади, беги на ферму, — властно командует ему внутренний голос.

Ковбой удивляется, но все же слезает и бежит.

- Поднимайся на чердак, — подсказывает внутренний голос.

Ковбой поднимается. Он слышит шаги преследователей за спиной.

- Подойди к окну и прыгай в него! — требует внутренний голос. Ковбой колеблется, но ничего другого ему уже и не остается. Он прыгает.

- Ох и грохнешься же ты сейчас... — задумчиво произносит внутренний голос.

Если человек действительно верует в глубине души, он знает, что в глубине души таится жажда веровать не только в глубине души.

Покаяние с мылом

- Доктор, у меня ноги чернеют!

Дерматолог прищуривается.

- А вы попробуйте помыть с мылом.

- А что, помогает?

Раскаиваться в грехах наедине и каяться со священником — разница как между выковыриванием грязи между пальцев с последующим этой грязи обнюхиванием и мытьем ног с мылом.

Приход утренний и приход вечерний

- Батюшка, а батюшка, — спрашивает священника на улице шестилетняя девочка, — а вы будете утром в церкви исповедовать?

- Да тебе еще рано, дитя мое.

- Хорошо, я вечером приду.

Будьте как дети: не считайте себя невинными созданиями.

Яблоки и церковь

Корова лезет на березу.

- Ты чего? — ошалело спрашивает у нее лиса.

- Хочу яблочек пожевать, — вежливо отвечает корова.

- Да откуда на березе яблоки?

- А я с собой прихватила.

Отправляясь в церковь, следует приготовиться услышать кое-что неожиданное, не ограничиваться лишь привычными, из дому захваченными представлениями и идеями.

Я и Бог

В кабинет к врачу вваливается бегемот. На его голове сидит лягушка и квакает:

- Доктор, посмотрите пожалуйста, у меня сзади что-то прилипло...

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, рассказываем людям о Боге: мол, посмотрите, вот я, а вот со мной тут есть Один...

Повторите

В квартире звонит телефон.

- Алло!

- Это четыреста сорок четыре, сорок четыре, сорок четыре?

- Дааа...

- Скорую вызовите, умоляю, у меня палец застрял в диске телефона.

Поскольку мы коснем в грехе, постольку в Церкви «Господи, помилуй», повторяют до пятидесяти раз подряд.

Половинка

Высунулся червячок из земли, смотрит: небо голубеет, травка зеленеет, солнышко сияет... Хорошо! Вдруг глядь: а совсем рядом еще один червячок.

- Ой, — обрадовался первый червячок. — Ты червячок, и я червячок, — давай дружить.

- Эх ты, — ответил второй червячок. — Я твоя задница.

Семья так же есть готовность считать другого прекрасной или сильной половиной.

Трапеза святых

Рабинович в одиночестве кушает фаршированную рыбу в ресторане. К нему подходит знакомый.

- Исаак Абрамович, рад Вас видеть! Как здоровье супруги?

Исаак Абрамович, не отрываясь от поглощения рыбы:

- Умерла.

Потрясенный знакомый молчит, потом осторожно говорит:

- Мои соболезнования Вам! А как Ваш сын?

- Умер.

...

- Мои глубочайшие соболезнования! А... а... как дочь?

- Умерла. Когда я ем фиш, для меня все умерли.

Не так ли и мы, дорогие братья сестры — когда мы причащаемся, для нас все воскресли!

Кулинары

- Перед едой молишься? — спрашивает священника мальчика.

- Нет, мама готовит хорошо.

Эталонная молитва — молитва мамы, которая знает цену своей готовке. Потребители не молятся, молятся производители.

Привет!

Летчик испытывал новый истребитель на высоту полета. Машина поднималась на удивление гладко, и он еле успевал считывать показания высотомера:

- Сто километров... Сто пятьдесят километров... Двести километров... Триста километров... Четыреста километров... Пятьсот километров... О Господи!

- Вот Я, — раздался у него над ухом негромкий голос.

Все наши успехи в духовной жизни — не для восхищения собой или чудесами небес. Апостол Павел, может быть, неточно подсчитал, на какое именно небо был он поднят духом. Призывание имени Божьего — и начало, и вершина жизни в Духе.

Спокойной ночи!

- Один мальчик, который всегда молился на ночь, — рассказывает священник ребятам в воскресной школе, — во время экскурсии по-

ездки должен был ночевать в одной комнате с шестью одноклассниками. Те преспокойно забрались в свои кровати, а он всё-таки сперва встал на колени и помолился. Разве можно себе представить большее мужество и готовность вести себя в соответствии со своими убеждениями?!

- Конечно, можно, — раздается голос с задней парты. — Например, ложатся спать семеро священников, и шестеро встают на колени помолиться, а один...

Мужество в религии, как и в жизни, есть не только готовность постоять за свои убеждения, не только готовность вести себя в соответствии с ними, не только противостояние человеческому конформизму, но и решимость не лукавить с Богом, не лгать Богу и себе.

Время молитвы

Джентльмен с удивлением видит идущего по Пикадилли джентльмена: тот размахивает руками во все стороны, причудливо шевеля пальцами.

- Мне кажется, движения Ваших рук имеют какой-то особый смысл, — спрашивает, поздоровавшись, первый джентльмен.

- Я отпугиваю крокодилов, — любезно отвечает второй джентльмен.

- Но здесь нет крокодилов!

- Поэтому и нет!!!

Для молитвы надо использовать каждую минуту, когда нет крокодилов.

Без перерыва на обед

В расположении полка взорвался склад боеприпасов. Несколько дней тушили пожар, и, наконец, победили огонь. Сержант, оглядывая обессиленных солдат, спрашивает:

- О чем думаем, орлы?

- Я — о бабах! — отвечает Иванов.

- Да почему ж?

- А я о них всегда думаю.

Просьба апостола Павла непрестанно молиться тоже вполне выполняема...

Можно!

Встречает лиса медведя.

- О, как удачно! Мишенька, я тебя записываю: придешь к льву на обед, он тебя съест.

- О, горе мне! — сказал медведь и пошел к будущей вдове своей. Пошла лиса дальше, встретила волка.

- Волк, я тебя записываю: с утра приходи к льву, он тобой позавтракает.

- О, горе мне! — сказал волк и пошел к будущей вдове своей. Пошла лиса дальше, встретила зайца.

- Заяц, я тебя записываю: приходи к льву вечером, он тобой поужинает.

- Ой-ей-ей! — пискнул заяц. — А можно не приходиться?

- Конечно, пожалуйста, вот — я тебя вычеркиваю...

Так и Бог откликается на наши просьбы — только надо быть достаточно смелым, чтобы попросить.

Цена святости

На пароходе паника: в воду упал ребенок. Все мечутся по палубе, мать рыдает. Вдруг в воду бросается человек в очках, с зонтом, в пальто и шляпе, и спасает ребенка.

- Боже мой, вы герой! — восклицает она.

- Герой-то я герой, но какая сволочь спихнула меня в воду?

Нечего гордиться своими добрыми поступками: мы их совершаем, потому что Кто-то посторонний толкает нас на это.

Еда и заедание

Когда в России правили коммунисты, родился анекдот о том, как их свергнут. Тогда человек зайдёт в кафе, и к нему сразу подойдет официант и вежливо (ведь коммунизм кончился) спросит:

- Что Вам угодно?

- Чашечку кофе и газеты «Правда», будьте любезны.

Официант принесёт чашечку кофе и скажет:

- Извините, но газета «Правда» больше не выходит. Ещё что-нибудь Вам угодно?

- Да. Принесите, пожалуйста, газету «Правда».

- Газета «Правда» больше не выходит. Могу я ещё что-нибудь сделать для вас?

- Да. Принесите, пожалуйста, газету «Правда».

И тут официант не выдержит (всё-таки коммунизм кончился только что) и вскричит совершенно по-совковому:

- Я же уже сказал, что «Правда» больше не выходит!

- А вы повторяйте, повторяйте!.. — будет ему мечтательный ответ.

«Непрестанно молитесь», — просил апостол Павел (1 Фес. 5, 17), непрестанно просите Бога о милости. Не потому, что Бог иначе не окажет милости — но ведь как приятно повторять, повторять и повторять: «Господи Иисусе, помилуй меня!»

В защиту водки

Собралась большая еврейская компания. Один еврей спрашивает раввина:

- Ребе, почему нас не любят?

- Это сложный вопрос, — ответил раввин. — Чтобы его решить, надо основательно посидеть, закусить, выпить... Давайте соберёмся ещё разок завтра вечером, пусть каждый принесет по бутылке водки, нальём её в один котёл и будем пировать и беседовать.

На следующий вечер евреи собрались опять, каждый налил в котёл из бутылки, которую принёс, затем каждый зачерпнул и каждый выпил. На лицах отразилось недоумение: в котле была вода без малейшего привкуса водки.

- Вот видите, — сказал раввин, — за это нас и не любят.

Не так ли, дорогие братья и сестры, и мы, младшие собратья иудеев, сперва добавляем в церковный котёл воду дисциплины, воду коллективности, воду конформизма, а потом удивляемся, почему люди пробуют из нашего котла вина и плюются...

Перевертыши

Подарил чукча жене вазу, а преподнес-то вверх донышком. Она взяла и говорит: «Да она бракованная, цветы ж ставить некуда». Чукча вазу отобрал, перевернул и ахнул: «Да у нее и донышка нет!»

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, ищем святости в людях и человеческого — в Боге!

Театр одних актёров

Семья американцев возвращается из церкви. Все недовольны: отцу не понравилась проповедь, матери — хор, дочери жалуются, что церковные скамьи жесткие и неудобные.

- Интересно, а чего вы хотели за доллар? — спрашивает младший сын.

Пока миряне чувствуют себя в церкви зрителями и платят как за зрелище, они всегда будут чувствовать себя обманутыми. А правда

закljučается в том, что к церкви можно относиться как к театру, но в таком случае — играть в ней должны все.

Единство Церкви

Русский бродит по квартире американца: «Столовая... спальня... детская... кабинет... еще спальня... Ну что же, у меня все точно так же, только без перегородок».

Церковь начинается там, где заканчиваются перегородки.

Об искусстве проповеди

Надоела зверям ворона: слова не может сказать без мата. Собра-лось общее собрание леса и пригрозили вороне: если ещё хоть раз матерное слово скажет, повыдергаем все перья.

В лесу наступила тишина. Через неделю лев забеспокоился: что это с вороной. Разыскал её: сидит на ветке и ничего вокруг не замечает. Лев рыкнул, ворона очнулась и поздоровалась.

- Что это ты сидишь? — спрашивает лев.

- Да уж сижу, — протянула ворона, — и думаю: а на фига, собственно, мне все эти перья?

Самое трудное в религии — отличить перья от крыльев.

Какого размера должна быть Церковь

Человек заходит в банк, покупает на рубли сто долларов. Ему дают стодолларовую бумажку. «А помельче нельзя?» — просит он? — «Конечно!» — с энтузиазмом отвечает кассир, берёт ножницы и режет эту стодолларовую бумажку на мелкие кусочки.

Церковь, соединённая с государством, бюрократическая, бездушная, — это, конечно, нечеловеческая церковь. Словно прославленная Марк Твеном «банкнота в миллион фунтов стерлингов». Но заменять такую церковность индивидуалистической религиозностью, в одиночку веровать, молиться, размышлять о Боге, — всё равно, что резать банкноту на кусочки, когда можно её заменить жизнью в свободных, небольших, свободных общинах единоверцев. Вера в одиночку так же высыхает, как вода, налитая в чашку.

Какой длины должна быть проповедь

Авраама Линкольна однажды спросили (издевательски), какой длины должны быть ноги. «Такой, чтобы доставать до земли», — ответил он.

Проповедь должна быть такой длины, чтобы доставать до неба. Христианская проповедь должна быть такой длины, чтобы напоминать: небо приблизилось к земле, небо врезалось в землю, небо совсем рядом.

Церковь и государство

Муха залетела слону в хобот и вылетела из-под хвоста.

Слон зажмурился и сказал:

- Кайф...

Муха опять залетела слону в хобот и вылетела из-под хвоста.

Слон зажмурился и сказал:

- Кайф...

Муха опять залетела слону в хобот, и тут слон приставил хобот к себе под хвост, зажмурился и сказал:

- Вечный кайф!...

Такой же вечный кайф испытывает государство, сделав религию одним из своих министерств. Так, дорогие мухи, не надо заигрывать с хоботом и думать, что мы успеем увернуться.

Роль мирян в Церкви

Полночь. Жена ждет мужа домой. Звонок в дверь.

Жена открывает. На пороге пьяный муж.

- Где тебя носило?! — кричит жена.

- Мммманнь, — мычит муж, — ты ж у меня умница.. придумай сама что-нибудь...

Не так ли, дорогие братья и сестры, и вам подходит сам придумать что-нибудь, а обращать все вопросы к духовенству...

Когда будет конец света

Один из самых древних анекдотов, рассказывает о моряке, идущем по дороге из Афин с веслом на плече (а вёсло тогдашнее не чета нынешним лёгоньким, это массивный брус). Навстречу ему знакомый. «Куда это ты из Афин?» — «Да вот, пора на покой, накопил денег, иду купить себе домик в деревне». — «А весло на память тащишь?» — «Нет, я куплю домик в той деревне, где при виде весла меня спросят, зачем нужна такая большая лопата».

Вот и ответ, дорогие братья и сестры, почему Господь Иисус ещё не приходит судить мир. Он пока идёт по миру с Крестом и ждёт, когда Его спросят, что это за дыра. Пока все люди понима-

ют без объяснений, что Крест — это орудие убийства. А значит, мир по-прежнему стоит на насилии и лжи и к Суду не готов.

Свой ли мой?

Своеобразие русского языка один лингвист показывал на примере анекдотической фразы:

«Лежу я со своим и тут входит мой».

Вот оно — Страшный суд. Кто демонстрирует силам зла: «Я — свой», тот не «свой», а именно «их». А ведь Мой — войдёт!... Будет большой конфуз. То есть, альтернативное торжество.

Что Он себе позволяет?

Лондон, особняк лорда Честерфилда, раннее утро. В спальню лорда врывается дворецкий и вопит:

- Наводнение!

Лорд возмущенно:

- Что Вы себе позволяете, Джордж?

Дворецкий, опомнившись:

- Простите, сэр!

Выходит из комнаты. Через полминуты в дверь спальни стучат.

Лорд:

- Войдите!

Входит дворецкий и широко распахивает двери:

- Темза, сэр!

Не так ли и мы, дорогие братья и сестры, удивляемся, почему Христос не приходит, хотя сами приказали Ему выйти.

Лучше прежнего!

Крестьянка, у которой сгорел сарай с сеном, робко спрашивает страхового агента:

- А когда мы получим деньги?

- Вы знаете, сударыня, — отвечает агент, заполняя бумаги, — в таких случаях кампания предпочитает просто восстановить погибшую собственность. Через неделю на месте пепелище будет красоваться сарай не хуже прежнего, так же набитый сеном.

Крестьянка замолчала. Через пять минут она заговорила решительнее:

- Вы знаете, я хотела сказать насчет страховки на мужа... Пожалуйста, мы её ликвидируем.

Так и с воскресением мертвых: очень многие предпочли бы не видеть своих близких воскресшими, а получить наличными в свой карман. К этому сводятся многие религиозные заблуждения и философии. Но Бог, к счастью, не сводим к страховой кампании.

Лекарство от Бога

В аптеке мужчина лихорадочно шарит глазами по прилавку и, наконец, спрашивает продавщицу:

- Скажите пожалуйста, у вас есть таблетки от жадности?
- Да. — Дайте, пожалуйста.
- Но сколько?
- Все, все, все-все-все!!!

Так и нам следует всеми силами души, всем желанием, сердцем, которыми до Христа мы жаждали преходящих ценностей, жаждать Бога.

Религиоведение

Чапаев возвращается после учёбы в академии. — Василий Иванович, а чему там учат? — спрашивает Петька.

- Психологии, логике, диалектике...
- Сложно, небось?

- Плёвое дело! Ну смотри... Вот например: идут по улице два татарина. Один чистый, другой грязный. Который из них пойдёт в баню?

- Ну, грязный.

- Нет, Петька, в баню пойдёт чистый татарин — он ведь привык мыться, а грязный потому и грязный, что отродясь в баню не заходил. Это называется пси-хо-ло-ги-я. Теперь другой пример: идут по улице два татарина. Один чистый, другой грязный. Который из них пойдёт в баню?

- Ха! Чистый!!

- Дурак ты, Петька! В баню пойдёт грязный, потому ему нужно вымыться, а чистому туда идти не нужно. Это называется ло-ги-ка. Давай третий пример: идут по улице два татарина. Один чистый, другой грязный. Который из них пойдёт в баню?

- Ну... Не знаю...

- О! Это называется диалектика.

Религиоведение: в баню не пойдёт ни один татарин, потому что оба идут в мечеть.

Православное религиоведение: в баню не пойдёт ни один татарин, потому что чистый татарин ведёт грязного креститься. По церковнославянские крещение и называется «баня пакибытия».

Ультра-православное религиоведение: это православные татары, оба идут из бани, только один успел вымыться, но тут пришёл мыться еврей, а православным с иудеем мыться в одной бане запрещено каноном Трулльского собора.

Сектофобное православное религиоведение: они не в баню идут, это иеговисты, чистый охмуряет интеллигентов, а грязный — простых людей.

Либерально-православное религиоведение: оба татарина христиане. Который чистый — протестант, грязный — православный, и в баню идут оба, потому что перегородки, разделяющие конфессии, отсутствуют в бане.

Исламское религиоведение: задача поставлена неправильно, мусульмане грязными не ходят.

Повестка дня

Еврей получил повестку в армию. «Что ж, — думает он, — из каждой ситуации есть два выхода. Меня могут освободить от службы, могут признать годным. Освободят — хорошо! Если признают годным, есть два выхода: пошлют на фронт или не пошлют. Не пошлют — хорошо! Если пошлют, есть два выхода: убьют или не убьют. Не убьют — хорошо! Если убьют, есть два выхода: попаду в рай или в ад. Если в рай — хорошо!!! Если в ад, есть два выхода: попаду на сковородку или не попаду. Не попаду — хорошо. Если попаду, есть два выхода: съедят или не съедят. Не съедят — хорошо! Если съедят... Ну, тут уже только один выход.

Милосердие Божие безгранично, но если мы честные люди, мы должны полагать ему границу и признавать себя достойными ада; иначе вся история человечества теряет смысл и превращается в карточную игру, после которой игроки остаются в таких же отношениях друг с другом, в каких были до раздачи карт.

Духовная география

Брежнев решил сшить себе костюм в одесском ателье и принес туда пять метров сукна. Через день он явился за заказом.

- Материала хватило, товарищи?

- Конечно, — отвечает ему приемщик. — Вот ваш костюмчик, мы к нему еще и жилетку сшили.

- На жилетку хватило? Удивительно, товарищи, я ведь фигура крупная.

- Это вы в Москве крупная фигура, а здесь вы дерьмо. Абрам! Выдай ему и кепочку!

В Царстве Небесном праведники получают драгоценные венцы. Но не гордятся этим и честно, не лукавя, говорят: «Это там у меня будет венец с бриллиантами, а здесь я дерьмо и, не шутя, последний грешник».

Адские игры

Карточный шулер умер и предстал перед Богом.

- Шулера обычно идут в ад, — говорит Господь.

- А если мне хочется в рай? — интересуется шулер.

- В раю нет места шулерству.

- А давай в очко: если выиграю я — Ты пускаешь меня в рай, выиграешь Ты — я, так и быть, буду играть в аду.

- Ладно, — соглашается Бог. — Но сдаю Я.

- Только попрошу без чудес! — пугается Гольдберг.

Во-первых, чтобы попасть в рай, достаточно перестать быть шулером. Во-вторых, ад есть вечная игра шулеров между собой. В-третьих, в ад попадают именно те, кто просят Бога не творить чудес: ведь Бог не может не выиграть, но Он творит чудо — и тогда проигрывает, открывая рай для самых неожиданных людей вопреки всем правилам игр, но зато в соответствии с Божественной природой — любовью.

Мечты

- Если бы я был царь, — мечтал портной Рабинович, — я бы был богаче царя, потому что я бы царствовал и еще бы немножечко шил...

Все человеческие представления о вечной жизни сводятся к тому, что мы будем как Бог, только мы ещё будем немножечко шить — или писать — или заниматься благотворительностью. В общем, будем делать все самое хорошее, чем занимались на Земле. Но пока нам недостаточно быть просто как Бог, мы и шить будем скверно.

Их нравы

Апостол Петр спрашивает у ворот рая нового русского:

- Это у вас было десять вилл, шесть кадиллаков, два острова, три самолета?

- Да, но я всё это купил на честно заработанные деньги!

- Не волнуйтесь, я просто боюсь, что вам у нас не понравится.

Ад и есть место для тех, кому не нравится рай.

С непривычки

У одного еврея было три дочери, одна другой краше. Выдал он старшую, Лию, а через полгода она умерла. После похорон зять обратился к тестю, прося руки второй дочери, Софьи. Тот согласился. Через полгода, однако, и вторая дочь скончалась. Зять опять на пороге, просит руки третьей дочки, Розочки. Посомневался еврей, но согласился. Через полгода зять опять на пороге:

- Вы будете смеяться, но Розочка тоже умерла!

Вы будете смеяться, дорогие братья и сестры, но и Гитлер войдет в рай, и Сталин войдет в рай, и Путин войдет в рай! Сперва, конечно, им там будет непривычно, решат, что они в аду... А кому в раю привычно?!

Ад

- Исаак Абрамович, признайтесь чистосердечно, Вам легче будет!

- Гражданин следователь, но если я не признаюсь, мне вообще ничего не будет!

Покаемся, дорогие братья и сёстры, ибо аще не покаемся, то нам будет ничего! Беспросветное, всеобъемлющее, изматывающее ничего!!!

Весёлая компания

Звонок в магазин «Ткани»:

- Алло, у вас есть ситчик какой-нибудь такой весёленькой расцветки?

Мрачный продавец:

- Приезжайте, обхохочетесь...

Дорогие братья и сёстры, когда вам цитируют анекдот, что в раю погода получше, в аду компания веселее, смело отвечайте этим анекдотом.

Пастырское

И волки сыты, и овцы целы.

Пастух воскрес!

См. другие книги и эссе Якова Кротова: yakov.works